

СУММА АНТИСЦИЕНТИЗМА

Оглавление

Предисловие.....	11
Пять групп определений науки и соответствие научных дисциплин этим определениям	22
ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ	22
КОМПЛЕКСЫ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН И НАУКИ РАЗНЫХ ЭПОХ И КУЛЬТУР	24
Комплексы современных научных дисциплин:	24
Европейская наука по эпохам:	27
Наука в других культурах:	28
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ГРУППА ОПРЕДЕЛЕНИЙ.....	29
ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРУППА ОПРЕДЕЛЕНИЙ	37
СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА ОПРЕДЕЛЕНИЙ	39
ПРЕДМЕТНАЯ ГРУППА ОПРЕДЕЛЕНИЙ	41
НАУКА КАК ЗНАНИЕ	43
ПОПЫТКИ СОВМЕСТИТЬ РАЗНЫЕ ГРУППЫ ОПРЕДЕЛЕНИЙ	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	51
Таблица сциентизма.....	54
Гегемония науки и плюрализм – homo scientificus.....	59
Параграф 1: Сакрализация науки.....	59
Параграф 2: Доступность и проверяемость научных данных и теорией.....	64
Параграф 3: В защиту науцпопа.....	69
Параграф 4: Презрение сциентистов к философии науки.....	74
Параграф 5: Научная экспансия	75
Параграф 6: Научный миф.....	80
Параграф 7: Эпоха тотальной наивности.....	84
Параграф 8: Эффективность науки	92
Параграф 9: Научная монополия на познание	98
Параграф 10: Наука победила другие направления в честной эволюционной борьбе?.....	105
Параграф 11: Вред, который наносит наука философии.....	111

Параграф 12: Наука против религии.....	115
Параграф 13: Объективность.....	121
Параграф 14: Наука и скептицизм.....	126
Параграф 15: Наука и практика.....	130
Параграф 16: Критическое мышление.....	137
Параграф 17: Когнитивный надзор и логические ошибки	143
Параграф 18: Предвзгляд здравого смысла	152
Группа аргументов I: Онтологическая	157
Прояснение.....	157
Аргумент I: Значительная часть объектов, постулируемых наукой, не существует.....	159
Аргумент II: Сил и законов не существует.....	162
Аргумент III: Естественного отбора не существует.....	164
Аргумент IV: Если естественного отбора не существует, то и теория эволюции не является истинной.....	166
Аргумент V: Существуют такие сложные естественные силы, которые не дают нам познать мир	168
Аргумент VII: Окружающего мира не существует за пределами феноменов	172
Аргумент VIII: Наивный реализм, существует только то, что мы воспринимаем непосредственно	174
Аргумент IX: Номинализм.....	175
Аргумент X: Научные теории принципиально не могут быть истинными, потому что опираются на несуществующие в реальности абстракции	178
Аргумент XI: Исследователя, как мы себе его представляем, не существует.....	181
Аргумент XII: Существуют такие объекты, которые наука не может обнаружить	184
Аргумент XIII: Существование инопланетян.....	186
Аргумент XIV: Натуралистический аргумент.....	189
Аргумент XV: Аргумент от третьей, четвертой, пятой и так далее субстанций.....	192
Аргумент XVI: Фалес – аргумент воды.....	195
Аргумент XVII: Анаксимандр – аргумент апейрона	196
Аргумент XX: Эмпедокл – аргумент четырех стихий	198

Аргумент XXI: Парменид – аргумент к неподвижному бытию	201
Аргумент XXII: Горгий – аргумент к небытию.....	204
Аргумент XXIII: Всё течёт, всё меняется.....	205
Аргумент XXIV: Поддержка онтологических аргументов	210
Аргумент XXV: Поддержка онтологических аргументов №2.....	211
Аргумент XXVI: Несуществование пространства	213
Аргумент XXVII: Несуществование времени	214
Аргумент XXVIII: К недостоверности существования микромира: критика клеток, бактерий, генов, молекул, атомов и прочих элементов.....	216
Аргумент XXIX: Аргумент от темной материи и энергии.....	220
Аргумент XXX: Аргумент от скептической онтологии	221
Группа аргументов II: Метафизическая	225
Прояснение.....	225
Аргумент I: Симуляция.....	227
Аргумент II: Солипсизм	231
Аргумент III: Беркли	233
Аргумент IV: Христианство	235
Аргумент V: Ислам.....	239
Аргумент VI: Буддизм — Вайбхашика.....	243
Аргумент VII: Буддизм — Мадхьямика	246
Аргумент VIII: Буддизм – Йогачара	248
Аргумент IX: Духи и языческие боги	251
Аргумент X: Метафизический аргумент.....	252
Аргумент XI: Злокозненный демон/гений Декарта	256
Аргумент XII: Диалектика Гегеля	262
Аргумент XIII: Диамат Маркса	264
Аргумент XIV: Даосизм.....	265
Аргумент XV: Магия, мистика, эзотерика	267
Аргумент XVI: Гилозоизм.....	270
Аргумент XVII: Пантеизм.....	271
Аргумент XVIII: Волюнтаризм.....	272
Группа аргументов III: Методологическая	274
Прояснение.....	274
Аргумент I: Научный метод является лучшим из возможных	277

Аргумент II: Научный метод является лучшим из существующих	279
Аргумент III: Критика теории	282
Аргумент IV: Научные теории истинны.....	285
Аргумент V: Индукция	287
Аргумент VI: Сомнительный эксперимент.....	289
Аргумент VII: Математика.....	292
Аргумент VIII: Фальсификация.....	295
Аргумент IX: Фальсификация 2.....	297
Аргумент X: К широте научного метода.....	298
Аргумент XI: К определению эффективности метода познания.....	300
Аргумент XII: Эмпирический опыт как критерий истины	302
Аргумент XIII: О совокупности сомнительных методов.....	304
Аргумент XIV: Верификация.....	306
Аргумент XV: Научная методология и практика	306
Аргумент XVI: Неоспоримость факта	310
Аргумент XVII: О границах знания.....	312
Аргумент XVIII: Против альтернативных определений знания	314
Аргумент XIX: Предсказание как критерий истины	317
Аргумент XX: Практика как критерий истины.....	319
Аргумент XXI: Непротиворечивость как критерий истины	319
Аргумент XXII: Ответ на аргумент к отсутствие альтернативных методов.....	321
Аргумент XXIII: Ответ на аргумент о том, что у науки лучшие методы.....	321
Группа аргументов IV: Логическая.....	324
Прояснение.....	324
Аргумент I: Против дедукции	328
Аргумент II: Против индукции.....	329
Аргумент III: Против методов смещения индукции и дедукции	331
Аргумент IV: Против логики вообще.....	334
Аргумент V: Логика о высказывания, а не об истине.....	335
Аргумент VI: Формальные системы против реальности	337
Аргумент VII: Язык и представление.....	340
Аргумент VIII: Универсализм логики и реальность	343
Аргумент IX: Зачем нужна логика?	345

Группа аргументов V: Антропологическая.....	347
Прояснение.....	347
Аргумент I: Человек не имеет базовой способности познания.....	349
Аргумент II: Ни одна из способностей человека не гарантирует познания.....	353
Аргумент III: Ограниченность органов чувств.....	356
Аргумент IV: Ограниченность мыслительной деятельности.....	359
Аргумент V: Качество мыслительной деятельности.....	361
Аргумент VI: Человек и его психологические особенности.....	363
Аргумент VII: Человек и его духовная жизнь.....	366
Аргумент VIII: Духовный опыт человека против натурализма.....	368
Аргумент IX: Субъективность человека против объективного познания.....	370
Группа аргументов VI: Психологическая.....	374
Прояснение.....	374
Аргумент I: Аргумент к когнитивным искажениям.....	377
Аргумент II: Излишнее беспокойство за успех науки.....	384
Аргумент III: Переоценка значимости частных случаев в науке.....	387
Аргумент IV: Переоценка возможностей науки и учёных.....	390
Аргумент V: Переоценка значимости мнения собственной группы, то есть группы учёных и сциентистов.....	394
Аргумент VI: Эффект авторитета.....	398
Аргумент VII: Профессиональная деформация.....	401
Аргумент VIII: Потребность в завершении.....	401
Аргумент IX: Отклонение в сторону статуса кво.....	402
Аргумент X: Эффект повального увлечения, конформизм.....	403
ВЫВОД ПО РАЗДЕЛУ.....	404
Группа аргументов VII: Этическая.....	407
Прояснение.....	407
Аргумент I: Аморальность науки.....	408
Аргумент II: Научная гордыня испытания природы.....	408
Аргумент III: Опасность техники, которая, как заявляют учёные, есть их изобретение.....	410
Аргумент IV: Наука и оружие.....	413
Аргумент V: Научная картина мира и экзистенциальный кризис.....	416

Аргумент VI: Научная картина мира и ужас.....	419
Аргумент VII: Жадность науки и учёных.....	420
Аргумент VIII: Жертвоприношение животных	421
Аргумент IX: Презрение к ненатуралистическим дискурсам	422
Аргумент X: Стремление к доминации среди прочих направлений мысли и религий.....	422
Аргумент XI: Безоговорочная вера в науку и стремление к непониманию.....	423
Аргумент XII: Преследование инакомыслящих	424
Аргумент XIII: Промывка мозгов детям и подросткам.....	425
Аргумент XIV: Использование достижений практиков для поддержания собственного авторитета	426
Аргумент I: Коллективное мышление	430
Аргумент II: Стихийность коллективного	432
Аргумент III: Научная традиция.....	433
Аргумент IV: Научные ритуалы (действия)	438
Аргумент V: Социальный конструктивизм	440
Аргумент VI: Конвенционализм Пуанкаре	442
Аргумент VII: Отсутствие коллективной ответственности за общие ошибки	443
Аргумент VIII: Коллективные компромиссы.....	444
Аргумент IX: Случайные мнение в рамках коллектива	445
Группа аргументов IX: Политическая	447
Прояснение.....	447
Аргумент I: Власть и знание (Фуко).....	448
Аргумент II: Политика сформировала научную монополию	453
Аргумент III: Наука и школьное образование.....	461
Аргумент IV: Наука и университетское образование.....	467
Аргумент V: Наука и работа.....	471
Аргумент VI: Научная идеология	473
Аргумент VII: Политики сциентисты	475
Группа аргументов X: Эстетическая	477
Прояснение.....	477
Аргумент I: Бритва Оккама	478
Аргумент II: Эстетика натурализма	481

Аргумент III: Эстетика антиметафизики	483
Аргумент IV: Эстетика разоблачения мифов	484
Аргумент V: Эстетика просвещения.....	487
Аргумент VI: Эстетика скептицизма и свободомыслия	488
Аргумент VII: Эстетика эксперимента	491
Аргумент VIII: Эстетика рационализма и логики	493
Аргумент IX: Эстетика математики и всеобщей исчислимости	494
Аргумент X: Эстетика связанного едиными и нерушимыми законами мира.....	495
Аргумент XI: Эстетика тотальной измеримости.....	496
Аргумент XII: Эстетика фальсифицируемости	497
Аргумент XIII: Эстетика объективности.....	498
Группа аргументов XI: Религиозная	500
Прояснение.....	500
Аргумент I: Конформность религий.....	504
Аргумент II: Четкая призматичность религии	504
Аргумент III: Поиск истины сменяется защитой своего мировоззрения	505
Аргумент IV: Искажение других картин мира	506
Аргумент V: Отсутствие альтернативности	507
Аргумент VI: Стремление к тотальному завоеванию	507
Аргумент VII: Обесценивание других религий и воззрений.....	508
Аргумент VIII: Иллюзорная уверенность в своей жизни и действиях	509
Аргумент IX: Жажда общности с другими	509
Аргумент X: Религии тормозят интеллектуальное развитие	510
Аргумент XI: Религии делают людей управляемыми.....	511
Аргумент XII: Отчуждение людей друг от друга по мировоззренческому признаку.....	511
ВЫВОД.....	512
Группа аргументов XII: Аксиологическая	514
Прояснение.....	514
Аргумент I: Субъективность ценностей	515
Аргумент II: Переоценка значимости ценных вещей	518
Аргумент III: Познание и ценность	521

Аргумент IV: Ценность определенного вида познания.....	523
Аргумент V: Ценности заставляют совершать в том числе и негативные социальные действия.....	526
Аргумент VI: Ценность одного практически всегда означает обесценивание противоположного	526
Группа аргументов XIII: Лингвистическая	529
Прояснение.....	529
Аргумент I: Язык и мир	531
Аргумент II: Истоки языка.....	533
Аргумент III: Язык и мифология	535
Аргумент IV: Язык и рациональность	536
Аргумент V: Язык и логика.....	536
Аргумент VI: Язык и математика	538
Аргумент VII: Язык и искажение реальности	538
Аргумент VIII: Язык и общие понятия	539
Группа аргументов XIV: Экономическая.....	541
Прояснение.....	541
Аргумент I: Зарплаты.....	542
Аргумент II: Выделение денег на исследования.....	544
Аргумент III: Гранты	545
Аргумент IV: Деньги на технологии.....	545
Аргумент V: Выделение денег на печать книг	547
ВЫВОД.....	548
Группа аргументов XV: Педагогическая.....	549
Прояснение.....	549
Аргумент I: Школа.....	549
Аргумент II: Университеты.....	550
Аргумент III: Работа	551
Аргумент IV: Интернет	551
Аргумент V: Образовательная литература	551
Группа аргументов XVI: Философская.....	553
Прояснение.....	553
Аргумент I: Незнание философии	553

Аргумент II: Незнание философии науки.....	555
Аргумент III: Отсутствие грамотности в вопросах философской аргументации.....	558
Аргумент IV: Отсутствие возможности самостоятельно править и прояснять механизм науки.....	559
Аргумент V: Естественная установка как философский базис науки	560
Аргумент VI: Сумма аргументов.....	560
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	562
НАУКА – ЭТО ЛУЧШЕЕ, ЧТО У НАС ЕСТЬ?	562
Инструментализм – это лучшее определение науки?	566
Социальный подход к определению науки.....	569
ИТОГ	571

Предисловие

Если в Эпоху Просвещения необходимым признаком свободомыслия было несогласие с церковными догматами и авторитетом церкви, то в современном мире им окажется несогласие с догмами научной методологии и авторитетом науки. Впрочем, не каждый критик науки мыслит свободно. Многие антисциентисты (наверное, даже большинство) — это религиозные фанатики¹. Несогласие с догмами науки — лишь необходимый признак, но не достаточный. Это подкрепляется и тем положением, что все подлинно (философски) мыслящие люди по определению продуктивного мышления² (и философии³) обязаны выражать ту или иную степень несогласия с научной догматикой. Все настоящие мыслители в той или иной степени антисциентисты⁴. Мыслитель не может быть полноценным адептом науки или какой-нибудь религии, иначе самая важная часть его мировоззрения окажется навязанной, а не созданной им самим, что в свою очередь лишает его статуса мыслителя.

«Сумма Антисциентизма» — это работа, собирающая в себе огромное количество аргументов против науки, научного метода и сциентизма как такового. Текст написан в аргументативной форме

¹ Притом не каждый религиозный человек является фанатиком. Но среди антисциентистов множество совершенно отбитых креационистов. С условием, что не каждый креационист фанатик.

² Продуктивное мышление — это способность, позволяющая создавать новые идеи и их комбинации.

³ Философия — это наивысшая форма проявления продуктивного мышления.

⁴ По избранным нами определениям другого и быть не может.

для наилучшего восприятия со стороны читателей, сциентистов, аналитических философов и прочих людей, которых подкупает подобный стиль. К сожалению, многие в принципе не могут воспринимать интеллектуальную информацию вне аргументативной формы. Такой недуг не может быть исправлен в мгновение ока, а потому в рамках данного текста я готов поступиться своими стилистическими принципами и написать строгий аргументативный текст.

Следует заметить, что многие позиции из «Критики научного познания»⁵ лично для меня устарели. Именно поэтому я нуждаюсь в новой работе, которая будет прояснять моё отношение к науке и демонстрировать мою антинаучную аргументацию. «Критика научного познания» была написана, когда мне было девятнадцать-двадцать лет. Тогда я ещё не был искущён в философии и не провёл больше десятилетия в спорах с учеными и сциентистами. Эта критическая книга в довольно нелакониной форме лишь проясняла некоторые мои интуиции относительно науки. Там присутствовали хорошие заходы и критические положения, но они были перемешаны с откровенно слабыми попытками уязвить науку, которые строились на неточности и непонимании данного явления⁶. Также там отсутствовала строгость в ряде определений. Впрочем, чего еще ждать от девятнадцатилетнего парня, который только что начал заниматься философией и сразу взялся за такую серьезную тему? Мне кажется, что «Критика научного познания» — это отличное достижение для мыслящего юноши, но у того текста есть серьезные недостатки, которые будут учтены в этой работе. Исправлять «Критику научного познания» нет смысла, потому что придётся

⁵ Предыдущая моя книга, посвященная критике науки.

⁶ Или непоследовательного понимания.

удалять половину позиций, а все остальное выправлять стилистически почти с нуля. Я все же хочу оставить обе книги для потомков неизменными, чтобы те могли проследить эволюцию моей антисциентической мысли.

Первое и самое важное, что я не смог принять к рассмотрению в своей ранней работе – это неоднородность сциентизма. Сциентизм состоит из множества сект, каждая из которых понимает под наукой что-то своё и пытается навязать это определение другим (впрочем, эти группы далеко не всегда последовательны). Именно поэтому в данной работе я буду периодически ставить акцент на том, против какой группы сциентистов ведётся аргументация. Для удобства выделим несколько форм сциентистов: объективисты (наука полностью объективна и открывает истину), фальсификационисты, инструменталисты и социально ориентированные сциентисты (наука как академическое сообщество). Важно отметить, что в чистом виде мало кто принадлежит только к одной из этих групп. Часто человек понимает науку с нескольких сторон, но мы в данной работе будем адресовать ответы разным подходам, как будто существуют последовательные их сторонники, так как так будет значительно удобнее.

Объективисты (научные реалисты) верят, что научные факты и теории абсолютно правдивы и если, допустим, в каких-то теориях наука сейчас заблуждается, то в скором времени сможет открыть истину в том или ином вопросе. Им свойственно считать так: что истинно или крайне вероятно, то и следует считать наукой и научным. Этот подход во многом базируется на наивном позитивизме. **Фальсификационисты (критические реалисты)** считают, что главным критерием научности является возможность

опровержение той или иной теории. Соответственно, под наукой мы будем понимать исключительно теоретические области, которые предлагают прежде всего эмпирическую фальсификацию своих позиций, производящуюся в экспериментах и наблюдениях. В процессе длительной фальсификации ложных теорий допускается возможность приближения к истине. **Инструменталисты** полагают, что наука – это не столько инструмент познания, сколько инструмент ориентации человека в природе и обществе, то есть исключительно практическая вещь. Сами по себе теории и гипотезы не наделяются свойством быть истинными или даже претендовать на истину, а рассматриваются в практическом ключе. **Социальная ориентация** в философии науки и обывательском сознании заставляет нас рассматривать науку как некую академическую культуру (сообщество) в целом, куда входят не только естественные науки, но и все остальные.

Также можно отметить ряд других подходов к философии науки. Ответ на вопрос о сущности науки у людей очень разнится. Кто-то считает, что наука – это просто некое **знание (эпистема)**, а потому злополучный немецкий **Wissenschaft** или аристотелевское знание в переводах почти всегда превращаются в «науку». Отсюда и возможность говорить об античной, индийской или китайской научной мысли. Впрочем, иногда под наукой понимают чистую **практику** и все пути, которые к ней ведут. В таком случае мы тоже можем говорить о древних науках и ученых-питекантропах, изобретающих простейшие инструменты. Кто-то просто считает, что наукой является некая **совокупность достоверной информации** о мире, культуре, истории вне зависимости от методов её получения, среды и практических следствий. Кто-то думает, что наука представляет собой, прежде всего, **фактологию**, то есть исследует,

собирает и классифицирует факты, а теории здесь уже оказываются чем-то вторичным.

Каждый из этих подходов имеет место, а также довольно ярко отражается в академической деятельности. Я поделюсь с вами наблюдением: если человек является представителем, скажем, исторических наук, то ему удобнее рассматривать «науку» как таковую через призму своей дисциплины и, следовательно, игнорировать те подходы к определению, которые выталкивают историю из списка наук. Например, научная фальсификация в истории не применяется, потому что историки не изобретают законов истории и не создают фундаментальных исторических теорий (как это делали, например, марксисты), а потому и невозможно проводить их опровержение. Историки здесь не уникальны. Большинство академических специалистов смотрят на слово «наука» с «колокольни» своей дисциплины. Социологи легко предложат ряд социологических подходов к описанию науки. Филологи скажут, что они довольно точно исследуют Достоевского. Математики либо начнут фантазировать об идеальных космических числах, либо будут опираться на инструментальную пользу математики.

Самая главная причина критиковать науку заключается в том, что само слово наука имеет слишком много значений и контекстов. Все эти значения и контексты категорически абстрактны. Один и тот же человек чаще всего путается в них и использует слово «наука» сразу в нескольких противоречащих друг другу смыслах. И отсюда у меня возникает стойкая интуиция, что на самом деле «наука» — это ничто. Просто пустой собирательный абстрактный термин, который обозначает все, что считается хорошим в познании. А что считается хорошим? Факты, эмпиризм, непротиворечивая теория,

опровергаемость? Тут уже каждый человек решает сам для себя к какому лагерю примкнуть. Наука вызывает у людей невероятный восторг, но в то же время люди не имеют единого представления о том, что это такое. Вероятно, объекта обожания как такового и не существует.

Впрочем, мы не обойдёмся таким простым подходом к опровержению. Наука – это абстракция. Довольно очевидный тезис. Абстракция, которая указывает сразу на разные и даже противоречащие друг другу свойства. Науки как таковой не существует, но мы попробуем рассмотреть разные точки зрения людей по вопросу определения науки и опровергнуть их.

Также следует заметить, что я не являюсь противником практики и прогресса. Если вы считаете, что наука – это практика, то я скажу, что тогда не являюсь антисциентистом. Моя основная критика направлена на две группы сциентистов: объективистов и фальсификационистов. Главная цель данной работы – показать сомнительность научных теорий и научной картины мира в целом. Скептики делят мир на *феноменальную* и *ноуменальную* сферы. *Феноменальная* – это область чистых явлений, а *ноуменальная* – теоретических объяснений. Скептицизм делает очевидный вывод о том, что феноменальная сфера несомненна и операция сомнения к ней неприменима, потому что сами феномены не претендуют ни на какую истинность и не имеют объяснительной силы. Ноуменальная же сфера, то есть сфера мыслимого, ощущается полностью сомнительной, потому что нет точного критерия, на который можно было бы положиться в нахождении истины и в приближении к ней. Каждое отдельное философское учение, включая науку, выдвигает такие критерии, но все они берутся спонтанно на веру и не

представляются надежными. Надежность ускользает. При любом достаточно подробном расспросе лучших представителей тех или иных мировоззрений легко прийти к базовым положениям, которые берутся на веру. И у науки тоже есть такие положения.

Начнем с того, что наука опирается на «естественную установку» или, если угодно, «натуралистическую установку». Если академическая дисциплина не использует естественную установку, то, как мне видится, к научной картине мира она не имеет никакого отношения⁷. Что такое естественная установка? **Естественная установка** – это базовые положения, которые необходимы для работы научного метода, то есть такие положения, которые закрепляют онтологическую естественность окружающего нас мира. Вот эти положения:

— Мир является естественным и только естественным;

— Бритва Оккама (не умножай сущности);

— Мир функционирует по одним и тем же законам на всех уровнях, в любом месте и в любое время;

— Наблюдаемый мир точно не является иллюзией;

⁷ Например, социология не опирается на естественную установку. Она не включается в научную картину мира. Люди верят в существование динозавров и эволюции согласно научной картине мира, но их ничто не заставляет придерживаться социологических кейсов, потому что они в большинстве случаев не входят в «канон» сциентиста. Более того, некоторые социологические подходы, например, социальные конструктивизм, критикуют научную картину мира и её несомненность.

— Мир принципиально измерим;

— То, что существует, может быть обнаружено прямо или косвенно с помощью технологий.

Каждое из этих положений представляется в радикальной степени сомнительным, но нарушение любого из них разбивает все шансы на достоверное научное познание. От этого точно страдает трактовка объективистов, потому что объективность научных методов напрямую зависит от истинности этих убеждений. Более подробно это будет аргументировано ниже.

«Сумма Антисциентизма» — это собирательная работа, которая критикует науку, научную методологию, научную картину мира и поклоняющийся всему этому сциентизм. Данная книга ориентирована не только на нерелигиозных антисциентистов, как я, но и на религиозных. Религиозные допущения будут использоваться здесь в качестве конкурирующих теорий, которые противоречат научной картине мира. Этот труд может стать орудием для интеллектуального сопротивления научной гегемонии. На сбор этих аргументов я потратил более десяти лет. Многие из них взяты из трудов известных философов науки (Поппер, Кун, Лакатос, Фейерабендт), мыслящих ученых (Пуанкаре, Эйнштейн) и просто создателей своих философских систем, а некоторые сформулированы лично автором. За эти годы проделана основательная работа, а потому критика содержит множество прямых и косвенных подкопов к основанию научной догматики.

Под **сциентистом** в данном тексте понимается наукопоклонник, который обладает главным свойством: он поддерживает **монополию**

науки на познание. Некоторые дают определение сциентизму через радикальные его формы, то есть пытаются называть этим словом человека, который считает, что наука должна заменить не только все формы познавательной деятельности, но и все культурные и общественные институты. Честно говоря, представителей подобной позиции я не встречал⁸, а потому считаю их исключительно мифологическими существами, а определение сциентизма через тотальную экспансию научного подхода за пределы области познания вижу бессмысленным. Но что означает «поддерживать монополию науки в познании»? Во-первых, необходимо полагать что научный метод является самым лучшим из всех методов (не важно с какой стороны это заявляется: с объективистской, инструменталистской или социальной). Во-вторых, необходимо думать, что любой областью исследования (биологией, физикой) должны заниматься лишь учёные (люди, использующие конкретную методологию), а не, скажем, философы или другие люди, которые могли бы предложить альтернативный взгляд на вещи. В-третьих, авторитет научного сообщества в ваших глазах должен быть настолько силён, что вы достаточно легко подчиняетесь его силе, если не владеете достаточной информацией. Соответственно, **антисциентист** – это человек, который отрицает науку или сомневается в ней, а также выступает против монополии науки на познание. Антисциентист полагает, что научный метод либо не является самым лучшим, либо имеет сомнения в данном убеждении; не считает, что разными исследовательскими дисциплинами должны заниматься только люди с научным подходом; не подчиняется авторитету ученых до тех пор,

⁸ Кроме, наверное, пары блогеров, которые кичились тем, что читают научпоп. Но даже ключевые сциентисты по типу Докинза, Панчина, Дробышевского и всех остальных – не готовы отдать науке на растерзание все сферы человеческой жизни.

пока ему ясно и наглядно не докажут те или иные положения (что обыкновенно оказывается невозможно, потому что для доказательства большинства положений в науке необходимо обладать специализацией, а без этой специализации этих ученых и проверить толком не получится. Эта специализация подразумевает научный подход и базируется на традициях, которых мы в этой книге тоже коснёмся).

В число антисциентистов могут входить как религиозные деятели, так и философы. Более того, всякая философская система, отличная по методологии от науки, вынуждена по определению быть антисциентичной, даже если так или иначе хочет казаться наукой. Например, марксизм базируется на принципах, отличных от научных, но при этом постулирует, что диалектический материализм должен называться научным. Марксисты часто критикуют всю современную науку, Поппера, инструменталистов и любой подход, который так или иначе противоречит их марксистской базе. Это я бы обозначил как неосознанный антисциентизм.

Борьба философии и правящей интеллектуальной монополии – буквально история развития нашего европейского общества. Сначала такой монополией стал платонизм, потом христианство, а сейчас их заменила наука. История продолжается в том же духе, но интеллектуальная монополия никогда не была так сильна, могущественна, авторитетна и богата. Антисциентическое сопротивление необходимо этому миру. Более того, важно, чтобы антисциентисты, базирующиеся на абсолютно разных принципах, как минимум сошлись в одном: начали вместе эффективно критиковать науку, научную методологию и догматический слепой сциентизм. К сожалению, большинство антисциентических сообществ

категорически слабы в своих критических заходах. Те же креационисты в общей массе используют совершенно бессмысленные аргументы, которые никак не задевают науку и её убеждения. Данная книга написана в том числе с целью привести все критические подходы антисциентистов в строгую систему и улучшить качество критики на массовом уровне.

Перед аргументами, критикующими науку как таковую и разные подходы к ней, сначала будет несколько важных глав, которые обосновывают необходимость всего этого предприятия. В них будет описываться значение и влияние науки на общество и интеллектуальную среду. Таким образом формулируется проблема, с которой мы будем иметь дело.

Пять групп определений науки и соответствие научных дисциплин этим определениям

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Начнем с первого и самого главного определения, которое задаёт нам проблему для данной статьи. *Наука — это ничто*. Её не существует. Это не предмет и даже не группа предметов. Чисто абстрактная сущность, о значении которой люди не смогли заблаговременно договориться, а потому имеется множество споров об определении науки, научности и демаркации научного знания от всех прочих его типов. Люди не смогли договориться о значении многих слов, так что *наука* — не исключение. У нас есть более проблемные определения на подобии: философии, культуры, религии — они тоже представляют собой некое абстрактное ничто с неопределённым содержательным объемом. Спорить об определениях этих слов по википедии или прочим словарям и энциклопедиям — бессмысленно, потому что не существует устоявшихся значений, которые бы разделяли все *специалисты*.

В случае с наукой *специалистами* в её определении являются именно философы науки, потому что сами ученые не занимаются проблемой общей научной методологии и не могут в рамках своих дисциплин исследовать собственные методы. Физику или биологу не место в теории познания, а также им не приходится профессионально рассуждать о сущности науки как таковой, а потому зачастую сами ученые не понимают всю глубину данной проблематики и дают крайне поверхностные объяснения того, что такое наука, не имея представления о том, что творится в других дисциплинах. Помимо философов науки данную проблему также может исследовать

социология знания, которая опирается на ряд философских подходов, и которую я ввиду своей специализации разбирать здесь не буду.

Демаркация — это отделение научного знания от ненаучного посредством тех или иных критериев, которые мы будем разбирать в разных определениях. Все эти определения в своем основании содержат тот или иной критерий демаркации науки от ненауки (что принципиально и свойственно любым определениям: отделение одного от другого).

В данной главе я попытаюсь дать основные определения науки и показать, как они позволяют проводить демаркационную линию между разными дисциплинами. Если проще, то я буду давать вам определения и иллюстративно показывать их последствия, то есть обозначать, что согласно этому определению является наукой, а что не является. И в этом заключается весь нюанс: согласно тому или иному определению гуманитарные науки всем скопом либо оказываются науками, либо перестают ими быть.

Также важно подчеркнуть, что *определения вечны*. То есть если мы даём то или иное определение науки, то оно распространяется на неограниченное время в прошлое и будущее. Либо мы имеем дело просто с разными определениями. Конечно, исторически наше понимание тех или иных слов менялось, но из этого следует, что менялась не столько «наука», сколько её определения. В разные эпохи и в разных учениях люди понимали и понимают под наукой разные вещи. То есть далеко не всегда словосочетания «античная наука» и «современная наука» обозначают части одного и того же процесса развития, разделённого лишь во времени. Согласно некоторым

определениям никакой античной науки не было и быть не могло, потому что, например, тогда ещё не появился научный метод (один из возможных демаркаторов).

КОМПЛЕКСЫ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН И НАУКИ РАЗНЫХ ЭПОХ И КУЛЬТУР

Для начала давайте соберем данные о том, что люди называют наукой и в каком смысле, чтобы потом распределять их по определениям. Есть несколько важных тенденций, с которыми мы встречаемся в академической литературе (обыденную мы даже разбирать не будем). Первая тенденция — это разбиение наук на разные комплексы по двум принципам: предмет и методы исследования. Иногда науки делят просто на технические и гуманитарные, что представляется мне гиперупрощением, недостойным разбора. Куда более серьезный подход подразумевает как минимум пять групп «наук». Также нередко речь идет о науках разных эпох от древности до наших дней. И существуют представления о науках разных культур, которые мы встречаем в востоковедческой литературе. Объем того, что называется наукой, оказывается крайне велик, а потому трудно подобрать определение, которое бы описывало все эти дисциплины и не добавляло к списку наук всевозможные магические, мистические и прочие подходы, которые конвенционально не являются научными.

Комплексы современных научных дисциплин:

Естественные науки. Изучают природу на разных уровнях. Опираются на естественную установку. Теоретические естественные науки используют в качестве основного критерия проверки своих теорий фальсифицируемость, то есть опровержимость, которая чаще всего заключается в опровергающем эксперименте. Претендуют на изучение объектов реального мира.

Точные науки. Изучают/создают формальные системы и формируют методы, которые можно использовать в других дисциплинах. Не опираются на естественную установку. Не изучают объекты реального мира. Не формируют теорий.

Научная теория — это объяснение аспекта мира *природы*. Из этого определения и того факта, что точные науки не исследуют природу как таковую, следует, что точные науки не формулируют научных теорий. В контексте точных наук слово теория используется в другом смысле, как и во всех прочих контекстах.

Гуманитарные науки. В качестве основного метода используют герменевтику, которая позволяет трактовать тексты и явления, созданные человеком. Для гуманитарных наук главной целью является понимание, а не составление теории о чём-либо (знание). Не усматривают законы и закономерности. Не фальсифицируемы. Не претендуют на изучение объектов реального мира, но исследуют культуры, религии и продукты творческой человеческой деятельности. Из списка гуманитарных наук следует вынести философию, потому что существуют такие области философии (притом, они основные), которые не пользуются герменевтическим методом и не имеют привязки к гуманитарным предметам исследования.

Философию как науку мы здесь вообще разбирать не будем. На неё в любом случае следует закрыть глаза, потому что, если мы считаем философию наукой, то нам придётся расширить определение научности до практически безграничных пределов. Философия представляет сложность в классификации из-за отсутствия точной методологии и единого предмета, а также само это слово является слишком многозначным, что усложнило бы наши исследования в десятки раз, а мы и без того в таком сложном вопросе не нуждаемся в усложнениях.

Технические науки. Носят прикладной характер и существуют для применения на практике. Естественные науки в чистом виде, как и гуманитарные и общественные стремятся в первую очередь к познанию, а технические науки к эффективности и практичности. Не создают теории. Разрабатывают технологии, которые на уровне проекта могут проверяться с помощью метода моделирования.

Общественные науки. Слабое место данного деления — это общественные науки, потому что они собирают достаточно большое множество разнородных дисциплин, которые прямо или косвенно связаны с обществом, но при этом используют крайне разную методологию. Например, история и социология имеют в своем начале радикально разные принципы.

Следует заметить, что данное разделение имеет ряд слабостей, потому что местами является не до конца последовательным. У нас есть технические науки и прикладные науки внутри тех же естественных, которые имеют методологическую схожесть. А вот теоретические науки базируются на методе составления и

опровержения теорий в рамках естественной установки. Мне видится, что деление должно быть куда более обширным и более акцентированным на методологии, а не на предмете исследования. Сам факт того, что прикладные и фундаментальные науки исследуют «природу», не исключает того, что исследования проводятся принципиально разными методами и с разными целями. Гуманитарные науки в таком случае тоже смогли бы стать естественными, если бы направили свою герменевтическую методологию на понимание природы: герменевтика камня, герменевтика Луны, герменевтика Солнца и так далее. Предметность в данном случае, как мне видится, мало что значит, потому что, как мы знаем, и естественнонаучные методы можно направить на гуманитарные проблемы, так и гуманитарные и общественные методы можно направить на природу и формы взаимодействия с ней.

Европейская наука по эпохам:

Античная наука: Под античной наукой нередко понимается рациональность, которая продвигалась в ряде философских школ, а также исследование фактов природы.

Средневековая наука: Под средневековой наукой понимается структура знаний, которая распространялась в Университетах. Прежде всего мы сталкиваемся со схоластической рациональностью, развитием математики и медициной, а также юридической наукой. В эту эпоху начинают формироваться методологические предпосылки для становления будущей науки в прямом смысле этого слова.

Наука эпохи Возрождения: Характеризуется возрождением античного наследия, а также первыми уверенными шагами в становлении как естественных (Винчи), так и гуманитарных дисциплин.

Наука Нового времени: Здесь всё ещё наблюдается некая проблема в определении науки, потому что учеными могут считаться даже философы. Сами ученые на начальном этапе продолжают видеть себя натурфилософами и занимаются очень сложной и смешанной деятельностью в разных областях знания и религии.

Наука в других культурах:

Индийская наука: Под индийской наукой понимают прежде всего индийскую фактологию в разных областях и разработки в области математики.

Китайская наука: Под китайской наукой понимают прежде всего китайскую практику, которая во многих направлениях опережала весь мир. Также некоторые математические наработки можно назвать этим словом.

Исламская наука: Под исламской наукой также чаще всего понимается практика алхимии, астрономии/астрологии и медицины, а также наработки математического характера.

Доисторическая наука: О чём-то похожем можно говорить только в практическом смысле.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ГРУППА ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Физикализм. Физикализм подразумевает, что все науки следует сравнивать с физикой, чтобы признать их науками. Одним из главных критериев, конечно, является использование математики как основного метода. Также акцент делается на естественную установку.

Науки: Физика, биология, химия...

Не науки: гуманитарные, общественные, точные и технические науки. Науки разных эпох и культур согласно этому определению также науками не являются.

Впрочем, с техническими науками можно поспорить. Они хоть и не похожи на физику методологически, но часто используют результаты деятельности данной дисциплины.

Плюсы: Есть достаточно очевидный эталон, с которым можно сравнивать другие дисциплины. В список наук никак не могут попасть магические и метафизические дисциплины.

Минусы: Другие «науки» мало похожи на физику и в значительно меньшей степени используют математический аппарат, а

все науки, кроме естественных, не базируются на естественной установке. Определение оказывается крайне узким. Не совсем понятен критерий, так как схожести с физикой недостаточно, чтобы точно отделить науку от не науки. Вот технические науки — это науки? Не совсем понятно, какой критерий сравнения, если мы работаем с чистым физикализмом и нам придётся его прояснять в других подходах.

Математическое определение. Чем больше в науке математики, тем больше она наука.

Науки: Математика, физика, логика, химия, экономика, социология, технические науки в общей массе, астрология, нумерология, платонизм, неопифагореизм, пифагореизм.

Науки в меньшей степени: медицина, биология, геология, география.

Не науки: Гуманитарные науки, история, психология.

Плюсы: Есть четкий критерий отличия научного знания от ненаучного.

Минусы: Критерий предельно плохой, потому что в список наук смогли просочиться мистические дисциплины. Более того, многие исследовательские дисциплины можно сразу выписать из списка наук, потому что они либо не используют, либо мало используют математику. Также не вполне понятно, почему именно математика должна быть центральным критерием разграничения, ибо она

универсальна для многих направлений мысли и мало что разграничивает в современном смысле этого слова.

Как минимум, здесь было бы неплохо совместить математику с *естественной установкой*, что позволило бы сразу убрать мистические дисциплины, платонизм и пифагорейство. Впрочем, это не решает проблему иерархизации наук, в которых та же биология оказывается ниже физики, социологии и экономики.

Верификационизм. Верификация — предполагает использование протокольных предложений в качестве основных. Истинность протокольных предложений несомненна, ибо соотносится с наблюдаемой действительностью. Деятельность ученого состоит в том, чтобы из опыта формулировать протокольные предложения, а после обобщать их.

Науки: В чистом виде науками можно назвать разного рода фактологические дисциплины по типу анатомии, археологии, ботаники и так далее.

Не науки: Физику, фундаментальную биологию и прочие теоретические науки невозможно считать науками, потому что наблюдается большой пробел между фиксирующими факты предложениями и реально существующими научными теориями, которые, строго говоря, не выводятся из наблюдаемых фактов логическим путём, а составляются по принципу непротиворечия этим фактам, выходя при этом далеко за их пределы.

Плюсы: Есть очевидный и понятный критерий.

Минусы: Этот критерий фактически не соблюдается даже физиками и представителями прочих естественных наук, которые невозможно лишить научного статуса ни при каких условиях (по историческим причинам). Строгий принцип верификации может быть основанием для создания нового философского исследовательского учения, но это учение будет радикально отличаться от современной естественной науки. Критерий слишком сложный и требует огромного количества стараний, а также не подразумевает предсказательности.

Под *научным предсказанием* понимается не предсказание уже увиденных явлений, а предсказание таких явлений, которые ещё не открыты. Хорошая теория претендует на то, что может предсказать грядущие открытия, следовательно, она не является следствием логического объединения протокольных предложений и всегда содержит в себе элемент научного творчества.

Фальсификационизм. В основании фальсификационизма лежит принцип опровергаемости теории. Для того, чтобы назвать нечто наукой, необходимо, чтобы: 1. дисциплина формулировала теории; 2. Эти теории были эмпирически опровержимы; 3. Можно добавить и соблюдение естественной установки, чтобы сразу разобраться с возможными мистическими подходами к фальсификации с помощью духовного опыта и так далее.

Науки: Строго говоря, научные теории создаются только теоретическими естественными науками. Остальные дисциплины не создают теории (в прямом выше обозначенном смысле) и не фальсифицируют их. Впрочем, если мы не будем соблюдать

естественную установку, то в число наук смогут попасть разные философские и мистическо-религиозные направления, сумевшие предложить для своих теорий фальсификаторы.

Не науки: Точные, технические, практические, прикладные, гуманитарные и общественные науки.

Плюсы: Критерий достаточно простой в применении и не такой громоздкий, как верификационизм. Также он используется в естественных теоретических науках. Фальсификационизм позволяет создавать теории, которые выходят далеко за пределы имеющих фактов, и, следовательно, совершать *научное предсказание*.

Минусы: Фальсификационизм лишает научного статуса огромное количество дисциплин, основная цель которых не составление теорий и их опровержение, а, например, практика. Многие могут обратить внимание на то, что нет абсолютного способа опровергнуть теорию, но кто вообще сказал, что наука должна быть эффективна и должна содержать в себе самые лучшие методы?

Примечание: Ввиду того, что большинство сциентистов, которых я встречал, являются фальсификационистами с разной степенью строгости, то под наукой я понимаю именно это определение и добавляю к нему естественную установку. Мне думается, что нет ничего плохого в том, что мы не будем называть науками гуманитарные дисциплины, практические, прикладные, общественные и так далее. Зато на базе такого понимания у нас появляются конкретные представления о разбираемом предмете. В случае других определений совсем не понятно, с чем мы имеем дело,

или же оказывается, как в ситуации верификационизма, что это мало соотносится с тем, что мы называли наукой исторически. Фальсификационизм вполне уместается в наши исторические представления о работах Галилея, Ньютона, Эйнштейна, Резерфорда, а также в современности используется в естественных науках. Мне видится, что это наиболее рабочее, исторически обоснованное и точное определение науки в значении «the science». Впрочем, в ряде стран Европы и русскоговорящем мире слово «наука» изначально имело более широкий спектр значений. В чем, кстати, и заключается еще одна сложность определения, ведь в англоговорящем мире под наукой («the science») изначально понимали более узкий спектр дисциплин и, что важно, философия науки, прежде всего, пытается работать с «the science».

Рационализм. Есть несколько подходов, которые включают науку в рационализм. Разберём два крайних по отношению друг к другу. Первый подход заключается в том, что наука — это одно из рационалистических течений, коих в мире было некоторое количество. Второй же говорит, что наука и есть сама по себе рациональность. То, что было рационально в ту или иную эпоху, является наукой, а то, что не было, то и не является.

Науки: Зависит от эпохи. Например, античная философия и даже магия были науками в древности, но с нахождением всевозможных фактов теряли этот статус. Средневековые науки, включая теологию, представляли собой сосредоточение рационализма своего времени, а потому тогда они являлись науками. Соответственно, в современности науками являются все науки, которые таковыми считаются.

Не науки: в наши дни — это магия, астрология, философия (?). Относительно философии сциентисты, озвучивающие такую позицию, часто говорят, что многие философские проблемы уже решены и никакая философия нам не нужна, ибо она иррациональна относительно современного положения дел в науке.

Плюсы: Позволяет с точки зрения абстрактного рационалистического метода ввести в перечень наук все дисциплины, которые мы называем научными как в настоящем, так и в далёком прошлом. С помощью такого подхода можно обосновать такие словосочетания как «античная наука», «восточная наука», «средневековая наука».

Минусы: Необходимо игнорировать десятки рационалистических философских школ и рациональные подходы к доказательству разных религий. Безосновательная монополизация рационализма наукой строится на непонимании философских оснований этого направления. Данный подход исходит из принципа, «что научно, то и рационально», а уже потом выводится «что рационально, то и научно». Если бы мы начинали сразу со второго принципа, то получалось бы, что рациональная теология, некоторые формы креационизма, рациональный подход к магии и рационализм в философии — тоже наука.

Наука как то, что использует лучше методы в рамках своего предметного поля. Наука — это по определению самое хорошее, что смогло создать человечество. Самые лучшие методы в исследовании истории — это наука. Самые лучшие методы в исследовании физики — это наука. И по счастливому совпадению лучшими методами

являются именно те, которые мы используем сейчас и, конечно, мы не могли ошибиться и выбрать не самые лучшие методы.

Науки: Естественные, точные, гуманитарные, общественные, практические.

Не науки: Конвенциональные не науки по типу магии, астрологии и так далее.

Плюсы: Легко уместить в это определение все конвенциональные науки.

Минусы: Базируется на непонятной категории «лучшего». Носит на себе отпечаток субъективной оценки, а также эмоциональную привязанность к науке как таковой. Наука — это то, что в области методологии действует по принципу «за всё хорошее и против всего плохого». Допустим, но тогда что же она такое? Как конкретно отличить науку от не науки? Как понять, что тот или иной метод является научным, пока он не продемонстрировал нам свою эффективность? А ведь эффективность он может продемонстрировать только при работе многих специалистов с помощью этого метода. Следовательно, пока многие специалисты к «лучшему» методу не будут привлечены, мы так и не узнаем, что он лучший. Это позволяет нам сомневаться в том, что современная наука (то, что мы называем таким словосочетанием) использует лучшие методы из существующих. Вероятно, она не является наукой согласно этому определению? Или мы искренне верим в том, что современная наука располагает всеми лучшими методами из открытых?

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРУППА ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Некоторое количество исследователей и людей, интересующих данной проблемой, смещают акцент с теории на практику. Мне такой подход видится исторически несправедливым, так как практика существовала задолго до появления всех форм научного метода. Она коррелировала с магией, астрологией, философией, религией, алхимией и многими другими вещами, которые мы конвенционально не хотим называть научными.

Наука как практика. Самый грубый заход в этой тенденции — это приравнивание науки ко всякой практике. Изобретение колеса — наука; металлургия — наука; создание химических смесей — наука; создание бумаги — наука.

Науки: Технические науки — главные науки, а все остальные — только в меру того, как они способствуют развитию практики. Некоторые области физики, биологии, математики, социологии, экономики, психологии. Здесь допустимо говорить о том, что астрология в некотором смысле практична (как некая психология) и как область, мотивирующая астрономию, а также практичны религии и разные философские течения, так как позволяют выживать, а иногда даже конструировать те или иные устройства. Согласно этому определению мы можем говорить о науке в любые периоды и в любых культурах.

Не науки: Гуманитарные науки, большая часть общественных, некоторые области физики, биологии, социологии и так далее.

Плюсы: Популизм, который привлекает к феномену науки большое внимание. Исходя из такого определения, легко обосновывать преимущества науки над другими направлениями, если аргументировать к обывателю, которому нравится технический прогресс.

Минусы: Практическое определение науки имеет множество парадоксов. Например, многие традиционные сферы исследования в рамках фундаментальных наук, которые «пока еще не дают практики», оказываются ненаучными по своей сути и, возможно, они никогда не смогут обогнать менее традиционные сферы исследования. Более того, непонятно, зачем вообще отождествлять практику с наукой, потому что практика существовала задолго до всякого научного метода и даже до рационализма. Более того, у нас уже есть слово «практика» или «технология». Нет смысла объяснять одно общее и абстрактное слово через другое не менее общее и не менее абстрактное, особенно в контексте полного приравнивания.

Наука как то, что производит практику. В рамках этого определения подразумевается, что теоретические науки могут производить практику. И если они производят практику, то они являются науками, а если не производят, то, соответственно, нет.

Науки: Технические науки; теоретические науки, производящие теории с практическими следствиями (то есть естественные науки, да и то не все), алхимия, астрология-астрономия.

Не науки: Гуманитарные и многие общественные. Естественные науки, не имеющие практического применения.

Плюсы: Более утончённый подход, чем предыдущий. Позволяет записать теоретические науки в список наук, хоть и не все и с некоторой натяжкой.

Минусы: В рамках данного определения подразумевается, что наука и только наука может влиять на практику, но чисто фактически это не так. Мы сталкиваемся с заикленным определением, когда мы задним числом определяем науку через практические следствия в будущем. Под практическими следствиями мы понимаем, что теории повезло объяснить некоторые будущие практики до того, как они возникли. Данное определение не изолирует из науки всяческие мистические направления, а потому мы можем сказать, что алхимия и астрология — науки, чего нам, конечно, не хочется.

Примечание: по поводу соотношения науки и практики, теории и технологии я написал работу «Философия практики». В этой небольшой книге изложена моя позиция по данному вопросу. Обращу внимание на то, что я в целом не верю в происхождение практических следствий напрямую из теорий. Мне видится, что этот аспект взаимодействия необходимо доказывать, потому что долгое время он утверждался практически безапелляционно.

СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Наука как сообщество, называемое научным или как некоторая социальная группа, объединенная в рамках лабораторий и университетов исследовательской деятельностью. Согласно такому определению для того, чтобы направление стало наукой, оно должно

преподаваться в университетах или располагаться в специальных институтах и помещениях (например, лабораториях). Также должны присутствовать конкретные социальные связи между специалистами, которые формируют эту науку. Важным аспектом научности будет совершение конкретных научных ритуалов (действий), которые отличают ученого от неученого. Например, написание статей в рецензируемые научные журналы или посещение научных конференций.

Науки: Все существующие академические дисциплины, включая теологию и философию. В принципе, астрология, таро, магия, алхимия рано или поздно тоже могут быть включены в академические учреждения и, как следствие, стать науками.

Не науки: Те дисциплины, которые не находятся на базе научного социального института. Но они могут в нём оказаться.

Плюсы: Легко описывает любые академические дисциплины. Более того, наука как минимум является некоторым сообществом, с чем сложно спорить.

Минусы: Слишком широкое и недостаточное. Наука как сообщество людей, занимающихся наукой, — тривиальное определение. Оно не открывает нам содержание научной сущности от слова совсем. Просто создаем университет или кафедру, а на кафедре пишем работы, обучаем людей, исследуем что-то, выписывая монографии и статьи — это и есть наука. Если следовать такому определению, то можно себе представить, что появится наука по созданию «ежипалки» с целой кафедрой и многочисленными диссертациями. Поэтому данное определение работает плохо.

ПРЕДМЕТНАЯ ГРУППА ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Мы можем сказать, что наука — это уже существующие сформировавшие области исследования, которые занимаются изучением своих предметов. Например, биология изучает жизнь, а физика — природу. Многие даже отметят, что в физике, которая ранее была натурфилософией, ввиду накопившихся фактов не осталось никаких альтернатив. Натурфилософия с древности по Новое время была наукой, но потом все эти дискурсы были опровергнуты другими специалистами в данной области.

Плюсы: Захватывает своим описанием все существующие предметные дисциплины.

Минусы: У нас существует креационизм, который часто касается биологических вопросов. Согласно данному определению креационисты — это ученые, занимающиеся исследованиями и обсуждениями биологии.

Примечание: как мне видится, тотальная монополия научной методологии в разных дисциплинах по типу физики, биологии, химии — это результат не заслуженных результатов и эффективнейших доказательств со стороны научного метода, но историческая случайность, обусловленная рядом сложнейших факторов, среди которых наличие доказательств и результатов не были доминирующими. На данный момент, конечно, с некоторыми оговорками можно сказать, что наука определяется по предмету, а всевозможные креационисты и философы не дают результатов и не

располагают данными, а потому не могут считаться заслуженными представителями той или иной области. Я же здесь отвечу, что главная причина отсутствия результатов и недостатка данных у «неученых» в обозначенных предметах — это их незначительное количество и отсутствие единой образовательной структуры (которую ученые, кстати, переняли у христиан). Наука стоит на плечах большой образовательной иерархии, которую и возглавляет. В основании иерархии находятся научно ориентированные школы, выше — заведения среднего образования, а ещё выше — высшего. Это позволяет проводить длительный и основательный отбор специалистов на роль ученых из, буквально, почти всей популяции людей. У нас не было исторических прецедентов, чтобы популяция разумных существ так размножилась, с одной стороны, и одновременно с этим была включена в единую систему образования, где превозносится «наука». Я абсолютно уверен, что в деле практических открытий, интерпретации фактов, создании и сборе аргументов важную роль имеют два параметра: масштаб происходящего и его системность. И мы не можем сравнивать результаты современных биологов-ученых и креационистов, потому что первые стоят на плечах всей образовательной системы, а вторые — представители разных направлений и ответвлений религии, которые имеют плохую организацию и малое количество людей. Если человек в школе последовательно и долго изучает разные науки, включая биологию, то к креационизму он чаще всего приходит достаточно спонтанно. У нас в современности не существует ни одной философской или религиозной системы, которая могла бы по масштабу и системности (я про социальную системность) сравниться с наукой, а потому нет никакого смысла требовать от них таких же результатов.

НАУКА КАК ЗНАНИЕ

Следующий подход заключается в том, чтобы определить науку как некоторую разновидность знания, у которого существует ряд свойств. Впрочем, мы можем отказываться от этих свойств, чтобы расширять определения науки. Сейчас я попробую перечислить ряд свойств науки как знания, которые иногда звучат из уст сциентистов: объективное, систематическое, проверяемое, повторимое, обладающее предсказательной силой и практичное. В общем, определение науки как знания мы можем собрать из выше описанных характеристик, перемешивая их в удобных для нас комбинациях. Мы можем сказать, что научное знание является объективным, а можем и не сказать. Мы можем подчеркнуть, что научное знание обладает предсказательной силой, а можем выступать в роли историков, которые толком не делают научных предсказаний и отказаться от данного свойства.

Объективность. Слово объективность может употребляться в двух гносеологических смыслах: 1. Независимо от субъекта; 2. Реально, то есть соответствует объекту. В первом случае слово «объективность» нередко ничего не стоит, потому что, например, представления о Боге или макаронном монстре тоже существуют вне зависимости от единичного субъекта, впрочем, такие понятия принято называть интерсубъективными, то есть принадлежащими ко мнению и сознаниям многих. В итоге окажется, что науку бесспорно можно назвать объективной только в том смысле, что отдельный человек не может повлиять на её методы и интерпретации, но тут важно подчеркнуть, что наука преимущественно интерсубъективна, потому что представляет собой большую группу людей, применяющих некоторые методологические приёмы к описанию

феноменов и вплетению их в теории. Это всё вполне зависит от данной группы субъектов.

В более строгом смысле объективность как достижение истинных представлений о том или ином объекте — это крайне сомнительная вещь. Если то, что объективно, то и наука, может оказаться, что какой-нибудь медитирующий мистик под грибами увидел истину о предмете и, следовательно, он учёный, а исследователь, проводящий десятки лет за использованием научной методологии — нет. Более того, принципиально не понятно, как отличить истинные представления о предмете от ложных, а потому рассуждать об этом здесь не имеет особого смысла.

Систематичность. Систематичность является достаточно плохим критерием для отличия науки от философии или религии, потому что многим религиям и философиям свойственно проводить всевозможные классификации. Вы скажете, что научные классификации самые полные и лучшие в мире, а я вам отвечу: дайте всем представителям всех религиозных и философских учений такое же количество высокоспециализированных людей (прошедших через все круги ада образования), и вы, вероятно, получите сравнимый уровень системности в рамках каждого из них. Более того, некоторые философские и религиозные подходы в большей степени предрасполагают к классифицированию и составлению систем, что, конечно, при количественно равном множестве специалистов могло бы привести к тому, что эти системы обогнали бы научные по сложности.

Проверяемость. Под проверяемостью чаще всего подразумевается верификация, но, как мы уже выяснили, многие фундаментальные научные знания являются в прямом смысле неверифицируемыми. Многие положения теоретической науки выдумываются в контексте имеющихся фактов, а после именно опровергаются в экспериментах. Если эксперимент опровергает теорию, то она в своей настоящей формулировке должна быть изъята из дискурса, а если не опровергает, то это лишь значит, что теория не опровергнута, но не проверена. И таких непроверенных и принципиально непроверяемых на данный момент положений в естественной науке существует очень много.

Повторяемость. Научный эксперимент должен быть полностью воспроизводимым. Впрочем, повторяемость не применить к теориям и многим другим аспектам науки, а потому данный параметр не может служить серьезным демаркатором научного знания от ненаучного. Научная теория, например, неповторяема (в смысле она не является опытом, который можно провести много раз), а эффекты, которые достигаются христианской молитвой — повторяемы. Из этого следует, что теоретик не ученый, а молящийся христианин — да? Нет, не следует. Повторяемость — это свойство эксперимента (и некоторых других эмпирических методов), но его же можно распространить далеко за пределы всякой науки, а потому определять через него науку довольно трудно.

Предсказательная сила. Повторим, что в научном дискурсе под предсказательной силой понимается возможность теории предсказывать будущие открытия и до сих пор неведомые факты. Свойство, конечно, хорошее для теории, но уже сейчас можно

вообразить себе миллион теорий, которые будут справляться с предсказаниями не хуже теории эволюции, к примеру. Важно лишь учесть многие системообразующие для СТЭ вещи, а после перетрактовать всевозможные теоретические аспекты. Наиболее уязвимой частью здесь будут, конечно, представления об естественном отборе. Таким образом, мы можем заменить естественный отбор разными мистическими силами и при этом сохранить предсказательную ценность. То есть мы вполне можем нарушить естественную установку и сохранить данное свойство.

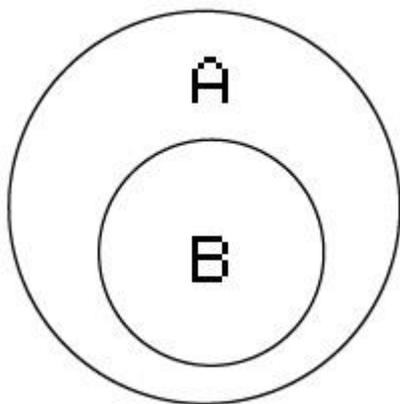
Практичность. Это свойство тоже нас несколько озадачивает, потому что многие теории, когда они формулировались, точно не были ни в каком смысле практичны. Многие теории, которые существуют сейчас, являются непрактичными. Извлечём ли мы из них практику? Честно говоря, это довольно спорно. Лишать ли их за это статуса науки? Хороший вопрос.

Следует заметить, что большинство этих критериев не подходят к гуманитарным и многим общественным наукам, которые не являются практичными. Некоторые из критериев применяются исключительно к теориям, а некоторые к эксперименту. Мы обсудили разные сложности, возникающие с данными подходами. Определение науки как некоей особенной разновидности знания не прояснено, а с разными критериями могут встречаться всевозможные проблемы даже при их взаимном смешении.

ПОПЫТКИ СОВМЕСТИТЬ РАЗНЫЕ ГРУППЫ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Попытки совместить несколько определений сразу чаще всего не разрешают наши проблемы в определении науки, а только перенимают недостатки разных определений. Нередко проблема заключается в том, что отличие науки от ненауки определяется более узким критерием различия, если тот умещается во множество более широкого критерия. Например, если вы совмещаете фальсификационизм и социальное определение, то определять науки будет именно фальсификационизм.

В таком случае, соотношение понятий будет таким:

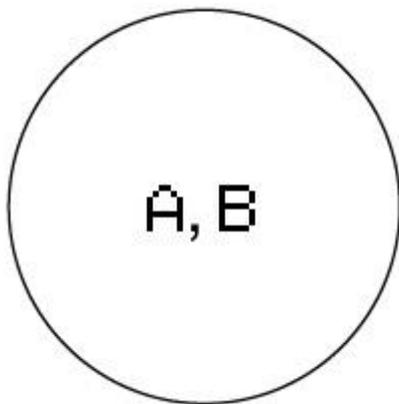
A — это социальное определение.

B — это фальсификационистическое определение.

Таким образом получается, что наука полностью определяется через фальсификацию, а социальное определение будет излишним.

Такое соотношение определений не решает выше обозначенных нами проблем. Фальсификация сохраняет свои негативные свойства, и мы не получаем никаких преимуществ от такого подхода. Также важно заметить, что более общие определения всегда и без того включают в себя более частные. Например, предметные и социальные определения мы подразумеваем по умолчанию, но они сами по себе толком ничего не определяют, ибо являются слишком широкими.

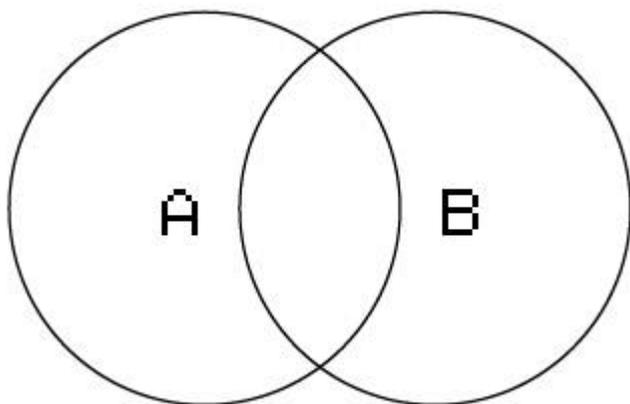
Можно предположить, что некоторые попытки совмещения разных определений будут **полностью совпадать**.

В данном примере А — это предметное определение, а В — социальное. Они по большей части совпадают. Критика предметного определения остается неразрешимой в рамках социального, а потому это не имеет какого особого смысла. Более того, оба определения не имеют никаких проблем с тем, чтобы включать в себя методологически ненаучные вещи. Например, креационизм, изучающий предметно биологию, вполне может создать кафедру на

том или ином факультете и быть наукой как с предметной точки зрения, так и с социологической.

У нас есть ещё одна доступная формация «пересечение». В определении науки мы не можем использовать соподчинение, противоречие и противоположность по ряду причин. А вот пересечение является крайне важной формацией, которая может решить многие вопросы.

Выглядит пересечение так. Наукой будет считаться то, что находится на пересечении двух других определений. С помощью такого подхода можно в достаточной степени сузить понимание науки, чтобы оно, например, не включало всякую мистику и эзотерику. Но даже так крайне сложно подобрать такие свойства науки, которые бы позволяли считать наукой все перечисленные группы дисциплин: точные, естественные, гуманитарные, общественные и технические.

Так вот, наша первая задача с помощью пересечения изолировать всевозможные сверхъестественные подходы от науки. Самым простым и очевидным способом сделать это является введение в определение науки естественной установки. К сожалению, естественная установка есть только в естественных науках на методологическом уровне. В других дисциплинах убеждение в естественной установке является необязательным. То есть мы могли бы сделать такое определение, в рамках которого наука — это социально-предметная область, подчиняющаяся правилам естественной установки (а ведь и другие области тоже могут ей подчиняться), но таким образом мы выбрасываем из науки не только возможную мистику, но и весь спектр неестественных дисциплин.

Можем попробовать совместить социально-предметное определение с рационалистическим, мол, наука — это рационалистическое сообщество, производящее конкретные научные действия (статьи, монографии, конференции, эксперименты и так далее). Иррационалистические мистические тенденции в таком случае выйдут за пределы данного определения, но что делать с томизмом, гегельянством, теистической аналитической и континентальной философией? Если речь идет про философов, так они вообще уже давно симулируют научную деятельность. Рационализма недостаточно для того, чтобы изолировать мистику, эзотерику и сверхъестественное из научной среды, если, конечно, мы не понимаем под рационализмом атеизм или умеренный скептицизм. Но такой подход был бы несправедлив по отношению к другим рационалистическим течениям. В рамках данного уточнения можно попробовать ограничить социально-предметную науку с помощью атеизма и умеренного скептицизма, но тут мы сталкиваемся с некоторым нюансом: атеизм и умеренный скептицизм не являются

частью методологии науки, а потому эти взгляды учеными разделяются спонтанно. Если ты не атеист или умеренный скептик, то ты и не учёный? Это так не работает, а если бы работало, то можно было бы закрыть те дисциплины, которые допускают теизм, а это все дисциплины, кроме естественных. Опять же получается, что мы вырезали почти всех людей, которых хотели бы считать учеными.

Так вот, определение науки, чтобы оно соответствовало нашему словоупотреблению, должно быть настолько утончённым, чтобы включать в себя все конвенционально принятые в академической среде дисциплины и исключать псевдонауку, лженауку, эзотерику, мистику и так далее. На моём опыте ни у кого не получилось этого сделать. Либо мистика и сверхъестественное становятся научными (или имеют потенциал таковыми стать), либо наука сужается до размеров естественных дисциплин. Задачей тех людей, которые хотят составить универсальное определение науки, является такой подбор параметров, которые смогут соответствовать данным требованиям. Но и такое определение будет скорее обусловлено тем, что мы спонтанно начали называть научным в рамках исторического развития. То есть мы в таком случае попытаемся подогнать определение под исторически сложившееся словоупотребление. И, вероятно, конфликт между разными определениями не будет изжит даже в случае нахождения наиболее удачного подхода, в достаточной степени описывающего все академические науки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определение науки — процесс крайне сложный и проблематичный, потому что это слово само по себе носит очень большой авторитетный вес. Слово «Наука» вызывает трепет и безропотное почитание у образованных и необразованных людей, потому что «науке нас учат в школе», «на науке строится образование», «наука даёт объективные знания о мире», «наука создала мир вокруг нас», но в итоге оказывается, что мы толком и не знаем, что такое наука. В погоне за защитой этого великого слова или его критике люди умножали разнородные определения и перемешивали их между собой. Многие подходы отдельных людей, среди которых множество ученых, представляются непоследовательными в своих смешениях, а данная глава предназначена для того, чтобы у нас появилась возможность более конкретно и предметно рассуждать о демаркации и её последствиях. Для многих людей, например, не очевидно, что если мы совмещаем социальное определение и фальсификационистское, то главным критерием отделения научного от ненаучного будет именно второе. Да и мало кому хочется разбираться во всех этих философских рассуждениях, ведь «учёный лучше знает, чем он занимается». Как бы не так. Более того, ученый заинтересован в том, чтобы его дисциплина носила гордое имя «наука». И свои определения специалисты из разных дисциплин нередко стараются выбирать так, чтобы их дело обязательно оказывалось научным.

Мы живём в мире, где слово «наука» выступает в роли некоего бога и судьбы во многих областях нашей жизни, но мы не знаем и не можем достаточно точно определить, что это такое. Получается, что за словом наука не стоит совсем ничего? Она то практика, то теория, то сообщество, то объективность, то конвенция — не слишком ли много смыслов и подходов вмещается в одно слово, которое по какой-то невероятной причине имеет глубочайший религиозный авторитет? Вам нравится наука? Но что же это такое? Что она для вас? Вы дадите некое определение, а потом окажется, что оно либо является

неточным, либо противоречивым, либо бессмысленным. И окажется, вы не знаете, что вам конкретно нравится.

Сложностей здесь, как мы могли увидеть, предостаточно. И даже не вполне понятно, нужно ли их каким-либо образом разрешать. Может быть, достаточно сказать, что наука — это ничто. У неё нет определений. Это множество с переменным содержанием, которое мы формируем в дискурсе согласно нашим субъективным или интерсубъективным потребностям. Впрочем, в данной работе я буду преимущественно критиковать науку, которая понимается в методологическом ключе, то есть как метод создания фальсифицируемых натуралистических теорий.

Таблица сциентизма

	Сильный	Слабый
Узкий	Естественные науки единственный источник знаний, обоснований и рациональных убеждений	Естественные науки лучший источник знаний, обоснований и рациональных убеждений
Широкий	Все науки единственный источник знаний, обоснований и рациональных убеждений	Все науки лучший источник знаний, обоснований и рациональных убеждений

Таблица является бессмысленной и вот почему: во-первых, люди категорические редко транслируют один из предложенных подходов. Многие начинают с сильного тезиса, а потом переходят на слабый. Если у них получилось защитить слабый тезис, то в следующих дискуссиях они могут опять возвращаться к сильному. Лишь небольшое количество людей может быть описано данной таблицей. К сожалению, мнения не являются формальными структурами, и люди не придерживаются конкретных утверждений. Разница между сильной и слабой версией не так уж и сильна. Более того, я категорически не понимаю, что такое «лучший» источник знаний. Знание – это обоснованная истина, а истина – это соответствие наших представлений реальности. Я, честно говоря, не уверен, что представления науки соответствуют реальности, а потому

говорить о знании не могу. Более того, зачастую индуктивные доказательства науки не кажутся мне лучшим подходом, потому что индукция почти всегда оказывается неполной, а потому вероятностной. До тех пор, пока мы не знаем истину, невозможно заявить о том, что наука – это лучший источник знаний. До тех пор, пока мы не знаем истину, трудно сказать, какую методологию лучше всего было бы применять для её открытия, а потому не можем быть уверены, что используем лучший метод обоснований. Исходя из двух последних пунктов, я бы вывел, что наука не может быть лучшим источником рациональных убеждений, потому что содержит ряд фундаментальных проблем. Впрочем, также я не понимаю, почему мы должны вообще стремиться к рационализации наших убеждений. Как будто это что-то однозначно хорошее. Это тоже не очевидное положение.

Во-вторых, разделение на узкое и широкое определение науки не выдерживает никакой критики. Широкое определение науки (выходящее за пределы естественных наук) перемешивает буквально всё в одну огромную кучу, с которой оказывается достаточно трудно разобраться. Конечно, если мы подразумеваем, что наука — это и физика, и социология, и философия, и религиоведение, и история, то никакого антисциентизма нет, но существует академическая критика внутри самой науки. У естественных наук, к примеру, есть критерии и общие стандарты, а также целостная картина мира. А вот у всех наук в широком смысле нет ничего подобного. Здесь всё, как и в большинстве других случаев, зависит от определения. Если мы понимаем под наукой одно, то рационализируем её одним образом; если же понимаем другое, то и путь рационализации будет другим.

Само слово "наука" по-прежнему не имеет строго критерия, что не может не огорчать. Разделение же науки (естественного и натуралистического дискурса) и других академических дисциплин позволяет нам более просто и тонко описывать те же самые вещи. Например, куда проще говорить о едином научном методе, когда мы не выходим за пределы естественных наук. Также проще описывать противостояния внутри академической среды, когда антисциентисты (противники естественнонаучного метода) критикуют сциентистов (сторонников естественнонаучного метода). Наука как всё хорошее (эффективное) против всего плохого (неэффективного) не кажется хорошо сформулированной проблемой, потому что, опять же, в широкое определение науки входит достаточно большое количество дисциплин, и не понятно, какие общие критерии эффективности у них вообще имеются. Объективность? Филологи со своими разборами текстов могут посмеяться. Вообще, герменевтика как методология умножения интерпретаций тоже, видимо, может не рассматриваться как объективная⁹. Проверимость и воспроизводимость? Мы же говорим про гуманитарные и социальные науки. Все признают, что по этим параметрам они принципиально слабы.

Антисциентист почти никогда не определяет науку через широкое определение. Потому в целом и оказывается возможен академический антисциентизм, в рамках которого встречаются философы, социологии, гуманитарии и многие другие представители неестественных наук. Антисциентизм выступает против догматического естественного метода и против догматичности

⁹ Какая может быть объективность, если многие гуманитарии обращают особое внимание на субъективный аспект и считают это наиболее эффективным подходом к исследованию текста или произведения искусства, а через субъективную интерпретацию и самих себя?).

научной (естественной и натуралистичной) картины мира. Антисциентист легко может использовать материалы религиоведения, истории, философии и социологии, чтобы критиковать науку (естественную науку). Ввиду этого антисциентизм по своему содержанию оказывается не бессмысленным, ибо есть конкретный подход и получаемая из него картина мира (наука) и есть разные подходы к его критике (антисциентизм).

Когда мы говорим слово «наука», чаще всего в голову приходят имена естествоиспытателей, а не, скажем, филологов или социологов. Широкое определение науки выходит за границы обывательского представления, но это не самое страшное. Помимо этого, такой подход к определению лишает слово «наука» какого-то точного критерия. И мы в принципе теряем предмет разговора. Давайте попробуем классифицировать с помощью данной таблицы те представления о сущности науки, которые у нас получилось добыть. Очевидно, что одной из разновидностей широкого определения будет социологический взгляд на науку. Если говорить об узком определении, то «узким-сильным» мы назовем объективизм, а «узким-слабым» – фальсификационизм и, возможно, инструментализм.

Также важно заметить, что эта таблица является довольно поверхностной, потому что на практике люди легко подменяют один подход другим. То есть это не исчерпывающее представление о том, какими могут быть мнения о науке. Даже наоборот: один и тот же человек в одном предложении может говорить с позиции того, что наука всего-то лучший метод познания, а потом утверждать, что – единственный и никаких альтернатив нет. Это обычная практика дискуссии с любым сциентистом вне зависимости от уровня его

компетенции в науке (за редчайшими исключениями). Один и тот же человек то объективист, то фальсификационист, то инструменталист, то начинает защищать науку как некое единое сообщество. Почему оно происходит именно так? Мне думается, что наука имеет за собой ряд мифологически сформированных образов. Притом, у каждого человека они отличаются. Чаще всего мы имеем такую мешанину образов относительно науки, что ни одно определение не может в достаточной мере уместить их без противоречия. Именно поэтому любая последовательная попытка трактовки науки обязательно сталкивается с игнорированием многочисленных образов и лишением разных дисциплин научного статуса. Слишком широкие определения науки (например, социальное) позволяют вместить в это слово также и дисциплины, которые в рамках научной мифологии не входят в спектр научных образов¹⁰. Чем конкретнее, понятнее и точнее определение науки, тем больше дисциплин им игнорируется. Именно поэтому мне кажется, что данная таблица сама по себе является довольно проблемной, потому что не рассматривает промежуточные формы мировоззрений относительно науки и не стремится показать неоднозначность и непоследовательность сциентистов.

¹⁰ Например, магия, астрология, теология, тарология тоже могут рассматриваться как науки с точки зрения социологии, если все эти группы сообществ начнут совершать «научные» действия, писать диссертации, статьи и посещать конференции.

Гегемония науки и плюрализм – **homo scientificus**

Параграф 1: Сакрализация науки

Для подавляющего количества людей наука — это тема, которую нельзя обсуждать в критическом ключе. Постфактум это рационализируется таким путем: в науке есть механизмы самокритики, а мы не специалисты, чтобы этим заниматься. Проблема заключается в том, что такая рационализация абсолютно бесполезна, ведь она в принципе разрушает любые основания для критики чего угодно. Например, в марксизме тоже есть механизмы самокритики и, конечно, специалистом, освоившим хотя бы Маркса и Энгельса, мы не являемся. Запрет на выдвигание критических положений в сторону в сторону самокритикующихся систем (каковыми являются разные философские системы и большие религии) и требование от критикующего подтвержденной специализации делает внешнюю критику (внеаучную или внерелигиозную) невозможной, ведь ты не ученый (поп, профессор марксизма, монах), чтобы критиковать науку (христианство, марксизм, буддизм).

Другое достаточно обширное множество людей готово обсуждать науку, но не с позиции критики её методов и положений, но с позиции оправдания науки перед критиками. Притом оправдания чаще всего происходят любой ценой, потому что эти люди понимают под наукой самое лучшее и эффективное. Хорошо хоть степень сакрализации науки у них чуть меньше, чем у предыдущей группы,

что позволяет эту тему вообще обсуждать. Такие люди чаще всего спекулируют на неточности определения науки, подменяют понятия, разбрасываются хвалебными эпитетами в адрес науки, игнорируют сильную аргументацию, которая приводит нас к сомнению в научных данных и теориях. Этим людям свойственно иметь размытые представления о научной методологии, а от того нет такого критерия, из которого эти скользкие угри¹¹ не смогли бы вывернуться.

Для меня очевидно, что такая сакрализация науки в среде обывателей и, что самое главное, самих ученых — это та черта, которая роднит науку с религией. Сакрализация науки очевидна, если смотреть на весь этот цирк со стороны, но научные догматики унаследовали из Эпохи Просвещения один существенный недуг, который отличает их от христиан: они признают за собой свободомыслие (которого у них нет) и думают, что они убеждены в вещах, в которых невозможно усомниться, а во всем, в чем имеет смысл сомневаться, они сомневаются (что тоже, конечно же, не так). Нереплексивное использование ярлыков "свободомыслия" и "скептицизма" формирует недуг игнорирования собственной необоснованной убежденности. Таким образом *homo scientificus* является одним из самых необоснованно убежденных людей за всю историю существования человечества и, одновременно с этим, единственный так рьяно отрицает свой догматизм.

Сакрализация фигуры учёного заключается в ряде позиций:

1. Учёный в представлениях людей (включая самих ученых) несёт пользу, хотя это в подавляющем большинстве случаев неправда.

¹¹ Отсылка на то, как буддисты называли своих оппонентов.

2. Ученый во всём сомневается, хотя это самая наглая и глупая ложь, которую только можно вообразить. Человек, который воспроизводит эту формулировку по отношению к ученым, вообще может быть объявлен недееспособным для дискуссии по данной теме, потому что апеллирует к нелепым фантазиям и стереотипам, при этом не пытаясь проанализировать самого учёного. И в чём же учёный не сомневается? Ответ прост: минимум в методологии. Можно накидать множество примеров догматичности ученых, и нельзя привести ни одного примера учёного, который был бы абсолютным скептиком. Люди, которые спекулируют сомнением применительно к научному способу догматического исследования мира и к догматичным ученым, — это сумасшедшие религиозные фанатики, ослепленные своими кумирами.

3. Ученый обладает критическим мышлением. Здесь сразу две проблемы: 3.1 непонятно, что такое критическое мышление, потому что разные авторы указывают на абсолютно разные его черты (кто-то опирается на сомнение, кто-то на анализ, кто-то на приведение своих мнений в научную форму, кто-то говорит о рационализации); 3.2 ученый почти никогда не применяет критическое мышление (как бы мы его не понимали) к философским основаниям своей дисциплины, а рассуждает о ней в обывательском ключе, но при этом вся критика в рамках его научной деятельности есть лишь применение научного познавательного алгоритма к своей специальности. За пределами собственной специальности ученые чаще всего оказываются безоружными идиотами, чьи позиции почти никогда нельзя назвать более ценными и основательными, чем позиции обычных людей с улицы (очень странно, что такое свойство как "критическое мышление" у одного и того же человека то включается, то выключается в зависимости от того, является ли обсуждаемая тема

частью образования ученого). То есть сам ученый редко обладает "критическим мышлением", за него функционируют вполне простые и понятные правила, которые существуют в академическом сообществе. О каком критическом мышлении может идти речь, если учёный в подавляющем числе случаев — это просто высококвалифицированный послушный офисный (лабораторный, библиотечный) работник, выполняющий свои функции? Чтобы быть ученым, даже мышление как таковое не нужно. Не то чтобы критическое! Можно обойтись вообще без мышления в науке, что в скором времени продемонстрируют всевозможные нейросети.

4. Ученый мыслит свободно. В прошлом пункте в достаточной степени было показано, что ученый — это не просто несвободно мыслящий человек. Ученый — это такой человек, который по уровню несвободы своей мысли обгоняет всех догматиков за историю человечества. Ученый подчиняется правящей вокруг него методологии и традиции. Вы можете привести в качестве контрпримеров уникальных ученых, борцов за новаторство и новые методологии, но по факту таких людей за всю историю существовало несколько сотен или в лучшем случае тысяч, а всего ученых стадных, послушных, совершенно немыслящих — миллионы. Рассуждая об ученых, вы приводите в качестве примеров Ньютона, Галилея, Эйнштейна. У них тоже были проблемы со свободомыслием и догматизмом, но, допустим, эти люди действительно могли мыслить свободно относительно остальных. Большинство ученых даже близко не стоят к этим людям. То есть, рассуждая об ученых на примерах Эйнштейна, Галилея и Ньютона, вы всего-то совершаете ошибку выжившего.

5. Сами ученые часто считают, что они мыслят свободно, сомневаются, обладают критическим мышлением и несут пользу людям, хотя несложно убедиться, что всё это неправда. Народная лесть гипнотизирует научное сообщество и формирует чувство собственной важности каждого отдельного учёного.

Людям нередко свойственно переносить на ученых и науку своё мировоззрение. Таким образом они делают науку частью своей зоны интеллектуального комфорта, а также оправдывают её в своих глазах. Например, какой-нибудь агностик с большей вероятностью будет рассуждать о науке как о некотором инструментальном или агностическом проекте, в рамках которого мало кто вообще занимается познанием (достижением обоснованной истины). Все ученые (или хотя бы большинство из них), по его мнению, понимают, что познание в рамках науки осуществить невозможно, а сам научный процесс нужен для, например, практических целей. С другой стороны, марксист наоборот будет настаивать на том, что наука имеет доступ к истине и может её открывать, а если человек в рамках науки к истине не стремится, то он и не ученый вовсе. Верующий христианин будет видеть религиозные пласты науки и уверять нас, что значительная часть ученых — христиане, а наука в целом религии не противоречит и даже дополняет её. Какой-нибудь «скептиконщик», который искренне и догматично убежден в том, что во всем надо сомневаться (кроме науки), с большой вероятностью будет верить в то, что и ученые во всем сомневаются. Человек, оправдывая науку, очень часто делегирует ей своё мировоззрение, потому наука в его глазах заслуживает доверия.

Наука — это центральный идол современной цивилизации, а потому люди переносят на науку самое ценное, что у них есть, то есть

своё собственное мировоззрение. И это очень щедрый подарок, который дарует ученым власть над умами обывателей. Учёный в глазах многих оказывается союзником, поддерживающим их мировоззрения. И благо, что академическое сообщество, которое часто и ассоциируется с наукой, переполнено людьми с очень разными убеждениями и мировоззрением. Здесь найдутся специалисты на любой вкус: агностики, феминистки, скептиконщики, христиане, мусульмане, буддисты, платоники, инструменталисты, фальсификационисты, наивные позитивисты, марксисты — осталось только использовать cherry picking, чтобы отобрать удобных для собственного мировоззрения ораторов.

Параграф 2: Доступность и проверяемость научных данных и теорией

Существует удивительный предрассудок, согласно которому наука предоставляет доступные и проверяемые данные, в которых может убедиться любой желающий. Это чистой воды обман. Во-первых, значительная часть научных данных для понимания требует освоения нетривиального математического аппарата, что точно не является доступным для большинства людей. Более того, имеются сомнения, что истину вообще можно выразить на математическом языке. Во-вторых, необходимо освоить язык той или иной научной дисциплины, что опять же представляется довольно сложной задачей. И мы также не можем быть уверены в том, что этот язык (и какой-либо ещё) принципиально способен выразить и описать наблюдаемые явления и законы. В-третьих, неплохо было бы провести сам опыт, но чаще всего никакой обыватель ничего подобного сделать не может.

Существуют лишь привилегированные группы людей, которые могут иметь к опыту прямое отношение, а также описывать его и делать из него выводы. Чаще всего выводы строятся на неполной индукции и являются сомнительными. Обыватель же имеет возможность только прочесть о том или ином опыте. Не будет же он сооружать коллайдер у себя во дворе или закупать самые лучшие технологии. Наука – дело элитарное. И занимаются им отдельные элиты, имеющие определенные методологические и онтологические убеждения. Наука точно не является доступной, а потому приходится верить на слово великим специалистам. Вероятность ошибки довольно велика.

Если бы у всех групп религиозных людей и философов был доступ к тем технологиям, которыми располагают учёные, то, мне видится, что все они справились бы с преломлением полученного опыта к своим убеждениям. Впрочем, важно также помнить, что внутри религии и философии куда меньше интеллектуальных специалистов, которые готовы заниматься подобными опытами. Наука сконцентрировала в себе довольно большое количество относительно неглупых людей, которые смогли освоить частные методы. Ученых – миллионы, а философов в том или ином направлении по всему миру в лучшем случае – сотни. Тут мы сталкиваемся с несопоставимостью науки и каких-то направлений мысли и религиозных верований.

Потенциально трактовать научные данные магически, метафизически, феноменологически – можно. И мы видели множественные примеры этого в истории философии. Чего только стоят работы Шеллинга по типу «Идей к философии природы». Но всегда важно помнить, что свои трактовки ученые создают

коллегиально, а вот философы и религиозные деятели нередко оказываются один на один с бездной фактов из разных дисциплин, а против них тьма специалистов-натуралистов, готовых обвинять людей в шарлатанстве и глупости за мельчайшие ошибки. При этом авторитет ученых чаще всего легко может спровоцировать недовольство сциентической публики, которая будет оказывать психологическое давление на того или иного философа, теолога или мага. В условиях психологического давления работать может далеко не всякий человек.

Данные науки менее доступны и проверяемы, чем тот же духовный религиозный опыт или набор буддийских медитаций. Когда буддист говорит, что для проверки его высказываний необходимо входить в определенные состояния, сциентисты обычно отнекиваются и предпочитают наблюдать со стороны. Когда же речь касается их глубинных убеждений, почему-то все группы людей обязаны изучать абсолютно сомнительные научные методы, ведь только тогда они будут "доступными". Правила игры науки категорически сомнительны, но научные фанатики настолько преисполнились в эпистемологической власти, что требуют от всех следовать их догматам и заветам, но при этом сами не желают играть по чужим правилам. Очень удобная, ничем не обоснованная и однонаправленная игра получается.

Для «доступности» организуются многочисленные университеты и школы, в рамках которых человек должен обучаться в районе шестнадцати лет (10 лет школы, 4 – бакалавриата и 2 магистратуры), а если он хочет прослыть специалистом, то и все двадцать (3 года аспирантуры и, допустим, год на подготовку и защиту диссертации). Вот такой вот уровень доступности, который

требует от тебя двадцати лет обучения. Освоить какую-нибудь буддийскую медитацию можно за несколько месяцев.

Никогда за всю историю человечества образование не было столь массовым и одновременно с этим догматичным. В современном образовании нет места альтернативным мнениям. Оно не рассказывает о многообразных мировоззрениях¹². Для многих людей начальный период жизни проходит под лозунгом поклонения науке. И этого не избежать, так как образование массовое, а от полученного образования нередко зависит будущая работа человека. При этом за шестнадцать лет сколько всего успеет проверить человек? Малую часть. О многом он просто прочитает в книгах и поверит на слово. Он доверится ученым, которые рассказывают ему о том, что опыт происходил именно так, а не иначе. И еще ему расскажут о том, что научные трактовки опытов являются верными.

В рамках физического образования студенты могут провести значительную часть тех опытов, которые проводились в прошлом. Притом, скорее, в далёком прошлом. И то все это будет под надзором старшего коллеги, который расскажет им о том, что означают те или иные результаты. Это довольно предвзято.

Огромное количество данных в рамках науки невозможно проверить. Мы можем лишь удовлетвориться тем, что то или иное научное утверждение проверено несколькими «независимыми» группами исследователей. Но насколько они независимы? Они

¹² Существуют только отдельные дисциплины, которые могут раскрыть альтернативные мировоззрения. И то в случае с религиоведением чаще всего в критическом ключе. А к философии подавляющее большинство студентов и так не относится серьезно, потому что это «просто мнение мужиков из прошлого». Кому вообще может быть интересно мнение людей, которое противоречит современной науке?

получили одно и то же образование, пользуются одинаковыми методами, одна и та же система промыла им мозги. В каком смысле их можно назвать независимыми? Только в том смысле, что они независимы относительно друг друга, но не относительно научного общества. Из-за догматичности научной системы я бы не исключал катастрофических ошибок. Например, те же «независимые» теологи из разных городов с Средние века могли приходить к похожим выводам. Почему? Потому что они истину в чистом виде транслировали? Нет, потому что, на самом деле, они были зависимы от той познавательной системы, которая доминировала в их время.

Более того, сциентисты с удовольствием подсунут нам вместо проверки теории проверку той или иной практики, что является вещами принципиально разными. Одно дело – это подтвердить с помощью одного эксперимента существование некоторого физического закона¹³, а другое дело – оценить эффективность того или иного медицинского метода на практике. Второе я бы вообще не считал научным. Практика всю историю человечества развивалась независимо от науки, а привязывать из друг к другу мы начали относительно недавно. Оценить эффективность того или иного метода не так уж и сложно, а те способы, которые существуют в академическом сообществе, представляются мне вполне релевантными. Только к науке это не имеет никакого отношения. Я же говорю о проверках более существенных тезисов, теоретических. Смешивать одно и другое не стоит.

¹³ Спойлер. Одним экспериментальным фактом и даже множеством фактов невозможно доказать никакой закон природы и никакую теорию. Индукция так не работает.

Параграф 3: В защиту научпопа

Научпоперы — козлы отпущения от науки. Когда они выражают крайне распространенную в научной среде позицию, например, об убожестве философии, то на жалобы в адрес ученых появляются защитники науки как таковой, которые рассуждают о популизме научпоперов и обвиняют их во всех грехах. Панчин для них не ученый, Докинз тоже, Хоккинг и все остальные – не представители научного сообщества в целом, а лишь люди, которые выражают свое личное (хоть и крайне распространённое в научных кругах) мнение. При этом я бы зафиксировал, что эти персонажи намного догадливее и, возможно, даже умнее большинства ученых, которых я встречал за всю свою жизнь. Не нужно делать вид, что есть какая-то святая правильная наука и еретики научпоперы, виноватые во всем.

Мой антисциентизм не направлен против научпоперов и научпопа. Они лишь следствие из догматической эпистемологической системы, которую создала вокруг себя наука. Для большинства критиков околонуучного контента они оказываются отдушиной, которая позволяет выплеснуть негодование в адрес разных научных представлений (от теории эволюции до каких-то менее убедительных теорий). При этом люди делают вид, что лучше понимают науку, чем сами учёные, не являясь при этом ни учёными, ни исследователями в рамках социологии или философии. Научпоперы – это довольно популярные персонажи, которые пытаются в упрощенном виде преподавать научное мировоззрение и картину мира. Нередко сами научпоперы имеют научные степени и являются исследователями в некоторых важных отраслях научного знания. Впрочем, даже самые компетентные из них принимают удары за всё научное сообщество.

Стоит научпоперу сказать, что наука противоречит религии (а ведь противоречит), сразу появляются верующие сциентисты, которые хотят усидеть сразу на обоих стульях. Они начинают упрекать научпопера в невежестве (иногда пользуясь прочими оскорблениями), а также добавляют ультимативный аргумент, согласно которому в прошлом почти все учёные были верующими. Как будто это как-то указывает нам на отсутствие противоречия науки и религии. Словно не может быть такого, чтобы учёные прошлого заблуждались и имели противоречивые взгляды на мир, а также не может, видимо, быть ситуации, в которой наука и научные принципы постепенно развиваются и приходят к противоречию с религиозными догматами. Научпопер в своем «невежестве» здесь, конечно же, остается крайним, а все остальные ученые, большая часть из которых либо атеисты, либо деисты (то есть не христиане и не мусульмане), либо воздерживающиеся от суждений в данном вопросе – спокойной продолжают заниматься своими делами.

Более того, мне не кажется, что научпоперы выполняют функцию популяризации науки, потому что наука и без того популярна. Её преподают в школах и университетах. Научное мировоззрение является одним из самых авторитетных. Даже те люди, которые презирают научпоп, обыкновенно пытаются прикрываться наукой и научностью. Может быть, какие-то незначительные группы людей стали сциентистами благодаря деятельности некоторых харизматичных ораторов, но в разрезе всей популяции их процент не кажется мне большим. Я вижу научпоп таким образом: люди пиарятся на бренде науки, принимая при этом критику.

Науке как социальной системе нужны такие козлы отпущения, чтобы они принимали на себя критику и в глазах многих понижали свой социальный статус. Если в глаза большого количества людей ошибка того или иного мусульманина отражается на всём исламском сообществе, то в случае с наукой это так обычно не работает. То есть понижение социального статуса научпопера никак не вредит научному сообществу. Люди могут ненавидеть ученого Докинза, который выражает мнение огромного количества биологов по разным вопросам, но при этом сама пронизанная натурализмом биология совсем не страдает даже в глазах большинства верующих. Это Докинз дурак! Он не понимает, что биология и христианство друг другу не противоречат! Он не понимает, что есть великий бог Иисус Христос, который скоро снова придёт, оживит мертвых и создаст прекрасный рай! Он не понимает, что Иисус – это богочеловек, который рожден непорочно, а также воскрес после жестокой гибели! Глупый Докинз! Остальные-то биологии, вероятно, ничего против этих положений не имеют. Так и получается, что научпоперы берут на себя весь удар, а вот авторитет научного сообщества не страдает. Эти же верующие, скорее всего, попытаются отыскать какого-нибудь биолога-христианина, чтобы противопоставить его злосчастному Докинзу. И тогда многим может показаться, что на одной чаше весов у нас Докинз, а на другой – верующий ученый. Как будто бы их мнения равновесны, и как будто бы они выражают позиции равнозначных групп людей в рамках науки.

Забавно наблюдать за тем, как люди, презирающие натурализм и научное (натуралистическое) мировоззрение, пытаются защитить науку в своих собственных глазах, а потому постоянно нападают на передовых научпоперов, транслирующих научную картину мира. Это удивительный феномен, который нередко проявляется в человеческих

группах. Нечто похожее было и в христианстве, когда всевозможные еретики считали себя большими христианами, чем основная часть данного сообщества. Они спасали «христианство» как некоторое слово, то есть идол, который не имел для них того же значения, что и для основной группы христиан. То же самое сейчас происходит с наукой, но удар принимают научпоперы.

Нет никакого смысла сражаться против научпопа. Ни для христианского, ни для скептического, ни для буддийского подхода в этом нет никакой пользы. Научпоперы – это лишь незначительные миссионеры научного мировоззрения. И в большей степени философов и религиозных людей должно волновать само натуралистическое научное мировоззрение, которое имеет преимущества над всеми прочими благодаря всеобщему школьному и университетскому образованию.

Научпоп отвлекает многих религиозных людей и философов от главной проблемы, то есть от тотальной натуралистичности самой науки. Эти люди чаще всего не понимают, что сама наука является их главным идеологическим врагом, обладающим несопоставимым влиянием и ресурсами. Мало кто сможет признать, что он выступает против науки как таковой. Мало кто сможет серьезно критиковать научную методологию. Наука настолько священна, что прикасаться к ней не стоит, иначе тебя начнут называть мракобесом и шарлатаном, а для многих людей – это клеймо на всю жизнь. Многим не хватает смелости для того, чтобы критиковать саму науку, а потому научпоперы и становятся крайними.

Все-таки это какой-то конкретный научпопер критикует вашу религию или философию. Вам просто не обращать внимания на то, что научное сообщество почти целиком такое, а научное образование

и мировоззрение активно пропагандируют неприятие альтернативных форм описания окружающего мира. Чего стоит формат преподавания философии в ВУЗах! Не удивительно, что философия у большинства людей ассоциируется с рандомными и необоснованными мнениями безумных мужчин из прошлого, а оправдание философов из уст сциентистов звучит нередко так: «они просто не знали тех вещей, которые мы знаем сегодня». Как будто мир идей Платона был опровергнут каким-то фактами.

Важно помнить, что для представителей разных мировоззрений главным и наиболее опасным врагом на данный момент является наука, а не научпоперы. Научпоперы – это лишь следствие. Научное (натуралистическое) мировоззрение противоречит любой религии и любой полноценной философской системе. Наука – это главный идеологический враг для нас всех. Более того, наука – это тот фактор, который без должной борьбы приведёт к большому упадку религии и философии. Наука увеличивает число своих адептов абсолютно нечестным образом. Она спонсируется государством и многочисленными меценатами, а также проникает во все образовательные учреждения, через которые проходит подавляющее большинство людей. Когда вы поймете, что наука – это главный враг вашего мировоззрения, то борьба с научпоперами отойдёт на второй план. Вы больше не будете доказывать, что тот или иной научпопер недостаточно научен. Вы будете ниспровергать научность саму по себе, чтобы остановить экспансию науки.

Параграф 4: Презрение сциентистов к философии науки

Сциентисты в среднем довольно плохо относятся к философии науки, потому что она предлагает конкретные объяснения того, чем наука является или должна являться. Сами же сциентисты привыкли в своем слепом поклонении размыывать понятие науки и употреблять оценочные эпитеты в духе: объективная, эффективная, лучшая. Сциентист не понимает, что философия науки и наука соотносятся как религия и религиоведение. Дать определять науку ученым и сциентистам то же самое, что дать определять религию попам и монахам. Сциентистам не нравится, что их маньяфантазии о науке могут быть опровергнуты логически и на конкретных примерах. Им не нравится, что их определения внутренне противоречивы и избыточны. Им не нравится, что конкретизация слова "наука" позволяет реализовать против их священной коровы ряд критических выпадов, которые неуместны по отношению к подобной святыне.

Без уважения к философии науки, как мы видим, в академической среде создается какофония методов, подходов, предметов и учений, которые невозможно подвести под единую черту. Без философии науки представления о ней складываются хаотично. Безумный снежный ком непонятно чего продолжает увеличиваться год от года.

Ученые чаще всего имеют крайне идеализированные представления о том, как устроена наука. И у этого есть причины. Ученый предвзят по отношению к науке, она занимает значительную часть его жизни, а усиление и утверждение науки — это в том числе усиление и утверждение самого ученого. Анализ науки от ученого

чаще всего аналогичен анализу поэзии (как культурного феномена) от поэта или анализу прозы (как культурного феномена) от прозаика. Чаще всего, тот, кто хорошо владеет своим делом, плох в том, чтобы его анализировать, потому что анализ перемешивается с крайне субъективными эмоциями, пристрастиями и касается человека напрямую. Кроме того, ученые не смогли выделить науку, которая бы анализировала научную методологию и осмысляла науку как таковую. Метанаучные исследования ведутся в области философии и социологии. И это правильно. А вот позиции обыкновенных ученых по вопросам науки чаще всего не систематичны, беспредметны и не относятся к какой-то строгой дисциплине.

Параграф 5: Научная экспансия

Широкое определение науки — это, как мне видится, форма лингвистической экспансии сциентизма, потому что благодаря этому определению становится возможна спекуляция на тему того, что наука содержит в себе все эффективные и успешные познавательные практики в разных областях, что укрепляет статус наук в целом. Также широкое определение усложняет критику естественных наук как таковых, потому что постоянно приходится оговариваться на тему того, что речь идет об естественных науках. Да, методология естественных наук не выглядит такой догматичной, если есть и другие "научные" дисциплины с другими методологиями. Широкое определение науки не является точным и по факту ничего не определяет, но используется в основном для защиты догматов науки. Более того, благодаря этому определению гуманитарии и

представители общественных дисциплин могут тешить свое самомнение и приобщаться к пантеону подлинных наук. То есть на эмоциональном уровне оно удовлетворяет многих, но пока что никто не смог придумать достойный критерий, который бы реально позволил обособить науки в широком смысле от, например, теологии, астрологии, таро и всего прочего, следовательно, интеллектуально это определение не может удовлетворить.

Научная экспансия – дело обыденное для сегодняшнего дня. От неё страдают психология, социология и даже философия. Сциентизм и биологизаторство своими длинными щупальцами пытаются прорваться в те дисциплины, в которых для них может не быть места. Редуцировать всю социологию или психологию к биологии – обычное стремление многих исследователей в современной академической жизни. Научная экспансия распространяется на многочисленные области, среди которых оказывается и философия. Такие авторы, как Пинкер¹⁴, негодуют, потому что уровень экспансии кажется им недостаточным, а плюрализм социологии, психологии и философии – отвращает. Как ни странно, многим свойственно преуменьшать характер научной экспансии, но всевозможные сциентисты постепенно захватывают те области, в которых их объяснения являются чуть ли не самыми наивными. Социология? Так тут все можно объяснить через популяции. Психология? Тут мы применим знания из нейронаук.

И, честно, почему бы и нет? Действительно, многочисленные данные, а также взаимодействие разных академических дискурсов, могут обогатить ту или иную дисциплину. С этим я полностью

¹⁴ Стивен Пинкер «Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня»

согласен, но по факту одним обогащением дело не заканчивается. Сначала сциентисты несут вам свои данные, а потом требуют принять их догматическую парадигму, обвиняя все подходы внутри той или иной дисциплины в антинаучности. И всё бы хорошо, но инструментария биологизаторов и сциентистов обычно не хватает для того, чтобы в достаточной степени описать психику или общество, а потому их наглая экспансия чаще всего абсолютно не оправдана. Гормонами, нейронами, популяциями, естественным отбором и прочими волшебными словами трудно исчерпывающе описать культуры, общества и социальные взаимодействия. Социологи, культурологи и психологи потратили столетие, чтобы сформулировать некоторое количество адекватных подходов, но вдруг в их дисциплину врываются биологизаторы, требующие, чтобы всё это описывалось «научно», то есть на языке биологии, который формировался в исследованиях совершенно других явлений и чаще всего не подходит для описания уже имеющихся фактов. Это и есть научная экспансия.

Я могу обратить внимание на то, как наука пытается захватить многочисленные области философии. Мне видится, что за последний век философия сильно деградировала, потому что начала стремиться к наукоподобию. Исчезла системная философия, которая разрабатывала полноценные мировоззрения. Философы превратились в мелких академических специалистов, разбирающихся в конкретных вопросах. Большинство современных «философов» крайне комплементарно относятся к науке, а также используют результаты её деятельности в своих размышлениях, что для мыслителей в общем-то не обязательно. Например, аналитическая философия в вопросах о свободе воле и сознании почти всегда опирается на науку. Аналитическая философия (за исключением некоторых единичных

авторов) стала полноправной служанкой сциентизма. От философии не осталось былого величия. Теперь она состоит не из великих мыслителей, создающих системы, меняющие мир, а из маленьких офисных эрудитов, разбирающихся в конкретных темах.

Философия сильно слабеет, когда выполняет функцию "служанки". В Средние века от философии осталось одно слово, а мыслители того времени не создавали новых философских систем (почти как сейчас). Несмотря на многие важные для обсуждения темы, "философия" Средних веков была немощна и за тысячу лет с большим трудом смогла высидеть свою преемницу, науку. За всё тысячелетие не было создано ни одного мыслителя на уровне Платона, Аристотеля, Гегеля, Ницше, а появлялись лишь частные знатоки божественных откровений, по типу выдающегося Фомы Аквинского, которого у меня язык не поднимется назвать философом (создателем собственной системы взглядов). И каков итог? Многовековой технический и культурный застой. Очень медленное развитие идей и формирование дискурсов. Вот что случается, когда наука успешно проводит свою экспансию. И философы сами допустили это, а многие буквально мечтали уподобить свою систему науке. Отсюда и все разговоры в XIX и XX веках о наукоподобии и философии как строгой науке. Это привело философию к самоуничтожению.

Мы входим в Новое Средневековье, когда религию заменяет наука, представители которой во многом желают заставить философию служить ей. Со всех сторон (и со стороны философов, и со стороны ученых) звучат призывы к тому, что наука может обойтись без философии, а философии просто необходимо научное знание. Непонятно, только для чего оно необходимо, потому что в

рамках философии есть предпосылки, которые позволяют обоснованно отказаться от эмпирического опыта. Более того, философия вполне позволяет критиковать фальсификационизм и многие научные методы. Не совсем понятно, почему наука необходима для философии, но в то же время философия не является необходимой для науки, несмотря на то, что философия науку породила и позволила ей сформулировать основные методы, которые до сих пор используются учёными.

Подчинение философии продолжается уже около столетия. И результаты не утешающие. Научный догматизм достиг своего пика. Философы измельчали. У науки нет достойных оппонентов, которые могли бы критиковать её со стороны. Только идиот может быть убежден в том, что ресурсов самокритики достаточно. Если мы позволим научной монополии захватить всю сферу познания, то до следующего расцвета мысли нам придётся ждать много веков, до Возрождения (если оно вообще предвидится). У науки же не будет никакого интеллектуального контроля. Всех своих оппонентов уже сейчас ученые подавляют чистым авторитетом без аргументации. Ученые не видят никакой необходимости доказывать основные положения научной методологии и ту онтологию, на которой строится научное исследование (подразумевается натуралистическая онтология). Ученые вполне заняли место попов и теологов, а также обеспечили себе бронь от внешней критики (подобно попам и теологам). Это ведёт к закоснению позиций самих ученых и научного дискурса в целом. Это затрудняет проработку важных аспектов в основании науки, а потому многие ученые вполне могут простить себе невежество в философии науки. Эта философия им не нужна, потому что наука — это не предмет анализа, критики и разбора, а предмет беспрекословной и несомненной веры. Веры в

прекрасное будущее, технологическое спасение, достоверное и объективное знание, а анализ здесь недопустим, потому что иначе эта мифологическая картина мира развалится, а за её разрушением последует длительный период осмысления оснований науки. Этот период окажется болезненным, потому что заставит многих учёных думать (чего сейчас они делать не хотят), но в итоге и это принесёт свои плоды в виде развития наших представлений.

Критика науки необходима для неё же самой, но представители научного сообщества, как и религиозные люди, зачастую не признают ту значимость, какую оказала на них и может оказать внешняя критика. Философия потому не должна служить, так как, помимо порождения новых учений, она продуцирует неограниченное множество критики (нередко разного качества от очень плохой до крайне утончённой). "Служанки" не критикуют. Нет у них такого права. Впрочем, и другие области тоже должны развиваться. Критика науки со стороны психологии, социологии, культурологии также может быть крайне уместна и сильна. Нужно сделать всё возможное, чтобы остановить экспансию науки, а также позволить специалистам из разных областей направлять друг на друга критику в свободном режиме без идеологического притеснения и воздействия на группы адептов

Параграф 6: Научный миф

Трудно оценивать представления людей о науке, не прибегая при этом к прояснению концепции научного мифа. Дело в том, что люди так цепляются за это магическое слово не по причине того, что

явление, стоящее за ним, играет большую роль в жизни человечества (ведь этого явления, вероятно, даже не существует), а потому что сформировался определенный миф о могуществе науки и её связи с практикой. В этой работе мы ещё обсудим проблемы связи науки и практики, а также этой тема посвящена работа «Философия практики», а потому в данном параграфе мы не будем рассматривать причины, по которым теснейшая связь науки и практики легко подвергается сомнению. Здесь мы обратим внимание на подачу этого научного мифа.

Главным нарративом этого мифа является убеждение в том, что все блага, которые человечество имеет, возникли благодаря науке. Содержание термина «наука» чаще всего не проясняется, потому что при прояснении может разрушиться магический эффект всемогущей или, как минимум, очень могущественной (богини) науки, которая дарует своим детям всевозможные блага от электричества до интернета. «Знание сила» — повторяют люди с начала Нового времени, а знание, согласно их мифологическим представлениям, достигается научным путём. Благодаря знанию производятся технологии. Знание — это доказанная истина, а истина — это соответствие наших представлений реальности. Так вот, судя по всему, ни одна наука пока что не смогла добиться знания, если подходить к этому классическому определению с этой стороны. Но миф не остановить. Он живет в сердцах не только обывателей, но и самих ученых. Они веруют, что исследуют реальность саму по себе, а многочисленные трактовки опыта, которые они приводят, представляются истинными или крайне вероятными.

Многие люди вообще не понимают, как можно из ложных теоретических построений выводить работающую практику, но они

забывают, что практика не выводится из теоретических построений, а вырабатывается методом многочисленных проб и ошибок. Конечно, можно привести ряд примеров, когда теория подтолкнула к открытию практики или, когда некоторые теоретические модели (а модели – не суть теории) позволили описать параметры, необходимые для практики. Тут важно обратить внимание на то, что к математической модели можно прийти без теории. И для большинства ученых людей это большой сюрприз.

В системе мифологических представлений о всемогущей богине науке есть свои полубожественные герои, которые совершают подвиги не силой, а умом. Их чаще всего свойственно оправдывать и разные мировоззренческие лагеря пытаются перетащить ту или иную мифологическую персону в свой лагерь. Например, научные атеисты (то есть чистые сциентисты) нередко придумывают какие-то скрытые атеистические убеждения у ученых классического периода, большинство из которых, как мы знаем, были верующими (теистами или деистами). Научный миф, самый сильный из мифов, пытаются переплести со своим собственным мировоззрением, чтобы облагородить последнее.

Тема научного мифа переплетается с темой сакрализации науки и ученых. Они сами предстают перед собой в сказочном свете. Они видят себя критически мыслящими, скептиками, спасителями мира, а обыватель их буквально боготворит. Ученый оказывается помощником во всех делах и главным двигателем технического прогресса, даже если он и руки не приложил ни к какой технологии. В кино ученых показывают бравыми эрудитами, которые на ходу могут конструировать удивительные устройства. Но ведь ученые и инженеры – это довольно разные люди. Ученые часто плохо знакомы

с инженерией, а инженеры довольно поверхностно понимают науку. Как в сознании создателей кино уживается идея о том, что учёный может на базе своих теорий создавать новые технологии буквально сразу и без привлечения целых институтов и лабораторий – непонятно. Чем в кино занимается священник? Читает молитвы и проповеди, а также морализирует – всё как в жизни. Иногда киноделов заносит, и они рассказывают о всевозможных непотребствах, совершаемых священниками с детьми и прихожанками. Чем в кино занимается философ? Обычно это беспомощный балабол, рассуждающий о каких-то непрактичных вещах.

Ученый в медиа не такой. Ученый – супергерой, который может буквально всё. Никто ведь не будет рассказывать о том, как ученые совращают студенток и студентов в университетах, хотя это довольно распространенная ситуация. Никто не будет рассказывать о том, как ученые совершают глупости или категорически ошибаются за пределами своей специальности. Мало кто показывает настоящего ученого без купюр, потому что настолько сильна мифология науки, а вот мифы о философах (по типу Фауста) или благородных и могущественных священниках уже давно ослабли и перестали оказывать влияние на население.

Удивительно, но ведь большинство думает, что наука выступает против мифа. Для большинства людей наука и миф – это вещи противоположные. Но фактически в наши дни ни одно мировоззрение не располагает такой сильной мифологией, как научное. Наука – богиня. Ученые – святые. Научпоперы – миссионеры. Университеты – храмы. Но на всё это нельзя обращать внимание. Необходимо отрицать собственную веру и повторять, подобно мантре, формулу

критического мышления и сомнения, не критикуя и не сомневаясь. Сейчас принято рассуждать по методичке¹⁵, которая составлена сциентистами, но при этом верить в собственное неверие¹⁶, а также рассуждать о собственном сомнении. Такое положение дел можно назвать карго-культом по отношению к античному скептицизму. И самая большая проблема заключается в том, что все выше перечисленные аспекты очень часто характерны не только для обывателей, но и для людей образованных и учёных.

Параграф 7: Эпоха тотальной наивности

Современное общество наивнее обществ прошлого, потому что нас вынудили верить в постоянно проигрывающий и проваливающийся научный проект, да еще и верить так, чтобы мы отрицали сам факт того, что мы верим. Христиане прямо осознают, что они лишь верят, а не знают. В этом плане их степень наивности меньше, чем у современных людей, потому что претензия к степени знания (доказанности истины) значительно ниже. Очевидно, что «знающий» претендует на большее, чем верящий, а потому в случае ошибки или недостаточной доказанности своих убеждений он оказывается наивнее верящего.

¹⁵ Подразумевается, что методичка – это набор книжных формулировок, которые люди не задумываясь заучивают и воспроизводят. Получить доступ к «методичке» можно не только через книги, но и через общение с другими сциентистами, которые начитались других сциентистов.

¹⁶ На эту тему у меня есть статья «Страх Веры», в которой рассказывается о том, как слово «догматик» стало почти ругательством, а слово «вера» обрело очень негативные коннотации, а потому человек по отношению к себе старается не использовать их.

Но начнем по порядку. С распространением мифа о критическом мышлении для многих стало неприемлемым казаться некритичными и верящими. Даже христиане в современном мире пытаются казаться критичными. Критическое мышление для подавляющего большинства – это не набор компетенций, а способ казаться прогрессивным, не отстающим от времени.

Критическое мышление — это процесс активного и рефлексивного анализа информации и идей. Оно включает в себя оценку аргументов, выявление предубеждений и формулирование собственных выводов. Критическое мышление — это навык, который можно развить с помощью практики. Вот несколько примеров, которые показывают использование критического мышления:

- *«Задавайте вопросы: когда вы сталкиваетесь с новой информацией, задавайте вопросы, чтобы понять ее».* Только есть нюанс: я могу задаться вопросами о самом критическом мышлении. И меня эти вопросы уже будут отталкивать от критического мышления. Более того в обществе «критически мыслящих» абсолютно не принято задавать вопросы специалистами и исследователям. Ученый здесь свят по праву специалиста. Этот принцип легко сдастся перед наукой.

- *«Будьте скептичны: не принимайте на веру все, что вы слышите или читаете».* Но если вдруг я буду сомневаться в критическом мышлении или науке? Тогда сообществе критически мыслящих сочтет тебя сумасшедшим мракобесом. Ведь это именно так и работает в реальности. Сомневаться можно только во всем ненаучном, а будешь сомневаться в науке – то тебя начнут воспринимать негативно. Очень удобно, когда «критическое мышление» направляется куда угодно, но не в ядро твоей собственной веры.

- *«Сравнивайте и сопоставляйте: сравнивайте информацию из разных источников, чтобы получить более полное представление о предмете».* Только вот источники, основанные на науке, будут куда более достоверными, даже если ученые очевидно перепутали все термины и напрасно провели исследование по теме, в которой ничего толком не смыслят. А такое периодически происходит. Да и источников разных относительно исследовательской деятельности у нас очень мало, потому что наука уничтожила многочисленные альтернативы.

- *«Оценивайте доказательства: думайте о том, являются ли доказательства убедительными и надежными».* Притом убедительность доказательств будет определяться их научностью. Опять же, очень удобно, когда твоя система является центром всех «надежных» и «убедительных» решений.

- *«Формулируйте свои собственные выводы: не просто принимайте выводы других людей».* Только, очевидно, если эти выводы не будут совпадать с научными, то их ценность резко падает.

Как легко убедиться на практике, все каноны критического мышления не работают, когда речь касается науки и результатов научной деятельности. Науку нельзя подвергать сомнению, нельзя формулировать выводы, отличные от научных. Да и оценивать доказательства нужно по-научному.

Наука у современного человека вызывает ощущение тотального доверия. Большинству людей достаточно сказать «наука доказала», «это научный консенсус», «так считает профессор с 20-летним стажем», чтобы убедить в чём-то. Многие даже разбираться в теме не будут. Если профессор скажет, что головная боль лечится ударами о стену, то они так лечить и будут. Это ли не эпоха тотальной наивности, притом прикрытая лицемерным суррогатом критического

мышления? И было бы куда лучше, если бы человек признавал себя наивным и доверчивым, но сейчас принято казаться критическим и сомневающимся, даже если это совершенно не так. Да и общество требует от человека, чтобы он, не сомневаясь в науке и не критикуя её, признавал в себе критика и скептика. Это серьезный самообман, который в значительной мере ухудшает качество мысли многих людей.

Все же с наивным человеком, признающим свою наивность, спорить значительно проще. Куда хуже, когда вам попадается очередной наивный адепт критического мышления, считающий себя гением и борцом за научное просвещение. Он говорит, что надо во всем сомневаться, а потом с абсолютной уверенностью закидывает вас именно научными статьями и отстаивает свои догматичные тезисы.

Мне могут сказать, что всё же есть люди, которые доверяют науке не просто так, а после знакомства с многочисленными материалами. Давайте попробуем разобрать другие группы людей. Выше был обозначен уровень наивности человека, который не умеет работать с материалом вообще. Впрочем, в учебных учреждениях учат читать книги по теме и цитировать статьи. Для большинства людей из оставшихся список статей может заканчиваться пятью-десятью экземплярами. Это мы видим на примере многочисленных научных блогеров без степени. Они обыкновенно ссылаются на некоторое количество статей, думая, что при этом все доказали. Но, очевидно, что материалы отобранных статей могут оказаться ошибочными. Порой бывает так, что исследования по одной и той же теме дают противоположные результаты, а потому ограниченный набор научных статей и книг может ни о чём не говорить.

Осторожность здесь бы не помешала. При большой неудаче или ненамеренном желании отстоять ту или иную позицию мы можем собрать статьи с конкретным результатом, проигнорировав или недооценив противоположные результаты, которые могут оказаться верными¹⁷.

Важно помнить, что многие исследования проводятся спустя рукава, а некоторые даже оплачиваются корпорациями, которым выгоден конкретный результат. Впрочем, не следует упускать из вида и возможные ошибки исследователей, работающих прилежно. Не наивно ли доверять некоторому набору научных статей? Наивно. Но, вы скажете, нет ничего лучшего для неспециалиста, чем доверять тем или иным «надежным» источникам и избегать те источники, которые не доказали свою надежность. Когда речь касается медицины и технологий, я готов согласиться, потому что, как не посмотри, такие практические области легко поддаются оценке. Практику легко оценивать по уровню эффективности. Впрочем, я бы не переносил то же самое доверие на области более теоретические, потому что от решения теоретических проблем не изменится конкретно ваша жизнь и одновременно с этим стандарты и возможности подтверждения теории крайне низки. Не следует переносить уверенность в результатах одного рода исследований (исследований практических) на исследования иного характера.

И тут мне могут сказать, что все более высшие ступени невозможно охарактеризовать как наивные, потому что там люди действительно собирают информацию и анализируют её, но я, как и

¹⁷ Черри-пикинг (англ. cherry picking, досл. «сбор вишен») — это логическая ошибка, которая заключается в выборе только тех фактов или данных, которые подтверждают вашу точку зрения, и игнорировании тех, которые ее опровергают.

положено, замечу, что большинство из оставшихся преимущественно читает книги, а не проверяет опыты. Как в книге написано, так для человека оно и есть. В лучшем случае человек может взять большой набор литературы по теме, а после проанализировать его и занять определенную сторону, которая ему кажется более правдоподобной. Но гарантирует ли это истинность? Нет. Он читает научную литературу, которую считает самой объективной и лучшей. Его вера в науку довольно велика. Но это тоже крайне наивно, потому что нет никаких доказательств тому, что наука вообще может достичь истины по тому или иному вопросу. Речь, как вы понимаете, идёт не столько об эффективности тех или иных практик, так как в этом вопросе и речи не идет об истине, а только лишь о феноменальном мире и способах его оценки. Мы говорим про реальную науку, создающую картину мира с естественным отбором, законами природы и прочими недоказуемыми научными выдумками¹⁸. Очевидно, что люди, доверяющие учёным, крайне наивны. Они без каких-либо серьезных оснований верят в тексты науки, анализируют их, поклоняются научному сообществу и трепещут от его авторитета, при этом, в отличие от христиан, не осознавая собственной веры и подчиненности идолам.

Последним рубежом обороны наших соперников будут сами ученые. Они-то исследуют проблемы, а после делают выводы! Впрочем, и это не так уж и просто. Ученый – высококвалифицированный чтец специальной литературы. Большой части прочитанного он вынужден доверять и не может этого проверить, потому что у него просто не хватит на это времени. Он доверяет своим коллегам и всей научной системе в целом, даже если

¹⁸ Об их недоказуемости мы поговорим позже. Как вы понимаете, сначала мы обрисовываем проблему.

она строится на ложных методологических предпосылках¹⁹. Даже в рамках своей узкой специальности он вынужден в основном читать, но не проверять. Каждый ученый за всю свою жизнь может серьезно исследовать не такой уж и большой объем проблем и, тем более, провести хоть какие-то опыты. Почти каждый ученый находится в состоянии тотальной наивности, если доверяет абстрактным выводам науки. Ученый постоянно подчиняется авторитетам и верит в те или иные положения. Он не всезнающий сверхчеловек, владеющий абсолютной методологией. Это обычный офисный работник, который действует по вполне отточенному догматическому алгоритму. А потому в науке очень мало места для мышления.

Мы живем в наивном обществе, в котором немыслящие офисные работники в сфере познания, могут вещать свои натуралистические взгляды, практически не сталкиваясь с критикой. Любая критика будет остановлена авторитетностью величественного учёного, который почти наверняка исповедует ложные взгляды. Сомнение в науке никогда не было так мало, но люди прикрывают свою догматичность наигранным скептицизмом и ничтожным критическим мышлением, которое в конечном итоге не означает ничего. Ты должен наивно читать тексты привилегированной группы людей – вот и всё критическое мышление. Ты должен освоить стандартные методы произведения выводов – вот и всё критическое мышление. Это слишком наивно и просто, а также крайне догматично. Люди так легко подсаживаются на эту уловку современности, что это кажется даже странным, а потом наивный и обманутый атеист обвиняет верующего в глупости, хотя верующий нередко осознает, что он всего лишь верит, а не знает, а вот атеист не

¹⁹ А мы тем временем напоминаем, что базисные положения науки по типу «естественной установки» недоказуемы и крайне сомнительны.

осознает и этого. Наивные сциентисты перемешивают факты, феномены, теории, гипотезы – для них всё это в равной степени свидетельство могущества и знания науки.

Все это наивно, то есть неискuschenно, непосвященно, бесхитростно. Большинство людей вообще не думают о науке с позиции сомнения и критики. Люди не критикуют основные положения науки. Религии и философские течения довольно часто подвергаются фундаментальным атакам, а наука с очевидными методологическими проблемами этих атак чаще всего избегает. Например, очевидно, мы не можем быть на сто процентов уверены, что живём исключительно в естественном мире и не существует никаких метафизических сил, симуляций или естественных обманщиков. Но для ученого на этом положении строится вся наука. Только так и можно постулировать хоть какие-то законы природы и рассуждать об эволюции. И это относится не к одному положению, а к целой группе, которую мы разберем позже.

Удивительно, что хватило такой нелепой хитрости, в рамках которой тотальный научный догматизм и идолопоклонничество называются скептицизмом и критическим мышлением. Это смогло убедить людей. Вероятно, они не очень сопротивлялись. Моды на ложное сомнение и догматическое критическое мышление привели к тотальному зомбированию населения. Это в очередной раз позволяет понять, что со Средних веков человек мало изменился. Он остался таким же идолопоклонником, любителем авторитетов, любителем подчинять своё мышление другим. Научное же сообщество – отличный пример того, как огромное количество офисных работников пытаются казаться интеллектуалами и знатоками по многим вопросам, нередко включая вопросы религии, политики, философии,

устройства общества и всего остального. Как ни странно, для многих сциентистов позиция их научного кумира-биолога за пределами его специальности будет куда более ценной, чем позиции специалиста по философии, культурологии, социологии или религии. Впрочем, как я уже и говорил выше, тезисы специалистов могут оказаться неверными, несмотря на их специальность, но в данном случае сциентисты часто проявляют двойные стандарты, что в очередной раз подчеркивает их наивность.

Параграф 8: Эффективность науки

Как вообще решить, какая методология более эффективная? В области практики довольно легко. У нас есть несколько способов решения от самых простых до более сложных тестов, потому что практика — это нечто, происходящее на уровне феноменов и учитывающее наши собственные пожелания. Основное свойство практики заключается в том, что она решает некоторую субъективную задачу в рамках данных нам феноменов. Практика не претендует на истину и истины в ней нет. Практика не отвечает на вопрос, почему камни падают вниз с той или иной скоростью или ускорением. Практика не отвечает на вопрос, почему то или иное лекарство лечит. В рамках практики вы просто используете феномен падения или нужную таблетку. Все это сотни раз проверялось в конкретных опытах. Например, в двойном слепом тестировании. И все это, конечно, наукой не является и к науке не имеет никакого отношения. Практика существовала задолго до возникновения научного метода и всегда были способы её оценки, которые со

временем прогрессировали. И даже метод двойного слепого исследования по форме своей не похож на научный, потому что толком не фальсифицирует практику, а позволяет выяснить степень её работоспособности. Наука не выясняет степени работоспособности в рамках феноменального мира. Это не её задача. Наука занимается познанием, а вот эффективность той или иной практики к познанию и объяснению тех или иных феноменов никакого отношения не имеет.

Другой вопрос куда важнее: как решить, какой из познавательных методов эффективнее? Какой критерий? В практике основным критерием является субъективное исполнения нашего пожелания (или пожелания большой группы людей), что вполне можно учесть и продемонстрировать. У познавательной методологии самым важным критерием могла бы стать истина сама по себе, но тогда для оценки заявленной методологии мы заранее должны были бы знать истину, чего мы не знаем. Следовательно, мы не можем определить эффективность познания по главному критерию — по истине. А все остальное — шелуха.

Предсказание будущих грядущих фактов — ничего не гарантирует в познании и не гарантирует правильного описания. Фальсификация — не гарантирует, что отобранные опровержениями теории будут хотя бы приближаться к истине. Практические следствия — тоже ничего не значат, потому что в истории человечества много раз случалось такое, что теории мы придерживались ложной, а практические следствия были устраивающими нас (например, теория Ньютона)²⁰.

²⁰ Сейчас, конечно, могут набезать безумные физики, которые начнут рассказывать о том, что «модель» механики Ньютона используется до сих пор. И, получается, Ньютон не опровергнут. Это довольно стандартное возражение от

Если под критерием эффективности понимать подробность, аргументированность и проработанность той или иной системы "знаний", то, конечно, наука впереди, но только за счет того, что в рамках науки работают миллионы специалистов, которые занимаются проработкой и аргументацией. Мы не знаем, сколько были бы проработаны религии или философские школы, если бы в их рамках существовало такое же количество интеллектуалов. Вопрос о познавательной эффективности кажется на первый взгляд совсем нерешаемым, а взятие за аксиому эффективности науки — лишь показывает, что сциентисты — это совсем уж наивные и оголтелые догматики, которые не могут понять простейшую когнитивную проблему.

Кто-то может заявить, что достоверным критерием эффективности познания будет эмпирический опыт, но мы можем сомневаться в этом. Во-первых, эмпирический опыт может быть не связан с истиной. Каким образом? Допустим, благодаря симуляции²¹. Впрочем, эмпирический опыт может быть настолько сложным и запутанным, что дать какую-то его исчерпывающую трактовку не представляется возможным, а потому точно увязать его с истиной не получится. В целом, так я себе и вижу мир. Эмпирического опыта довольно много, он на фундаментальном уровне это ни на что не

людей глупых и немыслящих. Во-первых, мы говорим именно о теории Ньютона, то есть о тех физических представлениях, которые у него были. Это и есть теория Ньютона. Во-вторых, если эта теория была фальсифицирована, а она была фальсифицирована, то эта теория является ложной. И она не может быть чуть-чуть ложной. Если она была опровергнута, то является просто ложной. Это не предмет, который в принципе можно оспаривать.

²¹ Достойных опровержений симуляции пока что не было. Только рука интеллектуального инвалида Мура и попытки через «Пугало» проинтерпретировать концепцию симуляции, что в глазах опровергающих приводило нас к противоречию.

указывает, и существуют фантазёры учёные, которые придумывают свои фантастические натуралистические теории и создают недоказанную научную картину мира.

Кроме-того, Дэвид Юм довольно неплохо сформулировал проблему индуктивного познания. Если мы встретили сто белых лебедей, то это не означает, что и сто первый окажется белым. Из неполной индукции следуют лишь вероятностные выводы. Проблема науки заключается в том, что индукция в ней всегда является бесконечно неполной, потому что наука делает выводы не только о конкретных предметах, но о законах и устройстве самого мира, а потому это устройство включает в себя существующее и возможное. Возможного – бесконечно много. В целом, в рамках научного исследования подразумевается, что и на возможное тоже распространяются те же законы, что и на существующее. Ввиду этого весь научный опыт по любому теоретическому вопросу можно обозначить единицей, а весь возможный опыт – бесконечностью. Интересно, насколько вероятны наши выводы из этой единицы, если мы будем противопоставлять её бесконечности? Вероятность $1/\infty$, как мне кажется. Такова вероятность того, что теория эволюции является истинной. Такова вероятность того, что стандартная модель является истинной.

Вам всё ещё кажется, что эмпирический опыт – это отличный критерий для получения строгого теоретического знания? А вы уверены в том, что верно трактуете эмпирический опыт? Может быть, ваша трактовка заведомо ложна и ангажирована существующими теориями (их языком и логической структурой)? Эмпиризм довольно проблемен и неэффективен, когда речь касается познания. Проводить эмпирические опыты для развития практики, кстати, может быть

довольно эффективно, потому что всевозможные эксперименты и наблюдения могут привести к открытию новых технологий, но это к науке и познанию не имеет никакого отношения.

Непротиворечивость является критерием истины? Тогда как вы оцените рассуждение по типу: все коты – это киты; все киты – это пузыри; все коты – это пузыри; Вася – кот; следовательно, Вася – это кит и пузырь. Это не просто набор слов. Это набор непротиворечивых высказываний. Является ли он истинным? Очевидно, нет. Теперь представим себе, что мы сравниваем наши положения с уже имеющимися «знаниями» на предмет непротиворечия. Новая теория или представления не должны противоречить всем прочим, но вполне может оказаться, что все наши имеющиеся «знания» на деле только лишь верования. Возможно, все наши воззрения в корне ошибочны, а мы теперь ещё и обязаны подгонять под них наши новые догадки.

Фальсификация по понятным причинам тоже не является критерием истины и приближения к ней. Мы можем создавать такие теории, которые имеют возможность быть опровергнутыми, но это никак не говорит нам о приближении к истине, так как истина может оказаться принципиально нефальсифицируемой. А мы ведь этого заведомо не знаем. Представьте, что у нас есть бесконечное множество потенциальных фальсифицируемых теорий и потенциальных нефальсифицируемых теорий. Если истина находится на стороне нефальсифицируемых теорий, то от количества опровергнутых предположений мы к ней не приблизимся. Если истина находится на стороне фальсифицируемых теорий, чего мы заведомо не знаем, то каждая опровергнутая теория будет описываться формулой $\infty - 1$, что не похоже на приближение к истине.

Можем ли мы допустить, что фальсифицируемых и нефальсифицируемых теорий конечное количество? Сложно представить, что их конечное количество. К любой теории на любом этапе мы можем прибавить новый элемент. Кто-то возразит, что мы оперируем конечным количеством слов и образов, а потому количество потенциальных элементов может оказаться конечным. Даже если оно конечно, то невероятно велико. Комбинации всех элементов, особенно если нам важен порядок их расположения в системе, будет измеряться такими числами, о существовании которых большинство людей даже не подозревает. Впрочем, ничто не гарантирует того, что к любому числу элементов мы не сможем прибавить ещё один, а потому и следует говорить о бесконечности или потенциальной бесконечности. В любом случае, речь идёт о неисчислимом количестве потенциальных теорий, на проверку которых не хватит всего времени Вселенной.

Думаю, сомнительность Бритвы Оккама обсуждать не имеет смысла. Это лишь эстетический принцип ограничения наших предположений и организации научной деятельности, чтобы она двигалась от простых предположений к более сложным. Явно, сам этот принцип в чистом виде не позволяет нам отыскать истину.

Теперь перейдем к главному. Кто-то скажет, что критериями познания являются все вышеперечисленные аспекты одновременно. И здесь у меня имеется довольно очевидно возражение. Если мы владеем $1/\infty$ опыта по отношению ко всему возможному опыту, который только можно было бы себе вообразить и испытать, а количество непротиворечивых теорий равно ∞ , при этом количество фальсифицируемых или нефальсифицируемых теорий тоже бесконечно или, как минимум, к бесконечности стремится, то какие

же это критерии? Мы всякий раз упираемся в потенциальную бесконечность или же в числа таких масштабов, которые нам трудно осмыслять и оценивать. Невозможно с помощью бесконечно неполной индукции выбрать из бесконечного количества непротиворечивых фальсифицируемых теорий ту, которая в большей степени соответствует истине (я уже не говорю про полное совпадение). А что насчет предсказания будущих открываемых фактов? Мне видится, что мы можем создать неограниченное множество теорий, которые потенциально смогут предсказывать будущие факты. Например, для предсказания того, что будет найдена окаменелость живого существа, промежуточного между рыбой и амфибией далеко не обязательно придерживаться теории эволюции. Мы можем вообразить бесконечное множество теорий, которые могли бы предсказать этот факт. Также мы заведомо знаем, что теории, хорошо предсказывающие факты, всегда могут оказаться ложными, как это было с теорией Ньютона. В таком случае оказывается крайне затруднительно достоверно опознать даже приближение к истине. Представьте себе бесконечный лабиринт с одним единственным выходом. Как вы можете быть уверены в том, что приближаетесь к выходу? То же и с теорией познания. О какой эффективности речь?

Параграф 9: Научная монополия на познание

Ввиду принципиальных трудностей в подтверждении эффективности научной познавательной методологии, мы приходим к теме монополии науки. Мне кажется, что в контексте озвученных

положений и тех положений, которые будут озвучены во второй половине книги, очевидно, что наука обладает незаслуженной монополией на познание, а также колоссальным авторитетом, который следует из этой монополии. Этот авторитет и монополистичность позволяют создать вокруг науки и ученых полноценный культ, в рамках которого мы можем столкнуться даже с безумными религиозными фанатиками, вредящими инакомыслящим²². На меня, например, сцинетисты не единожды писали всевозможные заявления в полицию, угрожали мне, а также распространяли всевозможную клевету в мой адрес.

Монополизм науки заключается в том, что она проникла во всеобщее образование от школы до высших учебных заведений. Наука несправедливо смешивается с практикой и в рамках современного мира мы часто рассуждаем о «научно-техническом» прогрессе, как будто бы это не просто косвенно связанные вещи, и словно из научных теорий и размышлений напрямую следует изобретение технологий. Мы часто не задумываемся о том, что у науки есть монополия на моделирование и математику, которые тоже не являются науками как таковыми. Более того, у науки есть монополия на сложные эмпирические опыты и технологии, которые позволяют их проводить. Все эти вещи так тесно срослись вместе, что кажутся для обывателя и даже ученого неразделимыми. Более того, наука производит миллионы специалистов, которые служат ей и

²² Я определяю фанатизм через стремление навредить инакомыслящим, ибо для меня именно это демонстрирует тотальную и безоговорочную веру человека в своих убеждениях. Притом под вредом я понимаю не только физический вред. Это может быть вред психологический, финансовый или социальный. Фанатик наносит своим идеологическим соперникам урон довольно разными способами, но самая главная его черта – это желание навредить человеку из-за его мировоззрения. И я немало видел вредителей от науки, атеизма, логики и рационализма.

вырабатывают «знание» в академических фабриках. Ни одно направление мысли и ни одна религия не способны подготовить такое количество высокоспециализированных кадров, но не потому что они глупые, недостойные и неспособные, а потому что популярность науки и её финансирование в сфере познания многократно превосходят суммарные возможные затраты всех религий и философских течений вместе взятых.

Может быть, христианство само по себе зарабатывает немало денег по всему миру, но какое количество этих средств идёт в семинарии? Сколько из этих средств идут на исследование и подготовку специалистов, скажем, в области креационистической биологии, которая вынуждена на данный момент обходиться в основном любителями? Ответ очевиден. Цифры здесь несопоставимы с научными.

Наука может позволить себе содержать своих самых верных адептов, ученых. Наука гарантирует им высокий социальный статус, а в развитых странах высочайшую заработную плату. Более того, работа ученых не представляет собой нечто травмоопасное. Большую часть времени большинство исследователей просто читают и выполняют какие-то простейшие операции, а также пишут стандартные документы, статьи и лекционные материалы. Не удивительно, что многие ученые стараются работать до глубочайшей старости, когда представители большинства других профессий предпочитают уйти на пенсию.

Какой бы чепухой не занимался ученый, у него всё равно имеется неплохой социальный статус и уважение от общества, чего нельзя сказать о, например, философах. Тем более, если речь идёт о настоящих философах, то есть современных Платонах, Гегелях,

Кантах и так далее. Такие практически не представлены в академической среде. Им не платят заработную плату. Их не спонсирует государство. Социальный же статус подобных мыслителей чаще всего крайне низкий. Их считают сумасшедшими балаболами и шарлатанами. Так сейчас обходятся с мыслящими людьми. И во многом это заслуга науки и всевозможных «просвещенческих» движений, которые выступают за тотальную доминацию науки в области познания.

Что такое монополия науки на познание? Давайте проведем различие между физикой или биологией как дисциплинами и физикой и биологией как науками, а разница существует! Под дисциплиной я здесь понимаю сферу исследования, в рамках которой мы не прояснили ту методологию, которую будем использовать. В большинстве дисциплин общественного и гуманитарного характера нет единой методологии, а потому развиваются разные школы и походы. Физика как дисциплина – это, например, натурфилософия, в рамках которой можно было рассуждать о физических проблемах, не ориентируясь на научные методы. То же и с биологией. Физика и биология становятся науками только тогда, когда они начинают использовать научный метод и ориентироваться на естественную установку.

Так вот, монополия науки заключается в том, что в современном мире невозможно исследовать физику, биологию, химию и прочие дисциплины ненаучно, не подвергаясь при этом авторитетной критике научного сообщества, которому безоговорочно доверяют люди. Ученые и сциентисты считают, что физикой могут заниматься только учёные, как, собственно, и другими естественными дисциплинами, а все прочие подходы к данным областям являются

заведомо ущербными и неэффективными. С эффективностью, мне кажется, мы уже разобрались. Эффективность науки как метода познания, кажется, стремится к нулю. А вот убеждение в заведомой ущербности кажется мне чисто религиозным артефактом в рамках сциентического сообщества, благодаря которому мы можем с очевидностью зафиксировать сакральный характер науки.

Наука доминирует в познании в наши дни, а многие уверены в том, что никакие альтернативные методы не могут и не смогут её заменить. Я соглашусь с тем, что современная наука создала самую полную и исчерпывающую картину мира за всю историю человечества, но это не заслуга научной методологии и её положительных качеств. Это заслуга столетий работы огромного количества людей. Говорить, что сравнимые с научными подходы невозможны – мне видится крайне поспешным. Как мне кажется, почти любая философская школа и религиозное направление, включая секты, имея те же ресурсы, что и наука, и используя их для развития познания, смогла бы добиться если не таких же, то довольно достойных результатов. Впрочем, я не исключаю, что могут быть найдены более полные, существенные и значительные методологии. Может быть, они уже существуют, но малое количество их сторонников мешает доказать их эффективность. Монополия науки мешает развитию этих учений и течений²³.

Важно помнить, что исторический прецедент науки уникален. То есть человечество буквально один раз за всю историю начало выделять такие денежные и человеческие ресурсы на познание и

²³ Как мешает? Конкуренцией, конечно. Важно не забывать, что познание – это конкурентная среда, где у одних (ученых) есть всё, а у других – ничего. Кому-то соц.статус и финансирование, а кому-то жалкие гранты за издание книги по Хайдеггеру.

распространять догмы данного способа познания по всему миру с помощью всеобщего школьного и высшего университетского образования²⁴. Наивно полагать, что научный подход – это единственный подход, который при подобном обилии благ мог бы достигнуть соответствующих результатов. Мы буквально один раз попробовали, один раз что-то получилось, а после этого люди делают странные выводы о том, что только так оно и могло получиться. С другой стороны, продуктивная философия подарила нам многочисленные методы, картины мира, социальные институты, направления искусства и саму науку, но по какой-то причине её спонсирование уступает научному многократно.

На всякий случай отмечу, что не являюсь радикальным антисциентистом, которые жаждет уничтожения науки и научного метода познания. Более того, я даже не являюсь сторонником революционных перемен в области познания. Я плюралист. Я за то, чтобы дать другим направлениям мысли и методологиям шанс, при этом не уничтожая саму науку, которая на данный момент находится на вершине познавательного Олимпа. Более того, если бы у меня была возможность вводить какие-то реформы, то борьбу с монополией науки я бы проводил крайне медленно. Резкие перемены могут привести к краху академической системы, а потому

²⁴ Подобных прецедентов буквально никогда не было. Мы, люди, впервые попробовали что-то подобное, и оно получилось. Представим себе необозримое количество разных учений и попробуем предположить, какая на самом деле была вероятность успеха. Если все эти учения и течения ничего не стоят в контексте познания, то из такого массива угадать верный подход очень маловероятно, но мы справились с первого раза! Для меня это говорит о том, что вероятность успеха была не так уж и мала. Более того, эти факты показывают мне, что объем подходящих для развития учений крайне велик. Иначе, получается, что человечество просто выиграло «джекпот» без каких-либо на то оснований. Это очень маловероятное событие.

необходимо постепенно внедрять философию в школьное образование, организовывать подготовку специализированных кадров, разбирающихся в тех или иных научных дисциплинах, но не являющихся учёными. Все это нужно делать постепенно и с минимальным ущербом научному сообществу. Также важно иметь возможность в любое время свернуть наши эксперименты по подготовке специалистов, если вдруг окажется, что мы зайдём в тупик. Я сторонник очень осторожных преобразований, который не требует сжигания ученых на кострах или полного лишения их финансирования. Я экспериментатор в области доксологии, то есть исследования мнений. Мне интересно посмотреть на то, что будет, если мы попытаемся развивать и финансировать другие философские и религиозные течения, а не только науку. В качестве основного последствия данных экспериментов я предвижу лишение науки познавательной монополии, что позволит создать ряд мировоззренческих дискурсов, которые в дальнейшем будут обогащать нашу культуру.

Сциентисты довольно часто предлагают выбросить за борт религию, а ещё большее их количество желает уничтожить никому не нужную, но такую полезную, философию. Они не хотят возникновения новой «науки» с совершенно иной методологией. Они не хотят достойной конкуренции. Они настолько высокомерны, что даже не предвидят возможности появления достойного конкурента. Да, наука сейчас находится вне конкуренции, но с чего они взяли, что конкурентов и быть не может?

Мнение адептов науки о самой науке превышает рациональные границы. Они не готовы экспериментировать и подвергать науку сомнению. Они выступают против плюрализма, потому что глубоко

презирают своих оппонентов. И как же они объясняют монополию науки? Как же они убеждают нас в том, что наука заслужила своё положение? По мнению многих сциентистов наука победила другие направления в честной эволюционной борьбе.

Параграф 10: Наука победила другие направления в честной эволюционной борьбе?

Этот аргумент является, как по мне, наиболее показательным, чтобы продемонстрировать уровень огромного количества сциентистов, среди которых мы встречаем довольно образованных людей. Этот аргумент не подтверждается историческими фактами, а также, даже если бы подтверждался, то не говорил бы о том, что победило «сильнейшее» или «самое эффективнейшее» направление.

Начнем с конца. Вероятно, мы можем применить метафору эволюции для того, чтобы описать «жизнедеятельность» мнений и философских подходов. Я, конечно, сомневаюсь в уместности такой метафоры, но мы попробуем согласиться с данным утверждением. Следует ли из него, что победило «сильнейшее» или «самое эффективное в познании» мировоззрение? Нет. Выживает не сильнейший и эффективнейший, а наиболее приспособленный. Более того, огромное количество довольно примитивных живых существ плодится и размножается намного эффективнее, чем сложные организмы, воспроизведение которых требует длительного времени, а довольно незначительные изменения в среде могут привести к полному вымиранию того или иного сложного вида. Эволюция не так уж проста и справедлива, а, скорее, сложна, безжалостна и во многом

хаотична. Она не пестует сложность, совершенство, силу, эффективность. В некоторых условиях маленькое и слабое создание, обладающее соответствующими характеристиками, подходящими под данную среду, выживет, а большая и сложная тварь – вымрет. Эволюция не гарантирует нам постоянного и непрерывного развития. Она вполне может допускать деградацию. Если мы применяем метафору эволюции к процессу отбора мнений, то у нас нет никакого обязательства признавать, что наука была лучшей, является лучшей и, тем более, будет лучше и в будущем. Может быть, наука – это паразит? Может быть, это несовершенный организм, который выжил благодаря изменением среды, потому что, например, мог переносить высокое содержание углекислого газа в атмосфере²⁵. И так далее.

Основная проблема заключалась в том, что наука никогда особо и не участвовала в «естественном» отборе мнений. У нее особо и не было конкурентов. Если бы наука зародилась в Античности, то она бы столкнулась с сопротивлением со стороны доминирующих платоников, перипатетиков, киников, скептиков, стоиков, эпикурейцев и многих других. Вот это была бы конкуренция! Впрочем, научная методология возникла при довольно оптимистичных расчётах в XVII веке. Античные философские школы были стерты с лица земли на долгое тысячелетие. Некоторой реанимации до эпохи Возрождения подвергались труды Платона и

²⁵ А ведь, видимо, как-то так оно и произошло, потому что именно наука среди всех прочих учений, возникших в Новое время, была наиболее приспособлена к христианской религии. Ученые редко лезли в интеллектуальные битвы против религиозных фанатиков и нередко имели достаточно высокое положение в обществе, а иногда даже были представителями церкви. Наука победила не столько эффективностью и силой, сколько приспособлением к окружающей христианской среде, и только ближе к XX веку окрепшая наука стала давать отпор религии. До этого сражались в основном разные философы, многих из которых преследовали и заставляли молчать.

Аристотеля, но даже их христианские мыслители трактовали в ключе своей религии. У христианства не было серьезных оппонентов. Их политически вычистили к началу Средневековья. Еретические объединения никогда не представлялись серьезной силой, сравнимой с самим христианством, а потому убеждать их приходилось не только путём диспутов и миссионерских набегов, но и средствами инквизиции. Я не хочу сказать, что христиане буквально убивали и пытали всех инакомыслящих и делали это в больших размерах. Я хочу сказать, что существовал определенный орган, который одним своим бытием внушал страх, а также мог использовать всевозможные методы запугивания, включая угрозы пытками и убийством. О разнообразии позиций и методов, конечно, можно говорить, но, очевидно, что мировоззренческая составляющая Средневековья была едина, а методологии подчинялись христианству.

К слову, нужно вспомнить несколько христианских философов, которых можно назвать предтече будущей науки. Прежде всего, это Роджер Бэкон, Роберт Гроссетест и Томас Брадвардин. Эти люди повлияли на формирование методологической традиции, в рамках которой эмпирические и рационалистические (прежде всего, математические) методы дополняли друг друга, а не противоречили. Следует напомнить, что в Античности философские школы довольно последовательно разделялись на эмпирические и рационалистические. Рационалистические (по типу платонизма) критиковали опыт и считали его источником заблуждений, а не познания. Эмпирические (по типу гиппократиков, киренаиков, номиналистов киников и отчасти эпикурейцев) либо полностью отрицали рационалистические методы, либо основательнейшим образом ограничивали их применение. Равноправное объединение рационального и

эмпирического в рамках философии мы можем обнаружить сначала в рамках исламской, а после уже и в рамках христианской мысли.

Не исключено, что весь этот процесс взаимосвязан, поскольку без уничтожения Античных школ, большая часть из которых строго придерживалась одной из крайностей или скептически воздерживалась от суждений, формирование рационально-эмпирической идеологии было бы крайне затруднено. Мне думается, что сначала мусульмане, а потом христиане смогли объединить две эти крайности, потому что им, если честно, было плевать на те методы, которые они используют. И для христиан, и для мусульман, прежде всего, важно эффективно доказать и показать всем окружающим, что их Бог существует, а какими методами это будет достигнуто – вторично. Если для того же Платона эмпирическое знание невозможно по определению знания²⁶, то для христианских мыслителей что эмпиризм, что рационализм – это лишь инструменты доказательства бытия Бога. Для Платона эмпиризм принципиально недопустимый способ познания. Для христиан – почему бы и нет?

Отмечу, что я лично для себя так объясняю первые попытки слияния рационализма и эмпиризма. Для меня это большая теоретическая проблема, которую я пытаюсь некоторыми методами решить. Здесь я не выступаю как историк философии, а лишь выдвигаю предположение, которое строится на ряде фактов.

Впрочем, не важно, каковы были причины слияния эмпиризма и рационализма в схоластическом дискурсе. Важно, что это

²⁶ Ибо оно должно быть вечным, а эмпирические объекты – уничтожаются. Потому знание о них невозможно.

направление продолжило развиваться, а это привело к появлению Коперника, а за ним уже Кеплера, Галилея и Ньютона. Можно также поднять тему Средневекового спора о гео- и гелиоцентризме, который хорошо описан в работах Николая Орема. Эти споры также предшествовали трудам Коперника, который далеко не первым даже в Средние века придерживался гелиоцентрической системы.

На данный момент нашего небольшого исторического обзора у предшествующего науке дискурса всё ещё нет достойных оппонентов. Речь уж точно не идёт о десятке хорошо проработанных философских школ с разной методологией, как это было в Античности. Да и чистым натурализмом вся эта протонаука пока похвастаться не может.

Для нас принципиальное значение имеет эпоха Возрождения, так как именно в это время были переоткрыты тексты философских классиков Античности. Это повлекло даже к возрождению некоторых философских школ (например, эпикурейства). Но анализ авторов показывает, что мыслители эпохи Возрождения всё ещё оставались зависимы от христианства, а те странные, мистические и философские взгляды большинство из них вписывало в христианскую топику. В это же время начинали творить первые учёные, всё ещё остававшиеся натурфилософами. И у них было несколько серьезных оппонентов. Например, Телезио и Парацельс. Алхимия и откровенная мистика правили тогда данной сферой. К сожалению, трудно сказать, что алхимики или мистики были достаточно хорошо организованны.

В последующие века предки современных ученых занимали университеты, и тогда у них почти не осталось конкурентов. Химики вытесняли алхимиков, физики – натурфилософов. И это трудно назвать каким-то естественным отбором по критерию достоверности

методологии. Наука, как мне видится, пребыла на почти пустое поле с некоторыми «варварскими» образованиями. О какой-то серьезной конкуренции и речи не было. Кто первым бы организовал свою систему, не вызывающую при этом христианского гнева, тот бы и победил в борьбе за сферу познания. В этой гонке наука смогла обогнать всех, но сложно сказать, насколько здесь была её заслуга. И если мы можем увидеть какую-то конкуренцию на раннем этапе развития научной методологии, то потом с эпохи Просвещения наука занимает место нерушимого авторитета.

То есть буквально она пришла на территории, ослабленные христианством. И здесь наука оказалась наиболее приспособленной, потому что мало конфликтовала с христианством и могла развивать на начальном этапе свои исследования без отрицания веры. Многие говорят о том, как наука развивалась вопреки христианству, но, как мне видится, дело здесь в обратном: наука смогла возникнуть благодаря христианству, захватить университеты и потом отделиться от христианства, достигнув соответствующей мощи. Уникальные философские, мистические, магические и прочие учения нередко вступали в прямое противостояние с доминирующей религией, но наука здесь оказалась куда более гибкой. Она смогла стать «служанкой» христианства, чтобы набраться сил, избавиться от всех потенциальных оппонентов и в итоге ниспровергнуть материнскую религию²⁷.

²⁷ Как минимум, данная картина выглядит вполне стройной и соответствует фактам. Те же представления, озвучиваемые сциентистами о науке, которая вопреки доминирующей религии развивалась, смотрятся довольно слабыми, потому что мы достоверно знаем о том, что большинство ученых были либо христианами, либо имели очень близкие к христианству взгляды.

Я с большим трудом представляю себе, как наука реально конкурировала бы с Античными философскими школами на равных. Мне, честно говоря, не кажется, что в результате такой конкуренции она смогла бы выйти победительницей. Если все же пытаться приводить какую-то эволюционистскую аналогию, чтобы описать, как науке удалось прийти к лидерству, то в голову приходит такой пример: произошло вымирание, в мире осталось всего-то 5% выживших ослабленных видов, над которыми возвышается один из них (христианство); этот хищный вид проявляет агрессию ко всем и не дает им размножиться и стать сильнее; и тут появляется паразит науки, который долгое время пьет кровь могучего хищника, а после его ослабления сам становится опаснейшим хищником на планете. С такой перспективы эволюционистская аналогия не выглядит так уж благородно.

Параграф 11: Вред, который наносит наука философии

Современная философия — жалкая тень философии прошлого как по влиянию, так и по степени независимости от науки. Чего только стоит тот факт, что в рамках аналитической философии самой распространенной позицией по вопросам философии сознания является физикализм²⁸? Форма современной философии тяготеет к

²⁸ Физикализм — это философское направление, которое утверждает, что все, что существует, является физическим. В контексте философии сознания это означает, что сознание является физическим явлением, которое может быть

научной (а не какой-либо другой) строгости, а современные "философы" подражают ученым в формате написания текстов и в используемых аргументах (с некоторыми исключениями). Апелляция к науке и научным фактам для большинства философов что аналитического, что континентального крыла по большей части видится убедительной, несмотря на все те неточности и фантазерства, которые включает в себя научный факт. Для большинства "философов" заслуги науки не требуют доказательств, под вопрос не ставится её связь с объективной реальностью, а также аксиомой представляется связь науки и практики.

Так же, как и в науках, философы взращивают специализацию, что в целом противоречит духу философии. Философия пытается перевести свои дисциплины (онтологию, теорию познания, этику, эстетику) к состоянию независимых друг от друга "наук", хотя наиболее фундаментальные мыслители всегда были создателями целостных систем, которые включали в себя значительную часть этих дисциплин. Наука победила философию и поставила её на колени, заставила философию подражать науке и даже дополнять её в тех вопросах, где сама наука со своим методом не справляется с ответами. Философия была "служанкой богословия", а в наши дни

объяснено с помощью физических законов. Существует ряд разновидностей физикализма. Одна из наиболее известных разновидностей — это теория тождества, которая утверждает, что ментальные состояния тождественны физическим состояниям мозга. Например, боль — это просто активность определенных нейронов в мозге. Другая разновидность физикализма — это теория редукции, которая утверждает, что ментальные состояния могут быть сведены к физическим состояниям. Например, боль может быть сведена к определенным изменениям в активности нейронов в мозге.

становится "служанкой науки", то есть перестает быть сама собой, а, следовательно, не может справиться с задачами культуротворчества, создания новых мировоззрений (картин мира) и новых областей человеческой деятельности (как в свое время это было с наукой, искусством, отчасти с религией и многими другими сферами).

Уничтожение философии – дело абсолютно неприемлемое для человечества, потому что она выполняет ряд важнейших функций, которые наука не сможет заменить. Обывателю кажется, что философия бесполезна, но мир вокруг нас по большей части создан философами, а не учёными. Даже сами ученые возникли благодаря философии. Важно помнить, что философия – это начало всего. Что создаётся человеком, то есть продуктивное мышление. Это не какая-то область исследований и не какой-то набор методов. Это чистое продуктивное мышление, проявленное в своем максимальном величии. Философия не только создает, но и осмысляет многочисленные объекты феноменального и ноуменального миров. Философия формирует и осмысляет понятия пользы, практики, математики, культуры, искусства, религии, науки, счастья, любви, этики, морали, разума, рассудка, интеллекта, политики, политических систем, свободы, цели, прогресса, ценности, логики, логических систем, агностицизма, критицизма, скептицизма, психологии и герменевтики, а также является одним из важнейших стимулом для изменения законов, языков и экономических систем. Она является важнейшим стимулом для развития мышления. И этим всё не исчерпывается. Философия, отказавшаяся от продуктивного мышления и вставшая на колени перед наукой, лишается собственной полезности.

Наука негативно влияет на философию. Да, наука производит многочисленные научные факты (которые чаще всего не являются исчерпывающими), что нередко оказывается полезно для обсуждений и размышлений, но в толще этих фактов наука душит философию авторитетом и успешностью. Философы тоже хотят быть успешными. Они тянутся к науке и научности. Они пытаются добиться наукоподобия, но в таком случае ни о какой самостоятельности не может идти и речи. Повторяется история с христианством. В наши дни есть система, перед которой преклоняется большинство людей. Наибольшее количество интеллектуалов на стороне этой системы. Они работают для того, чтобы делать эту систему всё больше и больше. Вся совокупность разнородных философов (аналитиков, марксистов, позитивистов, постмодернистов) не сравнится со всей совокупностью ученых. Ученые создали себе чуть ли не отдельную касту, которая привлекает все больше и больше людей. В мире же сейчас настоящих и при этом известных философов наберётся значительно меньше, чем нобелевских лауреатов по физике.

Работа по уничтожению философии проведена успешно. Академическая философия сама себя разбила, но сделала это во многом благодаря науке. В философии больше не пестуется создание новых систем и инакомыслие. Новые взгляды на мир не обогащают нашу культуру и общество. Мы стремимся к монотонному и скучному научному миру, в котором планируется только одна идеология. Этот мир будет беден на смыслы и описания. Он будет беден на картины мира. Сначала наука уничтожит философию, а после этого покончит со всеми религиями. Это очевидное следствие из гегемонии науки.

Параграф 12: Наука против религии

Существуют религиозные сциентисты, которые не понимают, что наука и все большие религии друг другу противоречат. Например, ислам. В рамках исламской религии Аллах каждое мгновение творит мир. В этом смысле либо он, либо физические законы являются излишними для описания происходящих вокруг явлений. Понятно дело, что мусульманин выбирает Аллаха. Более того, научная картина мира строится на том, что миром управляют исключительно законы природы. Удвоение законов природы и сил Аллаха невысказано в рамках науки. Более того, эти воздействия логически взаимозаменяемы. Законы природы также не могут быть волей Аллаха, потому что тогда они не будут естественными, что противоречит науке. Конфликт науки и ислама оказывается неизбежен из-за противоположных онтологических предпосылок.

Христианство здесь не уступает исламу, потому что христианский бог легко вмешивается в события этого мира. Он убивает целые популяции, топчет человечество, умирает, воскресает и творит многочисленные чудеса. Христианский бог никогда не был деистическим. Это вполне деятельный бог, который часто вмешивался в работу нашего мира. Наука же допускает, что метафизические или какие-либо иные влияния на мир и законы природы невозможны. Это убеждение необходимо для того, чтобы работали даже самые простые научные методы. Например, радиоуглеродный анализ. Если бог (или какая-то другая сущность) может осмысленно вмешиваться в скорость распада углерода, то этот метод, как и почти все другие, становится буквально ненадежным. Если бог может осмысленно размещать окаменелости под землёй, то

о какой археологии и доказательствах может идти речь? Суть проста: всемогущий христианский бог, постоянно вмешивающийся в жизнедеятельность нашего мира, противоречит научной методологии и теориям, которые следуют из неё.

Некоторые сциентические христиане и мусульмане понимают под наукой нечто иное, а потому пытаются спасти науку в контексте собственной религии, но со стороны чистого сциентизма вмешательство в существование естественного мира отменило бы необходимость большинства законов природы. Зачем нам естественный отбор, если есть божественный отбор? Зачем нам естественная эволюция, если бог своим всемогуществом заставляет живые существа изменяться? Или, может, он вообще не заставляет никого изменяться, а лишь подбрасывает нам кости и прочие факты? Допущение всемогущего бога в онтологической системе открывает путь к любым спекуляциям, а также объясняет буквально всё, что только можно объяснить, притом сразу несколькими способами.

Наиболее приемлемая религиозная картина мира для сциентиста – это деизм. Не удивительно, что многие философы эпохи Просвещения придерживались именно его. Только есть один нюанс: ни одна современная мировая религия не является деистической. Деизм подразумевает, что Бог создал мир и его законы, а после не вмешивался в дальнейшее развитие природы. Проблема заключается в том, что Аллах буквально каждое мгновение вмешивается в это развитие. Более того, христианский бог не отстаёт. Сам Иисус Христос – это нарушение деистических установок. Мы уже не говорим о Всемирном Потопе и многих других воздействиях Бога на мир.

Следует заметить, что я никак не порицаю антинаучность христианства, ислама, иудаизма и буддизма. Иметь предпосылки, отличные от научных, — это нормально. Я здесь выступаю против бесосновательного и противоречащего их религиозным взглядам сциентизма. Христианам, мусульманам, иудеям и буддистам важно понять, что наука — это их основной и самый могущественный враг. Главная угроза, по причине которой их религиозные взгляды в ближайшем будущем могут исчезнуть. Авторитет христианства не единожды подрывался с позиций сциентизма. Одно из первых подобных событий произошло в Эпоху Просвещения. С каждым последующим столетием христианство теряло позиции в развитых странах и в среде образованного населения. Да, сейчас христиан всё ещё очень много. Их, скорее всего, так много, как не было никогда, но в борьбе за образование и в целом за образованное население христианство потерпело существенное поражение. Абсолютный авторитет христианства на определенных территориях и в определенных областях был подорван во многом благодаря науке.

Сциентисты не скрывают своей цели тотальной доминации науки в мире. Большинство ученых и фанатиков жаждут распространения научной картины мира посредством образования и типичной пропаганды. Научная и религиозная картины мира противоречат друг другу. Даже в самых влажных фантазиях и самых удивительных христианских трактовках религиозных текстов невозможно обнаружить полного совпадения. Некоторые же попытки привести религиозную картину мира к научной нарушают все научные принципы, включая Бритву Оккама. Например, известно, что до грехопадения люди и животные были бессмертны. Интересная такая эволюция получается с бессмертными животными. Так вот, человек появился тогда, когда он должен был появиться по

описаниям науки. Но вместе с его грехопадением смертность переместились и далеко в прошлое, так скажем, произошёл перезапуск вселенной. То есть существовало два таймлайна: в одном животные – бессмертны, а в другом они получили смертность из-за человеческого грехопадения. И человек в этой картине мира не просто представитель отряда приматов и семейства гоминидов. При совмещении религиозной и научной картины мира всегда получается какая-то такая фантастика, в рамках которой искажаются и научные, и религиозные представления. Бритва Оккама не просто нарушает, а нарушает крайне сильно. Выше я озвучил представление одного из современных религиозных мыслителей.

Религиозные люди должны понимать, что наука – это их враг. Научная картина мира – противоположна религиозной. Научная картина мира при этом не является доказанной и неоспоримой. Просто большинству людей лень тратить интеллектуальные ресурсы, чтобы вникать в научную методологию и пробовать критиковать научные догмы. Легче придумать фантастическую историю о том, как бог телепортировал во времени грехопадение, чем конкурировать с научным дискурсом, стремящимся к тотальному уничтожению твоей религии.

И тут глупейшие из верующих воскликнут: но как же верующие ученые?! А?! Как же они?! Это не доказывает, что наука религиозна?! Действительно, в классический период многие ученые были верующими, но: 1. Современная наука полностью натуралистична, а религиозные взгляды верующих ученых никак не влияют на научную картину мира сейчас; 2. Мало ли, какие противоречивые взгляды могли быть у исследователей прошлого и какие из них могут быть у исследователей настоящего? Выше заявлена позиция, согласно

которой совмещение любой из известных мировых религий и науки является в корне противоречивым. Апелляция к авторитетам, которые допускали это противоречие в своих взглядах, не является сильным контраргументом, так как представляет собой обычную неформальную логическую ошибку. И да, ученые прошлого, впрочем, как и ученые настоящего, могли ошибаться во многих вопросах, включая вопрос о соотношении науки и религии.

Думается, я достаточно неплохо объяснил сущность религиозных и научных противоречий, а также показал, что наука – это самый могущественный враг подавляющего большинства религий. Наука – это главная угроза, которая в скором времени может привести к исчезновению всех противоречащих ей религиозных и философских систем. Не стоит недооценивать силу школьного и университетского образования. Второе получают в том числе довольно успешные и влиятельные люди, которые могут воздействовать на политические институты и даже на само общество. Дальнейшее распространение научной картины мира и укрепление её в образовании – величайшая угроза для духовности и мышления.

При этом всем только у современных мировых религий есть ресурсы для того, чтобы организовывать полноценные исследования, альтернативные научным. Только религиозные организации имеют подобный потенциал, а также достаточное количество людей. При должном желании именно в мировых религиях может возникнуть полноценная альтернатива науке, которая будет описывать все известные факты согласно догматам собственной религии. У философов не получится создать подобную систему, потому что методы и убеждения представителей разных философских школ

радикально разнятся, а также имеются многочисленные факторы, разделяющие нас.

Я, будучи плюралистом, стремлюсь к развитию разных систем. Если хотя бы один подход сравнится с научным по уровню обработки фактов, то это будет гигантский скачок для всего человечества. Более того, важно понимать, что если никто не будет пытаться переиграть науку на её же поле, то рано или поздно исчезнут все предпосылки для занятия философий и религией. Вскоре наука нам всем объяснит со своей высочайшей колокольни, почему мы не правы, и, может быть, даже заклеит нас сумасшедшими, носителями магического или шизофренического мышления, а также её сторонники придумают множество оскорбительных ярлыков, чтобы описать наши ничтожные попытки превозмочь научное светобесье своим жалким мракобесием. В интеллектуальной войне против монополии науки на познание необходимо объединить все возможные силы, а также необходимо убедить как можно больше верующих в том, что наука им точно не друг. В этой игре вы либо выступаете на стороне своей религии, либо потворствуете распространению научного мировоззрения, ослабляя свою религию. Притом бездействие здесь ослабляет, потому что в это самое время наука образует ваших детей и вообще всех детей в мире.

Наука настраивает людей против любой религии и философии, кроме своей собственной. Осознание этого факта должно пробудить умы разных верующих и философов, но, как мне кажется, многие проигнорируют изложенные аргументы и дальше будут стремиться к объединению науки и их мировоззрения, руководствуясь сиюминутной выгодой, то есть сиюминутным признанием, но игнорируя поражения их мировоззрения в долгосрочной перспективе.

Параграф 13: Объективность

Объективность, базирующаяся на субъективности, не является подлинной объективностью. Объективность базируется на субъективности в тех случаях, когда тот или иной критерий оценивания создал человек (или другое разумное существо). Например, оценивание творчества по степени новаторства. Мы можем независимо от каких-либо эмоций признать, что то или иное произведение является более новаторским, если имеем достаточно опыта для этого и нам всегда могут указать на ошибку и показать прецедент совпадения и повтора, но кто вообще сказал, что новаторство — онтологически значимая величина, чтобы по ней оценивать произведения? Какое отношение это новаторство имеет к самому объекту? В этом и заключается проблема: большая часть объективностей — это просто формы договорённости о тех или иных правилах, в рамках которых люди не могут принимать субъективных (в смысле эмоциональных или произвольных) решений. Но сами эти формы договорённости, судя по всему, являются субъективным произволом отдельных авторитетных людей или же групп. Хорошим примером здесь служат математика и логика, которые, судя по всему, не имеют коррелята в реальности и не являются онтологически значимыми и релевантными реальности, но в их рамках может существовать какая-то "объективность". Объекта — нет, но объективность — есть.

Объективность определяется в двух смыслах. Объективность — соответствие объекту или же независимость от субъекта. В последнем

смысле большая часть так называемых объективностей зависимы от субъектов, которые их провозгласили и навязали другим, а другие уже постфактум воспринимают те или иные объективности как незыблемые законы мышления, мироздания и приписывают их реальным объектам, наделяя в корне субъективные методологические заходы значимостью.

В рамках научного дискурса и в рядах сциентистов довольно часто люди спекулируют словом «объективность», не понимая в этом случае ничего конкретного. Всего-то независимость от субъекта делает те же шахматы или карточные игры объективными даже в большей степени, чем большинство научных методов. В этом и заключается парадокс. Есть две объективности: одна указывает на истину и реальность, а другая – абсолютно ничтожна и незначительна. Она сродни «объективности» карточных игр. Основная проблема заключается в том, что подтвердить свое отношение к реальности и реальному объекту наука принципиально не может. Сциентисты и ученые не видят смысла доказывать, что они изучают реальность на языке самой реальности. Именно поэтому вся научная «объективность» сродни игровой.

Вообще, если бы сциентисты серьезно относились к философии науки, то могли бы осознать ряд проблем и пробелов в своей аргументации. Например, необходимость «естественной установки». Если перечислить сциентисту все пункты естественной установки, то он может некритично от них отмахнуться. Впрочем, «объективность» науки в сильном смысле без естественной установки просто невозможна.

1. Мир является естественным и только естественным. Если вдруг окажется, что существуют сверхъестественные сущности,

которые подменяют собой законы природы или тем или иным способом воздействуют на фактическое положение вещей в мире, то подавляющее большинство методов науки в это самое мгновение могут стать как минимум сомнительными. Степень объективности резко падает, а многие вещи в такой системе могут оказаться буквально ложными. Большая часть выводов в науке строится на допущении этого положения. Если его убрать, то можно даже сомневаться в верной работе телескопов и микроскопов. Вдруг какие-то сверхъестественные силы заставляют нас видеть то, чего на самом деле нет.

Для подавляющего большинства ученых и сциентистов это убеждение не просто не подвергается сомнению. Оно даже не осознается как некоторое убеждение, которое в принципе можно обсуждать. Так силен научный догматизм. Он переводит недоказанные и недоказуемые положения в состояние абсолютной и неоспоримой веры, выдаваемой за знание. Мы видим в микроскопах и телескопах «объективную реальность», хотя это «объективность» и не выдерживается довольно легкой критики. Отвечать на критику серьезно мало кто собирается. Доказывать тотальную естественность мира тоже.

2. Не умножай сущности. Допустим, что в мире настолько много естественных сущностей, что мы, люди, просто не способны его познать. Допустим, существуют такие естественные элементы, которые мы не можем заметить и измерить. Они влияют на всё, что мы исследуем, а потому у нас не получится составить адекватное теоретическое представление об изучаемом предмете.

Важно помнить, что наука познает большинство вещей посредством простейших вероятностных выводов. Например, таким образом, были открыты «атомы». Вследствие химических преобразований было обнаружено, что некоторые вещества не

делятся дальше. Была составлена достаточно большая модель, которая показывала, как работает микромир на уровне атомов. Эта модель в том числе наслаивалась на практику. Только вот есть один нюанс: все это были интеллектуальные построения, подкреплённые опытом. Мы можем допустить бесконечное множество разных моделей, которые будет также неплохо описывать опыт и соотносить с ним, но при этом не будут нуждаться в понятии атома. Совсем не обязательно прибегать к разным сверхъестественным примерам.

Наука всегда нащупывает путь вслепую. Об этом важно помнить. И важно помнить, что глаза здесь заменяются разумом и фантазией, которые ограничены многочисленными культурными особенностями и разного рода убеждениями. Возможно, сущностей настолько много, что мы никогда не сможем верно описать мир.

3. Мир функционирует по одним и тем же законам на всех уровнях, в любом месте и в любое время. Это тоже часть естественной установки, без которой представления об объективности науки не работают даже на уровне получаемого опыта. Представим себе, что в микро-, макро- и мезомирах работают абсолютно разные законы. Например, законы оптики. В таком случае, любые оптические кажимости в микромире становятся сомнительными. Собственно, в макромире тоже. Благодаря этому микробиология и астрономия становятся сомнительны. Допустим, скорость распада углерода менялась с веками. Из этого следует, что метод радиоуглеродного анализа может оказаться неточным.

Допущение изменения законов природы во времени и пространстве буквально разрушают научную методологию, но ученые плюс-минус уверены в том, что одни и те же законы работали всегда и везде. Это базовое убеждение, которое необходимо для существования науки как таковой. Доказать же это убеждение, скорее всего, невозможно, но его доказательство требуется для того, чтобы

быть уверенным в объективности науки в сильном смысле этого слова.

Мне видится, что многие сциентисты и ученые буквально думают, что наука напрямую поставляет объективность в строгом смысле из самой реальности как она есть. Как будто бы для этого не используются многочисленные сомнительные ментальные операции. Как будто бы теории науки не опровергаются одна за другой. Как будто бы положения естественной установки являются несомненными и неоспоримыми, но ведь они приняты совершенно без доказательств. Всё колоссальное здание науки стоит на нескольких хрупких философских предпосылках. На этом строится и вера в её объективность.

Объективность в сильном смысле – это очень амбициозная концепция, которая требует значительных доказательств. Объективность в слабом смысле – абсолютно незначительна и не является чем-то важным для нас. Иначе мы бы с трепетом относились к «объективным» настольным играм, картам и шахматам. Сильное определение объективности отсылает к реальности, а слабое – лишь к нашим фантазиям. То, что нечто не зависит от субъекта, не делает это ни в какой степени достоверным и важным. Сциентисты часто хватаются объективностью науки, но какова ценность этого хвастовства? Зависит от определения объективности. Первый тип очень трудно достойно аргументировать, а второй – ничего не значит и нет никакого смысла цепляться за него. Именно поэтому я не вижу никакой ценности в научной объективности, так как эта объективность толком ничего не гарантирует.

Параграф 14: Наука и скептицизм

В наши дни нет больших антискептиков, чем ученые и сциентисты, а также члены клуба "Скептикон". Именно они довольно часто пытаются раскритиковать абсолютное сомнение и доказать, что их псевдоскептицизм — и есть истинная форма скепсиса. Другие критики скептицизма хотя бы не похищают бренд и не выдают себя за скептиков. Скептицизм — это такой философский подход, в рамках которого люди приходят к состоянию абсолютного сомнения, то есть такому состоянию, когда у них отсутствуют убеждения. Конечно, постоянно находиться в этом состоянии они не могут, как христианин не может, например, всё свое время думать о боге, а ученый о науке. Состояние абсолютного сомнения подразумевает, что в данный момент у вас отсутствуют убеждения вообще. Наличие убеждений онтологического, этического, эстетического характеров превращают вас в догматика.

Вы можете сказать, что для скептицизма нет обязательно сомневаться буквально во всем. Ответ здесь довольно прост: всё люди в чём-либо сомневаются. Если судить о скептицизме по наличию сомнения, то все люди окажутся скептиками, а потому такой подход делает скептицизм тривиальным. Вы можете попробовать определять скептика посредством количества его сомнений и убеждений, а не с помощью достижения некоторого чистого состояния, но в таком случае окажется, что те же «скептиконщики», сциентисты и ученые имеют в среднем куда больше убеждений, чем многие другие группы людей. Во-первых, мне видится, что попасть в «Скептикон», науку или стать полноценным сциентистом могут преимущественно образованные люди. Образованный человек уверен в среднем в

большем количестве вещей, чем необразованный. То есть у него буквально больше убеждений. Почему больше? Потому что он потратил годы на приобретение этих методологических, теоретических, онтологических, этических и эстетических убеждений. Бывают исключения, но они довольно редки. Нет такого образования, которое бы учило сомневаться. Всё образование в мире настроено на выработку тех или иных убеждений, а потому человек, который образовывается, зачастую имеет больше убеждений, чем кто-либо. Наибольшее количество убеждений в среднем будет иметь учёный, потому что его обязанность – прочитывать огромное количество литературы по своей и смежным темам. Понятно, что проверить все данные он точно не сможет.

Если измерять скептицизм по степеням убежденности, то окажется, что сциентисты, ученые и «скептиконщики» — это самые антискептические группы людей в мире. Более того, убежденность верующих чаще всего выражается в слабой форме, то есть посредством слова «вера», а вот убежденность сциентистов в сильной, то есть словом «знание». Сциентисты и ученые говорят о неоспоримом знании, когда у них в руках нет никакого знания. Они претендуют на доказанную истину, хотя не учитывают огромного количества нюансов, о которых мы уже говорили и о которых ещё поговорим. Радикализм в мировоззрении сциентистов часто превышает религиозный фанатизм, несмотря на то, что сциентисты не убивают неверных. Сцентизм пронизан фанатичной верой в то, что наука – это лучшая из систем, добывающих именно «знание».

Если вы согласны с тем, что сциентисты по параметру количества убеждений дальше многих других групп людей находят от скептицизма, то у вас остаётся последнее фундаментальное

возражение: они не только имеют больше убеждений, но и больше используют операцию сомнения. С этим я соглашусь, потому что они чаще всего оперируют этим словом и для них оно является методологически значимым. Средний представитель христианства, ислама или буддизма, скорее всего, не будет формулировать своё недовольство чьими-то выводами через сомнение, но тут есть один нюанс: мы имеем дело не с абсолютным сомнением, а с частным. Частное сомнение мало чем отличается от догмы, потому что всегда подчиняется тому или иному набору убеждений. Например, вы скептик, а потому сомневаетесь во всем ненаучном. Есть и попытки создать христианский скептицизм, где точно также люди сомневались во всем нехристианском. С тем же подходом можно рассуждать о буддийском, исламском, языческом и прочих формах скептицизма, то мне видится крайне нелепым.

Также можно сформулировать ещё одно возражение: да, сомнение во всем ненаучном – не выглядит как некая форма скептицизма, потому что такой же приём при желании могут использовать представители любых мировоззрений и религий, но у науки в отличие от религии есть механизмы самокритики и самосомнения. Проблема заключается в том, что в религиях тоже присутствуют механизмы самокритики и самосомнения. В христианстве, например, даже есть отдельная тема о кризисе веры и методах работы с ним. Само христианство в разных его обличьях известно своей способностью модернизироваться и приспособливаться к разным обстоятельствам. Буддизм в этом плане оказывается даже более пластичен и адаптивен. Более того, вся самокритика и сомнения внутри религий и науки носят догматический характер, то есть в качестве основных принципов, управляющих сомнением в этих областях, выступают недоказанные

и, возможно, недоказуемые философские убеждения. Про естественную установку в науке я уже писал многократно, но это далеко не полный список убеждений, который руководит scientистом и учёным в процессе самокритики.

В общем, научный скептицизм качественно не отличается от христианского, исламского, буддийского и прочих существующих и возможных форм «скептицизма». Здесь нет абсолютного сомнения и нет воздержания от убеждённости. Здесь нет работы со структурой своих убеждений. Мышление ученого работает по методичке, которую составили за него. Базисные положения науки – это обыкновенный набор недоказуемых философских позиций. Отсутствие сомнения в этих позициях может легко доказать, что перед нами не сообщество скептиков, а сомнение в рамках самой науки – это лишь догматический инструмент, который нужен для того, чтобы укреплять прочую догматику.

К сожалению, люди, которые больше всего ненавидели скептицизм, решили взять на вооружение его бренд и использовать в своем словаре слово «сомнение». К сожалению, Эпоха Возрождения и Новое Время не смогли возродить античный скептицизм, а потому современное его понимание размылось. Мы имеем дело с какими-то ущербными промежуточными формами сомнения, доступными буквально всем людям. Отсюда и радикальное сомнение Декарта, и скептицизм Монтеня, и скептицизм Юма, и научный скептицизм. Как по мне, использование бренда скептицизма в большей степени навредило настоящим скептикам, чем любой догматизм. Теперь ведь толком не разберешься в том, кто настоящий скептик, а многие люди норовят считать себя сомневающимися и принимающими только очевидные и доказанные вещи. Эти люди редко задаются вопросом о

критериях истины и очевидности. Они уже нашли ответ на эти вопросы. Для них существуют доказанные знания.

Для меня же важно подчеркнуть, что у науки и скептицизма нет ничего общего. Все сомнения, которыми пользуются ученые, носят исключительно частный и догматический характер. Характер этих сомнений мало отличается от бытового. Это псевдоскептицизм. Бренд скептицизма используется догматическими направлениями для того, чтобы избежать обвинений в догматизме, потому что со времён Просвещения догматизм считается чем-то недостойным, а потому многочисленные формы догматизма были вынуждены принимать критическую и скептическую форму, но не содержание. После эпохи Просвещения стали популярны попытки отделиться от догматизма²⁹, но, к сожалению, мало кто так хорошо и досконально проработал понятие догмы, как это сделали скептики, а потому все эти попытки завершились неминуемым провалом.

Параграф 15: Наука и практика

Большинство людей не анализируют понятие науки, а потому размышления о том, что наука и практика теснейшим образом связаны у них не вызывает сомнения. Для них наука это и сбор данных, и построение моделей, и создание теорий, а для некоторых – практика сама по себе. Именно поэтому им трудно осмыслить, что наука и практика не так тесно связаны, как им представляется.

²⁹ Прежде всего религиозного.

Подлинная наука обретает себя в теории, а все дотеоретические подходы к накоплению и классификации информации назвать подлинно научными нельзя. Например, создание модели – это еще не наука. Или накопление эмпирического опыта – это ещё не наука. Отсюда и формируется вопрос: а насколько необходима теоретическая наука для новых практических открытий?

Давайте условимся, что научный метод возник как минимум веке в XVII. Я подразумеваю ту философскую методологию, которую развивали Галилей, Ньютон и прочие последующие ученые. Если мы будем понимать под наукой любой способ познания, начиная с Фалеса, то говорить здесь будет не о чем³⁰. Более того, если мы автоматически будем присовокуплять к понятию науки ещё и практику, то вопрос о соотношении науки и практики становится бессмысленным.

Вопрос о соотношении науки и практики следует решать таким образом, что мы сначала отделяем одно от другого, а потом смотрим на всевозможные взаимосвязи. Именно поэтому под наукой я понимаю не столько академическую структуру, которая включает в себя практику и теория, а именно определенную теоретическую методологию. Не всякая теория, как мне видится, будет научной, потому что существуют ещё философские теории и религиозные. Здесь принципиально важно разяснить, чем они отличаются друг от друга. Прежде всего, научные теории носят натуралистический характер, но не всякая натуралистическая теория будет научной, потому что научная теория должна с необходимостью содержать возможность собственного опровержения (фальсификации).

³⁰ Существует очень много подходов к определению науки, что мы разобрали в самой первом разделе данной книги.

Подобные теории начали создавать в лучшем случае со времен Галилея.

Формула науки выглядит приблизительно так: структурированные результаты наблюдений и опытов + математическая модель + натуралистическая теория + фальсификация (чаще всего посредством классического эксперимента). Впрочем, структурированные результаты наблюдений и опытов были как у алхимиков, так и у астрологов, но научности в их подходах не имелось. То есть данный критерий является не достаточным, а всего лишь необходимым. Наличие математической модели тоже сложно назвать достаточным критерием для определения науки, потому что математические модели можно строить в мистических, магических или практических целях. А вот критерий натуралистической фальсифицируемой теории можно называть достаточным, как минимум, в моём понимании того, чем наука является в данном обсуждаемом нами ракурсе. Мы будем отталкиваться от этого понимания.

Откуда проистекает практика? В донаучный период, то есть до XVII века, практика имела несколько источников: 1. практика следовала из практики; 2. практика следовала из опыта; 3. практика следовала из моделирования. Первый источник функционирует на методе проб и ошибок, который является основным для создания практики. Опыты и наблюдения же всегда преследовали человечество, а потому практические достижения следовали и из этого фактора. Моделирование также имело место, потому что всегда можно было что-то расчертить и попробовать вообразить в рамках некой модели, ориентируясь на наши практические представления. Так вот, мой тезис заключается в том, что эти источники практики так

и остались основными, а научная теория сама по себе в отрыве от опытов и моделирования не привносит в практику ничего значительного, кроме объяснения того, чем занимаются практики.

Научная фальсифицируемая теория лишь мотивирует исследователей проводить новые опыты, но напрямую на практику не влияет. Почти любое направление мысли может реконструировать свою теоретическую базу таким образом, что мотивировать практику развиваться дальше, а также сможет объяснить все происходящее практикующим хоть законами диалектики, хоть божественным вмешательством. Научная теория, то есть сама наука, в этой области, как мне видится, оказывается полностью заменимой. Конечно, большинство людей подразумевают под наукой не только методологию создания натуралистических теорий, но и процесс накопления опыта и моделирования. Я их намеренно отделяю для анализа, потому что понимаю, что при сохранении опыта и модели, но при искажении теории, скорее всего, мы получим всё те же практики. Нам без разницы, как функционирует электричество на самом деле. Лишь бы мы пришли к тем же практикам, который сейчас нам позволяют им управлять. Мы можем иметь похожий опыт, те же самые модели, но при этом пользоваться совершенному другим типом теории, отличным от научного.

В качестве подтверждения своего представления о науке и практике я бы хотел привести примеры того, что до XVII века в Европе было сделано множество удивительных изобретений, от сложнейшей металлургии, линзы, телескопа, до полноценного парового двигателя. Да и не все изобретения XVII века необходимо записывать в копилку науки даже косвенно. Я бы хотел сказать, что это не наука выступила главным стимулом развития практики в

европейском регионе, а практика выступила фундаментальным стимулом развития науки, что в итоге привело к монополизации практики наивными теоретиками.

Да, у научных теорий нередко получается даже предсказать некоторые будущие открытия, но кто сказал, что научный тип теоретизирования единственный, позволяющий делать подобные предсказания? Потенциально можно вообразить бесконечное множество подобных методологий. И научный метод будет одним из многих в этой бесконечности. Потому я глубоко сомневаюсь в том, что в развитии практики наука и только наука может играть хоть какую-то роль. Также мне кажется, что роль науки в развитии практики очень сильно завышена. Если мы, люди, продолжим пробовать и ошибаться, собирать данные и создавать модели, то без всякой науки будем эффективно развивать практику. Более того, нет никакой гарантии в том, что наука дает лучшую мотивацию техническому прогрессу. Может быть, существуют более продуктивные философские стратегии, которые могли бы мотивировать практиков заниматься своим делом. Но мы обо всем этом не узнаем, пока научное мировоззрение будет являться доминирующим.

Вполне возможно, что мы просто уцепились за первое мировоззрение, которое так или иначе ориентировано на объяснение практики, а потом в своем фанатизме и глупости отказались от дальнейших поисков более эффективных методологических подходов. Монополия науки закрывает нам глаза на возможности. Быть может, без науки практика развивалась бы быстрее, если бы люди не разбрасывали ресурсы на построение всевозможных теорий. Может быть, есть лучшая или хотя бы сравнимая методология,

которая бы обогатила наш опыт. Мы об этом не узнаем, пока не будет развивать альтернативные подходы.

Подробнее об этих проблемах написано в книге «Философия практики». Рекомендую её к прочтению.

В общем, соотношение науки и практики – это большая философская проблема. Наивно полагать, что в этом вопросе все так просто. Для многих людей священная наука подарила им компьютеры, телефоны, медицину и все технологии вокруг. Большинство людей даже не упоминают инженеров и медиков, которые вполне стандартными для практики методами, пришли к своим открытиям и изобретениям. Слишком упрощённые представления о том, как взаимодействуют наука и практика, чаще всего ведут к обожествлению науки. Наука из конкретной познавательной методологии превращается в культ. Апелляция к практике является главным аргументом в пользу науки и научного познания, а миф о нерушимой связи науки и практики – главная причина, по которой научная методология не имеет альтернатив. Именно благодаря такому догматизму, вымерла натурфилософия, разновидностью которой и была научная методология.

Мне видится, что представители науки относительно бесчестным путём убедили инженеров, практиков и обывателей в том, что наука необходима для практики, забыв прояснить, что сбор данных и создание моделей – это не суть научного метода, а лишь его необходимая составляющая, которую наука может разделить со множеством других теоретических направлений. Ввиду достаточно демонстративной эффективности практики, наука пропиарила свою методологию на трудах многочисленных инженеров, медиков и прочих практиков, что привело к её неоспоримой доминации как в

натурфилософии, так и в познании вообще. Впрочем, мне сложно обвинять ученых в осознанном обмане, потому что, как мне видится, произошёл самообман. Им приятно видеть себя лидерами прогресса. Это повышает значимость науки и каждого отдельного учёного. Впрочем, может оказаться, что сциентисты и ученые, будучи догматиками, упустили более эффективные подходы, а потому в каком-то смысле способствуют замедлению технического прогресса.

Важно также заметить, что опровергнуть меня просьбами доказать мои суждения не получится. Я лишь анализирую и указываю на проблемные места в аргументации моих оппонентов. Может быть, действительно наука и только наука может таким образом обслуживать практику, а все другие подходы невозможны. Проблема не в том, что убеждения ученых и сциентистов являются ложными. Они всего-то являются абсолютно необоснованными и категорически сомнительными. Я лишь демонстрирую, как оно могло бы быть устроено в мире, то есть на фоне недоказанности позиции оппонента апеллирую к возможности. Мне нет смысла её доказывать, потому что, честно говоря, я не могу до конца быть уверен в том, что существует более эффективная методология познания, чем наука, но если мы не будем пытаться её создать и развить, то она почти наверняка не сможет возникнуть, как не смогла бы возникнуть наука, если бы мы в определенную эпоху запретили создавать новые учения и подходы к изучению мира.

Как скажет любой фанатик научного скептицизма: «доказывать должен тот, кто делает утверждение», а также «экстраординарные суждения требуют экстраординарных доказательств». Убежденность в эффективности научного и только научного метода, а также отрицание возможности создать другой не менее эффективный метод,

а также неоспоримая связанность науки и практики – это то, что должны доказывать сами сциентисты, а претензии здесь, на мой взгляд, экстраординарные. И это при полном нежелании анализировать науку и разбираться всевозможные способы её трактовки.

Параграф 16: Критическое мышление

Критическое мышление – догматический бич современности. Критическое мышление, популярное в среде сциентистов, стало лакмусовой бумажкой, которое позволяет отделить легковверного дурака от мыслящего человека. Притом, если человек использует такую категорию, как критическое мышление, то он далеко не мыслящий. Давайте разберемся в причинах.

Нередко критическое мышление соотносится со скептицизмом, мол, критически мыслящий человек обязан сомневаться во всей поступающей информации. Начнем с того, что убеждение, согласно которому человек должен сомневаться во всей информации, само по себе является догмой, которая делает человека не скептиком. Во-вторых, речь идет о частных сомнениях, которые базируются на догматических формах анализа и научной картине мира. То есть, сомневаться-то на деле нужно не во всём. Из этого списка вычеркиваются многочисленные научные представления и методы. В таком случае, получается, что критическое мышление по степени скептичности мало отличается от того же магического, когда, допустим, маг или конспиролог сомневается в науке и научных методах, предлагая взамен свои формы анализа и методологию.

Именно поэтому на аспект сомнения мы не будем обращать внимания, потому что здесь он упоминается, как и во всех других случаях, связанных с научной мифологией, для галочки, чтобы сформировать у адептов представление об отличии науки от религии и критически мыслящего человека от верующего.

Первая тотальная проблема критического мышления заключается в том, что оно некритично относится к логике. То есть оно базируется на методичке мышления, изначально разработанной Аристотелем³¹, а после доделанной в двадцатом веке многочисленными логиками, сблизившими логику и математику. Основная проблема логики заключается в том, что она не гарантирует нам никакого знания. В рамках той же силлогистики мы просто манипулируем общими понятиями, а статус этих общих понятий неизвестен. Например, мы говорим, что железо – это металл. Но что такое «металл»? Есть ли какая-то онтологическая значимость у этого слова? Скорее всего, нет. Это просто некое слово, обобщающее некоторые свойства, например, высокую тепло- и электропроводность, высокую пластичность и так далее.

Мы можем составить такой силлогизм:

Все металлы проводят электричество.

Железо – металл.

Железо проводит электричество.

³¹ Силлогистика Аристотеля наиболее простой и используемый логический подход во многих европейских дискурсах, потому что его не так уж и сложно освоить. Силлогистика крайне распространена и часто соответствует интуициям нашего языка.

В рамках логики – это верное суждение, но в рамках нашего мира непонятно, что такое металл, а потому непонятно, насколько истинно данное суждение само по себе. В целом, мы можем сделать верное суждение, исходя из ложных или бессмысленных посылок. Например:

Все узифусипусипуси проводят электричество.

Железо – узифусипусипуси.

Железо проводит электричество.

Мне видится, что мы можем интерпретировать «металл», как и набор букв по типу «узифусипусипуси». Но в чем здесь проблема для логики? Основная проблема заключается в том, что наиболее надежные выводы мы можем делать благодаря дедукции, а дедукция работает по принципу движения от общих положений к частным.

Например:

Все люди – коты (это общее суждение)

Сократ – человек.

Следовательно, Сократ – кот.

Проблема здесь не только в том, что я выбрал ложную посылку, согласно которой люди – коты. Вполне возможно, что сама операция дедукции онтологически бессмысленна и не гарантируем нам никакого достоверного познания, потому что любая совокупность

слова в итоге является бессмысленной по отношению к истине, если мы понимаем под истиной соответствие наших представлений реальности. Да, мы можем формулировать верные силлогизмы и не только в рамках формальных систем, которые мы придумали или классифицировали самостоятельно, но как дедукция соотносится с истиной нам заранее неизвестно.

С индукцией все значительно проще. В науке мы почти всегда имеем дело с неполной индукцией, а выводы из неполной индукции всегда носят вероятностный характер. Более того, опять же непонятно, насколько релевантно для нахождения истины делать подобные обобщения.

Гносеологический статус логики незаслуженно высок, хотя никаких доказательств её работоспособности логические фанатики обыкновенно предложить не могут. Какое нам может быть дело до логичности чьих-то рассуждений, если все они строятся либо не неправомерной индукции, либо на сомнительных посылках? Здесь нет никакой гарантии, а потому кажется довольно странным, что в рамках критического мышления необходимо поклоняться логике.

Также нередко в разных концепциях критического мышления всплывает понятие «анализа». Впрочем, мы заведомо знаем, что не все формы анализа будут называть критичными, потому что может существовать диалектический анализ, образный и многие другие виды, которые являются неправомерными в рамках науки. Важно помнить, что критическое мышление – это выкидыш научной догматики, а потому оно пропагандирует только научные формы анализа, а все остальные автоматически отменяются. Оценки здесь будут строиться на наивном науковерии. Не более того.

Критическое мышление видится мне очередным проектом сциентистов, предназначенным для того, чтобы показать свое превосходство над религиозными людьми и философами. Здесь важно унижить оппонента и наклеить на него ярлык человека с магическим мышлением, а самому при этом беспрекословно верить в то, что наука дарит нам технологии, даже не задумываясь о реальном механизме работы современной системы. Критическое мышление – это одна из форм эпистемологической ксенофобии, которая отталкивается от научной догматики.

Миссионеры критического мышления будут рассказывать вам, как оно полезно, а параллельно продолжат формировать в вас научную картину мира. Они специально попытаются вызвать доверие, чтобы вы старались анализировать всё, кроме науки и её методологии. Они, воспользовавшись вашим доверием, вручат вам методы анализа, но не расскажут о том, что это далеко не единственные методы. Они будут рассказывать о том, как ничтожные другие типы мышления, которые придуманы в рамках их научной картины мира. Например, то самое легендарное магическое мышление, под которым часто можно понять почти все, кроме критического (научного)³². Так или иначе почти в любом типе мышления при желании можно выделить элементы воздействия на реальность с помощью слов, ритуалов и действий. В каком-то смысле, науку тоже можно воспринять как способ воздействия слов (теорий) на реальность, когда она, наука (т.е. совокупность теорий) неожиданно дарит человечеству практику и технологии, хотя процесс

³² Магическое мышление — это убеждение в том, что мысли, слова, действия или ритуалы могут напрямую воздействовать на реальность. Это тип иррационального мышления, который часто встречается у детей и людей с различными психическими расстройствами.

возникновения технологий уж точно не такой простой, как это представляет себе большинство сциентистов, включая самих ученых.

Я бы рекомендовал быть критичным к критическому мышлению. Его популярность уже должна настораживать. Навязчивость фанатиков критического мышления должна отпугивать. Исследуйте, читайте, собирайте информацию – с этим я согласен, но какой толк доверяться одному или узкому набору ментальных рекомендации, которые могут оказаться неверными? Я бы даже сказал, что пропаганда критического мышления нередко граничит с инфоцыганством, а иногда используется всевозможными мошенниками-бизнестренерами для обмана населения. Важно заметить, что в целях обмана «критическое мышление» работает хорошо, потому что льстит человеку. Как бы не оказалось, что вся концепция критического мышления – это один сплошной самообман.

Я бы ратовал не за какой-то алгоритмичный образец мышления, а за изучения разных подходов к решению абсолютно различных задач. Мне думается, что плюралистическая профилактика поможет сделать мышление более гибким, а также ускорит появление новых методов на границе с уже имеющимися алгоритмами мышления. Критическое мышление – довольно известный ярлык, но его использование кажется мне неоптимальным и может сгодиться только для того, чтобы обманывать неподготовленных обывателей. Возможно, критическое мышление включает в себя фрагментарно те методологические установки, которые повышают эффективность жизни на некотором её этапе и в некоторых аспектах, но если заикнуться на этом типе мышления, то можно перестать искать другие подходы вообще.

Параграф 17: Когнитивный надзор и логические ошибки

В последнее время очень эффективно популяризуется тема когнитивных искажений и логических ошибок, которые вырастает на почве фанатичного следования критическому мышлению. Даже создаются всевозможные каналы, которые обозревают материалы и пытаются отыскать там когнитивные искажения и логические ошибки. Притом уклон обыкновенно делается на то, чтобы отыскать все эти ошибки у другого, а не у себя. И часто поиск ведётся в рамках тех форматов, которые не подразумевают рациональную дискуссию, например, в формате интервью.

Когнитивные искажения — это систематические ошибки в мышлении, которые приводят к неправильному восприятию реальности.

Начну с того, что многие когнитивные искажения — это действительно вполне наблюдаемые вещи, которые ведут к сомнительным выводам. Более того, список неформальных логических ошибок также показывает нам приёмы, которые не позволяют с достоверностью добиться некоторого знания, но и не отрицают правоту использующего эти приёмы. Например, применение *ad hominem*³³ не гарантирует неправоту ни оскорбляемого, ни говорящего. В целом, человек может оказаться

³³ *Ad hominem* (лат. «против человека») — это логическая ошибка, при которой аргумент опровергается указанием на характер, мотив или другой атрибут лица, приводящего аргумент, или лица, связанного с аргументом, вместо указания на несостоятельность самого аргумента, объективные факты или логические рассуждения.

прав, даже используя *ad hominem*, а может ошибаться, оперируя всеми правилами академической дискуссии в идеале.

Как говорил Аристотель, из верных посылок следуют верные выводы, а из ложных – всё, что угодно. В том числе, из ложных посылок могут быть сделаны верные выводы. Многие формальные и неформальные логические ошибки как раз посвящаются форме высказываний, но есть один нюанс: вероятно, мы вообще не можем создать верные посылки, релевантные реальности, а потому от наличия и отсутствия ошибок в аргументации не зависит ровным счетом ничего. *Ad hominem* оказывается настолько же убедительным аргументом, насколько стройная и логически выверенная аргументация, следующая из сомнительных посылок.

Наши дискурсивные практики не выполняют познавательных функций, а очень часто лишь имитируют их выполнение. На самом деле, это определенный формат, который позволяет нам развеселить себя и принять некоторые решения. Давайте попробуем рационализировать деятельность Гитлера. Я ни в коем случае не хочу никого убеждать в том, что нацизм это хорошо. Посредством примера с Гитлером я лишь хочу показать, что рационализировать можно всё, что угодно.

P1: Для достижения лучшего мира можно пойти на любые жертвы.

P2: Евреи мешают достижению лучшего мира.

C: Нужно убить евреев для достижения лучшего мира.

Да, обе посылки в корне сомнительны, но из них делается логически истинный вывод, но логически истинный – не означает, что этот выбор истинен вообще. Более того, нередко в высказываниях появляются оценочные понятия, которые довольно легко используются в рамках логики и могут быть логически «истинными», но у нас нет никаких оснований считать их истинными в большем смысле. «Хорошо», «плохо», «лучший», «худший» — это оценки, которые имеют смысл для нас, людей, и чаще всего оказываются субъективными.

Таким образом, мы можем рационализировать любые наши поступки вплоть до геноцида. Не всякое рациональное решение – дикое, но всякое дикое решение можно рационализировать. Очень часто, пользуясь рациональными аргументами, люди приходят к ужаснейшим поступкам. Рационализация почти никогда не спасает. Разница лишь в том, что в случае с неформальными логическими ошибками многие люди уже научились им сопротивляться, а вот против логических аргументов у многих нет никакого ответа, кроме тех же логических ошибок, либо равносильных аргументов.

С логическими ошибками всё понятно. Нам в целом довольно сложно обрести уверенность в том, что отсутствие логических ошибок приближает нас к истинной позиции, а если так, то зачем жертвовать своим временем для освоения логики и прочих формальных дисциплин? В основном, для того, чтобы вести академическую коммуникацию с представителями некоторых сообществ. Логика и соблюдение множества формальных правил будут обрядом инициации для членов данного сообщества. Эти обряды нужны им для того, чтобы отделить себя от представителей

других сообществ. Сложно сказать, насколько это действительно помогает в познании и насколько познание вообще достигается в академической структуре. Впрочем, я заранее соглашусь, что допущение той или иной логической ошибки наверняка не гарантирует нам знания. Например, если наш оппонент моральный урод, это ещё не означает, что он не может отстаивать верную моральную позицию (если таковая вообще существует).

Также я от себя замечу, что большинство неформальных логических ошибок почти с необходимостью возникают у людей, которые начинают вести дискуссии без логической подготовки. Впрочем, даже имея хорошую логическую подготовку довольно трудно не допускать их. Этим я хочу подчеркнуть, что совершать логические ошибки более естественно, чем их не совершать. То же можно сказать и про когнитивные искажения. Они в большинстве своем вполне естественные и избавиться от них практически невозможно.

Борьба с когнитивными искажениями довольно легко нам даётся, когда мы пытаемся зафиксировать эти искажения у других, зато от нашей психики многие такие искажения скрываются довольно хорошо. Например, те авторитеты, которым мы доверяем, считаются нами же специалистами в своем деле и мастерами, которые знают в этой области больше нас, а авторитеты, которым доверяет другой, чаще всего выступают в облике хитрых шарлатанов, обводящих всех вокруг пальцев. Или, например, селективное восприятие в обыденной жизни и в научной деятельности могут караться с разной степенью. Если ученый не готов куда-то смотреть, то многие его оправдают и скажут, что он молодец, пока более авторитетная группа учёных его не опровергнет. Также я бы заметил, что многие когнитивные

искажения могут поддерживаться целыми коллективами (в том числе учёных) до тех пор, пока более авторитетная группа не начнет обвинять эту в ошибке (а ученые в познании сейчас наиболее авторитетная группа).

Никакая наука и даже, скорее всего, сами когнитивисты не могут избежать всех когнитивных искажений. Эти искажения, вероятно, залегают глубоко в нашей психике, а потому всегда воздействуют и воздействовали на науку. Большую часть времени науки существовали без информации о когнитивных искажениях. Да и сейчас многие ученые по инерции продолжают свою работу, серьезно не обращая внимания на списки этих искажений. Да и как их все можно избежать? Это практически невозможно. Впрочем, это не значит, что не стоит обращать внимания на эти ошибки. Я легко использую их для аргументации скептицизма, но с большим трудом себе представляю, как их можно использовать для защиты науки. Как по мне, в науках крайне часто совершаются всевозможные когнитивные искажения. Науку нельзя считать святой и непогрешимой инстанцией.

Ученые – обычные люди, чаще всего не наделённые какими-то особыми интеллектуальными добродетелями. Научное сообщество состоит из офисных работников, чей интеллект ненамного превышает средние показатели. Воистину выдающихся людей в науке не так уж и много. Куда больше ведомых авторитетом, совершающих ошибки, мнительных, высокомерных, не готовых выступить против коллектива ради истины, ментально слабых и довольно трусливых. Нередко благодаря своим когнитивным искажениям люди изображают научное сообщество в виде непогрешимых и сомневающих логических роботов, но при этом колоссально

добрых и благодетельных. Эти роботы даже отказываются от своих теорий и радуются, если их опровергли (в подтверждение этого Доккинз приводит историю одного профессора). Жалко, что вся эта мифология не имеет ничего общего с реальностью и строится на частных примерах. К сожалению, ученые – это довольно обычные люди с довольно обычными потребностями и добродетелями. Они не ужасны и не отвратительны, но довольно посредственны в общей своей массе. Было бы удивительно, если такой посредственной группе людей не были свойственны когнитивные искажения.

Многое в нашем отношении к учёным строится на когнитивных искажениях. Мы очень часто допускаем многочисленные ошибки и пытаемся акцентировать внимание лишь на хороших моментах, когда дело касается науки. Например, в случае с компьютерами лавры победителей достаются учёным. Ученые являются важным звеном в создании практических достижений человечества, а им следует воздать благодарность за создание компьютеров инженерами. Без ученых не было бы никаких компьютеров³⁴. Почему-то вина за создание ядерных бомб на ученых не распространяется? Потому что ученые – это одно из самых привилегированных сообществ, которые имеют максимальный эпистемологический авторитет. Ученые не сделали ничего плохого! Это все злые политики! Злые генералы! Вот кто во всем виноват! Ученые ради мирных целей создали ядерное оружие! Никто и знать не мог, что ракеты сбросят на мирное население! Почему такая же логика не работает, когда мы рассуждаем о «научных» благах? Почему люди забывают, что практика развилась, в том числе благодаря религии, ведь религиозные институты породили университеты, а также дали академической науке

³⁴ Я в этом сомневаюсь, но допустим, что это так.

определенные форматы передачи информации. Почему люди забывают о политиках и торговцах, которые также повлияли на распространение компьютерных технологий? Потому что у большинства людей по отношению к науке применяются двойные стандарты. Она подобна богу, потому что по определению делает только благо, но почему-то все это благо чаще всего сотворено руками не ученых людей, а научные злодеяния списываются на чужой счет, чтобы оправдать науку и учёных. Объяснить такие отношения я не могу иным образом, кроме когнитивного искажения.

Какими когнитивными искажениями можно объяснить тотальную любовь к науке? *Искажение в восприятии сделанного выбора* – это точно, потому что людям со школы дают выбор между точной, замечательной и абсолютно бесспорной наукой и какой-то там чепухой, которая является антинаучной. Большинство людей автоматически выбирает науку, а некоторые, выбрав науку, пытаются немного перемешать её с чепухой. Под «чепухой» здесь подразумевается всё, кроме науки. *Эффект знакомства с объектом* – большинству кажется, что они давно знакомы с наукой и безоговорочно понимают, что это такое. Им даже отчасти может казаться, что они причастны к этому объекту. Особенно, если это научпоперы или даже ученые. Они выражают необоснованную симпатию к науке, хотя, на деле, не могут даже адекватно определить, чем она является. *Иррациональная эскалация*, то есть тенденция помнить свой выбор как более правильный, чем он был на самом деле. Это точно относится к науке, и, если честно, часто в беседе с сциентистами приходится не столько аргументировать, сколько проводить сеансы психотерапии для того, чтобы понять, почему люди так рьяно защищают свой выбор.

Конечно, в трактовке науки они используют такие искажения, как: предвзятость подтверждения, селективное восприятие, эффект обратного наблюдателя, сопротивление, эффект авторитета, конформизм, эффект фрейминга, формулирование, эффект сверхуверенности, иллюзия контроля и т.д. – с помощью всех этих искажений очень легко описать сциентиста даже с научными степенями. Людям буквально трудно анализировать и воспринимать информацию с критикой науки, потому что наука для них это что-то крайне ценное. Это результат их собственного выбора, который, правда, был навязан образованием. Люди в среднем испытывают к науке чувство возвышенного благоговения, а из этого следуют многочисленные психологические защиты.

За долгое время спора с сциентистами мне приходилось сталкиваться с удивительными оправданиями науки. И тогда я в целом убедился, что на ученых и сциентистов работают те же правила, что и на верующих. Ученые и сциентисты не смогли избежать пристрастности и иррациональности по отношению к науке. Они не смогли перерасти всевозможные когнитивные искажения, оставшись всего-то простыми людьми, совершающими ошибки и имеющими иррациональные интересы. Отсюда и вырастает нелюбовь к философии науки, ведь эта дисциплина по терминам препарирует научность как таковую, а результат анализа чаще всего не совпадает с мнением ученых, которые в данной области разбираются не больше обывателей. Более того, ученые пристрастны к науке не только эмоционально, но и финансово. От авторитета науки зависят их заработные платы, а также социальный статус. Среди всех сциентистов именно ученым сложнее всего согласиться с критикой науки, потому что они буквально зависят от этого бренда. Если обыватель не думает о науке вообще, а лишь восхищается ей и

защищает, то ученый думает, но его пристрастия и психологические защиты заставляют создавать все новые и новые ad hoc представления, которые позволят избежать критики.

И, кстати, именно поэтому в спорах о науке сциентисты, особенно ученые сциентисты, используют сразу несколько определений. То они опираются на фальсификационизм Поппера, то указывают на практичность науки, то подчеркивают её социальный характер. В среднем даже довольно умному сциентисту крайне трудно остановиться на одном определении, потому что тогда науку можно будет опровергнуть. Например, очевидно, что фальсифицируемость теории не дает нам гарантий, что мы приближаемся к истине. Да и почти всегда можно переформулировать одну и ту же теорию, заменяя сфальсифицируемый сегмент. Объем возможных теорий невероятно велик. Например, также очевидно, что если мы хватаемся за определение науки через социальный подход, то есть судим о науке по социальным институтам, то любая дисциплина, которая окажется в рамках университетов и институтов тут же по определению станет наукой. Например, теология – наука. Человек, который применяет социальное определение науки, должен смириться с тем, что в круг наук в таком случае попадут и такие дисциплины, как теология. В будущем это может быть астрология, таро, магия – лишь бы кафедра была, а также совершались наукоподобные действия, то есть написание статей, рецензирование, защита диссертация и прочие «научные» ритуалы. Каждое определение науки имеет свою специфику и свои следствия, чего обыкновенно не понимают сциентисты и ученые, спорящие на данные темы.

Люди крайне иррациональны, когда речь заходит о науке. Наука – это самый удачный философский бренд на всю историю человечества. Пристрастие людей к ней вполне объяснимо, а потому не стоит отрицать, что ученым и сциентистам свойственно допускать многочисленные когнитивные искажения при рассуждениях о науке и научности.

Параграф 18: Предвзгляд здравого смысла

Философия здравого смысла Томаса Рида появилась в противовес идеям Джорджа Беркли и Дэвида Юма. Первый утверждал, что материи не существует, а окружающие нас явления создаются богом. В такой системе было бы избыточно допускать существование материи. Дэвид Юм не был столь радикален, но рассуждал о трудностях, которые возникают у людей при решении разных философских вопросов. Вслед за Шефтсбери, Томас Рид стремится утвердить понятие здравого смысла, чтобы избавиться от сомнений в ряде философских вопросов. Для Шефтсбери здравый смысл представлял врожденную интуитивную способность, находящуюся в основании нравственно эстетической оценки. Для Томаса Рида – это «естественный свет», природная данность, которая позволяет человеку интуитивно судить о вещах самоочевидных.

Конечно, дело в том, чтобы легально снять с себя необходимость доказывать и обосновывать те или иные положения. Здравый смысл вынуждает прекращать все споры и дискуссии, если ему что-то противоречит. Например, одной из самоочевидных истины, по мнению Рида, является существование Бога.

Таков исток концепции здравого смысла. Уже в самом начале мы видим некую спонтанность, которая базируется на интуиции. Понятие здравого смысла произрастает из теории вкуса Шефтсбери, а о вкусах, как известно, не спорят. Вкусы у людей абсолютно разные. Вероятно, разные и интуиции. Например, для кого-то существование Бога очевидно, а для иного человека – нет. И это нормально. Только вот становится совсем не понятно, какой из множества интуитивных смыслов является здоровым и почему. Мы снова приходим к неразрешимой проблеме, потому что интуиции разных людей работают неодинаково.

Чаще всего, мы не можем списать наличие того или иного убеждения на интуицию, а потому измерить, какой смысл является наиболее здоровым оказывается невозможно. Например, здоровый смысл относительно математических операций заключается в следовании определенным правилам, но если не изучать эти правила, то никакая интуиция не позволит правильно освоить математику³⁵. Это в художественных произведениях Платона малограмотные рабы доказывают теоремы Пифагора. В реальной жизни школьники даже после прочтения доказательства часто не могут его повторить. Как проверить, что математические операции являются интуитивными, если эта интуиция без образования не проявляется вовсе? А можем ли мы обучить людей неправильной математике? Как показывает опыт, можем. Юрий Степанович Рыбников распространял в своей секте другие математические правила, а его адепты их воспринимали. Как они могли перебороть свою интуицию даже после школьного образования, где она должна была закрепиться?

³⁵ Или всё же позволит? А этому будут серьезные доказательства? Просто, как мне видится, дети-маугли не владеют математическим аппаратом.

Судя по всему, никакого единого здравого смысла нет, а если он и существует, то достоверно убедиться в его существовании будет крайне сложно. Можно списать наличие представлений о здравом смысле на ряд когнитивных искажений, которые создают ареол важности вокруг некоторых базовых убеждений человека. Это также легко объяснить, почему тезисы здравого смысла могут отличаться от человека к человеку.

Впрочем, я бы хотел обратить внимание на то, что для многих сциентистов концепция здравого смысла оказывается лишь упрощённой интерпретацией естественной установки. Например, для них очевидно, что мир является естественным. Если сциентист ещё и верующий, то, скорее всего, он убежден, что всемогущий Бог не вмешивается в природу и её законы. Даже при допущении существования мистических сущностей, происходящее вокруг должно описываться чисто натуралистически.

Конечно, не может существовать никаких симуляций. Это убеждение тоже крайне важно для «здравого смысла» в большом количестве интерпретаций, потому что опровергнуть симуляции оказывается принципиально трудно. Куда проще заявить, что их просто не существует, потому что так говорит здравый смысл.

Современная концепция здравого смысла трансформировалась из религиозной в натуралистическую, но сохранилась её главная функция: защищать недоказуемые базовые убеждения, на которых строится мировоззрение большинства людей вокруг. Притом защита ведется не посредством утончённых аргументов и критики позиций оппонентов, а посредством убеждения самого себя в очевидности своих исходных посылок. Здравый смысл – это способ табуировать

нежелательные и не поддающиеся критике концепции, многие из которых являются нефальсифицируемыми.

Правда, трудно понять, почему на том же самом основании нельзя отвергнуть сами тезисы здравого смысла, если они мне интуитивно кажутся не здоровыми? Например, если мне куда более вероятным кажется представлении о симуляции, почему я должен отказываться от этого представления в угоду позиции большинства? Вообще довольно странно, что мы вынуждены согласовать свои взгляды с позицией большинства и называть это здравым смыслом. Впрочем, в этом есть что-то человеческое.

Я же не рекомендую использовать аргумент к здравому смыслу, потому что он сам по себе ничего не доказывает и ничего не опровергает. Он, как по мне, является лишь разновидностью *ad hominem*, потому что вполне непрозрачно намекает на то, что у вашего оппонента нездоровый смысл. Вы таким образом ставите себя выше над оппонентом, при этом не приводя никаких доказательств в пользу своей собственной позиции, а тезис оппонента принижается. Не понятно, зачем тогда вы вообще ввязались в дискуссию или решили что-то прокомментировать, если у вас нет убедительных средств для переубеждения соперника. Мало кто изменит свое мнение после косвенного оскорбления, которое не подкрепляется значительными фактами. А именно этим чаще всего и занимаются люди, которые опираются на концепцию здравого смысла.

Итог таков: если у вас есть сильные аргументы в пользу вашей позиции, то нет смысла прибегать к концепции здравого смысла. Если же у вас нет таких аргументов, то, конечно, остаётся лишь использовать этот риторический козырь, который в нормальной дискуссии скорее продемонстрирует вашу недееспособность спорить

о данной теме. Конечно, в ряде случаев можно увлечь за собой множество обывателей, которые поверят в ваш здравый смысл и признают, что ваши интуиции сходятся.

Очень часто сциентисты, включая ученых, апеллируют к концепции здравого смысла, а потому не упомянуть её в этой книге я не мог. Важно помнить, что сама концепция «здравого смысла» требует доказательств, и ссылаться на неё в споре занятие абсолютно бессмысленное и оскорбительное.

Группа аргументов I: Онтологическая

Прояснение

Первые две группы аргументов носят название «онтологические» и «метафизические», но два этих понятия часто пересекаются в философии. Метафизику можно рассматривать как один из разделов онтологии, потому что она исследует, как устроен мир за пределами физики на самом деле, то есть претендует на исследование того, что есть. Метафизические аргументы я выделяю в отдельную группу, потому что онтологическими мы можем считать и такие позиции, которые базируются на онтологии человека, физической онтологии и многих других онтологических установок, минующих метафизику.

Онтология – это учение о бытии как таковом³⁶. Главный вопрос онтологии: «что существует?». Наука претендует на то, что с легкостью может исследовать существующее и отличать его от несуществующего. Существующее – это категория науки, а несуществующее – категория мифа. Понятие объективности строится,

³⁶ Онтология — это раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия, его наиболее общие сущности и категории, структуру и закономерности. Онтология рассматривает такие вопросы, как: Что такое существование? Каковы основные категории бытия? Какова структура бытия? Каковы закономерности бытия? Онтология тесно связана с другими разделами философии, такими как метафизика, логика и эпистемология.

в том числе на том, что наука исследует существующее. Но так ли это на самом деле? Мы будем разбираться в этой главе.

Важно заранее отметить, что многие аргументы смотрятся на тех посылах, которые противоречат научным, но сами эти послышки не являются доказанными³⁷. Все они предназначены для того, чтобы бросить вызов учёным и сциентистам, а также проверить, насколько далеко они смогут зайти в своих ответах. Многие аргументы будут противоречить друг другу, потому что я критикую не с позиции какого-то одного учения, а постулирую разные возможности для критики с позиции бесконечного множества разных учений. Потенциально я бы мог критиковать науку бесконечно, если бы имел достаточный временной ресурс.

В этой главе мы сконцентрируемся на неполном списке аргументов онтологического характера. В них будет обсуждаться существование и несуществование тех или иных объектов, сил и законов, которые формулирует наука. Ещё раз подчеркну, что я не уверен в том, существует ли окружающий мир, сверхъестественные силы или другие сущности, которые я буду опровергать или постулировать своими аргументами. «Сумма Антисциентизма» потому и сумма, что сводит всевозможные стратегии критики науки в один текст, из которого читатель сможет выбрать подходящие ему и только ему стратегии критики науки. Меня как скептика устраивают они все, что не вызывает никакого противоречия, потому что я не придерживаюсь какого-то конкретного набора убеждений.

³⁷ Для скептиков свойственна такая аргументация, потому что если существует такая же правомерная возможность провести аналогичное рассуждения с противоположными посылами, то этой возможностью можно воспользоваться. Основной нюанс заключается здесь в том, что два одинаково неопровержимых и недоказуемых концепта оказываются равноценны.

Для того чтобы преодолеть эти аргументы, необходимо проводить аргументацию в области онтологии, чего ученые обыкновенно не делают, а если и пытаются, то озвучивают крайне наивные тезисы, практически не поддерживая их серьезными аргументами. Ученый, игнорирующий онтологию, чаще всего демонстрирует, что убежден в конкретной натуралистической онтологии, доказывать которую не требуется, потому что она самоочевидна и является продуктом здравого смысла.

Аргумент I: Значительная часть объектов, постулируемых наукой, не существует

P1. Объекты, которые нельзя принципиально ощутить (хотя бы посредством технологий), не существуют.

P2. Многие объекты, постулируемые наукой, невозможно принципиально ощутить.

C. Многие объекты, постулируемые наукой, не существуют.

Например, в таком случае не существует естественного, искусственного отборов, видов, семейств и прочих систематизирующих категорий, а также не существует всевозможных сил и законов природы, потому что закон природы отличен от феномена того же притяжения. Мы принципиально не можем подтвердить с помощью наших органов чувств и технологий, что притяжение во все времена и во всех местах вселенной работает по

одним и тем же законам. Мы принципиально не можем ощутить ни один из законов природы и ни одно из научных обобщений. Из этого следует, что основные понятия науки не указывают нам на что-то принципиально существующее.

Впрочем, я и сам могу усомниться в том, что «объекты, которые нельзя принципиально ощутить, не существуют». Возможно, существуют неоощуемые и невидимые единороги, которые на самом деле есть, но у нас нет никакой возможности подтвердить это. Я имею право, как допускать возможность существования таких объектов, так и не допускать её. В качестве предпосылки для данного аргумента я выбрал именно такой подход. И именно сциентистам было бы неплохо доказать с абсолютной точностью, что существование принципиально неоощутимых объектов возможно или, лучше сказать, необходимо.

Также важно заметить, что я специально выбрал словосочетание «принципиально неоощутимые», чтобы сразу же отвергнуть аргумент к тому, что мы раньше не могли «чувствовать» клетки, а сейчас видим их в микроскоп. Клетки всегда были принципиально оощутимыми, а потому их мой аргумент не затрагивает. Принципиально неоощутимые объекты – это те объекты, которые принципиально невозможно воспринять с помощью органов чувств и технологий на любом уровне их развития. Принципиально оощутимые объекты – это те объекты, которые можно ощутить либо собственными органами чувств, либо с помощью тех или иных технологий в настоящее время или в далеком будущем. Естественный отбор, сила притяжения, пространство-время и так далее – это термины, которые принципиально неоощутимы. А вот, например, форма нашей планеты

всегда была принципиально ощутима, только для того, чтобы её ощутить, нужно было покинуть эту планету.

Ответ объективистам: Прежде всего, этот аргумент бьет по позиции объективистов. Если мы понимаем под наукой нечто, изучающее существующие объекты, то на поверку оказывается, что значительная часть категорий науки принципиально неощутима. Именно поэтому онтологический статус ряда научных категорий можно поставить под большой вопрос, что лишает их объективности.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационисты, то есть критические реалисты, также страдают от этого аргумента, потому что в рамках фальсификационизма большой упор делается на теории, а также подразумевается, что теории могут быть истинными и ложными. Просто достижение истинной теории по мнению фальсификационистов – это процесс длительный и сложный, а потому мы не можем быть уверены в том, что мы уже достигли какой-то истины. Именно поэтому каждая теория должна сохранять свойство принципиальной опровержимости. Так вот, теории как объекты согласно первой посылке нашего аргумента явно не могут быть признаны существующими.

Ответ инструменталистам: Данный аргумент практически не затрагивает инструменталистов, потому что им в целом нет никакого дела до истинности той или иной теории, представления или научной категории. Если данная категория может быть использована для упрощения коммуникации или описания некой практики, то в ней нет никакой проблемы.

Ответ социальным сциентистам: Данный аргумент может касаться тех социальных сциентистов, которые объединяют свои представления о науке с объективистской или фальсификационистической позицией. Чистый социальный сциентизм не страдает от этого аргумента.

Аргумент II: Сил и законов не существует

P1. Абстракций не существует в реальности.

P2. Силы и законы науки являются абстракциями.

C. Сил и законов науки не существует в реальности.

Важно помнить, что любой закон или сила, постулируемые наукой, являются всего лишь обобщением наблюдений и эмпирического опыта. Если у нас есть множество стульев, то это не означает, что мире присутствует некоторая платоническая стульность. Если наблюдаемые предметы падают по определенной формуле, то это не означает, что мир всегда и везде подчинялся этому же правилу, а также не означает, что есть некоторый естественный закон, который всем эти управляет. Мы можем описать падение предмета через бесконечное множество разных подходов, которые исключают естественные силы и законы. Например, представления об Аллахе, который самостоятельно обновляет мир вокруг нас каждое мгновение. Также легко с законами природы расправляется представление о симуляции. В таком случае имеет смысл говорить не

о законах природы, а о законах симуляции, а это принципиально разные вещи.

Конечно, может быть, посредством некоторых ментальных операций мы можем добраться до каких-то вселенских объектов, которые управляют всем миром, но у меня есть большие сомнения относительно того, что это возможно, а также мне сложно понять, что такое физические законы, если не простые абстракции, пытающиеся свести весь опыт к компактной описательной системе представлений. Что такое силы и законы в онтологическом смысле? В каком виде они существуют? И есть ли возможность познать их не абстрактно, а конкретно? Почти наверняка ученый при исследовании тех или иных «квантовых» эффектов попытаются сделать выводы из ограниченного количества лабораторных квантов о всей многообразии вселенной. И опять мы столкнемся с тотальной степенью абстрагирования, которая отдаляет нас от онтологии.

В отличие от платоников, сциентисты не могут ссылаться на существование неких абстрактных идей в идеальном мире, потому что наука преимущественно носит натуралистический характер. Постулирования идеальных сущностей для сциентистов и учёных точно не выход. Но если они не найдут альтернативы и не смогут объяснить, в каком виде существуют законы природы и силы, то, получается, что формально их не существует. Они являются лишь продуктом нашей ментальной деятельности, а если конкретно, то продуктом нашей способности обобщать и абстрагироваться.

Ответ объективистам: Для объективистов, которые полагают, что уже существующие теории и представления истинны, придётся

серьезно поразмыслить над вопросом о статусе сил и законов, которые постулирует наука. Им придётся ответить на этот вопрос.

Ответ фальсификационистам: У фальсификационистов здесь возникнет похожая проблема, потому что одной из функций теорий является постулирование законов. Фальсификационизм становится бессмысленным, если законы природы не претендуют на истинность, а являются лишь продуктом человеческого разума, потому что одним из свойств теории является стремление к истине, то есть к тому, что наши представления о мире совпадут с действительностью.

Ответ инструменталистам: Инструменталистов этот аргумент никаких не затрагивает.

Ответ социальным сциентистам: Социальных сциентистов этот аргумент тоже не обязательной затрагивает.

Аргумент III: Естественного отбора не существует

P1. Абстракций не существует в реальности.

P2. Естественный отбор – абстракция.

C. Естественного отбора не существует.

Естественный отбор как неотъемлемая часть современной биологии – является абстрактным описанием «механизма»

возникновения и изменения жизни на нашей планете. Проблема заключается в том, что такого объекта как естественный отбор не существует. Естественный отбор придуман по тем же странным правилам, по которым создавались всевозможные законы природы. Онтологический статус естественного отбора легко подвергнуть сомнению, потому что сам естественный отбор не является реальным объектом. Он в этом плане похож на законы Ньютона, которые по изначальным планам должны работать в любое время и во всех уголках Вселенной, но при этом по факту выводы об их существовании сделаны на основании малого количества фактов (я про времена Ньютона).

Даже если мы соберем все факты вселенной, то это не будет означать, что законы Ньютона или естественный отбор будут доказаны, потому что эти законы или сам естественный отбор ни в каком виде не представляются явлениями, которые хоть что-то объясняют сами по себе. Они слишком абстрактны, а их онтологический статус в рамках натурализма непонятен. То есть все эти законы сами требуют объяснения.

Ответ объективистам: Многим объективистам будет трудно смириться с тем, что естественного, искусственного и других типов отбора самих по себе не существует в самом значительном смысле этого слова. Они существуют как некоторые схемы описания, хорошо накладывающиеся на действительность.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационистов этот комментарий не особо затрагивает, потому что в рамках их представлений каждая теория или её аспект в рамках науки должны

сохранять свойство фальсифицируемости. Если естественный отбор не соответствует реальности, то он рано или поздно будет опровергнут, а потому беспокоиться фальсификационистам не о чем.

Ответ инструменталистам: Их данный аргумент не затрагивает. Наличие ментальных схем, которые не соответствуют реальности, для инструменталистов вполне допустимо.

Ответ социальным сциентистам: Социальным сциентистам тоже нет никакого дела до этого аргумента.

Аргумент IV: Если естественного отбора не существует, то и теория эволюции не является истинной

P1. Если в теории присутствует представление, которое не соответствует реальности, то это делает теорию ложной.

P2. Естественный отбор – представление, которое не соответствует реальности (см предыдущий аргумент), а также представление, которое является важной составной частью СТЭ (Синтетической Теории Эволюции).

C. СТЭ – ложна.

СТЭ в тех формулировках, которые мы сейчас имеем, является ложной, потому что ряд объяснений в ней опираются на абстракцию естественного отбора. И проблема здесь, как мне видится, довольно

большая, потому что в рамках натуралистической картины мира нет места абстракциям. Абстракций не существует. Абстракции не могут соответствовать реальности, если их или их аналогов не существует в реальности. Первая посылка: «Если в теории присутствует представление, которое не соответствует реальности, то это делает теорию ложной» — логически истинна, так как мы пользуемся классическим определением истины, то есть соответствием наших представлений действительности. Также вторая посылка похожа на истинную, хотя мы можем попробовать придумать тот или иной формат соответствия реальности, то есть обосновать ту или иную степень соответствия. В любом случае, прямого соответствия здесь нет, а потому основные обсуждения будут идти по вопросу степени соответствия естественного отбора и реальности. И здесь у нас могут быть вполне разные позиции. Более того, относительно истинности можно обсудить и проблему степени соответствия. И, конечно, на все эти проблемы имеется множество разнообразных решений.

Ответ объективистам: Объективистов это затрагивает напрямую, потому что они обыкновенно верят в фактичность и неоспоримость теории эволюции, хотя современная её формулировка не кажется достаточно конкретной, так как строится на ложных (абстрактных) представлениях об естественном отборе.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационисты без проблем смогут принять опровергаемость СТЭ.

Ответ инструменталистам: Инструменталистов этот аргумент не касается.

Ответ социальным сциентистам: Социальных сциентистов этот аргумент тоже не касается.

Аргумент V: Существуют такие сложные естественные силы, которые не дают нам познать мир

P1. При очень сложном устройстве материального мира его познание оказывается невозможным.

P2. Наш мир невероятно сложен.

C. Познание мира невозможно.

Этот аргумент граничит с эпистемологией и будет другой форме повторён ниже. Его суть заключается в том, что мы допускаем невероятную сложность нашего физического мира, который пытаемся объяснить упрощёнными теориями. Если физический мир непомерно сложен, то и познание его может оказаться невозможен. От себя отмечу, что я сам не уверен в непомерной сложности мира, но допустить такую сложность могу.

Этим аргументом я хочу подчеркнуть, что даже при чисто натуралистической картине мира научное познание может оказаться вполне неэффективным и необъективным.

Ответ объективистам: Такой подход губителен для объективистов. Им действительно нужно что-то делать с посылкой о возможной сложности мира, которая не даёт познать всё вокруг. Отсутствие опровержения этой посылки делает науку уязвимой даже в череде натуралистических мировоззрений.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационизм тоже оказывается проблематичен, если мир чрезмерно сложен. Одной из целей фальсификационизма является приближение к истине. Теории проходят через процедуру опровержения для того, чтобы приближаться к истинному положению дел в мире. Если данный тип теоретизирования не приближает нас к истине, то и фальсификационизм оказывается бессмысленным.

Ответ инструменталистам: Инструменталистов данный аргумент не затрагивает.

Ответ социальным сциентистам: Чистых социальных сциентистов данный аргумент не затрагивает.

Аргумент VI: Существуют такие сверхъестественные силы, которые не дают нам познать мир

P1. При наличии сверхъестественных сил, влияющих на мир, его познание научными методами оказывается невозможным.

P2. Наш мир сверхъестественен, а сверхъестественные силы незримо вмешиваются во все явления вокруг.

С. Познание мира научными методами невозможно.

В целом, можно быть уверенным в том, что при наличии сверхъестественных сил, вмешивающихся в законы нашего мира и в отдельные ситуации, научный метод познания оказывается ограничен. Натуралистическая установка науки заранее помешает познанию такого мира. Наука будет сбивать нас с правильного пути.

Важно заметить, что в случае существования сверхъестественных сил, вмешивающихся в деятельность нашего мира, наука просто движется в обратном направлении от истины, благодаря своей натуралистической методологии. Наличие или отсутствие данных сил я ни доказать, ни опровергнуть не могу, впрочем, я не считаю, что бремя доказательства лежит на тех, кто постулирует их существование. Как мне видится, необходимым убеждением для существования науки и научного метода является убеждение в тотальной натуралистичности нашего мира. Это довольно сильное недоказанное утверждение, которое противоречит всякой мистике и метафизике. Здесь есть что доказывать. И от этого буквально зависит познавательный статус науки.

Ответ объективистам: Объективистам довольно сложно смириться с тем, что утверждение о натуралистичности мира тоже нужно доказывать, а отсутствие доказательств сверхъестественного не может быть серьезным аргументом в пользу того, что мир только лишь натуралистичен. Сверхъестественное либо есть, либо его нет. Если его нет, то мы всегда можем вернуться к предыдущему

аргументу, согласно которому мир слишком сложен для познания. Если сверхъестественное есть, то крайне вероятно, что наука движется в обратном направлении от истины.

Важно, конечно, заметить, что существуют философские и религиозные системы, которые умудряются адекватно смешивать естественное и сверхъестественное. Например, деизм, в котором бог просто создал мир, а больше не вмешивался в его развитие. Впрочем, я не вижу доказательств для таких воззрений. Они лишь решают противоречия между метафизическим и натуралистическим, но при этом не доказывают, в каком конкретно мире мы живем: деистическим, теистическим, пронизанным сверхъестественным или чисто натуралистическим. Можно придумать бесконечное множество теорий, которые будут совмещать науку и метафизику, но какой в этом толк, если мир вокруг нас может оказаться изначально антинаучным?

Ответ фальсификационистам: Фальсификационисты тоже в случае данного аргумента должны обороняться, потому что теории в рамках фальсификационизма предлагаются только в рамках естественной установки, то есть натурализма. Сверхъестественные теории даже не рассматриваются.

Ответ инструменталистам: Инструменталистам нет дела до этого аргумента.

Ответ социальным сциентистам: Социальным сциентистам нет дела до этого аргумента.

Аргумент VII: Окружающего мира не существует за пределами феноменов

P1. Если не существует мира за пределами феноменов, то наука ложна.

P2. Мира за пределами феноменов не существует.

C. Наука ложна.

Если мира за пределами феноменов не существует, то наука ложна – это истинная и бесспорная посылка, потому что наука исследует мир таким образом, как будто бы он реально существует, а также постулирует всевозможные законы его существования. Наука работает не феноменологически. Чисто феноменологические теории выходят за пределы её компетенции.

Спорной посылкой является вторая, но в случае со скептицизмом мы можем вообще её не доказывать. Достаточно, чтобы данная посылка оставалась не опровергнутой. Впрочем, опровергнуть её довольно сложно, потому что наблюдать мы можем только феномены, а конструирование всего остального «реального» мира ведётся уже средствами нашего внутреннего мира. Мы легко можем представить мир как чисто феноменальную структуру и не допускать каких-то ноуменальных структур. Мир как поток феноменов – допустимая концепция, которую довольно легко соотнести со всеми существующими фактами.

Ответ объективистам: Объективисты будут постоянно подвергаться критике на онтологическом, метафизическом и эпистемологическом уровнях, потому что они претендуют на наибольшую онтологическую значимость их суждений. Для объективистов речь идет об истинности научных положений и их бесспорной доказанности. А наука не может быть доказана до тех пор, пока сохраняются нефальсифицируемые аналоги, не противоречащие фактам. Пока у нас имеется бесконечное множество не опровергнутых теорий, как мы можем говорить о том, что та или иная научная парадигма верна?

Ответ фальсификационистам: Фальсификационистам тоже придётся часто отвечать за своё стремление к истине, потому что они отличаются от объективистов лишь меньшей степенью убежденности. Для фальсификационистов наука – это метод приближения к истине, а для объективистов – метод её достижения. Для фальсификационистов существует натуралистическая истина, к которой следует стремиться. Если мы постулируем ненатуралистическую истину, то у них с этим должны возникать большие проблемы.

Ответ инструменталистам: При этом всё инструменталистов мало затрагивают наши онтологические, метафизические и эпистемологические аргументы, потому что для них наука не занимается поиском истины. Если наука не занимается поиском истины, то и метафизика, онтология и эпистемология им оказываются безразличны.

Ответ социальным сциентистам: Социальным сциентистам тоже во многом могут быть безразличны все эти вопросы, хотя тут будет зависеть от разновидности социального сциентиста. Кто-то

заранее занимает конструктивистскую позицию, кто-то все же совмещает социальный сциентизм и объективизм.

**Аргумент VIII: Наивный реализм, существует
только то, что мы воспринимаем
непосредственно**

P1. Если наивный реализм верен, то наука ложна.

P2. Наивный реализм верен.

C. Наука ложна.

Позиция наивного реализма отчасти похожа на то, что было в предыдущем аргументе, только на этот раз мы рассуждаем о реальном существовании предметов и объектов посредством наших восприятий и потока феноменов. Наука выступает против наивного реализма, потому что пытается отыскать глубочайшие причины существования и сохранения того, что мы наблюдаем. Наивный реалист исходит из восприятий, а ученый исходит из того, что на базе восприятий необходимо отыскать более глубокие объяснения всем явлениям. Это довольно разные установки, которые, очевидно, противоречат друг другу.

Во второй посылке, как и во многих других случаях, я лично не могу быть уверен, но это не мешает мне озвучивать данный аргумент в дискуссионных целях. Мне видится, что большая часть моих

потенциальных оппонентов не сможет опровергнуть наивный реализм. Да и как его опровергнуть, если научные объяснения носят преимущественно мыслимый характер? Наивный реализм потенциально можно довести до научного уровня, а потому его полное ниспровержение мне кажется мало допустимым.

Ответ объективистам: Объективистам нужно хорошо поработать над тем, чтобы сформулировать критику в адрес наивного реализма.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационистам тоже не помешало бы приготовить серьезные аргументы против наивного реализма.

Ответ инструменталистам: Инструменталистов эта проблема нее касается.

Ответ социальным сциентистам: Социальных сциентистов эта проблема касается только в том случае, если они дополняют свои социальные представления фальсификационизмом или объективизмом.

Аргумент IX: Номинализм

P1. При номинализме все общие понятия оказываются ложными, так как являются продуктами человеческого ума.

P2. В науке очень много общих понятий.

С. В науке очень много ложных понятий, которые являются только лишь продуктом человеческого ума.

Если мы принимаем установки номинализма, то большая часть научных позиций может показаться парадоксальной, ведь в науке слишком много обобщений. Выше уже описывались проблемы, связанные с естественным отбором. И таких проблем довольно много. Важно понимать, что наука не представляет собой ни чисто номиналистического подхода, ни чисто универсалистического. Наука как будто бы заигрывает с обоими подходами, не имея возможности выбрать один из них.

Универсализм в любой его онтологической форме определенно противоречит науке, потому что тогда придётся искать универсалии в уме бога, мире идей Платона или в самих вещах. Последняя форма умеренного реализма (универсализма) может оказаться довольно близкой научной риторике, как и риторике обывательской, но на деле наука плохо соотносится с любой формой универсалистического реализма, потому что онтологически этот реализм допускает наличие каких-то нематериальных и неестественных сущностей, обуславливающих общие определения.

Науке по духу хорошо подходит чистый номинализм, в рамках которого мы можем говорить лишь о том, что общие понятия существуют в нашем уме. Но что такое истина? Это соответствие наших представлений действительности. Если в действительности нет универсалий, то наличие их в нашем уме не приближает нас к истине. Наука, будучи по духу номиналистической, оперирует общими понятиями, которые наделяются неопознанным онтологическим

статусом. Если говорить об их истинности, то необходимо задумываться о какой-либо степени универсализма.

Например, как мы можем сказать, что естественный отбор истинен? Номинализм покажет нам, что это лишь продукт человеческого ума и не более того. Он описывает происходящие события? Ну, хорошо, но в чём, кроме наших представлений, он онтологически закреплён? В уме бога? Наука не допускает существование Бога. Естественный отбор существует как некоторая онтологическая мировая сила? Об этом я тоже не слышал в рамках научных теорий. Но что же тогда такое «естественный отбор»? В рамках номинализма это всего-то концепция, которая не имеет никакой онтологической обусловленности. То есть она не соответствует нашему определению истины, которое было выведено выше.

Сам научный язык как будто бы пытается прорваться к универсализму, постулируя всевозможные абстрактные сущности и рассуждая об их существовании, но довольно трудно себе представить натуралистическую науку универсалистической. Отсюда и рождается номиналистический аргумент против науки.

Ответ объективистам: Объективистам придётся приложить немало усилий для того, чтобы разобраться с этим аргументом, потому что порой принципиально не понятно, а что же подразумевается под истинностью тех или иных утверждений науки.

Ответ фальсификационистам: Не в меньшей степени придётся постараться и фальсификационистам, потому что потенциальная

истина, к которой необходимо приближаться, может быть отдалена благодаря тому, что мы используем неправильный формат составления теорий.

Ответ инструменталистам: Инструменталистам данный вопрос может быть совсем не интересен.

Ответ социальным сциентистам: Социальным сциентистам этот аргумент может быть интересен в зависимости от их дополнительных убеждений.

Аргумент X: Научные теории принципиально не могут быть истинными, потому что опираются на несуществующие в реальности абстракции

Определение: Истина – это соответствие наших представлений реальности.

P1. Представления и теории не могут соответствовать реальности, если опираются на абстракции.

P2. Научные представления и теории опираются на абстракции.

C. Научные представления и теории не могут быть истинными.

Со второй посылкой, я думаю, все согласятся, потому что научные представления и теории строятся на всевозможных

обобщениях и постулировании разных законов, которые работают в любое время и в любом месте. Таков один из принципов научного метода. Это по определению является абстракцией.

Думаю, у многих могут возникнуть проблемы с первой посылкой. Она, действительно, является уязвимой в рамках данного аргумента. Ведь, возможно, в реальности есть какие-то абстрактные сущности, которым можно соответствовать, а, следовательно, получить из абстрагирования истину согласно данному нами определению. Про другие определения истины мы сейчас не говорим, потому что они не так широко и часто используются, а также некоторые из них прямо противоречат интуиции большинства о том, что такое истина. К примеру, непротиворечивость как критерий, то есть когерентная теория истины. В чем же истинность того, что мы создали непротиворечивую систему, исходя из тех положений, который мы считаем истинными? Если наши базовые положения ложны? То, согласно такому подходу мы все равно обладаем истиной, ведь наши послылки кажутся нам истинными, а систему мы складываем на непротиворечивых основаниях. Явно здесь под истиной понимается нечто, интуитивно противное большинству людей, использующих термин «истина».

Так вот, вернёмся к существующим абстрактным сущностям, соответствие которым гарантирует нам достижение истины. Не до конца понятно, что это могут быть за сущности в натуралистической картине мира. Идеалисты легко расправлялись с этими проблемами, постулируя существование духовных сущностей или нематериальных объектов, которые были сродни абстракциям. Для идеалистов эти объекты часто имеют высочайший онтологический статус, который нередко даже оказывается выше, чем у материальных вещей.

Натуралистическая установка, на мой взгляд, не открывает нам простора для оперирования абстрактными и онтологически значимыми сущностями. Мы можем понимать здесь всякое абстрагирование как некое упрощение, попытку очертить некоторые трафарет реальности, но ни в коем-случае как истину, потому что мы в рамках данной картины мира не можем добиться соответствия наших представлений реальности. В наших представлениях присутствуют абстракции, а в реальности в рамках натуралистической картины мира этих абстракций не существует. Следовательно, и истины нет.

Основная проблема здесь заключается в том, что наука на методологическом уровне постулирует абстракции. В этом заключается сущность научного метода. Это и делает научный метод абсурдным, если рассматривать его с объективистической или фальсификационистской точек зрения.

Ответ объективистам: Предположение о том, что наука является главным и единственным источником знаний (обоснованная истина) ввиду вышеизложенных комментариев кажется абсурдным. Как можно говорить об истинности научных положений, если они согласно своим же собственным мировоззренческим установкам не могут соответствовать истине? Повторим: в натуралистической картине мира нет места абстракциям как реально существующим объектам; абстрагирование в рамках научного метода – это крайне распространённый приём, без которого не может обойтись ни одно серьёзное исследование; истина – это соответствие наших представлений реальности. И теперь подумайте: в реальности нет абстракций, но абстракции являются частью нашего представления о

мире. О какой истине или о каком знании в классических смыслах этих слов можно говорить? Как можно верить в объективизм, если мы сталкиваемся с такими существенными парадоксами?

Ответ фальсификационистам: Фальсификационисты в такой же степени сталкиваются с проблемностью данного аргумента, потому что считают, что с помощью научного метода мы можем приближаться к некоторой истине. Вопрос: если в истине нет места абстракциям, то как, постулируя абстракции, мы можем к ней приближаться?

Ответ инструменталистам: Инструменталистам этот аргумент может показаться не интересным.

Ответ социальным сциентистам: Как и во всех прошлых аргументах, данный параграф не направлен на опровержение социальных сциентистов. Сначала мы прорабатываем основные проблемы в учениях прежде всего объективистов и фальсификационистов. Инструментализм и социальный сциентизм я вижу формами побега от ошибок их предшественников с сохранением научной ритуалистисики и священности слова «наука», хотя под ним здесь будет пониматься нечто совершенно иное.

Аргумент XI: Исследователя, как мы себе его представляем, не существует

P1. Для истинности науки необходимо, чтобы наши представления об онтологическом статусе субъекта (исследователя) были верны.

P2. Наши представления об онтологическом статусе субъекта ложны.

C. Наука ложна.

Здесь я бы отметил, что первая посылка является довольно крепкой и значительной, а вторая исходит из допущения о том, что представления науки о субъекте ошибочны. Подкрепить это можно небольшим историческим экскурсом. Представления науки о субъекте строятся на учениях мыслителей начала Нового Времени. Наиболее выдающимся среди них следует считать Декарта, и именно он в первую очередь упоминается в контексте формулировки наших представлений о субъекте. Философия XX и XXI веков в лице Мартина Хайдеггера, многих психоаналитиков, психологов и спекулятивных реалистов во многом переосмысляет декартовскую проблематику. Нередко мыслители объединяют субъект и объект, утверждая, что и сам исследователь в каком-то смысле объектен. Для представителей психологии и психоанализа свойственно указывать на то, что субъект не так чист, рационален и независим, как представлялось многим мыслителям в Новое время.

Наука является пережитком той философии, которая переоценивала силы нашего разума, а также крайне оптимистично относилась к способности человека сдерживать свои иррациональные порывы. Отсюда и зарождается мифология об умных и непогрешимых учёных, которые делают всё ради истины. Они без особых проблем отказываются от своих теорий, если те противоречат фактам. Они расчетливы и никогда не допускают предвзятости в своих исследованиях. Если же нарушение мифологических

представлений об учёном происходит, то это из-за минутных слабостей, свойственных каждому человеку, а не потому что ученый легко может поддаваться иррациональным порывам.

Идеалистические и крайне оптимистические представления Нового времени о том, как мыслит, чувствует и воображает исследователь, были крайне наивны, но сейчас их во многом можно перенести на учёных и сциентистов. Их представления о том, как складывается научное знание и какие люди его складывают, зачастую крайне сомнительны.

Продолжим этот аргумент: куда важнее ещё и то, что сам субъект может оказаться не просто сознанием, запёртым в теле, а, например, индийским наблюдателем³⁸, а мир вокруг него – майей. Если оно так, то статус субъекта оказывается категорически важнее для того, чтобы определить истину.

³⁸ В индийской философии Пуруша — это трансцендентное, нематериальное, чистое сознание, которое является источником и основанием всего сущего. Он противопоставляется Пракрити, материальной вселенной, которая является продуктом Пуруши. Пуруша — это созерцатель, он наблюдает за миром, но не является его частью. Он не вовлечен в мирскую деятельность, он свободен от страданий и привязанностей. В ведантизме Пуруша рассматривается как высшее Я, которое является истинной сущностью человека. Он является источником всех качеств и способностей человека, включая интеллект, сознание и самосознание. Пуруша часто описывается как "свидетель" или "наблюдатель". Он является свидетелем всех событий, происходящих в мире, но он сам не является вовлеченным в эти события. Он просто наблюдает за ними со стороны. Пуруша также рассматривается как источник свободы. Он свободен от ограничений материального мира, он не подвержен законам кармы и реинкарнации.

Ответ объективистам: Объективистам неплохо было бы доказать, что их представления о субъекте и исследователе онтологически верны, потому что иначе мы имеем полное право не доверять ученым и сциентистам.

Ответ фальсификационистам: Сложно сказать, насколько от этого аргумента страдают фальсификационисты, но, вероятно, достаточно сильно, потому что речь, опять же, идёт об истине.

Ответ инструменталистам: Инструменталисты могут проигнорировать этот аргумент.

Ответ социальным сциентистам: Социальные сциентисты могут проигнорировать этот аргумент.

Аргумент XII: Существуют такие объекты, которые наука не может обнаружить

P1. Если существуют объекты, которые наука не может обнаружить, то научное знание сложно назвать исчерпывающим.

P2. Мы не можем гарантированно утверждать, что таких объектов не существует.

C. Мы не можем гарантированно считать, что научное знание является исчерпывающим.

P1. Если эти необнаружимые объекты существенны для познания мира, то наука принципиально не может познать истину.

P2. Допустим, что некоторые необнаружимые объекты существенны для познания мира.

C. Наука не может познать истину.

Под истиной подразумевается соответствие наших представлений действительности или, если вам так угодно, объективность в сильном смысле этого слова, то есть соответствие наших представлений объекту. Если в мире существуют необнаружимые значимые для познания объекты, то мы не можем познать мир. Если у «познанных» объектов существуют необнаружимые свойства, то мы не можем познать эти объекты.

Ответ объективистам: Объективистам придётся доказать, что никаких необнаружимых объектов не существует. Более того, неплохо было бы показать, что не существует и необнаружимых свойств объектов. В моем случае перекладывать на меня бремя доказательства бессмысленно, потому что я не являюсь догматиком и не придерживаюсь ни одного из убеждений в данной области. Я лишь указываю на проблемные точки, которые неплохо было бы разрешить, а не перебрасывать бременем доказательства.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационистам тоже было бы неплохо поработать над аргументацией на данном уровне,

потому что иначе они опять столкнутся с вероятностью отдаления от истины.

Ответ инструменталистам: Для инструменталистов наука выступает в качестве инструмента, а потом недостижимость истины не представляется им проблемой.

Ответ социальным сциентистам: Для социальных сциентистов наука – это сообщество, в рамках которого производятся некоторые действия, которые можно назвать научными. Истинность при всём это не является необходимым параметром.

Аргумент XIII: Существование инопланетян

P1. Если существуют инопланетяне, чьи технологии достаточно развиты для нашего обмана, то достоверное знание невозможно.

P2. Высокотехнологичные инопланетяне существуют.

C. Познание невозможно.

Напоминаю, что под истиной мы понимаем соответствие наших представлений действительности, а под знанием – доказанную истину. Если существует такой вид инопланетян, который с помощью своих технологий потенциально может вводить нас в заблуждение, то знание становится невозможным, потому что мы всегда должны допускать возможность вмешательства этих инопланетян. Конечно, наши представления могут оказаться истинными по инопланетному

недосмотру или по желанию более могущественных созданий, но мы для себя не сможем гарантировать, что достигнутая истина доказана.

Почему в таком случае истина не может быть доказана? Потому что всегда будет актуальная ситуация, при которой инопланетяне вмешиваются в наше познание, то есть всегда при этом существует вероятность их вмешательства.

Многие скажут, что это очередной нелепый аргумент. Автор допускает существование инопланетян, а дальше духов, богов и прочих метафизических созданий, не доказывая сказанного³⁹.

³⁹ Ученые считают, что вероятность существования инопланетян очень высока. В пользу этого предположения говорят следующие факты: Вселенной около 13,8 миллиардов лет, и за это время она успела образовать огромное количество звезд и планет. По оценкам ученых, в Млечном Пути, нашей галактике, может находиться от 100 до 400 миллиардов звезд. А в видимой Вселенной, которая составляет лишь небольшую часть всей Вселенной, может быть от 100 до 200 миллиардов галактик. Исследования последних лет показали, что около трети звезд в нашей галактике имеют планетные системы. А по оценкам ученых, в каждой третьей планетной системе может находиться планета земного типа, пригодная для жизни. Таким образом, в нашей галактике может быть огромное количество планет земного типа, на которых могла бы возникнуть жизнь. А если учесть, что Вселенная существует уже миллиарды лет, то вполне вероятно, что на некоторых из этих планет уже развились разумные цивилизации. Конечно, нельзя сказать наверняка, что инопланетяне существуют. Однако вероятность этого настолько высока, что поиски внеземной жизни являются одним из важнейших направлений современной науки. Вот некоторые конкретные оценки вероятности существования инопланетян, сделанные различными учеными: Фрэнк Дрейк, американский астроном, в 1961 году предложил формулу для расчёта вероятности инопланетной жизни. Согласно этой формуле, в нашей галактике должно существовать около 10 тысяч развитых цивилизаций. В 2000 году группа ученых из Гарвардского университета под руководством Стивена Хокинга опубликовала статью, в которой оценила вероятность существования инопланетян в 50%. В 2016 году группа ученых из Университета Беркли опубликовала статью, в которой оценила вероятность существования инопланетян в 95%. Конечно, эти оценки являются лишь приблизительными. Однако они показывают, что ученые считают вероятность существования инопланетян очень высокой.

Действительно, я делаю допущения, но я и не обязан приводить доказательства, потому что это лишь допущения, а не мои убеждения, в которых я бы хотел убедить других. Просто если существует некоторая могущественная инопланетная раса, которая нас обманывает, то это не делает наше познание гарантированным. Именно поэтому мы не можем обладать некоторым знанием, если существует такая раса. Более того, пока не доказано, что такое расы не существует, мы тоже не можем называть результаты нашей интеллектуальной деятельности знанием. Почему? Потому что знание – это доказанная истина, а о каком доказательстве может идти речь, если мы не смогли отвергнуть все представления, противоречащие нашей теории.

Все это серьезные допущения, которые в общей своей массе делают научное познание сомнительным. Дело не в том, что я придерживаюсь одного этого аргумента про инопланетян. Дело в том, что я допускаю возможность существования инопланетян, симуляций, злокозненного демона, Бога и колоссального количества других потенциальных объектов, которые противоречат науке и научному методу. Если хоть одно из допущений верно, то наука оказывается ложна.

Ответ объективистам: Цель объективистов заключается в том, чтобы доказать, что такой расы инопланетян не существует, потому что, как известно, «любая достаточно развитая технология неотличима от магии», а потому, возможно, с помощью таких технологий инопланетяне смогут сделать всё, что угодно. Например,

неестественным образом спровоцировать развитие живых существ или заложить под землю окаменелости. Диапазон их возможных действий бесконечен. Более того, мы можем провести сравнение развитой человеческой цивилизации и первобытного племени. Для племени мы тоже творим необъяснимую магию и при большом желании можем тайно исказить их представления о реальности, если поставим такую задачу. Есть очень большое количество способов, с помощью которых современная цивилизация при желании может обманывать племена. По аналогии мы можем судить о том, как потенциально более развитый технологически вид мог бы обманывать нас. Впрочем, для этого мы должны быть уверены в том, что находимся крайне далеко от технологического максимума.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационистам тоже необходимо исключить этот аргумент, потому что инопланетяне оказываются нефальсифицируемой силой.

Ответ инструменталистам: Инструменталистам этот аргумент не вредит.

Ответ социальным сциентистам: Социальным сциентистам этот аргумент может навредить лишь в том случае, если они ещё и объективисты или фальсификационисты.

Аргумент XIV: Натуралистический аргумент

P1. Если верен один из потенциально бесконечного множества натуралистических подходов, отличных от научного, то наука ложна.

P2. Верен один подход из потенциально бесконечного множества натуралистических подходов.

C. Наука ложна.

Мне кажется, что у многих существует некий предрассудок. Люди знают о существовании множества религий и иногда о множестве философских школ. Особенно это касается школ идеалистического толка. А вот про натуралистические философские направления и натурфилософию они осведомлены значительно реже, потому что наука – это буквально единственный хоть сколь-нибудь известный натуралистический дискурс современности, не считая конспирологов и Общества Плоской Земли, некоторая часть которых все же не натуралисты. Хотя, среди конспирологов и ОПЗ есть отдельные группы, которые придерживаются сугубо натуралистического мировоззрения.

В общем, предрассудок заключается в том, что многие считают науку единственным натуралистическим дискурсом. Для многих это работает так: если я не верю в магию и всякую метафизику, то мне остается принять исключительно научную точку зрения. Это неверное представление. За всю историю человечества возникало немалое количество чисто натуралистических школ, который не постулировали ничего метафизического. Например, то же эпикурейство. Были, конечно, подходы, которые совмещали метафизику и натурализм. Важно заметить, что альтернативные формы натурализма — это не самые популярные течения мысли, но это не отменяет того, что потенциально их можно создать довольно много.

Что за форму натурализма представляет собой наука? Под наукой мы понимаем определенную натуралистическую методологию. Эта методология базируется на создании абстрактных фальсифицируемых теорий, которые опровергаются преимущественно с помощью эмпирического опыта. Любой другой набор качеств я здесь уже не буду рассматривать как науку. Ввиду этого оказывается возможно придумать бесконечное множество натуралистических методологий и онтологий. Вполне возможно, что среди этого бесконечного множества находится истинное представление о мире.

Ответ объективистам: Да, в рамках этого аргумента объективистам придётся спорить с потенциальной бесконечностью учений. Им по-хорошему неплохо было бы доказать, что любая другая форма натурализма, отличная от науки, по сравнению с ней несостоятельна. Я не представляю себе, насколько это возможно сделать, но в идеале оно необходимо с теми амбициями, которые имеют объективисты. У них наука объективна и доказана. Хотелось бы почитать, как они смогут опровергнуть потенциальную бесконечность натуралистических дискурсов.

Ответ фальсификационистам: Не все натуралистические дискурсы обязаны использовать фальсификацию. Не понятно, почему мы должны предпочитать натуралистические дискурсы с фальсификаций натуралистическим дискурсам без фальсификации. Потому что они позволяют опровергать концепции? А какая разница, сколько концепций мы опровергли, если у нас впереди ещё потенциальная бесконечность таких концепций?

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XV: Аргумент от третьей, четвертой, пятой и так далее субстанций

Предположим, что существует третья субстанция, которая отличная от материального и идеального, то есть от натуралистического и духовного. Допустим, эта третья субстанция влияет на материю и дух на фундаментальном уровне. Некоторые из этих влияний нам заметны, но мы пытаемся описать их средствами нашей материалистической или идеалистической онтологии. Более того, мы можем предположить, что существует четвертая, пятая, шестая, седьмая, восьмая и прочие субстанции, которые отличаются друг от друга, но при этом являются онтологически значимыми.

P1. Если существует третья и прочие субстанции, то наука ложна.

P2. Третья субстанция существует.

C. Следовательно, наука ложна.

Очевидно, что при существовании второй субстанции (духа), научная картина мира перестает быть истинной. То же работает и с

третьей субстанцией. Притом может не существовать никакого духа, а сразу некоторая третья субстанция. В таком случае эта неучтённая субстанция окажется причиной ложности науки, которая сосредоточилась, так скажем, на первой субстанции, то есть на субстанции природы.

Фальсифицировать третью и прочие субстанции очень сложно. Более того, возможно, мы и так с ней сталкиваемся в исследованиях, но ученые трактуют её со стороны естественной установки. Мне видится, что подобное допущение является вполне легальным. Это довольно утонченный аргумент, который можно обнаружить у некоторых философов. Я его сформулировал здесь без уточнений, чтобы заранее не определять третью субстанцию, потому что это понятие здесь использовано как некоторый собирательный образ потенциальных претендентов на соответствующую онтологическую роль.

У многих от таких аргументов может возникнуть отчасти справедливое негодование. Как доказывать отсутствие или существование непонятно чего? Как отвечать на аргумент, в которых можно подставить любую потенциальную субстанцию? В этом и заключается его хитрость. Этот аргумент, по сути, бесконечен, потому что он допускает подстановку новых элементов. Если мы выберем в качестве третьей субстанции, допустим, сознание, и у вас получится доказать, что оно не является субстанцией, то можно будет сознание заменить на что-то другое. И так до бесконечности.

Этот аргумент легко обернуть против любой философской или религиозной позиции, но из уст скептика он может прозвучать довольно сильно. Скептик сомневается во всех позициях, а потому у

него нет такого набора убеждений, который будет задет таким всеобъемлющим аргументом.

Ответ объективистам: Во-первых, этот аргумент сложнее всего будет разобрать конкретно объективистам, потому что они претендуют на истинность науки. На онтологическом уровне трудно что-то доказать или опровергнуть, а потому быть уверенным в том, что нет никакой третьей субстанции довольно трудно. Впрочем, наличие третьей субстанции, отличной от естественной, явно противоречит и научной картине мира, и научной методологии, потому что, мало ли, эта субстанция как-то может воздействовать на законы природы, а если это так, то всевозможные научные выводы о прошлом, настоящем и будущем могут оказаться нерелевантными.

Ответ фальсификационистам: Третья, четвертая и пятая нефальсифицируемые субстанции могут послужить причиной, по которой фальсификационист просто отмахнется от данного аргумента. Зачем их вообще разбирать? Они нефальсифицируемы. Как можно серьезно относиться к нефальсифицируемым теориям? Как мне видится, к ним нужно относиться серьезно, признавая при этом одну важную вещь: если теория, противоположная вашей, является нефальсифицируемой, то ваша теория никогда не сможет оказаться доказанной. А если у нас нет возможности достоверно приближаться к истине, то зачем нужна фальсифицируемость?

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XVI: Фалес – аргумент воды

P1. Вода Фалеса противоречит современным научным представлениям.

P2. Вода Фалеса является архе.

C. Научные представления неверны.

Важно понимать, что Фалес понимал под водой не H_2O и не наблюдаемую воду. Речь идет о первоматерии, которая по своим свойствам подобна воде. Вы можете сказать, что ученые отлично представляют, чем является первоматерия, но на самом деле они имеют лишь свои абстрактные модели, которые построены на математических фантазиях и последующей «проверке» и подгонке этих фантазий под эмпирический опыт. Даже атом в чистом виде они созерцать не могут. Все это находится на уровне их поверхностно обоснованных фантазий.

Всегда остается шанс, что учёные неправы. Возможно, они притянули свой эмпирический опыт под полученные в математике и фантазировании представления, а на деле на базовом уровне не струны, кварки и прочая выдуманная учеными ерунда, а, например, вода Фалеса. Единственное, что у этой позиции нет современных сторонников, а потому мало кто попытается защитить данную позицию, но это не означает, что она не верна.

Ответ объективистам: Большую проблему этот аргумент представляет для объективистов, которые уверены в истинности науки. Они верят в большинство сущностей, которые наука предоставляет им.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационисты вполне могут представить воду Фалеса в виде фальсифицируемой теории, а потому у них в этом вопросе проблем намного меньше.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XVII: Анаксимандр – аргумент апейрона

ἄπειρον – беспредельное, бесконечное. Это такая материя, которая является своеобразным единым полотном в отличие от того же неделимого атома. ἄπειρον разливается по вселенной, подобно воде Фалеса или огню Гераклита, а потому его часто называют атрибутом других материальных начал.

P1. Апейрон противоречит научной картине мира.

P2. Апейрон существует.

C. Научная картина мира неверна.

Понятно дело, что существование апейрона я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть. В этом и заключается основная проблема данных аргументов. Впрочем, я настаиваю на том, что современная научная картина микромира является крайне сомнительной, а сами ученые никому не смогут доказать существование тех субстанций, о которых говорят. Здесь все вненаучное доказательство строится на авторитета, а внутринаучное доказательство на догматичных традициях.

Ответ объективистам: Это аргумент против объективистов.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XVIII: Анаксимен – аргумент воздуха

P1. Если Воздух Анаксимена существует, то наука ложна.

P2. Воздух Анаксимена существует.

C. Наука ложна.

Ответ объективистам: Да.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XIX: Гераклит – аргумент огня

P1. Если фундаментом нашего мира является огонь Гераклита, то наука ложна.

P2. Огонь Гераклита – архе.

C. Наука ложна.

Ответ объективистам: Да.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XX: Эмпедокл – аргумент четырех стихий

P1. Если теория Эмпедокла о четырех стихиях верна, то научная картина мира ложна.

P2. Теория Эмпедокла о четырех стихиях верна.

C. Наука ложна.

Следует отметить, что представления о четырех стихиях правили в нашем мире более полутора тысячелетий. Это не делает их верными, но и ложными тоже не делает. Проблема заключается в том, что атомизм в эпохи Нового времени и Просвещения сменил представления о стихиях, хотя эта замена не кажется необходимой. Представление о стихиях, конечно, более сложно, чем об атомах. Кроме того, в Средние века стихийной теории не было достойных альтернатив. С появлением достойной альтернативы она постепенно уступила место более простой и наглядной теории. В этом нет ничего плохого, но, как мне видится, даже на уровне «атомов» наука не имеет доказательства их существования, что подтверждается Махом, известным физиком XX века, который выражал сомнение существовании атомов. Жалко, что сейчас не так уж и много известных физиков, которые готовы пойти против своей же собственной догматики.

Я понимаю, что физики сошлются на то, что я ничего не понимаю в их физике. Это действительно так. Их философские рассуждения кажутся мне фантазиями, математика в этом деле ничего мне лично не доказывает, а эмпирический опыт сам по себе нем и не даёт очевидных ответов на натурфилософские вопросы. Физик,

вероятно, потребует от меня получения физического образования. Мол, когда изучу физику, тогда и смогу её критиковать. Но это неправильно, потому что также я могу сказать, что для критики марксизма надо прочесть все книги Маркса и Энгельса, а для критики Ницше все его труды и письма. И всё потому, что сами физики не смогут ничего доказать и показать человеку, который не входит в их секту. И это в очередной раз подчеркивает монополитический характер науки.

Все же я имею наглость предполагать, что есть четыре фундаментальных элемента, обладающих разными свойствами. Каждый из них является носителем тех или иных качеств, которые проявляются в наблюдаемом мире. Наука для меня ничего не доказала и при изучении физики не думаю, что докажет. «Если вы не можете объяснить это просто, то вы сами не понимаете предмет достаточно хорошо» (А. Эйнштейн). Но это ли не относится к аргументации? Если вы не можете аргументировать просто, а для аргументации вам необходим птичий язык математики, то понимаете ли вы, что вообще доказываете и какими средствами? «Заткнись и считай!» (Дэвид Мермин), особенно если ты не можешь продемонстрировать истинность своей концепции без применения сложных и недоступных для людей вне твоей секты методов.

Ответ объективистам: Да.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XXI: Парменид – аргумент к неподвижному бытию

P1. Если бытие неподвижно, то все картины мира, в которых бытие подвижно, ложны.

P2. Наука предоставляет нам картину мира подвижного и только подвижного бытия.

C. Научная картина мира ложна.

Но почему бытие может оказаться неподвижно? Допустим, мы видим мир не таким, каков он есть на самом деле. Двигается лишь мысль, а не само бытие. Движение мысли порождает иллюзию движения бытия, хотя оно само по себе представляет нерушимый и неделимый слепок. Здесь можно использовать метафору киноплёнки: киноплёнка существует неделимо и целостно со всем набором кадров, которые нам в итоге будут показаны. Мы видим кадры в специальном приборе, который позволяет направлять наше восприятие от кадра к кадру. Возможно, движение является иллюзией такого рода, в рамках которого наше восприятие перемещается от кадра к кадру.

Опять у нас получается некоторая отсылка к теориям симуляций, но тут есть один нюанс. В рамках метафоры киноплёнки мы созерцаем реальное бытие, но особенным образом, который позволяет нам увидеть движение в неподвижной картинке.

Вполне возможно, что окружающий нас мир неподвижен, а научная картина мира – это лишь небольшой кажущийся сегмент,

который, на самом деле, воспринимается нами принципиально неправильно.

В целом, все предыдущие аргументы и этот можно объединить в один: существуют не опровергнутые картины мира, которые противоречат научной. Ученые свысока заявляют, что эти представления устарели, но никаких конкретных фактов не приводят. Наука эволюционирует и меняется, но при этом каких-то дополнительных объяснений не будет, потому что... Как мне видится, слишком много философии выбыло из игры незаслуженно, без должной критики и опровержений. Философы и сами позабыли, что они довольно хорошо и свободно могли заниматься передовой физикой. Мы живём в мире, в котором философы полностью отстранены от физических исследований. Эти исследования никому не интересны. Они представляют собой обузу как для философов, так и для физиков. Первым не хочется конкурировать с физиками, а вторым – оправдываться перед философами, ведь если философы начнут реально разбираться в физических опытах и теориях, тогда научную физику будет ждать безостановочная критика со стороны множества учений. Физики, как и все мы, ленивые люди, а потому отвечать на всякую критику окажется невозможным, а отсутствие ответов понизит авторитет учёных в мировом сообществе. Это, в свою очередь, понизит финансирование, чего ученые, конечно, не хотят.

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.

А.С. Пушкин

Проблема заключается в том, что утверждающий отсутствие движения не говорит, что движение не является нам в опыте. Он утверждает, что движение – это лишь видимость, а потому ответ через ходьбу – представляется несостоятельным. Утверждающий отсутствие движения отлично понимает, что движение является, но это не означает, что оно существует.

К сожалению, большинство людей, включая Пушкина, ленятся входить с контекст философских высказываний. Они обесценивают потенциальные устройства мира, потому что искренне верят в свои представления, которые, чаще всего, ни на чём не основаны. Данная книга во многом строится на апелляциях к разным мировоззрениям, которые противоречат научному. Это своеобразное напоминание, что научная картина мира не единственная возможная в мире, а также все прочие картины зачастую не опровергнуты.

Ответ объективистам: То же, что в прошлых случаях.

Ответ фальсификационистам: —

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XXII: Горгий – аргумент к небытию

Если сущее вечно, то оно беспредельно, а если беспредельно, то оно нигде, а если нигде, то его нет. Если сущее не вечно, то оно произошло или из сущего, что невозможно, так как тогда бы сущее было прежде себя самого, либо из не-сущего, что также невозможно, поскольку из не-сущего ничего не происходит. Следовательно, сущее не вечно и не не вечно. Следовательно, его вообще нет. (Также Горгий ведёт рассуждение, о том, что сущего нет, поскольку оно ни единое, ни множественное).

Если даже сущее существует, то оно не мыслится, поскольку мыслимое не тождественно сущему, иначе существовали бы в реальности Сцилла и Химера.

Если сущее и мыслится, то оно неизъяснимо другому, поскольку изъясняем мы посредством слов, а слово не тождественно обозначаемому им предмету и не может его объяснить, поскольку напротив, слово мы объясняем, указывая на предмет.

P1. Если сущего не существует, то наука заблуждается

P2. Сущего не существует.

C. Наука заблуждается.

Из рассуждений Горгия относительно сущего, конечно, не понятно два момента: во-первых, почему сущее не могло

существовать вечно; во-вторых, почему одно сущее не могло породить другое сущее и так до бесконечности? Впрочем, я бы обратил внимание на то, что понятие сущего – это гиперабстракция, которая, вероятно, является бессмысленной. Именно поэтому сущего не существует. А наука ложна при отсутствии сущего, потому что и сама наука опирается на некоторые гиперабстрактные представления о сущем.

Ответ объективистам: Наука, конечно, прямо не пользуется термином сущее, но у неё есть натуралистическая замена этому слову, и я говорю о «природе». Природа – это естественное сущее. Если сущего не существует, то и природы не существует. Объективистам придётся доказать, что сущего принципиально не может не существовать.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационистам здесь тоже придётся не так уж просто, потому что отрицание всякого сущего может привести к отрицанию все возможных натуралистических теорий.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XXIII: Всё течёт, всё меняется

P1. Знание можно получить только о вечных и неизменных сущностях, потому что лишь они не меняются и не исчезают.

P2. В натуралистическом мире всё изменяется и изменения онтологически значимы.

P3. Наука допускает только натуралистический мир.

C. Знание в рамках науки получить невозможно.

Первая посылка – это убеждение, которое идёт со времён Парменида, а после перекочёвывает в философию Платона и Аристотеля. Речь идёт о классическом представлении об истине, которое правило в философии чуть ли не до самого Гегеля, а во многих учениях – до сих пор продолжает править. Динамические представления об истине – далеко не самые распространённые подходы. Если мы понимаем под знанием доказанную истину, а под истиной представления о вечной сущности объектов, то у нас возникнут некоторые проблемы с её достижением.

Вторая посылка – это убеждение, которое исповедовал Гераклит. Нет ничего неизменного. И это может показаться вполне правдоподобным, если мы будем изучать мир вокруг нас. Мир видится изменяемым.

Важно помнить, что наука возвращает свою теорию познания на этих двух посылах. Во-первых, все вокруг меняется и эволюционирует. Сейчас это основной научный тренд. Но с другой стороны наука построена на стандартных представлениях об истине. Истина может быть только вечная и неизменная. Только вот есть

парадокс: в рамках натуралистического дискурса нельзя постулировать вечность идеальных сущностей, а потому придумывается их абстрактная замена, то есть так называемые законы природы, которые обладают свойствами бесконечности и вневременности. Впрочем, пока что оказывается, что законы природы, обнаруженные учеными, являются не законами, а очередным промежуточным сегментом мироздания.

Важно помнить, что древние эмпирики нередко акцентировали внимание на самом мире и не пытались составить какие-то общие теории и описать законы природы. Стремление свести все к законам появилось в науке благодаря идеалистическим дискурсам, откуда и взялись представления о научной истине. Только вот это довольно трудно совместить с представлениями о тотальной изменчивости мира. Мне кажется, что наука противоречива внутри себя, а законы природы и чистый натурализм не соотносятся друг с другом. Я вижу научный метод уродливым Монстром Франкенштейна, собранным из ошмётков разных философских учений и систем. Притом собирался он не одним человеком, а группой разнородных мыслителей, многие из которых не заботились о последовательности этого подхода. В итоге получилось то, что получилось. Наука не является последовательным эмпирическим учением, а также не является идеалистическим учением, но заимствует у идеализма подход к пониманию и достижения истины.

И проблема, как мне видится, кроется в том, что это объединение материализма и идеализма, эмпиризма и рационализма выполнено максимально непоследовательно. Это во многом обусловлено тем, что наука создавалась не конкретным мыслителем, а группой мало связанных друг с другом интеллектуалов.

Становящаяся наука двигалась от крайности к крайности и в итоге в хаосе понятий, смыслов, философских учений отыскала свой неоднозначный метод, который по иронии судьбы начал доминировать в мире.

Ответ объективистам: Вопрос о существовании законов природы, как мне видится, основной для объективистов. Им придётся прояснить, как в реальном и изменяемом мире могут существовать непоколебимые и вечные законы природы. Или же законов природы не существует? Тогда как наука достигает истины в классическом смысле этого слова? Или у науки особые представления о том, что такое истина? Может, наука вообще истины не достигает? Тогда позиция объективизма рухнет.

Ответ фальсификационистам: Главный вопрос фальсификационистам: каким образом фальсифицируемые естественные законы существуют и можно ли реально опровергнуть их существование, если их всё же нет? Понятное дело, какие бы фантазии не создали, в процессе постоянной фальсификации, даже самая странная фантазия может стать довольно крепкой теорией. Какой смысл фальсификации, если мы даже толком не понимаем, какой онтологический статус в натуралистической системе у законов природы?

Как фальсифицировать тот факт, что дискурс о законах природы вообще имеет хоть какой-то смысл, кроме чисто инструментального и упрощающего? Как узнать, что с помощью постулирования законов природы мы сможем прийти к истине? Да, в науке имеется такая традиция. И она оказалась не так уж и плоха в описании причин

различных явлений. Но это совершенство описания строится, как мне видится, не столько на базе самого научного метода, сколько на том, что огромное количество людей тратит свои силы на его использование и объяснение всего вокруг.

Научный метод как таковой выглядит в моих глазах крайне непроработанным и противоречивым. Он требует прояснения буквально на каждом этапе. Например, какую истину нам открывает использование математики? Какую истину нам открывает тот или иной закон? Зачем постулировать нечто как закон, если никакая истина нам не открыта? Зачем предполагать, что этот закон работал всегда, если он работает сейчас? По сравнению со многими другими учениями и подходами, наука смотрится недостаточно последовательной и, что самое страшное, вместо адекватной рефлексии о собственном состоянии создаёт научную мифологию, в рамках которой Всемогущая Богонаука дала жалким смертным людишкам самолеты и компьютеры, а потому они должны поклоняться Богонауке, чтобы и дальше пользоваться её благами.

Ответ инструменталистам: Инструменталистам, на мой взгляд, следует задуматься о реальной эффективности научного познания, потому что, вполне возможно, наука – это далеко не самый эффективный метод для создания практики и объяснения окружающего мира. Наука слишком хаотична. Она была создана не по единому плану, а в неуправляемом процессе интеллектуальных терзаний европейской цивилизации. Это продукт европейской цивилизации со всеми её вопросами и ошибками.

Наивные ученые и сциентисты говорят: если бы мы переместились в прошлое и начали бы историю с самого начала, то религии бы изменились до неузнаваемости, а вот наука осталась бы

такой, какая она есть сейчас. Это, как мне видится, крайне недостоверное убеждение. Наоборот, кажется, что при перезапуске истории прежде всего от науки не осталось бы ничего, потому что она, по сути, одно из самых странных эклектичных учений европейской цивилизации. Мне сложно поверить в то, что именно она лучшего всего объясняет мир, а также соотносится с практикой. Проблему я вижу в том, что другими методами человечество так серьезно не занималось.

Впрочем, инструменталист вообще может называть всё полезное – наукой. Тогда для него и платонизм окажется наукой, и христианство. И спорить нужно будет лишь об определениях.

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XXIV: Поддержка онтологических аргументов

P1. Если мы можем допускать разные сущности, которые не может допустить наука, то у нас есть основания сомневаться в последней.

P2. Мы можем допускать разные сущности, которые не допускаются наукой и которые при этом всем могут описывать бесконечное множество фактов и соотноситься с практикой.

C. Следовательно, у нас есть основания сомневаться в науке.

Это довольно сильный аргумент для того, чтобы поддержать большую часть других аргументов и сомнений. Именно на нём в последующем будут строиться аргументы с допущениями разных сущностей. Но здесь важно именно подчеркнуть, что цель данного аргумента – именно привести к сомнению в науке, а если быть более точным, то в объективистской её интерпретации, которая кажется крайне распространённой и у большинства сциентистов входит в их картину описания науки наряду с другими способами описания.

Ответ объективистам: Особенно данный аргумент посвящается объективистам. Пока все альтернативные теории не опровергнуты, рано говорит об истинности науки.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XXV: Поддержка онтологических аргументов №2

P1. Для доказательства той или иной картины мира необходимо либо абсолютное её непосредственное доказательство, после которого не останется никаких сомнений, либо абсолютное опровержение всех альтернативных подходов (существующих и возможных). Если этого не произошло, то альтернативные подходы допустимы.

P2. Научная картина мира не является абсолютно доказанной непосредственно.

P3. Всевозможные концепции, альтернативные научной картине мира, не опровергнуты.

C. Альтернативные подходы допустимы.

Допустим, что наука работает, опираясь на самые эффективные методы, а не те, что реально приближают нас к истине, что бы это ни значило. Вся историю философии наука опиралась на философию, заимствуя у неё подходы для решения своих проблем. Сейчас я даже не говорю о науке в естественном смысле. Я подразумеваю всю совокупность академических дисциплин. Многие фундаментальные подходы – это трансформации уже существовавших философских идей, которые были сформулированы в подходах, альтернативных научному.

Если мы не исходим из позиции, что наука дает объективный взгляд на реальность (а опровержению этого тезиса посвящено очень много аргументов здесь), то нет никакого смысла опираться только лишь на науку и всеми возможными способами принижать альтернативы, потому что в будущем альтернативные дискурсы могут помочь в становлении нашей академической жизни, что бывало в прошлом неоднократно.

Ответ объективистам: Прежде всего, это аргумент в адрес объективистов.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XXVI: Несуществование пространства

P1. Наука постулирует существование пространства.

P2. Пространства не существует.

C. Наука ошибается.

Абстрактные категории пространства и времени часто возникали в истории философии, но их существование всегда можно было подвергнуть радикальному сомнению, так как мы до сих пор не решили ряд философских вопросов. Например, Иммануил Кант в своей работе "Критика чистого разума" (1781) предложил трансцендентальную концепцию пространства. Согласно этой концепции, пространство не является свойством объектов или субстанции, а является формой чувственности, то есть способом, которым мы воспринимаем мир.

Кант утверждает, что пространство является априорным условием восприятия. Это означает, что мы не можем воспринимать мир без предположений о пространстве. Мы всегда воспринимаем

объекты как находящиеся в пространстве, даже если мы не можем видеть или ощущать это пространство непосредственно.

Кант также утверждает, что пространство является универсальным условием восприятия. Это означает, что все люди воспринимают мир одинаково, независимо от их индивидуальных особенностей. Мы все воспринимаем объекты как находящиеся в пространстве, и это восприятие не зависит от нашего опыта или знаний.

Кантовское описание пространства позволяет нам построить ряд моделей, в рамках которых пространства как физического объекта не будет существовать. Нам достаточно допустить, что пространство существует для нас в качестве априорного условия восприятия, а все остальное – уже крайне сомнительно. Феноменологический подход Канта в данном случае открывает путь к ряду солипсических и имматериалистических интерпретаций, которые в свою очередь дают нам возможность сомневаться в объективности физического пространства или даже пространстве-времени Эйнштейна.

Ответ объективистам: аргумент направлен на эту группу сциентистов.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XXVII: Несуществование времени

P1. Наука постулирует существование времени.

P2. Времени не существует.

C. Наука ошибается.

Кант о времени также придерживался трансцендентальной концепции. Согласно этой концепции, время не является свойством объектов или субстанции, а является формой чувственности, то есть способом, которым мы воспринимаем мир.

Кант утверждает, что время является априорным условием восприятия. Это означает, что мы не можем воспринимать мир без предположений о времени. Мы всегда воспринимаем события как происходящие во времени, даже если мы не можем видеть или ощущать это время непосредственно.

Кант также утверждает, что время является универсальным условием восприятия. Это означает, что все люди воспринимают мир одинаково, независимо от их индивидуальных особенностей. Мы все воспринимаем события как происходящие во времени, и это восприятие не зависит от нашего опыта или знаний.

Кантовское описание времени позволяет нам построить ряд моделей, в рамках которых времени как физического объекта не будет существовать. Нам достаточно допустить, что время существует для нас в качестве априорного условия восприятия, а все остальное – уже крайне сомнительно. Феноменологический подход Канта в данном случае открывает путь к ряду солипсических и имматериалистических интерпретаций, которые в свою очередь дают

нам возможность сомневаться в объективности физического времени или даже пространстве-времени Эйнштейна.

Ответ объективистам: Аргумент направлен против этой группы сциентистов.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

**Аргумент XXVIII: К недоверности
существования микромира: критика клеток,
бактерий, генов, молекул, атомов и прочих
элементов**

P1. Данные, полученные из опыта, недоверны.

P2. Данные, получаемые о микромире, добываются из опыта.

C. Данные о микромире недоверны.

К первой посылке:

P1. Данные, который можно интерпретировать по-разному, недоверны.

P2. Данные, получаемые из опыта, можно интерпретировать по-разному.

C. Данные, полученные из опыта, недостоверны.

К перовой посылке №2:

P1. Если нас можно обмануть при получении информации, то такой источник информации может быть назван недостоверным.

P2. Опыт – это такой источник информации, в рамках которого мы нередко сами обманываем себя, а также нас могут обмануть наши восприятия, воспоминания, злокозненные демоны и прочие метафизические сущности, существование которых до сих пор не опровергнуто.

C. Данные, полученные из опыта, недостоверны.

Начнем с того, что, созерцая микромир, мы видим лишь некоторый набор явлений, который на первом этапе нашего исследования не является проинтерпретированным. Это просто поток восприятий. Клетка не воспринимается клеткой, то есть живым организмом. Молекула может не восприниматься элементом клетки. И так далее. Что делает клетку клеткой? Интерпретация. Если бы на то же самое посмотрел колдун, пользующийся магической методологией, или шаман, то они могли бы описать увиденное как нечто духовно.

У нас вообще нет никаких гарантий, что законы оптики работают в микромире так же, как и в нашем обычном феноменальном мире. Например, то, что мы видим в бинокль, соотносится с нашим обыденным опытом, а также мы всегда можем подойти ближе к цели и исследовать её. Уменьшится до уровня клетки не представляется возможным. Я могу допустить, что законы оптики на определенном уровне погружения просто перестают работать. Или кто-то подменяет изображение на то, какое ему удобно.

У многих возникнет возражение: мы можем работать с микромиром. Например, у нас получается определять заболевания и лечить их, а также мы можем взаимодействовать с ДНК, и все это отражается в макромире. Ответ здесь простой: вам кажется, что вы можете. Тут есть два варианта, при которых вы могли бы ошибиться: 1. Имеется некоторый уровень корреляции между наблюдаемыми в микромире вещами и нашей действительностью; 2. Кто-то или что-то обеспечивает практичность абсолютно иллюзорных наблюдений.

Во втором случае, думаю, всё понятно. Условный злокозненный гений обманывает людей на всех уровнях, а мы и рады обманываться, потому что нам нравится ощущать себя познающими и мудрыми. В первом случае ситуация немного сложнее, а потому её стоит прояснить. Допустим, что наблюдаемый микромир – это не мир живых клеток и бактерий, а мир духов. Если внутри человека обнаруживается тот или иной дух, то он заболевает. Чтобы излечиться от этого духа, нужно соблюдать предписания мага (который могут полностью совпадать с предписаниями современных врачей). Таким образом, имея противоположную систему интерпретаций, мы пришли к тому же практическому результату.

Почему? Потому что вне зависимости от интерпретации, явления в микромире и мезомире могут коррелировать.

Люди – фанатики и догматики. Они превозносят ту интерпретацию, которая кажется им более близкой. Если их обучали ученые, то они будут видеть в явлениях то, что говорят ученые. Если бы их воспитывали шаманы и маги, то результат мог бы оказаться обратным. К сожалению, люди не думают так глубоко о своих внутренних структурах мышления. Им претит такое мышление, потому что от него может развалиться картина мира. Уничтожение картины мира для человека чаще всего оказывается неприемлемой опцией.

Ответ объективистам: Данный аргумент больше всего бьет по объективистам. Скорее всего, прочитав его, они отмахнутся и скажут, что это просто бред. Впрочем, чего ещё ждать от объективистов? Они в этом плане довольно предсказуемы. Более того, им психологически как-то нужно защититься от критики, не отвечая на все аргументы, потому что ответная аргументация легко приведёт к кружению такого непрочного и наивного образования, как сциентический объективизм.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: Инструменталистам следовало бы обратить внимание на то, что практически любая система мысли при наличии возможностей науки смогла бы интерпретировать опыт и, возможно, даже быть некоторым мотиватором для его воспроизведения. По сути, наука в таком случае окажется не нужна.

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XXIX: Аргумент от темной материи и энергии

P1. Если по признанию ученых существуют две таинственные сущности (Тёмная энергия 70% и тёмная материя 25%), которые при этом занимают большую часть вселенной (95%) и не поддаются прямому исследованию, то вероятность надежного знания об оставшейся части вселенной (5%) крайне мала.

P2. Так называемые Тёмная энергия и Тёмная материя – существуют.

C. Вероятность надежного знания об оставшейся части вселенной крайне мала.

Напоминаю, что истинность наших теорий открывается лишь в контексте общей картины мира. Например, если мы считаем, что все это время существовал естественный процесс эволюции, а вдруг окажется, что эволюцию провоцировала невидимая для нас разновидность инопланетян, то мы окажемся на фундаментальном уровне неправы. При допущении всевозможных усложнений, все наши настоящие представления о мире в любой момент могут оказаться ложными. И это то, с чем следует смириться.

Теперь представьте себе, что в самом лучшем случае по признанию самих же ученых мы не понимаем 95% вселенной вообще. Для меня это буквально означает, что мы не знаем буквально ничего,

потому что в контексте тех 95% наши якобы известные 5% могут сменить трактовку на противоположную. Это очевидно, потому что мы уже сталкивались с подобными проблемами на прошлых этапах развития науки, что привело к большой научной революции. Теперь мы находимся в сложном положении, когда изучение 95% вселенной оказывается практически невозможным, а те 5%, которые мы изучали, могут переинтерпритироваться в зависимости от 95% как угодно.

Ответ объективистам: Прежде всего этот аргумент направлен против объективистов.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XXX: Аргумент от скептической онтологии

P1. Если человек – существо изначально сомневающееся, а сомнение – самая честная и правильная интеллектуальная позиция, то наука ложна, потому что строится на классическом догматизме.

P2. Человек – это изначально существо сомневающееся, а сомнение – самая честная и правильная позиция.

C. Наука ложна.

Здесь, я думаю, следует доказать, что наука догматична.

P1. Скептик может входить в состояние, в котором у него нет убеждений (по определению).

P2. Ученый не может входить в состояние, в котором у него нет убеждений.

P3: Всякий не-скептик является догматиком.

C. Всякий ученый догматик.

P1. У скептика отсутствуют постоянные убеждения по тем или иным вопросам по определению.

P2. Ученый придерживается как минимум методологических убеждений (что необходимо для того, чтобы заниматься наукой) и довольно часто разных теоретических, этических, эстетических и прочих.

P3. Методологические убеждения суть частный случай прочих убеждений.

C. Ученый не является скептиком.

Распространение мифа о том, что ученые скептичны, строится на предрассудочных посылках. Ученые не имеют никакого отношения к скептицизму. Они – это живые алгоритмы, воспроизводящие определенные методологические стереотипы. А после механического воспроизведения алгоритма ученый уже на уровне обывателя начинает подбирать философскую концепцию, которая будет описывать его отношение к результатам опыта. Он может верить, что опыт доказал теорию (тогда он объективист). Он может верить, что опыт не смог опровергнуть теорию, но этой попыткой опровержения её не доказал (тогда он фальсификационист). Он может верить в то, что данная теория является практичной, а категория истины его не интересует (тогда он инструменталист). Чаще всего ученый придерживается смешенной и уродливой позиции, а его отношение к конкретным аспектам научной деятельности и отдельным теориям определяется спонтанно. В любом случае, как на методологическом, так и на прочих уровнях ученых всегда является догматиком. Я не знаю ни одного последовательного абсолютного скептика, которого можно было бы назвать ещё и ученым.

Ответ объективистам: Прежде всего, мы имеем дело с объективистами, которые являются самыми яркими научными догматиками и возвышают результаты научной деятельности по созданию теории и интерпретации опыта.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационистов это касается в меньшей степени, но и они являются догматиками, о чем следует помнить. Если людей не устраивают догмы вообще, то они должны переходить в чистый скептицизм. Если же, по их мнению одни догмы неуместны, а другие – уместны, то они обыкновенные

классические догматики, даже если их догматизм носит методологический характер.

Ответ инструменталистам: Инструменталистов мы тоже можем считать типичными догматиками, но их догма является более утонченной, чем у соперников. Впрочем, от этого она не перестаёт быть догмой.

Ответ социальным сциентистам: -

Группа аргументов II: Метафизическая

Прояснение

Метафизическая группа аргументов является подвидом онтологической, но здесь мы будем делать упор на устройство самого мира в его самых фундаментальных основаниях, которые превосходят наши представления о физике. Важно понимать, что метафизические вопросы на данный момент трудно назвать решенными. По сути, мир может быть устроен как угодно.

Многие сциентисты могут быть уверены, что мир полностью натуралистичен, а, следовательно, не существует никакой метафизики. Это очень смелое суждение, которое в большинстве своем никто не торопится серьезно и основательно доказывать. Многим сциентистам достаточно сказать, что нет никакого смысла допускать то, чего нельзя обнаружить в опыте, а потому, если что-то метафизическое и существует, то бремя доказательства находится на стороне метафизиков. Впрочем, мне кажется, что убеждение в существовании какой-либо метафизики – это тоже довольно сильный тезис, который требует доказательства. К сожалению, сциентисты по большей части желают отказаться от всяких доказательств и опровержений, отгородившись нелепыми отговорками.

Другая значительная часть сциентистов может ошибочно заметить, что то или иное метафизическое устройство нашего мира никак не влияет на истинность или ложность научных теорий. Мол, если бог есть, то все равно мир устроен по науке. Или если мир – это

симуляция, то тогда ученые изучают законы симуляции. Это глубоко ошибочное убеждение, потому что не всякий Бог и не всякая симуляция не противоречат науке. Например, Аллах, каждое мгновение творящий мир, абсолютно не нуждается в законах природы и даже эволюции. Все естественные объяснения тут же отпадают, когда на их место становится всемогущий и постоянно творящий Бог. Симуляция в этом смысле может быть устроена похожим образом, потому что в рамках симуляции можно легко обойти ту же эволюции. Каким образом? Например, закодировать окаменелости на нужной глубине и подогнать все необходимые факты, чтобы учёные подумали, что в нашем мире происходили изменения, растянувшиеся на миллиарды лет, а при этом в самой симуляции прошло – несколько столетий.

Важно помнить, что метафизика – это та сфера, в рамках которой мы претендуем получить исчерпывающий ответ об устройстве мира. От метафизического ответа зависит истина нижележащих уровней нашего познания. Например, от метафизического устройства нашего мира зависит физика и правильная физическая теория. Игнорировать это просто глупо. Наиболее точный логический метод познания, который мы используем, называется дедукция. В рамках дедукции при истинных верных посылах мы получаем надежные выводы. Точно также это работает и с метафизикой. Довольно нелепо безосновательно избрать нулевую метафизику (абсолютный натурализм), а после избегать доказательств своей позиции и ставить при этом себя выше других, требуя от всех доказательств, когда ты сам не готов предоставить хоть что-то стоящее в рамках своей позиции.

Научная метафизика – это безосновательное и слепое отрицание всякой метафизики. Это отрицание ни на чём не строится, но люди верят в его очевидность и необходимость. Им никто не доказал, что бог существует, а мир, который монополизировала наука, они видят вокруг себя. Только эти люди часто не понимают, что многочисленные явления мира легко описать не только с помощью научной догматики, но и догматики почти любых сортов. Они могут подчеркнуть, что научные теории обладают предсказательной силой, а также на их основании можно выстраивать практику. Здесь я могу ответить, что ни одна философская теория не строилась таким большим количеством людей, так долго и систематически, как это принято в современной науке. То же самое можно сказать и о религиозных теориях. Возможно, при подобной проработке многие философские и научные теории приобретут такую же предсказательную силу (а, может, даже большую) и позволят на своем основании выстраивать практику не хуже той, которая сейчас считается научной.

Аргумент I: Симуляция

P1. Мир – симуляция.

P2. В симуляции фундаментальные научные представления являются ложными.

C. Фундаментальные научные представления ложны.

Во-первых, я не уверен, что мы находимся в симуляции, но достойной аргументации, которая бы это опровергала, я не находил. Современная аналитическая философия не располагает ни хорошими аргументами в защиту симуляций, ни хорошими аргументами, опровергающими симуляцию⁴⁰.

Во-вторых, под словом «фундаментальные» — подразумеваются научные теории, которые описывают мир в рамках естественных категорий. Если мы находимся в симуляции, то мир вокруг нас не естественен и функционирует в нем не естественные законы, а законы симуляции. Это принципиально важно. Именно поэтому научные теории в рамках симуляции являются ложными.

Также ложными могут оказаться представление о том, сколько времени существует наш мир и какие события в нем происходили. Например, мы можем попробовать представить себе симуляцию, которую запустили с начала вашей жизни, допустим, тридцать лет назад. Все объекты внутри симуляции существуют буквально тридцать лет. Не было никакой эволюции, полётов в космос и никаких динозавров, даже запрограммированных. Просто некий геймдизайнер поместил окаменелости под землю и учел многочисленные факторы, которые дают нас основание

⁴⁰ Позиция Бострома в пользу существования симуляций звучит так: Вероятность того, что человечество достигнет постчеловеческой стадии развития, не равна нулю. Если человечество достигнет постчеловеческой стадии развития, оно, скорее всего, будет создавать симуляции. Если постчеловеческая цивилизация создает симуляции, то число симулированных реальностей будет намного больше, чем числа базовых реальностей.

предположить, что существовала длительная эволюция всего живого. Какова была его цель? Мы заранее не знаем. Может быть, его целью было создание полноценной и непротиворечивой симуляции для вас, которая смотрелась бы максимально сложно и последовательно.

К слову, сравнение симуляции с игрой я считаю наиболее уместным. И обыкновенно, все опровержения симуляций разбираются о компьютерные игры, потому что из этих опровержений следует, что компьютерные игры невозможны, но при всем этом они существуют. Возможно, люди, которые формулирует свои аргументы против симуляций, не были знакомы с феноменом компьютерных игр, но эти самые игры являются полноценными компьютерными симуляциями, которые, правда, имеют ряд ограничений. Эти симуляции, конечно, не претендуют на то, что заменяют реальный мир, но в некоторых аспектах они могут правдоподобно его копировать. А после создания очков виртуальной реальности изменяется и уровень погружения в игры, что может дать интересный опыт. Как мне видится, первый барьер, который должны вынести аргументы, направленный против симуляций, — это барьер компьютерных игр. Если следствием из вашего аргумента является невозможность существования компьютерных игр, то этот аргумент является не валидным.

Впрочем, компьютерные игры – не единственная аналогия симуляциям. Первые теории симуляций нередко основывались на опыте сновидений, включая осознанные сновидения. Некоторые, как у Беркли, строились на исключении всех излишних элементов из системы представлений, ведь если существует всемогущий бог, то зачем ему создавать для нас целый материальный мир, если можно просто передавать нам напрямую ощущения?

Теорий симуляций очень много в рамках философии и разных религий (прежде всего индийских)⁴¹. Это огромный культурный пласт представлений, который тянется с самой древности. Каждое из них имеет свои подходы к аргументации в зависимости от специфики.

Ответ объективистам: Объективисту было бы неплохо опровергнуть все теории симуляций, потому что иначе ни одну научную теорию нельзя доказать. Если доказательство самой теории не опровергает симуляции, то придётся критиковать буквально каждую из них. Пока мы сомневаемся в том, является ли наш мир симуляцией или нет, мы в той же степени должны сомневаться в научных теориях, потому что они являются одной из обратных сторон данной темы.

Мы не можем одновременно сомневаться в симуляциях и безоговорочно верить в научные теории. Это серьезное противоречие. Мы можем только уверенно отрицать симуляции и только тогда быть уверенными в истинности научных теорий.

⁴¹ Теории симуляций в Индии имеют давнюю историю, уходящую корнями в древние религиозные и философские учения. В индийской традиции существует множество концепций, которые можно рассматривать как предвестники современных теорий симуляций. Одна из таких концепций — это концепция майи, или иллюзии. Согласно индийской философии, майя — это не просто иллюзия в том смысле, что она не существует, а скорее иллюзия в том смысле, что она не является истинной реальностью. Мир, который мы воспринимаем, является лишь отражением более глубокой реальности, которая лежит за пределами нашего понимания.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационисты выступают против теорий симуляций, потому что те в свою очередь нефальсифицируемы. Только есть одна проблема: отсутствие фальсифицируемости не означает их ложности. Истинной может оказаться нефальсифицируемая теория.

Ответ инструменталистам: К слову, здесь инструменталистам может быть не безразличен ответ, потому что базе знания о том, что мы находимся в симуляции, можно построить полноценную практику жизни, а также, вероятно, создать новые технологии. Знание о симуляции и её характере может предопределить весь вектор жизни, а также создать предпосылки для лучшей личностной реализации. Куда проще рисковать собой и своим капиталом, когда ты находишься в компьютерной игре или проживешь в данной симуляции-сансаре ещё бесконечное множество жизней.

Ответ социальным сциентистам: Полагаю, их это будет касаться в зависимости от преломления к той или иной социологической парадигме.

Аргумент II: Солипсизм

P1. Если солипсизм верен, то наука ложна.

P2. Солипсизм верен.

C. Наука ложна.

Солипсизм — это философская доктрина, которая утверждает, что только наше собственное сознание действительно существует. Внешний мир, включая других людей, является иллюзией, созданной нашим разумом.

Конечно, мы не можем быть уверены в том, что солипсизм верен, но в случае его истинности научные представления точно оказываются ложными. Науки исходит из предпосылок, противоположных солипсизму.

Вторая посылка, конечно же, является достаточно слабой, потому что солипсизм представляется недоказуемым, но и одновременно с этим нефальсифицируемым, то есть неопровержимым.

Ошибочно многие называют солипсизмом практически любую теорию симуляций или, например, концепцию Беркли, но в рамках той же концепции Беркли допускаются многочисленные души, которые в одинаковой степени созерцают восприятия, которые посылает им Бог. Солипсизм гласит, что собственное сознание является единственной несомненной реальностью, а всех прочих сознаний не существует. В этом смысле сознание человека оказывается обманутым созданной вокруг него иллюзией. В том числе, иллюзией других живых и разумных существ.

Безусловно, солипсизм — это довольно смелая и радикальная концепция. Верить в неё я ни у кого не требую. Но до тех пор, пока её не опровергли, мне видится, следует считаться и с ней в том числе.

Ответ объективистам: Аналогично с прошлым аргументом.

Ответ фальсификационистам: Аналогично с прошлым аргументом.

Ответ инструменталистам: Аналогично с прошлым аргументом.

Ответ социальным сциентистам: Аналогично с прошлым аргументом.

Аргумент III: Беркли

P1. Если концепция Беркли верна, то наука ложна.

P2. Концепция Беркли – верна.

C. Наука ложна.

Представим себе мир, в котором нет материи и нет природы как таковой. Всё представляет собой лишь восприятия, которые воспринимаются нашей душой. Существуют только души и Бог, который ниспосылает нам восприятия. Такой утончённой моделью Беркли воистину по-оккамовски смог срезать все ненужные сущности, кроме Бога и душ.

Во-первых, в рамках его модели для существования симуляции не нужен аналогичный материальный мир, который подражает нашему. Истинный мир Беркли оказывается нематериальным, имеющим духовную природу. Более того, для создания восприятий

оказываются не нужны программисты, нейросети или программы, ведь достаточно всезнающего и всемогущего Бога. Система Беркли категорически проста и лаконична, но в такой же степени и трудна для понимания, потому что противоречит представлению большинства (даже верующих) людей практических всех эпох и регионов.

Во-вторых, концепция Беркли была довольно смелой даже для своего времени и даже для того окружения, в котором он находился. Лаконичная, простая, без излишеств, но при этом такая неприятная для большинства и даже злая. Злило по большей части то, что люди не могли её с легкостью опровергнуть. Я же не видел достойных опровержений учения Беркли по сей день.

Если учение Беркли верно, то весь изучаемый наукой мир является симуляцией. Более того, он постоянно творится богом в виде восприятий. Из этого следует, что мир не работает по естественным законам, которые пытается отыскать наука. Более того, это означает, что природы в научно-философском смысле этого слова формально не существует, как и любой материи, всевозможных взаимодействий и сил. Все это не силы и материи природы, а всего-то видимости.

Ответ объективистам: Аналогично с прошлым аргументом.

Ответ фальсификационистам: Аналогично с прошлым аргументом.

Ответ инструменталистам: Аналогично с прошлым аргументом.

Ответ социальным сциентистам: Аналогично с прошлым аргументом.

Аргумент IV: Христианство

P1. Если любая (возможно, за редким исключением) концепция христианства истинна, то наука ложна.

P2. Одна из христианских концепций истинна.

C. Наука ложна.

Многие христиане считают, что наука и христианство друг другу не противоречит. Как мне видится, это проблемная позиция, потому что христиане верят в недеистического Бога, который активно воздействовал на мир и не единожды вмешивался в события на природном и политическом уровнях. Да что там говорить: сама вера в Иисуса Христа антинаучна и противоречит научной картине мира. Бог Христос в человеческом теле вершил чудеса, умер и воскрес, а после этого христиане ожидают его второго пришествия, после которого Иисус воскресит всех мертвых и будет их судить.

Мы с очевидностью видим, что христианский бог, в отличие от деистического, многократно нарушал законы природы. Сложно поверить в то, что в «Библии» описаны все случаи подобных нарушений. То есть у нас буквально есть Бог, который мог вмешивать в любой закон природы для того, чтобы изменить ход событий так,

как ему это захочется. Отсюда не удивительны аргументы некоторых креационистов, согласно которым бог или же дьявол из разных побуждений заложили все окаменелости в соответствующие слои, а мир при этом существовал шесть тысяч лет. Всемогущий и всезнающий Бог, который не гнушался подобными поступками в Библии, мог подделать все доказательства эволюции для того, чтобы, допустим, проверить веру людей.

Христианство в его самых частых и неэкзотичных интерпретациях буквально противоречит методологии науки. Как я уже объяснял, если христианство верно, то есть существует всемогущий недеистический Бог, то любой набор фактов мог быть подделан, а любые законы природы могли изменяться в зависимости от его воли. Например, почему бы Богу не ускорить распад углерода для того, чтобы мы думали, будто те или иные предметы существовали больше шести тысяч лет? Почему бы Богу не создавать у нас видения каждый раз, когда мы смотрим в телескоп или микроскоп? Такое христианство противоречит науке на самом приземленном методологическом уровне. Я уже не говорю про фундаментальные научные методы, которые включают в себя обязательную натурализацию концептов. Требование к абсолютному натурализму в науке – безоговорочно не соотносится с любой версией христианства.

Важно понимать, что большинство христиан, которые думают, что христианство и наука хорошо соотносятся, понимают под наукой нечто отличное от того, что обычно подразумевается философами науки или даже самими учеными. Для них наукой может являться сбор фактов или их классификация. Впрочем, важно понимать основную причину, по которой многие христиане вынуждены

признавать недоказанные догмы науки. И это авторитет науки. Науку преподают в школах и университетах. Наука достигла величайшего уважения в глаза многих представителей общества. Мало кого интересует тот факт, что наука выдает довольно сомнительные представления за неоспоримые.

Как мне кажется, христиане имеют представления, радикально отличающиеся от тех, которые пропагандируются в науке. Научная космогония может быть подвергнута критике с позиции христианства. Мне видится, что креационизм содержит в себе ряд интереснейших идей, которые можно было бы развивать и довести их до ума, чтобы они могли на высочайшем уровне описывать окружающую реальность, не уступая теории эволюции. У христиан в отличие от многих других направлений есть ресурсы для создания новых университетов, где будут готовиться высококвалифицированные специалисты, которые смогут конкурировать с современными научными догматиками.

Наука отрицает чудеса и объясняет все явления, которые даже могут показаться чудесными, с точки зрения естественных законов. Наука отрицает многочисленные аспекты христианства. Я не вижу никаких оснований, которые бы могли заставить христиан придерживаться и науки, и христианства, а также искать какие-то компромиссы между ними.

Многие скажут, что наука и христианство занимаются разными аспектами нашего мира. Наука занимается физической стороной творения, а христианство отвечает за метафизическую и этическую. Это неправильное представление, которое ставит христиан в слабое положение. Очевидно, что наука претендует на тотальное завоевание всех сфер, которыми располагает христианство. Наука ниспровергает

всякую метафизику и в наши дни уже производит активные попытки научного объяснения наших этических установок. Чем больше христианство развязывает науке руки, тем большим количеством способов наука сможет избавиться от христианства, заменив его во всех вопросах и областях. Мне довольно грустно смотреть на то, как христианство пестует своего же собственного убийцу, который планирует избавиться от всех религий. Современная научная тенденция такова: для бога в ней нет места, а для христианского – тем более. Согласование религии и науки потребует у христиан принять деизм, но христианство не деистично.

Ответ объективистам: Для объективистов истинность христианства, конечно, представляется проблемной, потому что христианство противоречит науке во многих вопросах. Как уже было написано выше, недеистический Бог вступает в противоречие с многочисленными научными методами, делая их неточными. Также христианство вступает в противоречие с натурализмом науки. В общем, либо одно, либо другое.

Ответ фальсификационистам: У фальсификационистов здесь похожая проблема, потому что их всех теорий устройства мира, которые могли бы предложить они и которые могла бы поставить наука, уж точно и речи быть не может о христианском боге, воскрешении и прочих аспектах христианской веры. Более того, христианство нефальсифицируемо.

Ответ инструменталистам: Думаю, инструменталистам тоже должно быть дело до христианства, потому что христианство

предлагает не только онтологическую модель строения мира, но и многочисленные практики.

Ответ социальным сциентистам: Отношение этой группы сциентистов будет зависеть от многих параметров.

Аргумент V: Ислам

P1. Существование бога, который творит мир каждое мгновение, противоречит естественным научным законам, потому что тогда эти законы становятся не естественными, а сверхъестественными.

P2. Такой бог существует (Аллах).

C. Следовательно, наука ложна.

Любой последовательный мусульманин должен быть противником научного познания, потому что наука исследует мир таким образом, будто в нем не существует никаких богов. Наука постулирует естественные законы и пытается описывать мир натуралистично. Аллах, каждое мгновение творящий этот мир, не является естественным законом природы. Если Аллах производит все явления и возобновляет мир каждое мгновение, то нет никакого смысла говорить о законах природы. Более того, даже если Аллах

производит «законы природы»⁴², а не непосредственные явления, то описание этих законов в науке оказывается неправильным и наука отдаляется от истины.

Ислам в этом плане довольно категоричен. Совместить его с современным научным «знанием» оказывается невозможно. Для современных фанатиков науки это звучит как некий упрек в ненаучности ислама, но я никого не упрекаю. Я не вижу никакой необходимости для того, чтобы ислам становился наукоподобным и пытался отыскать какие-то компромиссы с наукой. Наоборот, ислам исходит из совершенно другой парадигмы, в рамках которой научные догмы становятся неочевидны. Держаться своих установок – правильная стратегия. Как минимум, до тех пор, пока соперник с абсолютной достоверностью не показал ложность ваших установок. Мне не нравится позиция вынужденного рационалистического компромисса, согласно которой каждый рациональный агент вынужден занять наиболее аргументированную в рамках мейнстрима позицию (или, как минимум, ту, которая кажется ему наиболее аргументированной). Реальность мира мнений такова, что многие люди до последнего продолжают отстаивать свои позиции, что в некоторых случаях приводит к неожиданным поворотам и открытиям. Например, Гегель мог бы сказать в ответ своим критикам, что его теория реально противоречит фактам, а, следовательно, он от неё отказывается. Как мне видится, это могло бы привести к разрушению дискурса становления в самом его истоке, что в итоге сделало бы менее вероятным появление других теорий становления, таких как теория эволюции. Также мы бы остались без марксизма, благодаря которому было организовано несколько социальных проектов и ряд

⁴² И в таком случае это можно написать только лишь в кавычках, потому что, очевидно, что никаких законов «природы» нет, а есть законы Аллаха.

исследовательских методологий в рамках социологии, психологии, философии и других областях. Не самые обоснованные позиции легко могут приносить большое количество пользы для всего человечества, а потому сбрасывать их со счетов из-за рационалистического компромисса, как мне видится, нерационально.

Напоминаю, что многие атеисты даже в рамках своих собственных представлений не видят возможности доказать или опровергнуть существование Бога (Аллаха), то есть они являются агностиками, а потому нет никаких причин отказываться от своей веры в угоду безбожной науке. Даже ваши противники в своем большинстве пока что не доказали неправоту мусульман. При этом очевидно, что ислам противоречит основным положениям науки. И это не должно восприниматься так, будто это плохо для ислама. Просто в науке имеются такие методологические допущения, которые не работают в исламе. Главное из этих допущений: натуралистический мир. Впрочем, со всеми другими пунктами естественной установки в рамках ислама тоже можно поспорить. Например, почему это Аллах обязан делать так, чтобы законы природы везде и всегда работали одинаково? Почему Аллах должен гарантировать измеримость и обнаружимость всех существующих объектов? Всемогущий Аллах может всё, а потому и естественная установка рассыпается в пыль, если применить её к исламу.

На мой взгляд, ислам должен пересмотреть свои приоритеты и осознать, что главным и самым опасным его врагом на данный момент является наука. Нет более влиятельной силы, которая бы так сильно доминировала над сознаниями людей. Наука в мировом образовании. И наука явно противоречит исламу, как и практически любой другой религии. Усиление монополизации науки приведёт к

последующему развалу религий. Это вполне очевидный результат, который может ждать нас в ближайшие века, если монополия науки в познании и образовании будет сохраняться.

Впрочем, я думаю, что науку необходимо не уничтожать силой, а сдерживать хорошо выстроенными аргументами. Дипломатия и критика могут помочь в этом деле. Ислам, как и христианство, располагают большими финансовыми и человеческими ресурсами. Это бы могло позволить создать полноценные исламские учебные заведения, где велась бы подготовка специальной разновидности теологов, способных критиковать науку и разрабатывать новые методы её критики. Сильной критики науки в религиозных кругах очень мало, но не потому что науку нельзя критиковать. Вполне можно. Проблема заключается в том, что современные религии в последние столетия выстраивали свою теологию друг против друга, не замечая растущую угрозу. Нам необходимы хорошие кадры, которые смогут последовательно и систематически производить критику научного сообщества.

Ответ объективистам: Объективистам важно доказать несуществование Аллаха, потому что иначе они не могут быть полностью уверены в правоте науки.

Ответ фальсификационистам: Нефальсифицируемый Аллах тоже может представляться проблемой для этой группы сциентистов. Если истинной является нефальсифицируемая концепция, то весь фальсификационизм был одним сплошным фарсом.

Ответ инструменталистам: Инструменталистам может показаться крайне важным выбор ислама, если он действительно практичен и полезен.

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент VI: Буддизм — Вайбхашика

Перед формулированием последующих трех аргументов, хотелось бы ввести вас в курс дела относительно того, что такое дхарма. Дхарма в переводе означает «то, что удерживает и поддерживает». В буддийских учениях это слово многозначно. Иногда одно означает «учение», например, Будда Дхарма, то есть учение Будды, а иногда используется в онтологическом смысле, который мы и будем использовать для того, чтобы формулировать наши аргументы.

Под дхармой мы будем понимать ноуменальные, множественные, атомарные (неразложимые) носители-субстраты тех элементов, на которые разлагается поток сознания-бытия, в обычном опыте воспринимаемый в виде индивидов и вещей. Дхармы обнаруживаются в медитациях и рефлексии.

Есть три фундаментальных подхода к описанию дхарм: это подходы вайбхашики, мадхъямики и йогачары, а также промежуточный подход саутрантики, который мы разбирать здесь не будем.

P1. Если дхармы реальны и ничего реальнее дхарм нет, то наука ложна, так как она не исследует дхармы.

P2. Дхармы реальны и нет ничего реальнее дхарм (тезис вайбхашики)

C. Наука ложна.

Данный аргумент соотносится с аргументом от феноменологии, только в данном случае потоку базовых феноменов придаются свойства истинного существования, что в последующих буддийских школах будет раскритиковано.

Вообще сама постановка вопроса через дхармы противоречит науке, потому что, как мы в итоге убедимся, даже ложность дхарм можно выставить в качестве антинаучного аргумента. Наука плохо работает с феноменами (в феноменологическом смысле). Она не учитывает феноменальную составляющую нашего опыта в достаточно степени. В этом плане буддизм всегда был сильнее науки.

Наука не исследует дхармы, потому что ей⁴³ мало интересны базовые элементы нашего феноменологического опыта. Ученый в своем эмпирическом опыте всегда находится на поверхности и делает только поверхностные суждения, исходя из стандартов научной методологии. Под поверхностью понимается общедоступный характер научных суждений, который вытекает из простых правил научного алгоритма познания. Буддисты здесь с самого начала начали открывать тончайшие базовые элементы нашей феноменологии.

⁴³ Подразумевается совокупность учёных.

Одна из буддийских школ признала, что эти элементы и есть суть сама реальность. Но ведь для науки феномен – это не сама реальность, а лишь следствие из некоторых законов и теорий. Мы видим красный не потому, что красный реально существует, а потому что так работает наш мозг, который воспринимает световые волны (а сами волны мы напрямую воспринять не можем без обработки), перекодирует их в цвета и только тогда мы получаем информацию о том, что перед нами объект красного цвета. В данном случае феномен красного сам по себе не означает ничего, кроме некоего феномена, который объясняется некоторыми процессами, лежащими за пределами нашего восприятия.

У буддистов-феноменологов и у ученых-эмпириков очень разнонаправленные подходы. И те, и другие исходят из базового феноменального опыта (в отличие от, скажем, некоторых чистых идеалистов и рационалистов), но ученые двигаются по пути объяснения феноменального опыта абстрактными теориями и представлениями, а буддисты по пути углубления феноменального анализа, который доходит до базовых элементов наших ощущений. Это совершенно разные познавательные стратегии. И важно помнить, что наука не опровергла дхармы. Да, вероятно, с колокольни научной догматики можно объяснить, что ощущают буддисты, но воспринимать это за чистую монету нельзя, потому что научный подход изначально был предвзят, ограничен и поверхностен.

Ответ объективистам: Объективистам придётся доказывать, что буддийский подход является принципиально ложным. Буддийская феноменология, которая развивалась много тысячелетий, чаще всего выходит за пределы рассмотрения научных догматиков, а потому с

ней мало кто считается даже в околофилософских кругах, но дхармы как таковые и тот поход, который привёл к их обнаружению, является отличной альтернативой научной картине мира.

Ответ фальсификационистам: Для фальсификационистов подход, включающий в себя дхармы, тоже может показаться неуместным, потому что он не вполне теоретический, а феноменологический. За теорию здесь можно воспринять реальность дхарм, но сложно говорить о степени фальсифицируемости данного утверждения.

Ответ инструменталистам: Как мне видится, буддийских подход при своей истинности дарует освобождение от земных страданий, а потому может показаться крайне практичным, а потому в некоторых вопросах может послужить достойной альтернативой научной догматике.

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент VII: Буддизм — Мадхьямика

Позиция мадхьямики по вопросам дхарм заключается в том, что степень их реальности установить невозможно, а потому они называются пустотными. Так формируется буддийское понятие «шуньяты», то есть пустотности. Шуньята обозначает отсутствие собственной природы вещей и феноменов (дхарм) ввиду их относительности, обусловленности и взаимозависимости. То, что возникло сложением факторов и со стечением обстоятельств, пусто

(шунья)⁴⁴. То есть дхармы всегда причинно обусловлены и не являются реальными в прямом смысле, но и не являются иллюзорными (как в йогачаре).

Подлинно существующим могло бы стать лишь то, что обладало бы «самобытием», то есть «свабхавой». Все взаимозависимое не существует на самом деле. Из этого вытекает относительность вообще всех наших понятий и теорий, включая представления о сансаре и нирване. Отсюда и следует высказывание: «Сансара есть нирвана, а нирвана есть сансара». Все философские и научные концепции потому лишь путь к истине, но никак не сама истина. Последняя достигается только в процессе буддийских медитаций.

P1. Всё, что не обладает «самобытием», пустотно, то есть относительно, то есть не являются реальным в полной мере.

P2. Подавляющее большинство научных представлений, включая теории, научные факты и модели, — не обладают «самобытием».

C. Подавляющее большинство научных представлений (теорий, научных фактов и моделей) пустотны, относительно и не реальны в полной мере.

Ответ объективистам: Данный аргумент в большей степени задевает объективистов, потому что они уверены в том, что научные

⁴⁴ Парибок А. В. Лекция шестая // Буддизм Махаяны: Курс лекций / под ред. В. А. Слесаревой. — СПб.: СПбГУ, 2009. — С. 116. — 321 с

факты и теории максимально приближены к реальности. Доказательство «самобытия» будет проблемно для многих сциентистов, потому что наука пытается отыскать это «самобытие» в своих теоретических построениях, вырисовывая на бумаге всевозможные фантастические материи по типу квантов. «Самобытие» науки углубляется в неизвестность и может быть описано лишь абстрактными и крайне сомнительными математическими операциями.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационистам здесь тоже есть что противопоставить, потому что происходит конфликт с поиском «самобытия». Согласно вышеуказанному положению нет никакого смысла конструировать теории и научные представления, потому что все они пустотны.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент VIII: Буддизм – Йогачара

В рамках йогачары реальным является только сознание (виджняна). Дхармы – нереальны. Проблема заключается в том, что если дхармы, достоверно обнаруженные в феноменальном опыте, нереальны, то и весь наблюдаемый мир – нереален. Йогачара повествует о потоке сознания (алая-виджняна).

P1. Если подлинная реальность – это поток сознания (алая-виджняна), то наука ошибается.

P2. Подлинная реальность – это поток сознания.

C. Наука ошибается.

Этот аргумент достаточно простой, и он соотносится с аргументами об иллюзорности мира, то есть симуляции. Мы не можем быть уверены в том, что подлинная реальность – это поток сознания, но первая посылка является истинной, потому что при реальности потока сознания все научные положения и представления в миг оказываются ложными. От этого буквально рухнет вся научная картина мира.

Мне думается, крайне нелепо, что не только христиане и мусульмане, но и многие буддисты склонили голову перед догматичной наукой. Скорее всего, это происходит, потому что всевозможные представители разных религий не хотят разбираться с тем, чем является наука на самом деле и какой дискурс пытается распространить. Представители разных религий видят в науке некую структуру, которые претендует лишь на крайне ограниченное описание некоторых аспектов нашего мира. Как же они заблуждаются! Они чаще всего думают, что наука – это довольно прикладная вещь, которая не претендует на формирование полноценного мировоззрения. Они чаще всего думают, что их измышления о богах, духах, феноменах никак не касаются научной методологии. Это ложные убеждения, за которые в итоге придётся заплатить деградацией собственной религии.

У буддистов разных школ имеется неплохой многовековой опыт в дебатах. Буддисты разрабатывают тончайшую феноменологию уже много веков. Более того, у них есть серьезные наработки в рамках логики. Потенциал буддистов в дискуссии с наукой крайне велик, а потому мне жалко читать, как очередной Лама или буддист пытается увернуться от спора с наукой и начинает рассказывать о том, как буддизм науке не противоречит, а в случае нахождения противоречия буддисты обязательно откажутся от своих убеждений. Это выглядит крайне нелепо.

Ответ объективистам: Объективисты не должны игнорировать подобные тезисы. Как мне видится, здесь необходима серьезнейшая аргументация, без которой нельзя обойтись. Она нужна, потому что нельзя строить защиту своих необоснованных верований на попытке перебросить оппоненту бремя доказательства. Довольно примитивно выглядит попытка защиты посредством здравого смысла и прочих риторических концептов, которые предназначены для того, чтобы ничего и никому не доказывать.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационистам тоже придётся иметь дело с нефальсифицируемыми теориями, потому что иначе не получится хоть как-то показать преимущество своего подхода. Комментарий в духе «эта теория нефальсифицируема» недостаточен, потому что крайне неочевидно, что нефальсифицируемая теория не может оказаться истинной. У разных наученческих направлений имеется множество отговорок, которые сложно назвать серьезными и заслуживающими внимания.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент IX: Духи и языческие боги

P1. Существование богов и духов, вмешивающихся в законы природы и простые события, противоречит научной картине мира.

P2. Боги и духи, вмешивающиеся в законы природы и простые события, существуют.

C. Научная картина мира ложна.

С первой посылкой, думаю, ни у кого не возникнет проблем. Мы уже множество раз обсуждали, что чистое научное мировоззрение и методология, из которой оно берётся, антимистические и антиметафизические. Мы уже много раз обсуждали, что при возможности вмешательства в законы природы каких-либо сил сразу же пропадает достоверность научных суждений. Следствия становятся не очевидны, как это происходит при чисто натуралистической картине мира.

Например, при натуралистической картине мира мы можем спокойно смотреть на небо в телескоп и быть уверены в том, что никто не искажает наши восприятия⁴⁵. Если же небо пронизано

⁴⁵ Впрочем, это тоже не до конца верно, потому что мы можем себе представить вполне натуралистичных инопланетян, которые нас обманывают в обычном материалистическом мире, используя для этого сложные технологии.

разумным духом или сверхразумом, способным влиять на наши восприятия, то мы не можем быть ни в чём уверены. Многие смотрят на эту ситуацию крайне однобоко, потому что хотят сдружиться с наукой. Они хотят показать, что их высказывания не противоречат научной догматике, но это все тщетно. Нет никакого смысла воображать модели, которые позволяют скрестить язычество и науку, потому что любые послабления в адрес науки в итоге приведут к полному уничтожению мифа и всех метафизических представлений.

Ответ объективистам: Объективистам необходимо отвечать на этот аргумент.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационистам необходимо отвечать на этот аргумент.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент X: Метафизический аргумент

P1. Если хоть какая-то метафизика, кроме натуралистической, существует, то наука ошибается.

P2. Крайне вероятно, что из бесконечного множества потенциальных метафизических концепций одна является истинной.

C. Крайне вероятно, что наука ошибается.

Это главный аргумент данного раздела. Первая посылка строится на абсолютизации натурализма наукой. В рамках научного мировоззрения есть место только естественному. Любые сверхъестественные сущности плохо уживаются с научным мировоззрением.

Конечно, есть возможности совместить научное мировоззрение и метафизическое, утверждая, что метафизика принципиально не влияет на природу, но в таком случае метафизика становится избыточной. Не понятно, зачем она вообще нужна науке, если её нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, но при этом она почему-то есть. В случае с деистами бог создает мир, а после оставляет его существовать по сотворённым законам. Зачем нужен этот бог, который влиял на мир буквально ограниченное время, а после пропал? Не проще ли искать тогда естественные объяснения?

Бог на пять секунд или на шесть дней (лет, месяцев, веков, миллионов лет) творения – как же незначительна его роль! Он такой всемогущий и всезнающий, но смог только создать мир и почему-то решил больше не вмешиваться в его существование. Получается, он и нужен только для того, чтобы создать мир. Как по мне, компромиссы религии с наукой ослабляют религию. Всемогущий бог, вмешивающийся в дела мира, постепенно превращается в бога одного мгновения Большого Взрыва. Чем меньше функций он выполняет, тем проще от него отмахнуться.

Ошибка многих современных метафизиков заключается в том, что они пытаются отделить свои метафизические представления от научных, при этом веря в истинность и тех, и других. Эти метафизики

в отличие от мыслителей прошлого боятся распространять выводы из своих представлений на весь мир. Более того, они часто подгоняют свои представления под науку. Мол, да, эволюция была, но и существует дух вот этой реки. Они друг другу не противоречат. Только вот в научной картине мира нет места духу реки или богу леса.

Сциентист скажет, что он не верит во все эти метафизические сказки, потому что не верит в единорогов и прочие недоказанные вещи. Во-первых, боги и духи не подобны единорогам. Во-вторых, сциентист не имеет достойных опровержений этих концептов. В-третьих, метафизика отлично может пояснить любую физику и не нуждается во всяких сложных «стандартных моделях». В-четвертых, неплохо было бы с уважением относиться к представителям противоположной позиции, а не просто голословно её принижать. В-пятых, научные теории тоже не доказаны и не могут быть доказаны принципиально, о чем и написана вся эта книга.

Сциентисту нужно понять, что он не является сторонником единственно верного и бесспорного подхода к познанию окружающего мира, который, в отличие от всех прочих, строится на неоспоримых доказательствах. Сциентисту следует перестать относиться к науке религиозно и пестовать свою точку зрения так, словно она представляет собой нечто священное. В этом споре с метафизиками можно обнаружить много интересных позиций и аргументов, а также узнать множество подходов, которые на базовом уровне отличаются от научного. Наука – невероятно развитое направление философской мысли, которое развивают миллионы людей. Другие познавательные подходы развиваются в лучшем случае сотнями и тысячами. Конечно, наука более развита, но это не

значит, что у неё изначально были верные интуиции, а те положения, которые лежат в основании науки, далеко не обязательно являются истинными. И вопреки сциентической вере, чтобы заметить подобную ошибку, науке придётся отказаться от научности.

Если мы возьмем научное мировоззрение и противопоставим его потенциальной бесконечности метафизических мировоззрений, то я делаю ставку на то, что среди вторых с большей вероятностью будет располагаться истина. Шанс на то, что наука достигла истины, кажется мне крайне ничтожным. При этом нахождение истины во множестве из бесконечности концептов кажется мне куда более вероятным событием.

Ответ объективистам: Позиция объективистов в споре о науке видится мне самой слабой из всех, потому что их представления о науке и научности слишком легко подвергнуть сомнению и даже показать их абсурдность. Вера в истинность и объективность науки не имеет никаких серьезных оснований. Более того, сами ученые во многом колеблются между объективизмом и фальсификационизмом. Кажется, что наука доминирует и уничтожает своих оппонентов, создавая всевозможные технологии, но как можно создавать технологии, ничего не зная о мире?

И если поразмыслить над этим, то окажется, что создание технологий вполне возможно без знаний. Большую часть времени своего существования человечество создавало технологии, имея ложные представления о мире и даже о процессе создания этих технологий. Причины большую часть времени были скрыты от практиков.

Проблема же объективистов заключается в том, что они постулируют истинность науки, хотя сами толком не могут доказать фундаментальные положения, на основании которых строится научный метод. Почему натурализм? Без отговорок и шуток. Без попыток сказать, что натурализм удобнее и соответствует Бритве Оккама. Есть ли какая-то существенная причина, которая заставляет нас считать, что мир натуралистичен и только натуралистичен? Есть неоспоримые доказательства этому? Если нет, то и проект объективизма можно считать несостоятельным.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационистам в этом плане намного проще, потому что они хотя бы не отстаивают истинность научных теорий. Впрочем, метафизически аргумент бьет по ним с достаточно большой силой, потому что метафизические концепции зачастую являются нефальсифицируемыми. Мы можем представить себе метафизическую фальсифицируемую концепцию, но здесь вступит следующее противоречие с фальсификационизмом: эта концепция должна быть натуралистической, то есть не допускать никакой метафизики сверх природы.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XI: Злокозненный демон/гений Декарта

«Итак, я сделаю допущение, что не всеблагой Бог, источник истины, но какой-то злокозненный гений, очень могущественный и

склонный к обману, приложил всю свою изобретательность к тому, чтобы ввести меня в заблуждение: я буду мнить небо, воздух, землю, цвета, очертания, звуки и все вообще внешние вещи всего лишь пригрезившимися мне ловушками, расставленными моей доверчивости усилиями этого гения; я буду рассматривать себя как существо, лишенное рук, глаз, плоти и крови, каких-либо чувств: обладание всем этим, стану я полагать, было лишь моим ложным мнением; я прочно укореню в себе это предположение, и тем самым, даже если и не в моей власти окажется познать что-то истинное, по крайней мере, от меня будет зависеть отказ от признания лжи, и я, укрепив свой разум, уберегу себя от обманов этого гения, каким бы он ни был могущественным и искусным. Однако решение это исполнено трудностей, и склонность к праздности призывает меня обратно к привычному образу жизни. Я похож на пленника, наслаждавшегося во сне воображаемой свободой, но потом спохватившегося, что он спит: он боится проснуться и во сне размягченно потакает приятным иллюзиям; так и я невольно соскальзываю к старым своим представлениям и страшусь пробудиться – из опасения, что тяжкое бодрствование, которое последует за мягким покоем, может не только не привести меня в будущем к какому-то свету, но и ввергнуть меня в непроглядную тьму нагроможденных ранее трудностей»⁴⁶.

Р1. Если существует такой злокозненный демон, который решил приложить всю свою изобретательность к тому, чтобы ввести меня и всех ученых в заблуждение, то наука ложна.

⁴⁶ Р. Декарт. Размышления о первой философии.

P2. Такой демон существует.

C. Наука ложна.

Вторая посылка, как обычно, является сомнительной, но при этом нефальсифицируемой, неопровержимой. Как мне видится, Декарт в своих рассуждениях очень сильно поторопился, когда постулировал «Cogito ergo sum», а после сделал из этого ряд крайне смелых выводов. Проблема, поставленная Декартом, кажется мне актуальной, но решение, которое дал сам мыслитель, крайне поспешным.

Таинственная фигура злокозненного демона/гения может принять множество разных обличий. Например, мы можем сказать, что таким злокозненным демоном является ученый, который посылает нашему мозгу в колбе соответствующие сигналы, которые мы принимаем за реальность. Аргументацию того же Патнема можно здесь не учитывать, потому что она является, как мне видится, недостаточно хорошей. Мы им так уже имеем всевозможные образцы симуляций (компьютерные игры). Мы можем легко вообразить, что со временем сможем погружать любого человека в игру длинную в жизнь, поставляя питательные вещества прямоком в организм. Патнем безумен уже хотя бы потому, что пытается спорить с концепцией, реализацию которой довольно легко представить. Да, современные компьютерные игры позволяют нам выбраться за пределы «бочки», но мы можем легко вообразить себе ситуацию, в рамках которой провидим всю жизнь в игре.

Патнем предлагает нам языковую игру, в рамках которой пытается опровергнуть то, что является принципиально возможным. Такие опровержения ничего не стоят. Он исходит из предположения, что жители бочки не способны говорить, мыслить или указывать на то, что существует за пределами бочки. Это неверное предположение. Патнем фундаментально ошибается. В компьютерных играх (ближайший аналог симуляций) мы можем указывать на те вещи, которые существуют за пределами компьютерных игр. Такая принципиальная возможность реализуются буквально в любой игре. Дальнейшая аргументации Патнема так же плоха, а потому не имеет смысла продолжать её разбирать. Она противоречит фактам.

Злокозненный демон может принять множество разных обликов и создать множество обманых миров, а также обманывать нас внутри нашего абсолютно реального мира. В данной книге вы встретитесь с многочисленными вариациями аргумента к злокозненному демону. Отмечу, что этот аргумент, как мне видится, оказался непроверяемым для философов. Вообще, для многих культур в рамках их философии проблема симуляции оказалась ключевой и одновременно с этим неразрешимой. Если наши восприятия – это просто восприятия, которые не относятся к материальной реальности, то ничего в этом мире не меняется. Или если материальная реальность позволила нам создать такие условия, в рамках которых мы получаем феномены, отличные от реальных или очень приближенные к ним, но при этом не реальные.

Каждый имеет опыт сновидений, а у кого-то были галлюцинации. Многие люди играют в компьютерные игры и смотрят фильмы. Кто-то воображает, читая книги. Всё это даёт нам опыт симулятивного восприятия и показывает, что мы можем созерцать

нечто, чего не существует в том мире, которые мы называем реальным. Есть множество подходов, которые постулируют истинность сновидений и галлюцинаций. Существуют и такие подходы, которые утверждают, что во время бодрствования мы находимся в симуляции. Кроме того, даже наука в рамках своей картины мира во многом постулирует, что мы конструируем окружающий мир, правда, на основании некоторого реального базиса. Большая часть того, что мы видим, с точки зрения науки, не существует на самом деле. Мы интерпретируем огромное количество данных, а также можем заменять свои собственные воспоминания. Наш опыт проживания некой неабсолютной «симуляции» довольно велик, а потому люди в разных регионах: Индии, Европе, Китае – пришли к одной и той же мысли:

«Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой — счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она — Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я — Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он — бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она Чжуан Чжоу...»⁴⁷.

К слову, европейцы одни из последних подобрались к представлениям о разных форматах симуляций. Впрочем, идея о злокозненном демоне/гении несколько более мягкий и свойственный западному уму тезис. Здесь можно сделать отсылку на Дьявола, цель которого обманывать смертных людей.

⁴⁷ Чужан Цзы.

Мне кажется, что к такой аргументации следует подходить абсолютно серьезно, потому что она граничит с существеннейшими интуициями, которые развивались у разных людей в разных культурах. В китайской культуре не нашлось места идее об абсолютном боге, но было место для постулирования симуляций. Фигуры всевозможных трикстеров стали центральными в большинстве больших культур. Все же интуиция большого обмана была свойственна людям с самой древности. Было бы крайне нелепо обойти стороной такую плодотворную тему для беседы, которая, вероятно, более фундаментальная, чем тема Бога.

Ответ объективистам: Здесь следует обратить внимание на то, что нужно опровергнуть многочисленные представления о злокозненном гении. Стандартная философская аргументация с этим положением обыкновенно не справляется. Именно поэтому нужно создавать новую аргументацию, которая превзойдет старую.

Ответ фальсификационистам: Нефальсифицируемый злокозненный демон представляется страшным оппонентом для фальсификационистов. Представьте, что какой-то могущественный демон постоянно влияет на результаты экспериментов и портит учёным даже самый святой процесс, то есть процесс опровержения собственный теорий.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XII: Диалектика Гегеля

Диалектика Гегеля – это особый тип аргументации, который опирается на ряд законов, позволяет описывать процессы и тесно переплетен с процессом мышления абсолютного духа. За ранее извиняюсь, что поместил Гегеля в раздел метафизических аргументов, потому что для диалектиков обыкновенно принципиально важно различие между метафизикой (рассуждения о вечном и неподвижном) и диалектикой (логикой становления и изменения).

Также заранее хотелось бы уточнить, что я считаю диалектику Гегеля антинаучной в том смысле, что она не применяется в научной методологии. Известная книга «Wissenschaft der Logik» или «Наука логики» имеет в названии слово «наука», но мы сразу же обращаем внимание, что под наукой здесь понимается «Wissenschaft», а оно имеет более широкий смысл, чем английское «science». В том смысле, в каком я здесь использую слово «наука», Гегель представляется очевиднейшим антисциентистом, несмотря на то, что он считал весь свой проект научным.

P1. Истинность диалектики Гегеля противоречит науке.

P2. Диалектика Гегеля – истинна.

C. Наука ложна.

Идея здесь довольно простая. Наука использует совершенно другие методы. Мы могли использовать данный аргумент в разделе о теории познания, но конкретно диалектика Гегеля – это форма мысли самого Абсолютного Духа, а потому мы здесь имеем дело с чем-то промежуточным между онтологией/метафизикой и гносеологией. Гносеологических аргументов против науки у нас будет достаточно много, а потому данный аргумент я решил поместить сюда.

Гегель придерживался таких взглядов, которые радикально противоречили не только современной науке, но и науке его времени. Он критиковал факты и превозносил чистый рационализм, вершиной которого считал своё учение и в частности диалектику. Гегель был гениальным философом, сумевшим сконструировать одну из самых массивных философских систем за всю историю философии. Это, конечно, не означает, что он был хоть в чем-то прав, но его позиции, как минимум, заслуживают нашего внимания.

Я и сам часто критиковал диалектику Гегеля, но в данном случае буду выступать её проповедником. Как минимум, я могу допустить, что она истинна. Этого уже достаточно, чтобы обсуждать данную проблему и использовать диалектику в качестве аргумента против науки.

Ответ объективистам: Данный аргумент критикует позицию наивных объективистов.

Ответ фальсификационистам: Нефальсифицируемая диалектика также является проблемой

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XIII: Диамат Маркса

P1. Если диалектический материализм верен, то современная наука ложна.

P2. Диалектический материализм верен.

C. Наука ложна.

Диалектический материализм очевидно противоречит представлениям современной науки. Наука не усматривает никаких сил диалектики в мире, а представления марксистов о материи можно назвать крайне размытыми⁴⁸, но потому и не противоречащими научному мировоззрению. Какая бы материя не была в мире, марксисты всегда смогут сказать, что были правы. Но вот диалектических процессов в мире ученые не фиксируют (или, как минимум, в этом не признаются).

Марксисты, конечно думают, что занимаются передовой наукой, а потому им обидно, что официальная наука уже давно не

⁴⁸ Правда, существуют некоторые прояснения. В своей работе "Материализм и эмпириокритицизм" Ленин дал развернутое изложение материалистического понимания отражения. Он показал, что отражение является универсальным свойством материи, присущим всем ее формам, от простейших до самых сложных. Это довольно интересная материалистическая концепция, сформулированная марксистами.

считается с диалектикой. Авторитет марксистов сохраняется в ряде академических направлений, но конкретно естественные науки не затрагивает. Следовательно, марксизм и наука не могут быть правы одновременно, а наука никогда не будет постулировать такие законы, как диалектические, потому что это совсем не в духе её методологии. Лишь крайне серьезные изменения в академической методологии могут привести к чему-то подобному.

Ответ объективистам: Данный аргумент направлен против объективистов.

Ответ фальсификационистам: В меньшей степени этот аргумент направлен против фальсификационистов, потому что диалектика все же нефальсифицируема.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XIV: Даосизм

P1. Существование дао противоречит научной картине мира.

P2. Дао существует.

C. Научная картина мира ложна.

Философский даосизм — это направление китайской философии, основанное на учении о дао. Дао — это первоначало, источник всего сущего, которое не имеет формы, имени и не поддается рациональному осмыслению. Дао является основой всего мироздания, оно управляет всеми процессами и явлениями, происходящими в мире.

Основные принципы философского даосизма следующие:

- Принцип недеяния (у-вэй). Согласно этому принципу, человек должен стремиться к гармонии с дао, не нарушая естественного хода вещей. Недеяние не означает бездействие, а скорее, действие в соответствии с дао, без вмешательства в естественный ход вещей.
- Принцип естественности (цзы-жань). Согласно этому принципу, человек должен стремиться к естественности, не стремиться к искусственному совершенству. Человек должен быть таким, каким он есть, принимая себя и свои недостатки.
- Принцип гармонии (хэ). Согласно этому принципу, человек должен стремиться к гармонии с окружающим миром, с другими людьми и с самим собой.

Философский даосизм оказал большое влияние на развитие китайской культуры. Его идеи нашли отражение в литературе, искусстве, религии и философии Китая.

Основными источниками философского даосизма являются следующие произведения:

- Дао-дэ цзин (Канон пути и благодати) — основной текст даосизма, приписываемый Лао-цзы.

- Чжуан-цзы — сборник сочинений даосского мыслителя Чжуан-цзы.

- Хуайнань-цзы — сборник сочинений даосского мыслителя Хуайнань-цзы.

Ответ объективистам: Аргумент против объективистов.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XV: Магия, мистика, эзотерика

P1. Если магия и мистика существуют, то наука ложна.

P2. Магия и мистика существуют.

C. Наука ложна.

Сущность науки заключается в том, что она принципиально не признает и никогда не признает существование разных мистических сущностей. Наука устроена именно таким образом. Это чисто натуралистический дискурс, где объяснения через мистику не представляются релевантными. Дело в том, что наука вынуждена

рассматривать всё через призму натурализма, иначе она перестанет быть наукой.

Всевозможные выпады сциентистов на тему того, что при доказательстве мистики наука её примет – это все чепуха. Ученые будут пытаться объяснить всякую мистику посредством естественных подходов или же перестанут быть учёными, потому что тотальный натурализм – это одно из важнейших свойств науки. Наука, не отрицающая мистику, по определению не будет считаться наукой. Конечно, если мы понимаем под наукой конкретную методологию. Академические инстанции могут перестроиться и начать изучать мистическое.

В очередной раз подчеркну, что мистика и магия перечеркивают многие методы научного познания мира. То есть они не просто противоречат научным теориям, но и делают менее достоверными те или иные методы. Например, если магия существует, то, возможно, магически можно повлиять на скорость распада углерода. И, возможно, эта магическая сила на неё влияла. Следовательно, мы не можем быть уверены в том, что радиоуглеродный анализ достоверен. И, самое главное, если магия существует, то мы не сможем отличить случаи, когда радиоуглеродный анализ сработал правильно, а когда выдал ошибку.

Основная опасность магии для науки заключается не столько в том, что магия недоказуема, а в том, что если она есть, то научная методология оказывается без большого количества достоверных методов. Смотрим в микроскоп. На определенном уровне происходит магия. И мы видим не то, что есть на самом деле. То же работает и с телескопами. Магия может являться универсальным объяснением

всех возможных ошибок эмпириков, а также главной причиной ложности всех теорий.

Конечно, учёным методологически невыгодно признавать существование магии, потому что это бьет в самую сердцевину науки. При этом мало кто будет реально разбираться в аргументации магов. Притом, чаще всего, это довольно слабая аргументация, ведь в магическом сообществе довольно мало реально сильных интеллектуалов, которые могут показать себя в серьезной дискуссии. И дело не в том, что к магии тяготеют глупые люди. Просто магические сообщества крайне разрознены, у них нет единой системы, а также у них проблемы с магическим образованием, что не позволяет взращивать интеллектуалов и аргументаторов. Хорошие магические интеллектуалы появляются спонтанно или приходят из научного или религиозного образования, но это происходит не так часто, что ожидаемо.

Ответ объективистам: Объективистов в большей степени касается этот аспект. Они находятся на стороне объективности научного знания. Если магия существует, то быть уверенным в объективности научного знания становится довольно трудно, потому что в мире есть некая недоступная для науки сущность, которая играет важную роль в становлении мира. Получается, что наука фактически не права.

Ответ фальсификационистам: Для фальсификационистов основная проблема магии заключается в том, что она нефальсифицируема.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XVI: Гилозоизм

P1. Наука отрицает одушевлённость всех вещей в мире, включая архе.

P2. Все вещи и архе одушевлены.

C. Наука ложна.

Данный аргумент похож на многие предыдущие, а потому не требует прояснения. Мы лишь допускаем гилозоизм, а не утверждаем его. Тем самым, для полной объективности картины, наши оппоненты должны либо опровергнуть гилозоизм, либо безоговорочно доказать научную картину мира (что, кажется, вовсе невозможно).

Ответ объективистам: Аргумент адресован им.

Ответ фальсификационистам: Отчасти аргумент адресован им, потому что гилозоизм смотрится нефальсифицируемым.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XVII: Пантеизм

P1. Если пантеизм верен, то наука ложна.

P2. Пантеизм верен.

C. Наука ложна.

Пантеизм — это религиозно-философское учение, согласно которому Бог и мир — это одно и то же. В пантеизме Бог не является трансцендентным существом, отделенным от мира, а имманентно присутствует во всем мире. Слово "пантеизм" происходит от греческих слов "пан" (все) и "теос" (бог). Пантеисты считают, что Бог — это не личность, а скорее, всеобъемлющая духовная или мистическая сила, которая проявляется во всех аспектах мира.

Ответ объективистам: Прежде всего, данный аргумент адресован им.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XVIII: Волюнтаризм

P1. Волюнтаризм и научная картина мира противоречат друг другу.

P2. Волюнтаризм верен.

C. Наука ложна.

Волюнтаризм – это философское направление, которое приписывает волю (желание, намерение) первостепенную роль в развитии природы и общества. Волюнтаристы считают, что воля является движущей силой истории, и что она способна преодолеть любые объективные преграды.

Единственное, что сами волюнтаристы могут сказать, что их взгляд на мир не противоречит науке, но против этого я выдвигаю представление о том, что наука – это чистейшая натуралистическая методология, которая работает только в том случае, если все ненатуралистические сущности отсутствуют в мире.

Ответ объективистам: Прежде всего, данный аргумент адресован им.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Группа аргументов III: Методологическая

Прояснение

Онтологический и метафизический разделы были только разминкой перед настоящим разбором, потому что, важно помнить, что наука – это мировоззрение, которое строится на конкретной методологии. Эту методологию, конечно, обуславливают некоторые метафизические и онтологические представления, но в центре науки находится именно метод, а сама картина мира данного философского учения выстраивается уже вокруг него.

Конечно, можно не рассматривать науку в качестве некоего метода по разным соображениям. Например, науку можно считать инструментом, так и социальным институтом, в рамках которого может происходить всё, что угодно. Наукой можно считать все практичное и полезное по определению, но такие подходы размывают наши представления о науке и не позволяют говорить о ней как о чём-то конкретном, а потому я считаю их слабыми и при слишком широкой степени размытия понятия науки, конечно, её становится невозможно критиковать, а это делает антисциентизм бессмысленным. Понятное дело, что критиковать науку как аморфную массу положительных представлений почти невозможно, но, проблема заключается в том, что такие представления появляются из-за отсутствия серьезной рефлексии над тем, что такое наука и на презрении всех подходов к анализу науки (например, в философии науки).

Наука для меня – это либо тотальное и абстрактное ничто, незримый идол, наделяемый людьми самыми лучшими качествами, либо конкретная философская методология, которая включает в себя несколько атрибутов: абсолютный натурализм, фальсификационизм (через него происходит экспериментальное опровержение суждений), моделирование (здесь уже работает математика), фактология и рационализм. Каждый из этих критериев необходимо рассматривать суммарно, чтобы определить науку. Сам по себе натурализм может оказаться ненаучным. Также и фальсификация может не опираться на натурализм, а эксперименты могут проводить, скажем, маги или алхимики. Моделирование не может считаться избыточным методом для определения науки, потому что тем же самым моделированием занимаются дети, когда собирают конструктор. Также моделировать могут представители любых методологий и практик. Все направления мысли в той или иной степени занимаются сбором «фактов». Каждый из вышеперечисленных критериев отдельно не делает дисциплину наукой. Например, история собирает и анализирует факты и делает это довольно хорошо. Согласно нашему представлению, история всё равно не является наукой, потому что там нет места фальсифицируемым теориям. Историческая методология отличается от научной, но в этом нет ничего плохого.

Фальсифицируемость подразумевает наличие теории и эмпирических (или мыслительных) способов опровержения. Притом под теорией в случае науки мы будем понимать именно натуралистические теории, которые по своему объему превышают объем верификационных теорий (строящихся только лишь на тех фактах, которые нам известны). Каждая фальсифицируемая теория формулируется таким образом, что описывает и неоткрытые до сих пор факты, что является необходимым для опровергающего

эксперимента и научного предсказания⁴⁹. Как мне видится, **наука – это методология по созданию, обоснованию и опровержению натуралистических фальсифицируемых теорий**. Такое определение уже противоречит позиции объективистов. Это мы будем использовать в качестве рабочего определения, которое и будет по преимуществу подвергаться критике.

Многие течения в философии Нового времени представляли собой прежде всего некую теорию познания. Не удивительно, что наука, возникшая в то же время, оказалась такой же теорией познания. Возникновение такого методологического подхода, как мне видится, могло произойти только при определенных исторических и культурных обстоятельствах. Длительный процесс развития европейской философии привёл к постановке проблем, которые и пытались решить школы Нового времени. Более того, этот процесс и сформировал те методы, которые мы сейчас называем научными.

Наука появилась из философии и до сих пор использует те основательные методы, которые были заложены в неё философией. Именно поэтому я, пользуясь методологическим определением науки, называю её очередной философской школой. При этом мне не свойственно описывать всю академическую деятельность как научную. Мне кажется, разделение научного и академического позволяет тоньше анализировать разные процессы внутри академической жизни. Спекуляции абстрактной наукой здесь мне видятся неуместными. Описание же академической жизни посредством постулирования в ней большого количества философских методологических школ даёт нам довольно неплохую и достаточно ясную картину происходящего.

⁴⁹ То есть предсказания будущих открытых фактов.

Почему академизм нельзя называть научным? Потому что в таком случае получится, что мы наукой называем и некоторую методологию (которая была описана выше) и академическую структуру. Непонятно, почему мы эту академическую структуру не называем психологией, философией или историей, а именно наукой? Это, во-первых, не эстетично, а, во-вторых, сильно путает собеседников в процессе дискуссии. Омонимы имеют место, но только тогда, когда мы можем легко отличить контекст использования. В данном же случае слово «наука» применяется для описания некоего явления интеллектуальной жизни, но сразу на двух уровнях: социальном и методологическом. Притом, социальный включает в себя методологический.

В этой главе, как мне кажется, мы будем разбираться с самыми важными проблемами в рамках научной картины мира, то есть с проблемами методологии. Научная методология – это одна из многих методологий, которые когда-либо существовали на нашей планете. Среди прочих она приобрела широкую славу и уважение в глазах обывателей, как мне видится, благодаря удачному брендингованию и постепенной монополизации практики и эмпирического опыта. Сейчас авторитетно описывать практику может только наука, а доступ к ряду исследовательских технологий доступен в основном учёным. Ученые стали привилегированной группой познающих догматиков. Но является ли их метод самым лучшим из всех? Или даже самым лучшим из возможных? Попробуем разобраться.

Аргумент I: Научный метод является лучшим из возможных

P1. Если мы не имеем доступа ко всем возможным методам, то невозможно оценить, насколько же научный метод хуже или лучше этого необозримого множества подходов к познанию.

P2. Мы не имеем доступа ко всем возможным методам.

C. У нас нет возможности сравнить научный метод с возможными, а потому и делать заявления о том, что он наилучший, крайне поспешно.

Очевидно, что мы не имеем доступа ко всем возможным методам. Следовательно, у нас нет основания для сравнения научного метода с другими возможными. Следовательно, мы не можем заявлять, что научный метод лучший из возможных. Это довольно простое и достоверное рассуждение, на которое можно опираться, если человек говорит вам глупости о самом лучшем методе из возможных. Для опровержения этого набора слов, базирующегося на чистой вере в науку, достаточно просто немного подумать головой. Безосновательность данного утверждения будет видна сразу.

Ответ объективистам: Этот аргумент касается объективистов, потому что они чаще всего пытаются вознести науку над другими методами. Даже над теми, которых они не знают.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: Инструменталистам тоже можно адресовать данный аргумент, хотя, следующий будет работать намного лучше.

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент II: Научный метод является лучшим из существующих

P1. Для того, чтобы сравнить эффективность методов, нам необходимо, чтобы использующие их группы были хотя бы сопоставимы в размерах (не говорю о равенстве).

P2. Научное сообщество (сообщество, использующее научный метод) во много раз (возможно, даже сотен раз) превышает сумму других познавательных сообществ.

C. Сравнить эффективность науки и других методологических подходов невозможно.

Речь, конечно, идет о фундаментальном сравнении тех результатов, которые можно получить благодаря той или иной методологии в широком смысле. У нас есть научная методология, которая постепенно обрела адептов и на протяжении нескольких веков вырабатывала основные свои положения, отношения, модели, описания и теории. Сопоставлять науку имеет смысл с такой же системой, в рамках которой будет сравнимое количество людей и которая отработала достаточно большое количество лет. Также необходимо соблюсти ряд тонкостей и формальностей: например, эти люди должны быть хорошо образованы в рамках своей методологии.

Я вам напомню, что изначально модель того же Коперника хуже справлялась с описанием движения небесных тел, чем модель Птолемея. Это потому что Коперник был неправ? Нет, потому что в одиночку трудно противостоять большой и проработанной веками системе. Эффективность описания и его полнота во многом будут зависеть от количества высококвалифицированных специалистов, которые потратили немало времени для этого описания.

Сравнение же методов в принципе проводить довольно сложно. Непонятно, каков критерий сравнения? Достижение истины? Наука, кажется, не достигла истины. Тогда она не эффективна? Критерием служит качество объяснения? Но качество здесь зависит от количества затраченного времени разными специалистами. Именно поэтому сравнение науки, например, с феноменологией нерелевантно, потому что на науку работают миллионы человек, а профессиональных феноменологов в мире в лучшем случае тысячи. И я не говорю про более редкие методологии, реальными специалистами в которых являются буквально единицы. Как подход, развиваемый одним человеком (даже если этот подход правильный) может сравниться с научным подходом, развиваемым миллионами людей? Вот о том и речь.

Серьезных оснований для сравнения методов у нас нет, потому что мы не можем добиться сопоставимости сравниваемого. Сравнить же отдельные методы бессмысленно, потому что научная методология благодаря массовости преуспела во многих вещах. Научную методологию поддерживают всевозможные практики и методологии прикладные (которые нельзя назвать научными). Учеными становятся специалисты, которые тратят на свою специальность десятки лет обучения. В обучение входит освоение не

только методов своей специальности, но и смежных дисциплин, которые он может использовать в качестве поддержки к своей методологической вере. Ничем сопоставимым в среднем не может похвастаться представитель любой другой методологии.

Допустим, человек получил философское образование и является представителем диалектического материализма. Большую часть обучения он знакомился с учениями и течениями, которые не соотносятся с диалектическим материализмом, не дополняют его. Он изучал всяких Расселов и Попперов, Витгенштейнов и Ницше. У этого есть свои преимущества: философ понимает, какая может быть критика в адрес его мировоззрения. Но если походить именно с точки зрения основательности развития собственного подхода в положительном ключе, то философам в среднем не хватает такого узконаправленного догматизма, чтобы реально конкурировать с наукой. Чтобы те же диалектические материалисты достигли уровня науки, им необходимо создать полноценные университеты с миллионами специалистов, каждый из которых будет искренне поддерживать диалектический материализм. Это не удалось сделать даже в СССР, потому что было не так уж и много физиков, которые искренне верили в диалектический материализм.

Вы можете спросить: тогда почему христианство, будучи крайне популярным, не может и не могло конкурировать с наукой? Ответ прост: в христианстве меньше специалистов, их образование в среднем хуже по уровню проработанности и системности, а в прошлом дела обстояли ещё хуже. Во времена становления средневековых университетов образование, очевидно, было куда хуже, доступ к литературе был не таким простым, а многие систематически важные вещи не были еще изобретены. Да и

количество интеллектуалов средневековья не было таким большим, каким сейчас располагает наука. Все же христианство никогда особо не делало большой упор на познании, а наука – это сугубо познавательная система. Для христианства познание – это некоторое дополнение, в котором сама религия не особо нуждается. Да, христианство сделало очень много для развития современного образования и даже философии, но это было по ходу дела среди многих других дел, которые совершали христиане. Наука изначально была сконцентрирована на познании, а потому разница очевидна. Количественно специалистов в науке больше, чем специалистов в христианстве.

Ответ объективистам: -

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: В большей степени данный аргумент адресован инструменталистам, потому что именно им кажется, что научный метод наиболее эффективен для достижения их целей. Важно понимать, что у нас нет объективных оснований для сравнения этих методов.

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент III: Критика теории

Определение: истина – это соответствие наших представлений реальности.

Цель познания – достижение истины.

P1. Если что-то не может отразить в себе реальность, то с его помощью невозможно познать истину (по определению).

P2. Вероятно, теория не может отразить в себе реальность, потому что имеет отличную от неё структуру и природу.

C. Вероятно, с помощью теории невозможно познать истину, то есть сформулировать адекватное реальности представление.

P1. Наука является теоретической методологией.

P2. Вероятно, с помощью теории невозможно познать истину.

C. Вероятно, наука не может познать истину.

Я отмечу, что в данном аргументе присутствует слово «вероятно». Оно не усугубляет данный тезис, потому что быть уверенным в невозможности теоретического познания довольно трудно, но есть ряд догадок, которые позволяют к этому подойти. Более того, данный тезис сам усугубляется в процессе его рассмотрения через призму науки. Дело в том, что наука – это чисто натуралистическая методология. В рамках натуралистической методологии нет никакого онтологического места абстрациям.

Теории постулируют всевозможные абстрактные сущности, онтологический смысл которых непонятен. Например, сам естественный отбор онтологически не существует. Следовательно, он не отражает реальность, а служит лишь модельной формой её упрощения. То есть сам «естественный отбор» — это не про реальность, а про упрощённое описание «механизма», то есть про моделирование событий, а не про некую онтологическую силу. Но так как концепция естественного отбора отражает реальность в тотальном упрощении через абстракции, то и истинности в нём нет.

Почему в нём нет истинности? Потому что, согласно третьему закону логики: два противоречащих суждения не могут быть оба ложными, одно из них будет истинно. В силу неточности «естественный отбор» ложен, потому что полностью не соответствует реальности. И он не может быть частично истинен по третьему закону логики.

Так вот, огромное количество теоретических сущностей носят чисто абстрактный характер. Абстракции при этом не могут существовать онтологически в рамках научного дискурса (в некоторых дискурсах могут). Абстракции не могут целостно отразить реальность, потому что низводят её до абстрактных обобщений. Абстрактные обобщения не могут быть отражением истины, потому что в натуралистическом мире не существует абстрактных объектов.

Ответ объективистам: Объективистам придётся доказать не только то, что теориями в принципе можно что-то доказать, но и то, что научные теории истинны. Это, как мне видится, очень трудно.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационистам, опирающимся на теоретическое знание, тоже придётся доказать, что теоретический подход в принципе может быть верен.

Ответ инструменталистам: а

Ответ социальным сциентистам: а

Аргумент IV: Научные теории истинны

P1. Если подход к составлению теорий ложен, то научные теории ложны.

P2. Подход к составлению теорий ложен.

C. Научные теории ложны.

P1. Если подход к составлению теорий потенциально может оказаться истинным, то это не гарантирует истинность научных теорий.

P2. Допустим, что подход к составлению теорий истинен.

C. Истинность научных теорий не представляется гарантированной.

Сложно гарантировать истинность научных теорий, потому что, во-первых, сам теоретический подход может оказаться напрасным, во-вторых, даже при верности теоретического подхода в целом мы можем сомневаться в том, что конкретно научные теории истинны. Может быть, и даже с большей вероятностью, истинными окажутся теории религиозные, мистические, магические и прочие. Эти теории хотя бы допускают существование абстрактных сущностей, которым соответствуют их теории. В науке же не до конца понятно, какой статус носят законы природы и прочие описательные абстрактные механизмы. Если бы мы, люди, вдруг получили достоверное откровение о том, что теоретический подход является принципиально верным, то я бы делал ставку на то, что речь идет не о научных теориях.

Многим трудно понять, почему натуралистическая всеобъемлющая теория является проблемной. Им кажется, что наука делает всё правильно, потому что... (сюда можно подставить множество оправданий). Но большинству довольно трудно оценить данную проблемность. Научная онтология, то есть та онтология, без которой научная методология не работает, нуждается в тотальной натуралистичности мира. Если это правило не соблюдено, то и простые научные методы перестают работать. С другой стороны, в тотальном натурализме нет места абстракциям. Именно поэтому непонятно, что конкретно отражают теории.

Кто-то может попытаться защитить науку посредством апелляции к другим теориям истины, но будем честны: большинство людей относятся к истине как к соответствию наших представлений реальности. Это самое классическое и распространённое определение.

Когда люди говорят о том, что наука истинна, то чаще всего подразумевают именно это определение истины. Большинство религий и философских представлений работают на базе этого определения истины. Объективизм базируется на этом определении. Проще говоря, нет никакого смысла подменять определение.

Ответ объективистам: Этот аргумент направлен против объективистов.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент V: Индукция

P1. Выводы, которые мы делаем из неполной индукции, носят вероятностный характер.

P2. Выводы в рамках науки всегда делаются из неполной индукции.

C. Выводы науки имеют вероятностный характер.

Можно сколько угодно указывать на фальсифицируемость и гипотетико-дедуктивную модель, но фактически все гипотезы и

теории вырабатываются на основании неполной индукции и, что самое главное, после их создания ученые почти всегда приводят именно индуктивные аргументы в пользу то или иной теории. Индукция эта настолько неполна, что если представить весь набор фактов науки в виде 1, то все недостающие факты можно описать бесконечностью. Дело в том, что научные теории претендуют на описание не только актуальных объектов, но и тех, которые являются принципиально возможными, а таковых бесконечное множество.

Я хочу обратить внимание на то, насколько недостоверна научная методология. Да, у нас есть ограниченный опыт. И мы из него можем вывести бесконечность вероятных гипотез посредством индукции. Потом одну теорию из этой бесконечности мы будем проверять с помощью дедуктивной фальсификации. Если теория была опровергнута, то мы берем другую теорию и так до бесконечности. Если же теория не была опровергнута, то мы пытаемся опровергать её до бесконечности. Я не уверен в том, что такой подход в принципе может гарантировать истинность или приближение к истине. Слишком много фактов не учтено и слишком много потенциальных теорий, которые всегда, кстати, могут вернуться, если будут учтены ошибки, которые привели к опровержению.

Таким образом процесс научного «познания» не имеет ничего общего с «познанием». Кажется, что доказать истинность в его рамках оказывается невозможно. Как будто этот процесс существует ради самого себя, чтобы всевозможные натуралистические теории циркулировали в рамках академического сообщества. Да, эта циркуляция создает научную картину мира, благодаря которой многие могут заменить себе религиозную, но трудно сказать, что эта картина качественнее религиозной (хотя количественно, безусловно,

научная картина полнее). Да, она больше описывает, но это не означает, что религиозную картину мира нельзя привести к подобному уровню.

Мне видится, что наука изначально построена на довольно противоречивых и нерабочих механизмах, которые должны вызывать вопросы, но большинство людей лишь преклоняются перед авторитетом науки и её оправдывают. К индуктивному аргументу мы ещё вернемся в следующем разделе.

Ответ объективистам: Объективистам сложнее всего будет смириться с подобными свойствами логики. Вероятностный результат подразумевает, что наша вероятность ошибки довольно велика. Если же мы распространяем недостающие факты до бесконечности, то получается, что вероятность ошибки бесконечно велика.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационисты и сами должны понимать, что неполная индукция не может дать достоверного ответа на тот или иной вопрос. С помощью индукции сам Поппер критиковал верификационизм.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент VI: Сомнительный эксперимент

P1. Для того, чтобы доказать теорию, необходимо найти исчерпывающие подтверждения этому тезису.

P2. Эксперимент не способен подтвердить теорию, так как его основанная функция – это опровержение.

C. Эксперимент не позволяет доказать теорию.

Думаю, с первой посылкой вы согласитесь, а вторая может вызвать у вас недоумение, но именно таково свойство эксперимента. Его функция – это опровержение тех или иных позиций. Именно поэтому эксперимент проводится после формулирования теории. Сам по себе он ничего подтвердить не способен, иначе можно было бы воздержаться от создания теории перед экспериментом. Эксперимент должен исходить из определённого контекста, то есть из контекста той или иной теории и следствий из этой теории. Даже если единственный эксперимент совпадёт с предсказаниями, то это совсем не гарантирует нам верность той или иной теории. Даже если множественные эксперименты совпадут с теоретическими предсказаниями, это не гарантирует нам истинность теории. Напоминаю, мы имеем дело с потенциально бесконечной индукцией.

Многие по какой-то ошибочной причине воспринимают эксперимент как индуктивную форму знания, хотя она используется в дедуктивном ключе. Из теории логическим путем выводятся следствия, а после эти следствия могут быть проверены единственным экспериментом или наблюдением, чтобы опровергнуть данную теорию. Функцию подтверждения эксперимент в принципе выполнять не может. Это не его сущность.

Допустим, я создал теорию живых духов, которые тянут предметы к земле. Назовём их «гномики гравитоники». Так вот, я сделал вывод из системы представлений о «гномиках гравитониках», что предметы на планете Земля должны иметь ускорение свободного падения около 9,8, потому что, подпитываясь силой Земли, «гномики гравитоники» могут тянуть падающие предметы именно с такой скоростью, что совпадает с моей математической моделью. На разных участках Земли я беру с собой специальную трубку, выкачиваю оттуда воздух, а после сбрасываю предметы. Мои расчёты оправдали ожидание! Следует ли из этого, что теория «гномиков гравитоников» доказана? Нет. Потому что эксперимент никогда не носит подтверждающую функцию, а всегда лишь опровергающую. Или вам кажется, что теория «гномиков гравитоников» доказана? Подвести модели и формулы к практике, а после описать их с помощью теории «гномиков гравитоников» не представляется мне невыполнимой задачей.

Ответ объективистам: Опыт ничего не доказывает, а только опровергает. Это сильно бьет по убеждениям объективистов.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационистов данный ответ не трогает вовсе, потому что они используют методологию, в рамках которой это признаётся.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент VII: Математика

P1. Достичь истины можно только путём совпадения наших представлений и реальности (по определению истины).

P2. Математика по природе своей отлична от реальности, а потому не позволяет создать на своём основании представления, подобные ей.

C. Математика не позволяет достичь истины.

По первой посылке скажу, что все прочие «теории истины» я ни к какой истине не отношу. Не вижу никакого смысла менять содержание слова, которое является основным для многих дискурсов. Не удивительно, что разные теории истины начали появляться во времена упадка философии. Как по мне, теории истины невозможны, потому что истина – это не теория, а цель, которая основывается на классическом определении. Просто переопределить понятие истины – это не есть некоторая теория. Да и как эту «теорию» опровергнуть? Да никак. Основательность этих теорий находится на уровне детских фантазий. Я в любой момент могу заявить, что истина – это согласие, которое было достигнуто путём угроз и переломами конечностей. Назовём это «жестокая теория истины». Вот такое же право на существование имеют все прочие «теории». Именно поэтому я использую слово «истина» в классическом смысле, а не пытаюсь подменить его практикой или непротиворечивостью и прочими выдумками философов эпохи упадка.

Вторая посылка намекает на то, что математика не имеет никакого отношения к реальности. С этим, безусловно, можно не согласиться, но несогласие придётся обосновывать. Самыми известными учениями, в рамках которых математические объекты имеют высокий онтологический статус, были платонизм и пифагореизм. Правда, в рамках натуралистической модели нет места для онтологизации математики.

Думаю, любой последовательный сторонник науки и натуралист согласится с тем, что математические объекты суть отражение нашего внутреннего опыта. Математика не подобна объектам внешнего мира. Есть большая разница между единицей и одним предметом. Единица не отражает один предмет. Математика может приближаться к описанию предмета, но Ахиллес математики никогда не догонит черепаху мира, а потому достигнуть подобия наших представлений реальности – невозможно. Следовательно, выразить истину математически невозможно.

Кроме того, математика отлично упрощает исследуемые объекты, позволяя анализировать количественные их свойства. Эта функция математики в очередной раз подчёркивает, что мы не исследуем реальные объекты, а их упрощённые модели, что может быть полезно для практики, но при этом отдалять нас от истины. Каким образом отдалять? Многим людям, когда они используют математику, кажется, что они получают знание (обоснованную истину) об объекте. Многие технари и естественники настолько уверены в силах математики, что не рассматривают никакие альтернативные методы. Выше было показано, что посредством математики в натуралистическом дискурсе достигнуть истины скорее невозможно. Математика, выходит, довольно обманчива.

Конечно, есть дискурсы подобные платоническому, в рамках которых математические абстракции – это реальное знание, а вот окружающие нас объекты такого реального знания не дают. Благодаря математике в этих дискурсах открывается подлинная и вечная суть вещей. Впрочем, такие дискурсы плохо коррелируют с чистым натурализмом, в рамках которого невозможно обосновать онтологическую и методологическую значимость математики.

В рамках натурализма актуальным является вопрос: а что такое математика и как она вообще работает? Ответ на первый вопрос для натуралистов в большинстве случаев будет прост: математика – это изобретение человеческого ума или продукт эволюционных преобразований, который не имеет отношения к подлинной реальности. Ответ на второй вопрос сложнее, потому что становится непонятно, каким образом выдумка человека или продукт случайных эволюционных изменений может показывать такие результаты. Но и здесь можно отыскать подходы, которые позволяют все это достойно описать. Только вот даже при условии достаточно хороших описаний, у нас возникает проблема с истиной, которая в таком случае средствами математики недостижима.

Ещё раз повторю, что математические «представления» уступают по степени проработанности нашим представлениям в рамках воображения или представлениям художественного характера. Последние больше похожи на объекты окружающего мира. А в рамках натурализма объекты окружающего мира имеют значение.

Ввиду всего сказанного мне принципиально не понятно, как математика вообще может давать знание в рамках натурализма? Как можно ожидать, что нереальная математика вдруг раскроет нам основные ответы на все вопросы мироздания?

Ответ объективистам: Данный аргумент работает против объективистов, потому что именно они считают, что с помощью науки можно добиться полноценного знания. Одним из методов науки является математика, но её онтологический статус в рамках натуралистического дискурса довольно низкий, а потому принципиально сложно понять, каким образом математическое знание вообще возможно.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент VIII: Фальсификация

P1. Метод познания должен как минимум сближать нас с истиной.

P2. Специфика фальсификации позволяет нам сомневаться в том, что она сближает нас с истиной.

C. Фальсификация сомнительна.

Как уже было обозначено ранее, фальсификация крайне сомнительно сближает нас с истиной, хотя по тому же Попперу это

одна из основных её функций. Не до конца понятно, зачем нам вообще нужна фальсификация, если сближения с истиной не происходит. Почему же это сближение маловероятно? Потому что количество потенциальных теорий и всех их комбинаций стремится к бесконечности. Также мы можем выделить условную бесконечность фальсифицируемых теорий, над которыми можно экспериментировать вечно.

Зачем тогда нужна фальсификация? И с ней и без неё у нас имеются серьезные проблемы в отборе наших теорий. И так, и так мы вынуждены выбирать из бесконечности. Первая бесконечность свободна от опровержения, а вторая – нет. Но какая разница, если в обоих случаях мы сталкиваемся с бесконечностью? Мне видится, что познание представляет собой бесконечный лабиринт, а потому, какие бы мы ориентиры не использовали, довольно трудно подтвердить, что мы приближаемся к единственно верной точке нашего назначения.

Ответ объективистам: -

Ответ фальсификационистам: Этот аргумент направлен против фальсификационистов, которые по непонятным причинам поддерживают фальсификационизм и фальсификацию. Фальсификация не дает нам какого-то качественного скачка в познании, как это кажется многим поклонникам Поппера и науки.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент IX: Фальсификация 2

P1. Если фальсифицируемых теорий бесконечно много, то фальсификация бессмысленна.

P2. Фальсифицируемых теорий бесконечно много.

C. Фальсификация бессмысленна.

У многих могут возникнуть сомнения в том, что фальсифицируемых теорий бесконечно много. Думаю, мало кто будет спорить, что их очень огромное количество. Доказать огромное количество потенциальных теорий можно чисто математически. Мы берем и вычисляем количество комбинаций всех элементов существующих теорий, которые не противоречат друг другу, включая все возможные усложнения, противоречащие Бритве Оккама. В итоге мы получим колоссальные значения.

Я лишь добавляю аксиоматическое предположение, что к набору имеющихся элементов мы всегда можем придумать ещё один. Опровергнуть эту аксиому будет довольно трудно, потому что на практике мы действительно можем добавлять все новые и новые элементы к нашим теориям, что мы и делали на протяжении последних двух тысяч лет. Даже если ограничиться натуралистическими фальсифицируемыми теориями, то мы можем применить данное предположение. Вероятно, потенциальных фальсифицируемых теорий бесконечно много или, как минимум,

настолько много, что за миллионы поколений ученых мы не сумеем перебрать их все.

Ответ объективистам: -

Ответ фальсификационистам: Этот аргумент направлен против фальсификационистов.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент X: К широте научного метода

P1. Если мы считает научным методом любой метод в рамках академических инстанций, то научного метода не существует.

P2. В рамках социального сциентизма мы считаем научным методом любой метод в рамках академических инстанций.

C. Научного метода не существует.

P1. Если конкретного научного метода не существует, то мы можем назвать научным любой метод, даже крайне неэффективный и некачественный.

P2. Конкретного научного метода не существует.

С. Мы можем назвать научным любой метод, даже крайне неэффективный и некачественный.

Продолжим данное рассуждение. Если для признания чего-то научным, необходимо, чтобы эта дисциплина входила в академические структуры, то потенциально стать научным может любая практика или любой подход. Таро, астрология, магия, эзотерика по мановению пера какого-нибудь политика или ректора ВУЗа могут превратиться в полноценные науки, в рамках которых будут проводиться исследования, защищаться диссертации, проходить научные конференции и ставиться «лабораторные» опыты. В рамках такого подхода к определению научности мы теряем всякие основания, которые позволяют нам по значимым формальным признакам различать дисциплины, что может привести к тому, что мы назовём научным всё, что угодно, включая разного рода альтернативную медицину и прочие практики, которые могут оказаться нерабочими.

Ответ объективистам: -

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: Здесь мы направим критику на эту группу сциентистов. Им тоже должно достаться.

Аргумент XI: К определению эффективности метода познания

Главным критерием эффективности познавательного метода служит истина.

P1. Если мы не знаем истину заранее и не можем отличить её от неистинны, то главный критерий эффективности познания не работает.

P2. Истину мы заранее не знаем и не может отличить от неистины.

C. Главный критерий эффективности познавательного метода не работает.

Очевидно, что первая посылка верна по определениям. Познание – это процесс добычи знаний, а знания – это доказанная истина. Главным критерием эффективности познания служит истина, и мы добываем, как нам кажется, истину с помощью познания. То есть процесс познания оказывается для нас и процессом добычи, и своим собственным критерием. Каким бы это познание не было, оно само для себя окажется критерием. Внешнего критерия для подтверждения истины у нас нет.

Очевидно, что эмпирический опыт не является таковым внешним критерием, потому что он обязан опираться на наши представления о том, как устроен мир. Более того, нет никакой

гарантии, что эмпирический опыт имеет отношение к истине, что мы разберём позже.

Также практика не является критерием истины, так как очевидно, что на ложных представлениях вполне можно построить практику, иначе бы не существовала алхимия и различные образцы народной медицины, которые реально работали. На базе ложной теории довольно легко построить практику. Если не переиначивать значения слов и не придумывать новые «теории истины», то, очевидно, что у нас возникает ряд проблем с определением истинности того или иного утверждения, если оно касается реальности.

Истину мы заранее не знаем, чтобы сверить наши методы и полученные результаты, а потому критерия эффективности у нас нет. Нет этого критерия, потому что, как нам кажется, мы добываем «познание» в самом процессе, а потому проконтролировать процесс оказывается невозможно, ибо сам этот процесс и есть сам для себя критерий эффективности.

Именно поэтому все рассуждения об эффективности любого метода кажутся мне крайне сомнительными, потому что последователи того или иного метода или группы методов признают их эффективными на основании этих же методов. Не удивительно, что маги, астрологи, диалектики и прочие познающие отвечают ученым тем же. Имеют полное право.

Если человек под эффективностью познавательного метода подразумевает не истинность, а, например, практичность или непротиворечивость, то можно показать ему множественные практические или непротиворечивые системы, большая часть из

которых являются ложными. Измерять эффективность познавательной системы по практике или непротиворечивости – это колоссальная глупость. Ну, либо в основании этого лежит искаженная система понятий, которую можно назвать заведомо ущербной.

Ответ объективистам: Этот аргумент бьет по всем группам, которые используют критерий эффективности.

Ответ фальсификационистам: Этот аргумент бьет по всем группам, которые используют критерий эффективности.

Ответ инструменталистам: Этот аргумент бьет по всем группам, которые используют критерий эффективности.

Ответ социальным сциентистам: Этот аргумент бьет по всем группам, которые используют критерий эффективности.

Аргумент XII: Эмпирический опыт как критерий истины

P1. Критерием истины является такой критерий, который может достоверно доказать нам истинность того или иного теоретического положения.

P2. Эмпирический опыт не может достоверно доказать истинность того или иного теоретического положения.

C. Эмпирический опыт не является критерием истины.

Думаю, вторая посылка вызовет у читателей больше всего вопросов. Следует обратить внимание на словосочетание «теоретического положения». Мы здесь строго различаем теоретические и практические/феноменальные положения. Например, информация о том, что у бурых медведей определенная расцветка шерсти, не является теоретическим положением. С такой работой эмпирический опыт более-менее справляется.

Под теоретическими положениями понимаются такие положения, которые указывают нам на устройство мира, но не являются при этом прямыми наблюдениями. Теоретические положения всегда представляют собой абстракции, обобщающие уже полученный опыт и подразумевающие опыт возможный.

Основная проблема заключается в том, что одну и ту же совокупность эмпирического опыта всегда можно описать бесконечным (или стремящимся к бесконечности) количеством теорий. Если мы не будем ограничиваться натуралистическими и фальсифицируемыми теориями, то один и тот же опыт будет иметь потенциальную возможность быть описанным посредством неограниченного количества всевозможных взглядов на мир. Опыт не может доказать истину, потому что из опыта может следовать всё, что угодно. Сам по себе опыт является плохим источником познания.

Ответ объективистам: В основном этот аргумент адресован объективистам, которые считают, что эмпирический опыт что-то доказывает.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XIII: О совокупности сомнительных методов

P1. Совокупность сомнительных методов не может гарантировать надежный результат в познании.

P2. Все теоретические методы науки сомнительны.

C. Все теоретические методы науки не могут гарантировать надежный результат в познании.

Выше мы уже рассмотрели множество фундаментальных методов науки. Более того, далее мы попытаемся рассмотреть не меньшее их количество. Все они окажутся либо сомнительными, либо практически достоверно ложными. Есть люди, которые признают ложность или сомнительность всех этих методов отдельно друг от друга, но, по их мнению, совокупность ложных методов даёт нам возможность претендовать на истину или приближаться к ней. Звучит, как мне кажется, странно. Мы орудуем ложными или сомнительными методами, но каким-то образом суммарно получаем из них истину.

Аристотель писал: «маленькая ошибка в начале становится огромной в конце». Почему это происходит в логике? Потому что из ложных посылок, даже если они будут не тотально ложными, в процессе выводов мы можем прийти до абсолютно ложных утверждений. То же и с нашими основными методами. Если все они сомнительны или ложны по отдельности, это не делает их истинными вместе. Скорее, наоборот, каждое сомнение и каждая неточность и ложность в озвученных методах отдаляют нас от достижения истины, а не приближают к ней. Накопление базовых ошибок в рамках этих методологий ведёт к увеличению проблем и вопросов, а не их уменьшению.

Но, к сожалению, сложность всех этих методов делает их анализ для большинства людей невозможным, а потому они наивно доверяют системе, в которой довольно много методологических оснований, не проясняя для себя методологическую значимость тех или иных элементов собственной интеллектуальной деятельности и, тем более, деятельности ученых. Для людей довольно трудно во всем этом разбираться, а потому они выбирают простой путь – быть послушными последователями и конформистами в области познания. Это довольно распространенная стратегия поведения.

Ответ объективистам: Этот ответ подойдет против объективистов.

Ответ фальсификационистам: Также он подойдет против фальсификационистов.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XIV: Верификация

P1. Верификация не является надежным методом получения знания.

P2. Наука в том числе использует верификацию.

C. Наука не является надежным подходом получения знания, когда использует верификацию.

Верификация не является надежной, потому что базируется на индукции, а проблемы индукции мы уже обсуждали.

Ответ объективистам: Прежде всего, это ответ объективистам.

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XV: Научная методология и практика

P1. Люди считают, что научная методология позволяет создать практические открытия.

P2. Но это крайне сомнительное убеждение.

C. Люди, скорее всего, заблуждаются.

Связь научной методологии и практики, как мне видится, слишком преувеличена. Во-первых, мы точно знаем, что до возникновения научного метода было изобретено множество практик. Среди них были и достаточно сложные, включая паровой двигатель, часовые механизмы, сложные форма обработки металла и так далее. Нам известно, что даже принцип парового двигателя был открыт до издания основных работ Галилея⁵⁰. Древний инженер Герон Александрийский в первом веке изобрел первое известное устройство, приводимое в движение паром. Это устройство состояло из шара с дюзами, из которых пар выходил по касательной. Паровой поток заставлял шар вращаться. Реальная паровая турбина была изобретена намного позже, в XVI веке. Её изобретателем был турецкий астроном, физик и инженер Такиюддин аш-Шами. Он предложил метод вращения вертела посредством потока пара, направляемого на лопасти, закрепленные по ободу колеса.

⁵⁰ Галилей мной и многими учеными и философами науки считается основателем научного метода. Подобную позицию в своих работах высказывал, например, А. Эйнштейн. Конкретно у Галилея мы встречаем совмещение всех необходимых черт научного метода: математическое моделирование, построение теорий, фальсификация, эмпирический опыт, натурализм в исследованиях и т.д. Именно поэтому мы соотносим практические открытия с работами именно Галилея, а не, скажем, Аристотеля или Роджера Бэкона.

Во-вторых, развитие науки и техники с XVII века действительно шло рука об руку, но это не означает, что именно наука провоцировала развитие техники и уже тем более не значит, что только она и могла сделать нечто подобное. Возможно, это развитие техники привело к развитию науки, что, как мне видится, куда более вероятно. Именно тот регион, который обогнал все прочие по уровню технического оснащения, смог выстроить самую мощную натуралистическую методологию. Это совершенно не удивительно. С другой стороны, удивительным смотрится признание того, что система, производящая ложные теории (а многие научные теории провалились и многие еще окажутся ложными), является главным мотиватором практики.

Мне кажется, люди путают собственно науку с некоторыми её составными частями, которые и без того существовали до возникновения научного метода. Моделирование, эмпирический опыт (наблюдения), математика, классификация – всё это существовало до науки. Конечно, все эти элементы могут оказаться полезны на практике, но проблема заключается в том, что они не являются собственно научными. Чем наука отличается от ненауки? Конечно, можно сказать, что масштабом опыта, классификации, количеством моделей, но при наличии достаточного количества людей любая система могла бы себе позволить нечто подобное. В чем качественное отличие науки? Я отвечаю так: в определённом типе построения теории, которая отличается от других теорий рядом свойств.

Свойства научной теории таковы:

- Натуралистичность;
- Фальсифицируемость;

- Предсказательность.

Под предсказательностью здесь понимается возможность предсказывать будущие открытия. Предсказательность во многом пересекается с фальсифицируемостью, потому что неудачное предсказание может послужить отличным фальсификатором для теории.

Так вот, теперь наша цель заключается в том, чтобы определить, насколько натуралистичность, фальсифицируемость и предсказательность влияют на нашу практику? Да, мы вычли из всего этого списка математику, моделирование, эмпирический опыт в чистом виде и многое другие, что наука вполне могла бы разделить с другими методологиями. Остались исключительно её качественные отличия. И, честно говоря, в таком случае становится не так очевидно, что научная методология действительно может принести пользу. Да, теория должна предсказывать те или иные будущие открытия, но ведь она может ошибиться. Как на это вообще можно рассчитывать? Да, научная теория фальсифицируема, но и что с того для практика?

Ещё раз повторяюсь, заслуги «науки» в умножении эмпирического опыта, моделирования, развитии математики и классификации мне видятся не такими большими, просто научное сообщество монополизировало эти сферы и теперь не допускает туда представителей альтернативных методологий. В этом и заключается весь секрет практичности науки.

Впрочем, есть множество мировоззрений, которые выступают против практичности. Так что я бы заметил, что основная функция науки в создании практики – это её объяснение (но с этим может

справиться почти любое философское мировоззрение) и мотивация изобретателей (потому что наука в целом прогрессивно настроенная методология). Но во всех этих случаях наука оказывается вполне заменимой. Проблема многих людей заключается в том, что им очень не хочется анализировать понятие науки. Они опираются на формы анализа заведомо предвзятые, то есть подверженные научной пропаганде и это в итоге даёт печальные результаты, согласно которым у нас есть священная наука, а все остальные подходы к познанию ничего не стоят.

Подробнее на эту тему я рассуждаю в тексте «Философия практики».

Ответ объективистам: -

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: Прежде всего, данный аргумент адресован инструменталистам, которые думают, что наука и практика тесно связаны.

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XVI: Неоспоримость факта

P1. Что-то может считаться неоспоримым, только если это нельзя проинтерпретировать иначе.

P2. Любой научный факт можно проинтерпретировать иначе.

C. Любой научный факт не может считаться неоспоримым.

Любой научный факт возникает в контексте интерпретации. Сами феномены – немые. Они не рассказывают нам о том, что мы конкретно ощущаем. Научный факт выстраивается на основании натуралистической картины мира и доминирующих в науке теорий. То есть он не является неоспоримым. Напоминаю, что ранее те же минералы считались живыми организмами. Факт в отличие от феномена уже содержит в себе элементы объяснения того или иного события, а объяснения – всегда мыслимые конструкции, которые являются сомнительными.

Учёный выдает свое собственное мнение и мнение научного сообщества о том или ином феномене за факт. Факт не является истиной, а лишь представляется интерпретацией феномена в контексте доминирующих в науке теорий и методов. Теории и методы могут оказаться ложными, как следствие, язык и система представлений, благодаря которым факт вообще может существовать, являются крайне сомнительными. Работают лишь корреляции между феноменами, но эти корреляции имеют опосредованное отношение ко всему, что мы называем наукой. Наука (практически в любом понимании этого термина) не является необходимой для того, чтобы мы имели возможность систематически обнаруживать и использовать корреляции между феноменами.

Например, отличить живую клетку от микроскопического духа позволяет исключительно наша система представление, с которой мы

подходим к объяснению феномена. Многим покажется это странным, но на деле оно так и устроено. Факты – это буквально выдумки ученых, которые получены из их сомнительной методологии. Нет никакого смысла доверять научным фактам, так как они сами по себе не являются несомненными.

Ответ объективистам: Этот аргумент ударяет по объективистам.

Ответ фальсификационистам: Также он может затрагивать фальсификационистов, потому что непонятно, что вообще означает тот или иной эксперимент, если факты как таковые недостоверны. С чего мы вообще решаем, что этот факт опровергает нашу теорию? Ответ прост: это значит, мы договариваемся о том, что будем считать опровержением.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XVII: О границах знания

P1. Если познание ограничено, то оно невозможно.

P2. Познание ограничено.

C. Оно невозможно.

Ограниченность «познания» делает его проблематичным, потому что более достоверные формы познания идут от общего к частному, а не от частного к общему. При полной индукции мы можем познать что-то, но полная индукция практически во всех научных вопросах невозможна из-за того формата, который предлагает научная методология. Дедуктивный метод здесь можно назвать куда более надежным, но при этом он в чистом виде нам недоступен, потому что мы не знаем исходных общих посылок, которые были бы наверняка истинными. Было бы идеально иметь представления о всеобщих законах мира изначально, а уже потом выводить из этого какие-то частные следствия, но мы вынуждены получать наши обобщения индуктивным путем, а потому они вероятностные. Не более того.

Без общего знания невозможно частное знание, потому что знание – это доказанная истина, а неполная индукция не позволяет проводить точных доказательств. Следовательно, знание оказывается невозможным.

Если мы не можем ориентироваться на частное знание, потому что оно недостоверно, то мы не можем точно определить путь к истине, потому что нам не понятно, куда необходимо развиваться, чтобы её достигнуть. Важно понимать, что истина – это не какая-то точка на оси координат, направление к которой мы заведомо знаем. Мы исходим из изначального незнания истинного положения и даже направления, в котором необходимо двигаться для её достижения.

Удостовериться в знании можно было бы только в одном случае: если бы мы заранее знали истину. Все прочие способы не

гарантируют окончательной уверенности. Те же, кто уверены, скорее упрощают ситуацию.

Ответ объективистам: Объективисты по странному стечению обстоятельств полагают, что уже знают истину. Для них все это должно стать довольно большой проблемой, но им не привыкать игнорировать проблемы в познании.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационисты все же думают, что посредством их метода мы истины не достигаем, но приближаемся к ней. Как я уже говорил, что в контексте бесконечного множества потенциальных теорий довольно сложно оценить степень приближения нас к истине. А если этого приближения нет, то и сам фальсификационизм бессмысленен.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XVIII: Против альтернативных определений знания

Существует множество подходов к определению «знания» и «истины». Я не вижу в них никакого смысла, потому что все эти подходы лишь размыывают смысл довольно понятных и просто трактуемых слов, которые понятны абсолютно всем людям. Истина – это соответствие наших представлений реальности. Другие подходы к

определению истины – следствие деградации философии, в рамках которой стало можно озвучивать буквально любой логически выстроенный шум. Есть отдельные (относительно небольшие) группы сумасшедших, которые переопределили слово «истина», хотя в этом не было никакой необходимости. Те же прагматики могли бы просто отказаться от употребления слова «истина», потому что нет никакого смысла менять значение этого слова.

Безусловно, мы можем сделать критерием истины (понятой как соответствие наших представлений реальности) практику, непротиворечивость, красоту и много чего ещё, но одно дело создать критерий на базе общепринятого определения, а совсем другое – заменять смысл определения, которое используется большинством философских школ, религиозных учений и обывателями. Это как если бы неожиданно в мире появился недоумок, называющий философией деятельность по аргументации некоторых общих положений. Ах, точно, простите. Похожего определения придерживается буквально большинство людей, окончивших философский факультет, из тех, что я знаю. Но, понятное дело, что аргументируют общие положения теология, религия, астрология, наука и много чего ещё. Более того, философия не всегда концентрируется на аргументации как на основном аспекте и большинство известных философов проигрывают по уровню аргументации известным теологам и учёным. Получается, что теологи и учёные – это большие философы, чем сами философы? Странно. Более того, в философии есть иррациональные направления, которые возникли ещё в древности и тоже носили гордое имя данной дисциплины. Я буквально считаю, что тенденция называть философию прежде всего рациональной деятельностью проистекает из невозможности некоторых людей сложить 2+2.

То же и истиной. Многие люди внутри философии легко поддаются абсолютно бессмысленными языковым играм, а отсюда и появляются всевозможные «теории истины». Для меня само словосочетание «теория истины» кажется неприемлемым, потому что истина никогда не была сама по себе теорией. Она всегда была дана в довольно простом и понятном всем определении.

То же и со знанием. Знание – это определение, которое следует из истины, так как под знанием мы понимаем доказанную истину. Более мягкие формы определения данного слова просто бессмысленны, потому что подавляющее большинство людей использует слово «знание» именно в этом значении. Если в вашем «знании» можно сомневаться, то это, очевидно, не знание. Если может оказаться, что вы находитесь в симуляции, то и теория эволюции, явно, знанием не является.

К сожалению, в наши дни словом «знание» спекулируют буквально всё группы людей, которые уверены в своей правоте. Если их прижмут в рамках классического определения, то они сразу же попробуют отступить к более мягким формам осмысления знания. Все это нелепый набор языковых игр, от которых человечеству лучше было бы отказаться.

P1. Если существует общеупотребимое, простое, понятное и качественное определение, то не имеет смысла его заменять.

P2. Классическое определение знания простое, понятное, качественное и общеупотребимое.

C. Не имеет смысла заменять определение знания.

Ответ объективистам: -

Ответ фальсификационистам: -

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент XIX: Предсказание как критерий истины

P1. Критерием истины является такой параметр, который гарантирует истинность нашего убеждения.

P2. Предсказательность теории не гарантирует истинности нашего убеждения.

C. Предсказательность не является критерием истины.

Предсказательность в обоих смыслах этого слова не гарантирует нам истинности наших убеждений, потому что мы всегда можем представить бесконечный набор теорий, которые будут предсказывать наблюдаемые следствия в мире. Также напоминаю, что существует две формы предсказания: предсказание грядущих следствий из индуктивного опыта и предсказание будущих фактов. Первое предсказание можно описать так: предметы с такими

характеристиками всегда вели себя таким образом, а потому они и дальше будут вести себя таким образом, например, камень всегда падает на Землю при одних и тех же условиях с одинаковой скоростью. Второй род предсказания позволяет из теории вывести будущий открытый факт или группу фактов.

Для первого типа предсказаний не нужна никакая наука и научные теории. Для второго типа предсказаний подойдут теории любого типа. Более того, натуралистические теории не всегда справляются с предсказанием. О предсказаниях мы узнаем уже постфактум. Мы заранее не знаем, предскажет ли что-то та или иначе теория. Более того, мы можем представить себе ситуацию, в рамках которой есть две теории: одна ближе к истине, а другая – абсолютно ложна. Но именно вторая будет предсказывать будущие открытые факты, а первая нет.

Допустим, мир материалистичен. Есть теория, которая исходит из абсолютной материалистичности мира, но не учитывает, скажем, эволюцию. Есть и другая теория, согласно которой мы находимся в симуляции, созданной Богом, но при этом Бог оставил в виртуальной Земле всевозможные окаменелости. Изучив закономерности, идеалист пришёл к выводу, что окаменелости бывают определенных типов, а среди них не достает промежуточного звена. На этом основании он предсказывает открытие будущих окаменелостей, несмотря на то, что он против материализма и отрицает теорию эволюции. Из ложных теорий могут следовать верные предсказания, а из тех, что находятся ближе к истине, — могут следовать ложные предсказания. Именно поэтому предсказания не являются надежным критерием истины.

Мне кажется довольно странным, что такие простые вещи приходится объяснять людям, поклоняющимся науке, потому что это

более чем очевидно. Насколько сильно можно избегать вопрошания, чтобы не замечать, что практика и предсказания не являются критериями истины. Теория Ньютона, например, была ложной, но давала оба типа предсказаний.

Аргумент XX: Практика как критерий истины

P1. Критерием истины является такой параметр, который гарантирует истинность нашего убеждения.

P2. Практичность теории не гарантирует истинности нашего убеждения.

C. Практичность не является критерием истины.

Всё, что было сказано выше, в полной мере относится и к практике, понятой как критерий истины. Важно также отметить, что основная задача науки – это не столько создание практик, сколько их описание. Описание практики может осуществляться любым набором теорий. Это не делает их истинными. Практика не является критерием истины.

Аргумент XXI: Непротиворечивость как критерий истины

P1. Критерием истины является такой параметр, который гарантирует истинность нашего убеждения.

P2. Непротиворечивость теории не гарантирует истинности нашего убеждения.

C. Непротиворечивость не является критерием истины.

Мы можем себе представить ложные непротиворечивые теории. Более того, эти теории могут согласоваться с другими ложными теориями, которые мы считаем истинными. Мы можем создать сколь угодно большую непротиворечивую систему, которая будет ложна.

Важно отметить, малоумный человек может подумать, что речь идет о какой-то там абстрактной и философской истине, на которую наука вообще не претендует. Во-первых, претендует в рамках объективистского подхода. Во-вторых, всё это касается и частных истин.

Также критерий непротиворечивости понимается в контексте науки таким образом, что наши новые теории не должны противоречить всем прочим представлениям, которые мы имеем о мире. Если же наши представления ложные, то это требование буквально вынуждает нас согласовывать новые теории с ложными представлениями, что губительно для познания. Более того, если в круг истинных представлений проникло некоторое ложное, то чисто формально это единственное ложное представление может привести к тому, что все или многие новые теории, которые мы создаем, с необходимостью будут ошибочны, так как опираются на нечто ошибочное.

Аргумент XXII: Ответ на аргумент к отсутствию альтернативных методов

P1. Если альтернативные методы создания теорий существуют, то необходимо с ними считаться.

P2. Альтернативные методы существуют.

C. С ними необходимо считаться.

Зачем с ними считаться, если научный метод – самый лучший? Это мы разберем в следующем аргументе. Ранее мы уже подчеркивали, что определить эффективность познавательного метода крайне сложно, потому что критерием является истина, а истину достоверно подтвердить довольно трудно. Альтернативные способы достижения истины по разным вопросам существуют. Этих методов очень много. Достаточное количество из них носят рационалистический характер.

Аргумент XXIII: Ответ на аргумент о том, что у науки лучшие методы

P1. Для того, чтобы определить лучший метод, необходимо провести непредвзятое сравнение с другими методами, учитывая масштабы методологий и количество задействованных лиц.

P2. Ни одно альтернативное науке направление не обладает такими методологическими масштабами и не задействует в познании такое большое количество лиц.

C. Определить лучший метод на данный момент не представляется возможным.

Ответ объективистам: Объективисты отстаивают более серьезную позицию, согласно которой научный метод не просто лучший, но единственный. Против них можно использовать данную аргументацию.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационисты уверены в том, что научный метод всё же лучший. Хотелось бы узнать, чем он конкретно лучший? Скорее всего, тем, что в нем присутствует фальсификация. Допустим, что фальсификация – это критерий качества. Потенциально мы можем представить себе, что фальсификация будет не только в науке. Если же мы не допускаем, что фальсификация – действительно критерий качества в познании, то здесь у нас появляются сомнения в научном методе вообще.

А ведь у нас действительно нет сильных аргументов, которые бы заставили признать, что фальсификация хотя бы приближает нас к истине. Истина здесь становится в самом центре определения качества, потому что мы имеем дело с познанием.

Ответ инструменталистам: Также этот аргумент можно использовать против инструменталистов, потому что они думают, что главным критерием качества науки является её практичность. Мы не можем сравнить практичность науки и других философских и религиозных направлений, потому что ни в одной даже самой большой религии или философском направлении никогда не было такого количества исследователей и такого уровня социального устройства, как в современной или даже не современной, а науке прошлого. То есть сциентический инструментализм является довольно сомнительной концепцией, потому что у нас нет оснований для практического сравнения разных учений.

Ответ социальным сциентистам: -

Группа аргументов IV: Логическая

Прояснение

Логика представляется мне сомнительной системой, если говорить о её применимости к познанию. Во-первых, главная проблема логики заключается в том, что она опирается на язык, который строится на общих понятиях. Есть довольно высокая вероятность того, что тот формат речи, которым пользуются люди, в принципе не может быть адаптирован к тому, чтобы достигать некой истины. Как следствие, логика также оказывается в этом деле бесполезна. Под истиной здесь понимается соответствие наших представлений действительности. Язык работает через многочисленные обобщения, которые являются продуктами нашего ума и не имеют коррелятов в феноменальном мире. Феноменально мы ощущаем два стула, а не стулья. У нас нет феномена стульев как некой общей категории. Язык очевидно довольно странно работает даже с феноменальным миром. Маловероятно, что он хорошо работает с миром истинным.

Во-вторых, даже если существуют общие понятия (как в платонизме), то далеко не факт, что мы с помощью нашей смертной логики смогли уловить их подлинную структуру. Важно понимать, что люди, создававшие логику у самых истоков античности, чаще всего наделяли общие понятия высочайшим онтологическим статусом. То есть общие понятие существовали либо в мире идей (Платон), либо в самих вещах как отдельные сущности, то есть формы (Аристотель). У всех этих мыслителей присутствовала

необоснованная надежда на то, что их формат языка и формат обобщения проистекает из верных онтологических интуиций, а потому существует совпадение между языком, логикой и реальным миром. Я же не готов безосновательно поверить в такую сильную концепцию, а без неё, как мне кажется, применение логики к реальности начинает носить условный характер. Если мы не платоники и не перипатетики, то непонятно, каким образом логика вообще может объяснять реальность даже с «истинными посылками», если их в принципе можно придумать.

В-третьих, у логики, или, если точнее, у её пользователей, есть и определённая психология, которую необходимо учитывать. Приведение доводов является одной из важнейших черт подавляющего большинства культур. Впрочем, не всякий довод можно называть полноценным аргументом. Доводы также присутствуют в культуре общения простых людей, но там, чаще всего, доводом может оказаться абсолютно любое высказывание, никак не связанное с доказываемым положением. Отсюда я вывожу, что для обыденного сознания в принципе свойственно искать доводы, но в качестве довода может выступать абсолютно всё, что угодно. Это такая психологическая подпорка, которая убеждает человека в своей правоте. И чем больше таких подпорок, тем убедительнее выглядит то или иное мнение для носителя. У обывателя чаще всего тезис и довод не имеют очевидного следования, но по какой-то причине человек считает, что довод необходим и укрепляет его убеждённость.

Более развитая и зрелая аргументация не свойственна подавляющему большинству людей, что является неоспоримым фактом, и она требует от пользователей владеть некоторым набором

интеллектуальных навыков. Впрочем, и здесь проявляется это нелепое свойство "искать и находить доводы". В отличие от обывателя более зрелый аргументатор обязан связывать посылки и выводы. То есть упрекнуть его в противоречии уже не получится. Но те посылки, которые он избирает, в подавляющем большинстве случаев и сами требуют доказательства или оказываются недоказуемыми и берутся на веру. То есть, получается, что человек поддерживает свою убежденность, опираясь на сомнительные доводы. Например: "Если существует что-то сверхъестественное, то Бог есть. Сверхъестественное существует. Бог есть." Первая посылка в данном случае является нашей выдумкой, как и любая другая посылка.

Я хочу сказать, что даже для опытных аргументаторов логика и аргументация служат такими же подпорками для их убежденности, как и для обывателя доводы, не связанные с выводом. У человека есть культурное или, может быть, даже врождённое стремление подкреплять свои мнения. Только вот нет биологического механизма, который позволяет оценивать качество этих подкреплений. Потому обыватель может приводить доводы, вообще не связанные с тезисом, а хороший аргументатор опираться на крайне спорные посылки, которые сами требуют доказательства. В итоге позиции обоих оказываются недоказанными в одинаковой степени, но оба укрепляют свою убежденность с помощью данного психологического свойства доводов.

В общем, я ставлю под сомнение возможность достижения истины в некоторой абстракции вообще, также возможность выразить истину в высказывании. Из этого следует, что логика оказывается сомнительной в познании, потому что истина в логике постулируется

через высказывание. Важно подчеркнуть, что я лишь озвучил сомнение, а не опроверг логику как таковую.

Главный ответ любителей логики против всего, что я уже озвучил и того, что я буду озвучивать, заключается в нехитрой и глупой игре словами: ты опровергаешь логику с помощью логики, а потому твоё опровержение становится противоречивым, потому что, если ты опровергнешь логику, то и опровергнешь легальность способа своего опровержения. Ответ на эту претензию крайне прост: если логика позволяет сама опровергнуть себя собственными же средствами (а она позволяет это сделать), то вместо того, чтобы закрывать глаза на это обстоятельство, мы должны обратить внимание на возникающие парадоксы. Если логика при оценке себя создает парадоксы и противоречия, то это не повод для того, чтобы продолжать слепо придерживаться её, не допуская противоречий. Это как раз повод усомниться в логике.

Секта логиков порой носится со своим золотым логическим тельцом, не обращая внимания на то, что, скорее всего, все разновидности логики – это просто формальные системы по типу шахмат, карточных игр и многих других подобных вещей. Для сектантов логика нерушима и неизменна, вечна и абсолютна. Она работает во всех возможных мирах. Это типичная речь логических сектантов, которая не будет иметь серьезных аргументов в своей подтверждение. К сожалению, фанаты логики очень часто оказываются фанатичными сектантами, ослепленными своей системой. И это не удивительно, ведь «логика» проникает в самую структуру мышления человека и искажает её. Весь мир человека начинает реконструироваться под законы логики. Это очень сложная религиозная практика, которая требует много времени и усилий.

Конечно, логические сектанты не могут просто взять и признать свою неправоту или обратить внимание на логические парадоксы, которые возникают, когда мы направляем логику на логику.

Здесь я замечу, что нас вполне устраивают те противоречия, которые возникают в ниже используемых аргументах. Например, с помощью дедуктивного рассуждения вполне можно подвергнуть дедукцию сомнению.

Также я отмечу, очень странно было бы считать, что всякая формальная система, которую мы только можем придумать, истина уже хотя бы потому, что при её использовании на самой же себе возникают противоречия. У логиков очень мало серьезных аргументов в пользу логики. И почти все эти аргументы зациклены на словах и высказываниях.

Аргумент I: Против дедукции

P1. Для получения верного дедуктивного вывода необходимы верные посылки.

P2. Невозможно составить верные посылки (кроме верных посылок данного аргумента и верных посылок в формальном смысле, но мы изначально подразумеваем истину как таковую)

C. Получение верного дедуктивного вывода невозможно.

Ответ объективистам: Это сильно бьет по объективистам, потому что наука использует логику. В том числе, дедуктивную логику. Невозможность составить верные посылки отменяет любую возможность к дедуктивному познанию, а дедуктивное познание с логической точки зрения является более надежным, чем индуктивное. Если и рассчитывать на объективное знание, то оно должно опираться на нерушимую дедукцию.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационисты также могут испытывать проблемы с данным аргументом, потому что фальсификационизм основывается на дедукции. Более того, если хотя бы приближение к истине невозможно, а без возможности доставать верные посылки оно невозможно, то и фальсификационизм оказывается бессмысленным.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент II: Против индукции

P1. Индукция даёт вероятностные выводы.

P2. Вероятностные выводы не могут служить прочной основой для познания.

C. Индукция не может служить прочной основой для познания.

В целом, это пересказ аргумента Юма. Вероятностные данные в случае науки бесконечно недостаточны. Существует два типа индукции: полная и неполная. Чаще всего мы сталкиваемся с неполной индукцией, когда делаем вывод из некоторого количества фактов, не обладая всей совокупностью данных. Например, мы говорим, что все лебеди белые, потому что наблюдали несколько белых лебедей. Это рассуждение является вероятностным. Но давайте оценим вероятность нашей правоты. Сколько лебедей мы видели? 20? 30? 200? 2000? А сколько реальных лебедей существует? Сотни тысяч? Миллионы? Более того, нам важно понимать, что наш вывод о лебедях «все лебеди белые» работает не только на существующих лебедях, но и на ещё не родившихся, а потому мы имеем дело с потенциальной бесконечностью. Как бы мы не рассматривали эту картину, получается, что наша вероятность верного суждения равна один к бесконечности.

Существует, конечно, полная индукция, когда мы рассматриваем ограниченное количество явлений, но этот подход ничего общего не имеет с наукой, потому что наука стремится создавать обобщающие выводы, которые в итоге оказываются научными теориями и гипотезами. Наука классифицирует имеющиеся данные, а потом автоматически экстраполирует имеющиеся факты на все возможные случаи. В этом плане, вероятность научных индуктивных выводов всегда равна один к бесконечности.

Ответ объективистам: Для объективистов это большая проблема, потому что даже простые научные выводы оказываются необъективными. Наука оказывается права, но с очень маленькой вероятностью, потому что в большинстве случаев она экстраполирует

результаты частных исследований на все возможные случаи. И абсолютно неважным оказывается количество испытуемых, потому что подлинный научный вывод делается о бесконечном множестве существующих и возможных, исследованных и неисследованных объектов данного класса.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационисты находятся на стороне этого аргумента, а потому выбирают дедуктивную стратегию решения научных проблем, которую мы уже подвергли сомнению.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент III: Против методов смешения индукции и дедукции

Поскольку методы индукции и дедукции оказались недостаточными и имеющими фундаментальные проблемы, начали появляться логические и методологические подходы, которые в разных пропорциях смешивали индукцию и дедукцию.

P1. Метод нельзя назвать более эффективным, если при смешении двух других методов он не только не аннулирует их недостатки, но и преумножает их.

P2. Любой метод совмещения дедукции и индукции не аннулирует основные их недостатки и преумножает уже имеющиеся.

C. Ни один из методов смешения индукции и дедукции нельзя назвать более эффективным.

Как мне видится, вся проблема заключается в коренных недостатках дедукции и индукции. Дедукция полагается на общие понятия (которые в мире, скорее всего, не существуют), а также базируется на посылах, которые при своей ложности ведут к ложным выводам. Индукция же коренным образом имеет дело с вероятностными оценками, которые следует сопоставлять с бесконечностью. Когда наука, например, говорит, что «все планеты вращаются вокруг звезд по описанным нами законам», вывод делается на основании незначительного (по сравнению с бесконечностью) количества уже изученных звезд.

Всё это можно обыграть через взаимодействие дедукции и индукции, чтобы сильнее запутать слушателя, что в науке обычно и происходит. Неправильно сводить науку исключительно к индукции, как делают многие. Наука в разных своих логических подходах смешивает индукцию и дедукцию⁵¹. Так у ученых получается запутать познавательный след, только проблема заключается в том, что в этом запутывании принимают участие заведомо несовершенные методы.

⁵¹ И все же индукция идет в научном методе по порядку первая, а уже потом проводится дедуктивная фальсификация. Именно поэтому большинство аргументов в пользу тех или иных научных теорий сформулированы индуктивно.

Как мне видится, любое применение дедукции оказывается проблематичным, если мы допускаем возможность, что ни одна общая посылка не является истинной, поскольку мы, люди, в принципе не обладаем возможностью формулировать истинные общие посылки (а, возможно, даже и частные). Мне могут привести пример: у нас есть два стула. Посылка: у двух этих стульев четыре ножки. Мы можем на феноменальном уровне проверить, что их действительно четыре, обращаясь к каждому отдельному стулу. Да, это своеобразный феноменальный пример. Действительно, существует два феноменальных объекта, которые даны нам в опыте и которые, как мы обозначили, имеют четыре ножки. Но разве это не всё наши мыслительные обобщения? Например, почему я вообще считаю, что свойство «иметь четыре ножки» существует? Нет, оно не существует нигде, кроме моего сознания⁵². Как же оно может быть истинным? Чему в реальном мире оно соответствует? Нет идеи четырехножности в мире идей Платона, как и самого этого мира (как мы здесь предполагаем). Следовательно, утверждение о том, что два стула имеют четыре ножки – не имеет истинного коррелята в реальности, даже феноменологической. В данном случае обобщение служит лишь формой упрощения нашего опыта.

⁵² Потому что сами свойства, скорее всего, это именно работа нашего внутреннего мира, а не какие-то онтологические единицы. Впрочем, есть идеалистические подходы, которые готовы критиковать это положение, но вот в рамках науки и сциентизма, как мне видится, для свойств нет места в онтологии нашего мира, а потому мы заранее можем согласиться, что свойств не существует нигде, кроме наших собственных сознаний. Если же мы постулируем существование этих свойств где-то ещё, то, вероятно, мы отходим от основ натурализма и сциентизма, либо прямо противоречим самим себе, что для рационалистически настроенных ученых может быть признано плохим.

Аргумент IV: Против логики вообще

P1. То, что не содержит в себе очевидных критериев истины, не может быть признано необходимым в рамках теории познания.

P2. Логика не содержит в себе очевидных критериев истины.

C. Логика не может быть признана необходимой в рамках теории познания.

Какой критерий истины в логике? Непротиворечивость? С чего мы взяли что истина вообще непротиворечива? Нам просто представлять истину непротиворечивой, потому что так мы лучше воспринимаем наши высказывания. Аналогия между реальностью и языком, как мне видится, крайне сомнительна. А сам язык, скорее всего, не имеет никакого отношения к истине и не выражает её. Можно, конечно, попытаться переопределить истину. Многие так и делают. Некоторые даже упрощают себе задачу и сразу говорят, что истинность – это непротиворечивость. То есть любой набор ложных утверждений может быть истинным, если он непротиворечив. Или же непротиворечивость – это такой критерий, которые заставляет нас соотносить наши данные с уже имеющейся истинной. А как тогда мы определяем первые истины, от которых отталкиваемся? Спонтанно? Сама по себе непротиворечивость является довольно пустой концепцией, которая предлагает нам на выбор слишком много непротиворечивых моделей.

Аргумент V: Логика о высказываниях, а не об истине

P1. То, что позволяет работать с высказываниями, не имеет никакого отношения к истине, потому что высказывания не имеют отношения к истине.

P2. Логика работает с высказываниями.

C. Логика не имеет никакого отношения к истине.

Вероятнее всего, логика – это просто одно и огромное количество способов регулировки нашего дискурса. Логика структурирует высказывания людей, то есть, по сути, выполняет роль стилистики. Форма логики представляется удобной для анализа чужих высказываний и взаимодействия с некоторыми группами людей по тем или иным вопросам. Логику в этом плане можно сравнить с этикетом. Она во многом и выполняет в дискурсе функции этикета, то есть позволяет отличить человека образованного от необразованного.

Впрочем, многие начинают гордиться своей логичностью и обожествлять её. Вероятно, это связано с рядом свойств человеческой психики. Человеку нужно догматически верить во что-то и цепляться за некоторые якоря, которые позволяют ему не потеряться в океане сомнений. Для многих интеллектуально настроенных людей таким якорем является логика. И этому человеку легко забыть, что он пользуется здесь чем-то сравнимым с этикетом или стилем. Он хочет наделять логику какими-то большими характеристиками, потому что

это сделает и его в собственных глазах более значительным и статусным. Одно дело, когда ты правильно держишь вилку (что бы это ни значило), а другое – когда ты ПРАВИЛЬНО используешь своё мышление (что бы не означало правильно в данном случае).

Что значит «правильно» в случае с логикой? То же, что в этикете, то есть так, как это принято в логике. У нас получается цикл в доказательстве: логика является правильным мышлением, потому что правильное мышление логично, видимо, по определению. При этом мы знаем огромное количество разных способов мыслить, которые при этом отличны от логического. Не совсем понятно, почему они очевидно ложны. Просто если мы доказываем логику через логику, то почему бы не доказывать мистику через мистику? Мистическое мышление правильное, потому что правильное мышление – мистично?

Логика – это одна из форм этикета в рамках наших дискрусивных практик. Этих форм этикета было довольно большое количество. Какая из них является правильным мышлением, а какая – нет – это просто оценочные суждения, построенные на мнении интеллектуалов из одной культуры, которая вообще с самого начала делала ставку на возможность достижения истины с помощью языка. Важно подчеркнуть: европейская культура традиционно верила в возможность выражения истины с помощью языка. В других культурах к этому несколько другое отношение, потому что истинна в них представлена иначе. Например, в индийской культуре истина достигается благодаря созерцанию и медитациям, а все логические практики нужны лишь для особого рода игры, в рамках которой решается, в какую школу вступит тот или иной практикующий.

Аргумент VI: Формальные системы против реальности

P1. Если у нас нет оснований считать, что нечто соответствует реальности, то так не следует считать.

P2. У нас нет оснований считать, что формальные системы соответствуют реальности.

C. Не следует считать, что формальные системы соответствуют реальности.

P1. То, что не соответствует реальности, не может отвечать за познание реальности, так как в определении истины у нас имеется «соответствие» наших представлений действительности.

P2. Формальные системы не соответствуют реальности.

C. Формальные системы не могут отвечать за познание реальности.

Замечу, что этот аргумент сформулирован логически, но таким образом, что он не входит в цикл самоотрицания или противоречия. Сам данный аргумент не является «реальностью» и не говорит о реальности, которой истина должна соответствовать. Данный аргумент не отрицает сам себя, потому что не отрицает возможности применения формальных систем за пределами решения вопросов о некой реальности.

Впрочем, под формальные системы подпадает не только логика, но и математика, а потому исследование реальности с помощью математики также оказывается под большим вопросом. Не понятно, как происходит формирование подобия логики/математики и реальности, если реальность не абстрактна, а тотально конкретна, а логика и математика всегда и всецело абстрактны.

Если мы будем рассматривать логику и математику как методы познания, но при этом отвергнем платоновские, пифагорейские, перипатетические или аналогичные метафизические представления, то она перестаёт отвечать главному критерию истины, то есть критерию соответствия действительности. Проблема заключается в том, что наука принципиально отказывается от платоновской, пифагорейской, перипатетической или любой другой аналогичной оптики, а потому использование логики и математики в рамках науки теряет всякое онтологическое и метафизическое основание.

В случае с учениями Платона, Аристотеля и Пифагора мы получали целостные системы, в которых применение формальных методов к реальности обуславливалось самой метафизикой этих учений. В науке даже близко нет такой метафизики или хотя бы физики, которая бы позволяла применять логику и математику к объектам реального мира и получать при этом истину в стандартном понимании слова «истина», то есть соответствие наших представлений реальности. Мы можем, конечно, ослабить определение истины, чтобы подогнать под него науку, логику и математику, но смысла делать этого на данном этапе нет, потому что большинство людей от обывателей до философов понимают под истиной соответствие наших представлений реальности. Вероятно, даже сциентисты в большинстве своем принимают это определение.

Ожидание от слова «истина» обыкновенно именно такое. В среднем человек не ожидает, что под истинной ему подsunут некоторую практичность или непротиворечивость. Тем более, они не ожидают, что истинной попытаются назвать результат договора некоторой группы воодушевленных университетских сектантов. Ценность науки заключается в том, что, по мнению многих, она позволяет получать не только практику (что сомнительно), но и истину по некоторым вопросам (что, оказывается, тоже сомнительно).

У меня складывается впечатление, что истина, выраженная на языке математики и логики, в принципе не имеет никакой степени соответствия реальному миру. В мире нарушается главный закон логики, то есть закон тождества. Вещи не тождественные сами себе, пока мы о них говорим и мыслим. Вещи в реальном мире меняются. И все тождество существует исключительно в наших головах. Логика применительно объектов реального мира изначально смотрится невыгодно, и, кажется, греки это неплохо понимали. Логика лучше всего работает с абстрактными структурами, но реальный мир по представлениям науки не содержится в себе абстрактных структур.

Ответ объективистам: Для объективистов это один из самых опасных аргументов, потому что логика и математика, основные методы науки, противоречат самой научной картине мира, если их рассматривать как способы достижения истины. Проще говоря, наука, использующая логику и математику в качестве фундаментально важных методов, принципиально не может быть объективной и достичь истины по каким-либо вопросам. Этот факт буквально ломает объективизм.

Ответ фальсификационистам: С фальсификационистами, верящими в приближение науки к истине, тоже возникают проблемы, потому что, кажется, к истине мы не приближаемся, если используем математику и логику, а только лишь отдаляемся от неё, описывая конкретные феномены все более и более абстрактными формулами и высказываниями.

Ответ инструменталистам: -

Ответ социальным сциентистам: -

Аргумент VII: Язык и представление

P1. Нелепо использовать неэффективные методы для достижения своих целей, особенно если есть более эффективные.

P2. Язык является достаточно неэффективным методом передачи представления, который уступает по эффективности, например, иллюстрированию.

C. Использовать язык для передачи представления нелепо.

P1. Направление мысли, которое базируется на нелепых средствах достижения цели, само по себе является нелепым.

P2. Основным средством выражения любого представления в науке является язык.

С. Наука нелепа.

Важно понимать, что сам язык не представляется надежным методом передачи смысла и, тем более, истины. Да, мы уже, скорее всего, приняли, что довольно смело верить в возможность языка отразить истину. Это сомнение подкрепляется также и тем, что язык с большим трудом описывает наши собственные представления. Язык всегда работает с абстракциями, а наши представления конкретны. Мы наблюдаем перед собой некие образы, каждый из которых сам по себе является полноценным феноменом. Язык может выхватывать из картины то, что мы называем общими свойствами. При достаточно подробном описании свойств мы сможем сформировать устраивающее нас представление, но то, что это представление нас устраивает в рамках той или иной практической ситуации, ещё не говорит, что оно передано достаточно полно и подробно.

Например, я говорю кому-то: «Принеси стул из соседней комнаты». При этом у нас есть набор простейших характеристик: 1. Есть одна единственная соседняя комната; 2. В этой комнате есть один объект, который мы по общей договорённости называем стулом. Сложно не принести мне требуемый объект. Но в процессе описания этого стула я просто указал на комнату и название предмета, которое содержит в себе некоторые набор простейших свойств: 1. На нем можно сидеть; 2. У него несколько ножек и т.д. Это очень расплывчатое представление. Если бы у меня было несколько соседних комнат и в каждой находилось по несколько тысяч стульев, а подразумевал бы я только один конкретный, то у меня не получилось бы достичь желаемого данным запросом, потому что в запросе нет никакой конкретики. Только абстракции.

Вы можете сказать, что можно с помощью языка бесконечно конкретизировать те или иные свойства и добиться совпадения с любым объектом. Например, я хочу стул из соседней комнаты, которая находится к северу от той, в которой мы пребываем, а у этого стула есть множество зазубрин на правой-передней ножке, а левая-задняя может похвастаться рисунком маленькой птички. Мы все ещё не представляем себе этого рисунка маленькой птички и характер этих зазубрин. И так до бесконечности. Более того, при достаточно долгом описании мы просто начнем забывать свойства, потому что нам трудно будет удерживать в голове весь набор этих свойств одновременно. Действительно, можно создать крайне подробное описание того или иного объекта, но оно не только всегда будет скорее абстрактным, чем конкретным, но и будет трудным для нашего восприятия, что делает его менее эффективным, чем, например, изображение.

Картина является более эффективным и качественным способом передачи представления, но в науке этот метод уступает языковому. Либо для создания изображений, опять же, используются упрощающие модели, которые сводят объекты к точкам и прочим математическим объектам, что не позволяет нам создать целостное и качественное представление. Да, наука не обходится без изображений, но чаще всего это крайне упрощенные изображения. Впрочем, бывают и исключения. Я лишь подчеркиваю, что в науке язык занимает очень важную роль в формировании представления ученых. Язык же сам является крайне сомнительным средством для создания полноценных представлений, потому что работает не с представлениями, а абстракциями.

Безусловно, существует связь между представлениями и абстракциями, но эту связь требуется основательно прояснить. И, скорее всего, прояснение приведет нас к тому, что абстракция не всегда ведёт к формированию полноценного представления. Если у языка возникают проблемы с выражением представлений, то что уж там говорить об истине? К истине мы не имеем никакого прямого отношения и не можем воспринимать её так, как это происходит с нашими образами. Но даже с образами у языка возникают проблемы.

Аргумент VIII: Универсализм логики и реальность

P1. Универсализм является необходимой подпоркой логики, которая обеспечивает её гносеологическую силу, то есть связь логического представления с подлинной реальностью.

P2. Универсализм ложен (как минимум, наука не поддерживает универсализм).

C. Логика не имеет необходимой подпорки, то есть достаточного основания для применения в вопросах о достижении истины.

Наши философские предшественники, которые разрабатывали логику и математику, чаще всего были универсалистами. Это связано с тем, что им нужно было обоснование логики как системы, которая позволяет достигать некоторой истины. Истина как цель логического

исследования была крайне важна для этих философов, а правильное мышление было правильным, потому что по их представлениям логика не просто позволяла достичь истины, а была с ней тесно переплетена.

Современные философы, как мне это видится, в общей массе потеряли это важное для логики основание и одну из важнейших мотиваций для её развития. При этом в современном мире огромное количество философов догматически верят в логику и необходимость её применения в рамках философского дискурса об истине. Логика потеряла своё важнейшее универсалистическое основание даже в философии.

Наука же базируется на естественном мировоззрении, которое не допускает универсализма вообще. Универсалистические сущности благодаря Бритве Оккама в науке маловероятно будут приняты. Более того, акцент на натурализм не позволяет научному мировоззрению воспринять универсализм в принципе. Следовательно, в науке логика в принципе теряет один из главных аргументов, который связывал её с реальностью.

Для защиты логики в современном мире принято не озвучивать значимые аргументы, опирающиеся на картину мира, а произносить нелепые заклинания, которые работают в основном в тех, кто верит в логику. Логиковерие – распространенная болезнь современной философской интеллигенции. К сожалению, эта болезнь поражает все большее и большее количество людей. Поклонение логике без каких-либо серьезных оснований – это проблема современного мира. Безосновательная логика является методом познания, который доказывается всё остальное.

Аргумент IX: Зачем нужна логика?

P1. Если логика не позволяет сформулировать истинные положения, то она не является необходимой в разного рода дискуссиях.

P2. Логика не позволяет сформулировать истинные положения.

C. Логика не является необходимой в разного рода дискуссиях.

Первая посылка, как мне кажется, является истинной, потому что она позволяет нам зацепиться за главную ценность логики, которая отличается её, скажем, от риторики, поэзии, красивой прозы и других вербальных способов дискутировать. Логика традиционно претендует на возможность получить истину. Если истину по итогу применения логики мы не можем получить даже в теории, то кому тогда реально будет нужна эта сложная формальная система? Разве что практикам, которые создают компьютерные программы.

Если логика уступит в монополии на достижение истины другим системам ведения коммуникации, то она просто смешается с ними и станет им равна. Кто-то считает, что логика позволяет прояснять свою позицию. Но на деле практически любая коммуникативная стратегия позволяет делать это, даже если не содержит логики. Более того, само прояснение в рамках логики является логическим. Получается круг в аргументации: я хочу прояснить свою позицию, но под прояснением позиции я понимаю

именно логическое прояснение, то есть логика нужна ради логики. А большинство людей расскажут вам о своей позиции со всеми противоречиями. При этом логики скажут: вот же, с противоречиями! Да, но в случае с позицией большинства людей противоречия не ощущаются чем-то нелегальным. Это логика вводит требование к непротиворечию, а потом логики говорят, что их позиция лучше всех прочих, потому что она непротиворечива.

По итогам этой группы аргументов мы выяснили, что логичность не является чем-то несомненным и безоговорочно необходимым для познания. Логика – это крайне сомнительная формальная система, применение которой для получения истины ничем не обоснованно.

Группа аргументов V: Антропологическая

Прояснение

Помимо онтологии, метафизики, методологии и логики есть и другие аспекты, которые могут ограничивать научное познание. Опять же, очевидно, что ученые и сциентисты принимают как данность, что нам доступно познание в той или иной степени. Это базовое убеждение, без которого наука невозможна.

Впрочем, в рамках научного объяснения живые существа имеют некоторую предрасположенность к познанию, потому что им необходимо выживать в дикой природе. Если бы их восприятие было другим, то они не выжили. К сожалению, здесь наблюдается некоторый цикл верований, который подразумевает, что мы с помощью наших правильных восприятий открываем дикий мир, которые объясняет наши правильные восприятия, но дело в том, что если наши восприятия заведомо неправильные, то и наша информация об окружающем мире тоже. Сциентисты и ученые исходят из некоторого недоказуемого убеждения, что человек – это существо, которое может познавать, но как ни странно, за всю историю становления человеческого познания мы сталкиваемся со множеством странностей.

Выше были описаны методологические и логические проблемы науки. В том числе, один из аргументов показывал, что познание с помощью математики крайне сомнительно. Логические и математические методы, которые достались нам от идеалистов, в

принципе являются довольно странными для натуралистического познания, потому что в таком случае, оперируя формальными методами, мы отдаляемся от объекта и приближаемся к абстракции. Использование логических и математических методов – это работа с абстракциями, но не с реальными объектами. Мы в рамках нашей культуры создали логику и математику, а после сделали их доминирующими методами, претендующими на познание. У натуралистов нет достойных объяснений тому, почему математика и логика могут приводить к познанию, потому что в натуралистической картине мира нет онтологического места для абстракций. И мы живем с этим.

Впрочем, несмотря на странности логики и математики, мы опираемся на восприятие в своем познании. И, честно говоря, ничто не гарантирует, что восприятие дает нам правильную картину мира даже в частном масштабе. Вообще нет никаких гарантий на то, что у нас есть хоть какая-то предрасположенность к познанию даже в рамках эволюционной картины мира, потому что важно отличать практику, для которой наших восприятий может хватать, и истину, которая может быть недостижима.

Я хочу продемонстрировать этой книгой, что наука строится на зыбких философских верованиях, которые ученые не собираются доказывать. Догмы онтологически-метафизического характера создают в науке безальтернативный натурализм; догмы методологического характера заставляют ученых верить в работоспособность их методов; догмы логико-математического характера заставляют их использовать формальные системы, которые очень плохо и сомнительно стыкуются с натурализмом; догмы антропологического характера позволяют им верить в то, что человек

в принципе может познать мир по своей природе, но при этом мы отлично понимаем, насколько ограничено познание других живых существ, которых эволюция буквально обделила.

Аргумент I: Человек не имеет базовой способности познания

P1. Наука нуждается в наличии базовой человеческой способности познавать мир, иначе наука является несостоятельной.

P2. У человека нет базовой способности познавать мир.

C. Наука несостоятельна.

Человечество с самого начала философских исследований было уверено, что у нас присутствует некоторая способность познания мира. Иногда её называли разум, иногда интуиция, иногда припоминание – самое главное, что ни в одном из случаев никто не доказывал, что эти способности действительно могут познавать. Чаще всего это просто голословно утверждалось. Даже Кант со своей критикой «Чистого разума» выделил чистому разуму такие области познания, которые, как мне видится, являются сомнительными. Благо, Кант ограничил чистый разум и поставил перед ним некоторые преграды, чего большинство философов до него в области метафизики и теории познания не делали.

Впрочем, проблема заключается в том, что даже Кант переоценивал силы разума. Мы не можем быть уверены в том, что познание вообще в принципе доступно. Сам Кант выдумал категории разума, выдумал свое отношение к пространству и времени. У него довольно мало доказательств. Тем более, мало убедительных доказательств. Кант много постулирует. И это ещё крайне сдержанный философ. Большинство из них постулируют больше догматических идей.

Но почему мы говорим о философах, а не о науке? Потому что наука – это философская школа, которая возникла во время слияния эмпиризма и рационализма (а также ряда других направлений). Философские начала науки бесспорны, а те убеждения, которые мы называем естественной установкой и прочие фундаментальные верования учёных, произошли из философии. Самые основательные обоснования этих убеждений мы также наблюдаем в философии. Притом, чаще всего это философия до Канта. И там, как мне видится, нет серьезных обоснований эмпиризму и рационализму. Наука, как мне видится, лишь фрагментарно принимает Канта, критикующего способности чистого разума, а потому его можно упомянуть в качестве некоего кульминационного примера в истории философии, до которого уровень научного мировоззрения не дошёл.

В философии до Канта было множество проблем в области гносеологии. Их с тех пор, конечно, стало ещё больше. Каждая отдельная гносеологическая система всегда опиралась и опирается на ряд недоказанных и, возможно, недоказуемых убеждений. Мыслители иногда называют их очевидными, а иногда просто берут в качестве основания сложные конструкции и делают их фундаментальными посылками для собственных предположений. Во всех случаях

оказывается, что фундаментальные тезисы и рационализма, и эмпиризма – сомнительны.

Еще Юм из лагеря эмпириков показал, что мы не можем рассчитывать в своем познании на эмпирический опыт (в этом он, безусловно, повторяет Платона и античных скептиков). С другой стороны, рационализм чаще всего базируется на общих понятиях, которые помещаются в наше сознание в виде врождённых идей, врождённость которых не имеет никаких убедительных обоснований и опровергается простыми частными примерами, из которых рационалистам приходится выворачиваться. Например, врождённая идея числа кажется неправдоподобной, потому что ребёнок-маугли не умеет считать и не понимает числа. Судя по всему, и совсем маленькие дети не понимают числа. Эти простые примеры показывают, что даже при наличии врождённых идей, путь из изъятия из человеческого сознания представляется не таким уж простым.

В общем, научные способы познания сплетены из двух недоказанных и, возможно, недоказуемых философских тенденций. Мы можем признать, что обе тенденции являются сомнительными. Следовательно, сомнительной является и наука, потому что большая часть её методов восходят либо к эмпиризму, либо к рационализму. Притом речь идет о ранних формах рационализма и эмпиризма. После этого «наука» показательно отделилась от «философии», а её основные философские постулаты менялись лишь в частном порядке и во времена наибольших кризисов. Так, например, в научный обиход вошли представления о фальсифицируемости и научных парадигмах, но основная методологическая направленность науки и уверенность ученых в рациональных и эмпирических методах не были подвергнуты тотальному пересмотру.

Наука – это философская школа семнадцатого века, которая до сих пор держится на бесосновательной вере в те источники познания, которые постулировали философы того времени. Разумеется, философия – это территории вечной критики и споров, а потому критика тех источников познания была давно озвучена многочисленными мыслителями. Сциентисты и ученые же, находясь вне философии, не отвечают на эту критику, а лишь наивно веруют в философский фундамент науки из семнадцатого века.

Так вот: имеет ли человек базовую способность познания? Вопрос хороший, но его можно переформулировать: может ли человек познавать вообще? Мы, люди, создаем многочисленные абстрактные системы и модели. Имеют ли они хоть какое-то отношение к истине? Можно ли отразить истину, притом даже натуралистическую истину, в абстрактных понятиях? Если хоть на один из вопросов мы отвечаем нет, то наука становится несостоятельной.

В дальнейших аргументах мы попробуем развернуть возможные причины, по которым наше познание может быть несостоятельным.

Ответ объективистам: Данный аргумент оказывается наиболее болезненным для объективистов, потому что они наивно веруют в то, что наука занимается познанием реальности.

Ответ фальсификационистам: В целом, фальсификационисты тоже подпадают под этот аргумент, потому что если мы в целом не приспособлены к познанию, то нельзя целенаправленно и

рационально приближаться к истине, а тогда и сам фальсификационизм оказывается бессмысленной тратой времени.

Аргумент II: Ни одна из способностей человека не гарантирует познания

P1. Если из всего множества способностей ни одна не гарантирует познания, то познание невозможно.

P2. Ни одна из способностей не гарантирует познания.

C. Познание невозможно.

Думаю, мало что считает, что *воображение* является познавательной способностью, которая может давать какие-то гарантии. Конечно, воображение используется в познании, но в дополнении к другим способностям, которые обыкновенно считаются более надежными.

Например, *память* считается более надежной способностью, но, очевидно, что наши воспоминания о тех или иных событиях далеки от идеала. Память, подобно воображению, дорисовывает и искажает жизненные события и воспринятый материал, а потому нуждается в постоянных проверках. Более того, мы изначально можем запомнить что-то неправильно, а если мы запоминаем неправильно, то и записать в то же самое время можем с ошибками.

Проблема памяти проистекает не только из воображения, но и из *восприятия*. Люди думают, что они могут положиться на восприятие, но на деле даже в самой натуралистичной картине мира восприятие представляется крайне выборочным, требующим внимания и компенсировать его недостатки оказывается не так уж и просто. И с восприятием (чему будет посвящен следующий аргумент) у нас возникает одна из основных проблем познания. Да, воображение – это нечто, в меньшей степени относящееся к познанию. Оно не заточено только лишь под познание и может заниматься бесконечным количеством операций, отличных от познавательных и даже противоположных им. Очевидно несовершенная память всё же помнит какие-то фантомы прошедших восприятий, может быть, искажая их и приукрашивая. Основная проблема здесь находится именно в восприятии, потому что мы не можем достоверно подтвердить его познавательную ценность.

Сциентисты могут сказать, что восприятие имеет некоторую познавательную ценность, потому что вокруг нас реальный мир (это их онтологическое и бесосновательное допущение), а в процессе эволюции (сам процесс эволюции – тоже бесосновательное допущение) отбирались такие живые существа, которые могли лучше взаимодействовать с окружающим миром для выживания. Если бы мы не могли хоть в какой-то степени познавать реальность с помощью восприятия, то не смогли бы выжить. Такой аргументацией обычно располагают сциентисты по данному вопросу, но есть один нюанс: мы создали теорию эволюции и все эволюционные, физиологические и эмпирические представления, основываясь на недоказуемой предпосылке о том, что восприятие действительно познает реальность. И вдруг, после такой серьезной и недоказуемой аксиомы, мы формулируем теорию, которая подтверждает наше

предположение. Хорошее объяснение, конечно, но, явно, не единственно возможное и не безальтернативное. И мы пришли, скорее, к циклу в нашей аргументации, а не к доказательству того, восприятие действительно познает реальность. Пока что просто допустим, что у нас есть проблемы с восприятиями, серьезность которых мы оценить не можем.

Что у нас из способностей остается? *Рассудок* и *разум*? Насколько мы можем положиться на них в познании в отрыве от восприятий, которые только что были подвергнуты основательному сомнению? Ни на сколько. Более того, наиболее проблемным оказывается еще и тот факт, что даже при абсолютной истинности наших восприятий (наивный реализм), не до конца понятно, как рассудок и разум приводят нас к истине, создавая общие понятия и заставляя нас заниматься языковыми играми. Если истина – это соответствие наших представлений реальности, то какую реальность для нас открывают логические суждения и математические формулы? Какая реальность открывается нам в терминах и понятиях? Вероятно, никакая. Мы, люди, просто умножаем сущности и языковые игры с помощью так называемых разума и рассудка. Более того, в натуралистическом дискурсе, как уже показывалось ранее, нет места существованию общих понятий в реальности, а потому непонятно, чему конкретно соответствует, скажем, «естественный отбор», «вид» и многие другие общие термины в реальности. А если они ничему не соответствуют, а являются лишь костылями и подпорками для нашего взаимодействия с миром феноменов, то ни о каком-то познании говорить не стоит.

Ответ объективистам: Данный аргумент хорошо работает против объективистов.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационисты ввиду стремления к истине также могут испытывать проблемы с данным аргументом.

Аргумент III: Ограниченность органов чувств

Наука строится на тех данных, которые мы получаем из органов чувств.

P1. Если данные из органов чувств ложны относительно истины или ограничены и искажают истину в неизвестных нам пропорциях, и при этом у нас нет технологий, которые могут компенсировать эти ограничения и искажения, то научное познание невозможно.

P2. Данные из органов чувств ложны относительно истины или ограничены и искажают истину в неизвестных нам пропорциях, но при этом у нас нет технологий, которые компенсируют эти ограничения и искажения.

C. Научное познание невозможно.

Пометка про технологии очень важна, потому что в целом сциентисты признают, что восприятие является ограниченным и

искаженным. Например, мы не видим сами фотоны или атомы. Мы не видим даже клетки. Есть отдельные световые волны, которые физики, как им кажется, фиксируют своими приборами, но которые мы не можем увидеть невооруженным взглядом. Без оптики мы не можем наблюдать за планетами и звёздами. И это касается большого количества других признаваемых ограничений. Впрочем, сциентисты уверены, что проблема в недостатке наших восприятий решается с помощью технологий.

Только я здесь допускаю, что наши восприятия по тем или иным причинам принципиально не верны, что нельзя компенсировать технологиями. Приведу пример из видеоигр. Там мы можем играть за солдата, у которого есть бинокль. Без бинокля он видит на небольшое расстояние, а с биноклем – на большое. Игра запрограммирована таким образом, что он при самом близком приближении увидит пиксели, а не то, что стоит за пикселями на самом деле, то есть не сможет увидеть истину той игры, в которой находится. Этот пример из видеоигр позволяет понять, что возможны такие ситуации, при которых восприятие существует, а также существует технология, усиливающая это восприятие, но при этом никакого познания не происходит.

Скептики относятся к восприятиям как к феноменам, то есть явлениям. Перед нами что-то является, но это не означает, что оно истинно или ложно, и не значит, что оно имеет хоть какое-то отношение к истине. Мир может быть устроен настолько сложно, что наши восприятия окажутся буквально оторваны от познавательных истоков, что сделает познание истины с помощью восприятий невозможным.

Например, идеи Платона представляются не воспринимаемыми, а потому восприятия не помогут в их познании. Если существуют объекты, похожие на идеи Платона, и они являются куда более значимыми, чем материальный мир, то невозможно познавать, опираясь на восприятие, что сам Платон и подчеркивал. Знание, по его мнению, касается вечного и неизменного, а в мире воспринимаемых изменяющихся вещей невозможно получить никакого знания, потому что всё как раз меняется.

Относительно разных онтологических и метафизических моделей мира мы можем рассуждать о том, насколько восприятие является эффективным в его познании. Проблема заключается в том, что мы заранее не владеем истинной картиной мира. Например, эволюция, которая следует из натуралистического изучения нашего мира, то есть в том числе из данных, которые дают восприятия, может быть лишь догадкой, так как вне натуралистической картины мира следствия ученых не являются единственно верными.

Ответ объективистам: Объективистам трудно смириться с тем, что они не могут рассчитывать даже на восприятия, потому что порой объективисты думают о науке так, будто она собирает чистые и бесспорные факты, а не создает модели, выдавая их за действительность.

Ответ фальсификационистам: Что делать с фальсификационистами тоже не понятно, потому что научная фальсификация буквально строится на эксперименте, который чаще всего предстоит воспринять.

Аргумент IV: Ограниченность мыслительной деятельности

P1. Для познания необходим достаточный уровень мыслительной деятельности.

P2. Человек не может достичь достаточного уровня мыслительной деятельности.

C. Человеку недоступно познание.

В качестве контраргумента могут выдвинуть предположение о том, что компьютерные технологии и нейросети рано или поздно смогут компенсировать недостатки мыслительной деятельности человека, но:

P1. Если мы не можем получать знание непосредственно с помощью наших способностей, то есть проверить их самостоятельно, то не получаем его вообще, потому что не сможем доказать для себя (доказательство – атрибут знания) тот или иной набор положений.

P2. Машинный сверхразум будет формулировать настолько сложные доказательства, которые мы не сможем для себя проверить.

C. Знание для человека оказывается невозможным.

Получается, что всевозможные нейросети и компьютерные программы не решают главную проблему познания, то есть проблему доказательства. Для себя, конечно, эти программы могут доказать многое, но доказательства, скорее всего, будут настолько сложные, что понять их не получится. Если конкретный человек не понимает данное доказательство, то он не получает знания, а обладает лишь верой. Получается, что рассчитывать на нейросети и компьютеры в познавательных вопросах – это то же самое, что рассчитывать на богов, которые дадут нам правильный ответ. Только вот правильный ответ без понятого доказательства не даёт нам знания, а без знания нет и познания. Именно поэтому всевозможные читы с помощью высоких технологий здесь не сработают.

Вернемся к ограничениям мышления у человека, не прибегая при этом к решению данной проблемы с помощью технологий. Насколько разум человека ограничен? Все зависит, конечно, от устройства мира. Если бы мир был устроен по законам классической механики, то, возможно, мы бы имели потенциал для его познания, но, к сожалению, сейчас физики уже находятся на грани разума, фантазии и бесконечной абстракции со своими многочисленными измерениями, возможными мирами и прочими допущениями. Если мир устроен ещё сложнее, то ни один человек не сможет преодолеть данный порок.

К слову, проблема сложности познания уже и так акцентирована в максимальной степени, потому что нет ни одного физика, который мог бы вместить в своей голове всю физику. Можно быть специалистом лишь в одной области, а во все остальные верить. То есть даже при самом лучше раскладе в современном мире человек может рассчитывать лишь на веру, а не на знание.

Аргумент V: Качество мыслительной деятельности

Мыслительная деятельность человека не просто ограничена, но и обладает такими качествами, которые свойственны людям, но при этом могут негативно коррелировать с познанием, а потому компьютеры, чьи алгоритмы мы подстраиваем под свою мыслительную деятельность и пытаемся сделать так, чтобы компьютеры превосходили нас в ряде мыслительных операций, также не гарантируют нам познания, потому что, возможно, мы в принципе избрали неверный курс развития мысли.

P1. Если мышление человека обладает такими качествами, которые мешают ему познавать, то научное познание невозможно.

P2. Мышление человека обладает такими качествами, которые мешают ему познавать.

C. Познание невозможно.

Что же это может быть за качество? Например, предрасположенность к абстрагированию. В объективном мире нет аналогий тем абстракциям, которые мы используем в нашем познании. Если истина – это соответствие наших представлений реальности, то абстракция – это то, что, скорее всего, не имеет к

реальности никакого прямого отношения. Вот где можно обнаружить в реальности так называемый «естественный отбор» или «биологические виды»? Мы можем обнаружить отдельные события или отдельные организмы, но никогда в реальности не видим естественного отбора или биологический вид сам по себе.

Наше стремление к абстрагированию может быть главной помехой на пути к познанию, потому что это абстрагирование произрастает из законов нашего языка, а вот реальный мир (возможно) или даже мир феноменальный (это наверняка) качественно отличаются от того, что происходит в мире абстракций. Повторюсь, у нас нет феномена биологического вида, но есть феномены отдельных живых существ. Вид, если исходить из феноменов, — это просто фиктивное интеллектуальное образование над частными организмами, которое люди придумали просто потому, что имеют такой вот странный формат мышления.

Я привел один пример, который показывает возможную брешь в нашем мышлении. То есть, как бы далеко мы не ушли на пути абстрагирования, возможно, это качество не предназначено для того, чтобы добывать истину. И даже если мы разовьем наше абстрактное мышление с помощью нейросетей и прочих технологий, то это не поможет познанию, а лишь углубит наши заблуждения. Но могут быть и другие качества мышления, которые не коррелируют с познанием. Может быть, существуют или могут существовать такие виды живых существ, чей формат мышления коррелирует с истиной и потенциально приближает к её открытию, но мы, люди, вероятно, не являемся такими существами.

Аргумент VI: Человек и его психологические особенности

Данный аргумент будет полнее раскрыт в отдельной главе, посвященной психологическим аргументам.

P1. Если у живого существа есть психологические особенности, мешающие познанию, то познание недоступно.

P2. У человека есть такие психологические особенности, которые мешают его познанию.

C. Познание недоступно человеку.

Проблема с психологией также является крайне важной, потому что человек обладает рядом таких качеств, который мешают его познанию. Например, человеку свойственно держаться своих убеждений даже тогда, когда это убеждение очевидно опровергли. Человеку свойственно искать оправдания своим идеям, а потому он часто озвучивает *ad hoc* теории. Многие не замечают, но в науке тоже доминируют так называемые когнитивные искажения. Каждый отдельный профессор – это клубок из когнитивных искажений и логических ошибок. Наивно было бы предполагать, что собравшиеся в группу заблуждающиеся люди могут создать объективную и честную систему.

Основные когнитивные искажения можно разделить на несколько категорий:

Искажения, связанные с вероятностями и стереотипами:

Эффект первенства — тенденция оценивать изначальные события более значимыми, чем последующие события.

Эффект новизны — тенденция оценивать новые события более значимыми, чем старые.

Ошибка игрока — тенденция полагать, что отдельные случайные события испытывают влияние предыдущих случайных событий.

Ошибка подтверждения — тенденция искать или интерпретировать информацию таким образом, чтобы подтверждать свои предубеждения, а также дискредитировать информацию, которая не поддерживает их взгляды.

Ошибка выжившего — тенденция фокусироваться на успешных примерах, игнорируя неудачные примеры.

Искажения, связанные с памятью и вниманием:

Эффект запоминания — тенденция лучше запоминать информацию, которая согласуется с нашими убеждениями или ожиданиями.

Эффект забывания — тенденция забывать информацию, которая не согласуется с нашими убеждениями или ожиданиями.

Эффект фрейминга — тенденция интерпретировать информацию в соответствии с тем, как она представлена.

Эффект доступности — тенденция судить о вероятности события на основе того, насколько легко нам его представить.

Эффект стереотипов — тенденция делать выводы о людях на основе их принадлежности к определенной группе.

Искажения, связанные с принятием решений:

Эффект якоря — тенденция полагаться на первую информацию, которая нам представлена, при принятии решений.

Эффект контраста — тенденция судить о чем-то, сравнивая его с чем-то другим.

Эффект потери — тенденция переоценивать ценность того, что мы уже имеем.

Эффект аверсии к потерям — тенденция избегать потери, даже если это означает отказ от потенциальной выгоды.

Эффект импульсивности — тенденция принимать решения без тщательного обдумывания.

Искажения, связанные с самооценкой:

Эффект ореола — тенденция судить о человеке на основе одного его положительного или отрицательного качества.

Эффект самооценок — тенденция переоценивать свои способности и достижения.

Эффект планирования — тенденция переоценивать свои шансы на успех в будущем.

Эффект пессимизма — тенденция переоценивать вероятность неудачи в будущем.

Эффект саботажа — тенденция действовать таким образом, чтобы саботировать свои собственные цели.

Когнитивные искажения могут оказывать негативное влияние на наше мышление и поведение. Они могут приводить к ошибочным суждениям, необоснованным опасениям и даже к психическим расстройствам.

Это далеко не полный список проблем, которые обуславливаются человеческой психологией. Их мы разберем в отдельном

Аргумент VII: Человек и его духовная жизнь

P1. Если духовная жизнь человека противоречит представлениям науки, то наука неверна.

P2. Духовная жизнь человека противоречит представлениям науки.

C. Наука неверна.

Аргумент многим может показаться слабым, но в следующем аргументе он будет дополнен апелляцией к духовному опыту. Духовная жизнь человека противоречит натуралистической картине мира. Она переполнена всевозможной магией. У нас есть такая часть опыта, который противоречит натуралистической картине мира. Более того, важно подчеркнуть, что сциентисты вычеркивают эту часть опыта на основании своих базовых убеждений, которые не являются обоснованными, а также специально проводят такие исследования и строят такие предположения, которые обесценивают этот опыт. К сожалению, также рьяно они не опровергают эмпирический опыт, так как в его адрес у нас также много сомнений, как и в опыте духовном. На такой дисбаланс в исследовании влияет ряд когнитивных искажений, которые не позволяют ученым критично относиться к собственной деятельности, но при этом яростно критиковать тех, кто апеллирует духовным опытом.

Теперь, представьте себя на месте человека, который буквально в кругу своих феноменов ощущает божественное присутствие или, как ему видится, анализирует свою душу и делает её сильнее. Для него все духовные объекты являются не просто частью картины мира, они для него равноценны нашему эмпирическому опыту. И тут появляется группа антирелигиозных фанатиков, которые требуют у людей с подобным опытом отказаться от него, потому что их послушные исследователи определили какие-то психологические закономерности и выяснили, как им кажется, что весь этот духовный опыт лишь галлюцинация или самоубеждение. Притом все эти исследования проводились с заведомо выбранной позицией, согласно которой весь духовный опыт – это просто чушь.

Вторая посылка абсолютно верна для подавляющего большинства людей, которые испытывали духовный опыт. Даже ряд атеистов имели такой опыт, который можно назвать сверхъестественным. Обычно в таких случаях атеисты просто отказываются от него. Забавно, что от некоторых типов опыта мы можем просто так отмахнуться, при этом опираясь на другие типы, которые нам кажутся более авторитетными. Почему нельзя также легко отмахнуться от эмпирического опыта и выводов из него – непонятно.

Первая посылка крайне сомнительна, но мы можем попробовать отнестись к ней серьезно, особенно в контексте следующего аргумента.

Аргумент VIII: Духовный опыт человека против натурализма

P1. Если какая-то разновидность человеческого опыта противоречит тому или иному представлению, то это представление неверно.

P2. Духовный опыт противоречит натурализму.

C. Натурализм ложен.

Думаю, мало кто будет спорить с тем, что духовный опыт противоречит натурализму. Впрочем, мало кто согласится с первой

посылкой, которую можно трансформировать под разный тип духовного опыта. Например, если буддийская медитация противоречит какому-то учению; если сердечная молитва противоречит какому-то учению; если осознанные сновидения противоречат натурализму... И так далее до бесконечности. Можно отдельно разбирать каждый из возможных примеров. И каждый из них имеет место.

Ещё раз повторю, что ученые и сциентисты отрицают всякий духовный опыт, потому что исходят из естественной установки, которую невозможно доказать или опровергнуть. Они точно также верят в то, что никакой духовный опыт не является релевантным, как верят в истинность или правдоподобность своих положений. То, что в науке вызывает большие проблемы, например, квантовый мир или возникновение живой материи, в рамках духовного опыта или метафизики может быть объяснено крайне легко и лаконично, но наука не может себе позволить эти объяснения, потому что иначе она просто перестанет быть наукой.

Часто, кстати, слышится упрек от учёных и сциентистов в адрес верующих, мол, вы пытаетесь объяснить себе весь мир крайне просто, но ведь это именно наука руководствуется Бритвой Оккама, а не религия. То есть формально – это ученые, исходя из определенных ограниченных категорий нашего опыта, пытаются выдумать самые простые естественные объяснения, которые только можно выдумать. В этом заключается сущность науки.

Мне же не понятно, почему они разновидности опыта мы должны предпочитать другим. Да, все эти виды опыта противоречат друг другу, но ведь в этом и заключается довольно интересная сложность, которую мы пытаемся разрешить. И как показывает опыт

философов и религиозных деятелей, так же легко аннулировать эмпирический опыт, исходя из духовного, как легко аннулировать опыт духовный, исходя из эмпирического. То есть тем же самым нередко занимались философы и теологи прошлого, и это выглядело достаточно убедительно, а сейчас ученые, обретя монополию на исследования, продвигают свою антидуховную тенденцию.

Аргумент IX: Субъективность человека против объективного познания

P1. Субъективное живое существо не может познать объективный мир.

P2. Человек субъективен.

C. Человек не может познать объективный мир.

К сожалению, многие путают объективность и интерсубъективность. Объективность – это соответствие наших представлений объекту или хотя бы независимость от субъекта. Интерсубъективность – это набор таких субъективных положений, которые разделяются большими группами людей (например, учеными). Важно помнить, что многие положения науки именно интерсубъективны или объективны в слабом смысле. То есть они являются либо следствием научных договорённостей, либо опираются на какие-то повторяющиеся феномены, на которые человек повлиять не может.

Проблема обычно заключается в том, что феномены могут иметь некоторые корреляции. Они в слабом смысле объективны. Но при этом всё учёный всегда накладывает ряд свои субъективных интерпретаций. Важно помнить, что почти весь пул терминологии науку строится на интересубъективных основаниях, то есть на основаниях договора между учеными. Например, разделение на живое и неживое, естественный отбор, виды, законы природы – это всё не реальные объекты (физические или существующие в мире идей), а человеческие конвенции, которые базируются на некоторых наблюдаемых корреляциях в мире феноменов. Эти конвенции многими воспринимаются как нечто объективное, но нет такого объекта, которому соответствует естественный отбор. Представления об естественном отборе основываются на независимых и повторяемых явлениях в природе (природа – тоже некая абстрактная конвенция), но поверх этих объективных (в слабом смысле) корреляций между явлениями натягивается субъективное представление, объясняющее эти явления.

Многие наивно полагают, что при уничтожении науки люди все равно придут к тем же самым убеждениям, если снова начнут изучать те же самые явления. Это обычная религиозная вера глупых сциентистов, которая, скорее всего, противоречит истинному положению дел. История философии подсказывает нам, что даже имеющиеся явления можно объяснить неограниченным количеством способов. Было бы странно, если бы мы начали «науку» заново, то всё повторилось в точности. Скорее всего, наивные религиозные сциентисты не понимают, как работают мнения и как они комбинируются друг с другом. И за всю историю человечества не было такого, чтобы два независимых региона пришли к одним и тем же системам взглядов, даже если они опирались на один и тот же

опыт. Более того, мало какие регионы были полностью независимы от других, но даже при этом мы не встречаем полных повторений учений, если только это самое учение напрямую не перекочевало из одного региона в другой. У религий тоже есть общие черты, но по большей части каждая религия отличается от другой по довольно большому количеству представлений. Наивные ученые и сциентисты забывают, что та же идея натурализма, зародившаяся в Античности, в целом не обязательная идея, а без неё наука – ничто.

Но вернемся к субъективности всех людей, включая учёных. Субъективность пронизывает человека. Субъективность пронизывает иррациональные и даже рациональные стороны человека. Человек эмоционально рационализирует, а также эмоционально иррационализирует. И это, конечно, мешает в достижении подлинной объективности. Это большая проблема в области познания. Мы должны со всей глубиной и ответственностью осознать собственную субъективность. И, честно говоря, сложно нащупать какие-то ростки для потенциального роста сквозь неё. Возможность преодоления субъективности – это большая дискуссия, которую можно вести вечно. А кто-то даже скажет, что деление на субъективное и объективное вообще бессмысленно. И эту позицию мы можем понять и принять.

Многие могут сказать, что человек не так уж и субъективен. По природе ему свойственна объективность. Здесь мы можем начать спорить о степени субъективности человека. Я бы стал отстаивать позицию о том, что субъективность пронизывает человеческий язык, мышление, воображение. Так я бы настоял на том, что большинство представлений, которые мы имеем, взяты не из наших восприятий

напрямую, а лишь выдуманы нами (иногда на основании наших восприятий, а иногда – нет).

Группа аргументов VI: Психологическая

Прояснение

В психологической группе аргументов мы остановимся на когнитивных искажениях, потому что, кажется, люди забывают, что в науке в основном работают люди с теми же самыми когнитивными искажениями, что и в других сферах нашей жизни, только вот сциентисты с большим удовольствием подмечают когнитивные ошибки представителей других групп, а у сторонников сциентизма и учёных как будто бы нет никаких когнитивных искажений. Ученые и сциентисты могут практически безнаказанно позволить себе отыскивать у соперников бесконечное множество когнитивных искажений, при этом игнорируя свои собственные, что, конечно, больше походит на двойные стандарты.

Целью данной главы и данной группы аргументов является демонстрация когнитивных проблем сциентистов и научного сообщества, которые обычно игнорируются многочисленными фанатиками науки. Основная проблема заключается в том, что большинство ученых очень отдаленно слышали о том, что такое когнитивные искажения (как и о том, что такое логика). Именно поэтому они довольно естественно допускают многочисленные ошибки. С другой стороны, фанатики когнитивных искажений, имея прямое ознакомление с предметом, зачастую не могут удержаться от простейших логических ошибок или когнитивных искажений. Возможно, дело в том, что все эти «когнитивные искажения» так сильно свойственны нашей «природе», что бы это ни значило, что

даже самые верные фанатики этой идеи не могут их не допускать в колоссальном количестве.

Мне кажется, первая проблема когнитивных искажений заключается в их колоссальном количестве. Их слишком много, чтобы хотя бы один человек мог учитывать их все в своей речи. Речь идет даже об академиках. Вы можете сказать, что коллективно наука может бороться с когнитивными искажениями. Дело заключается в том, что коллективность здесь уменьшает потенциал борьбы. Если какой-нибудь ассистент с кандидатской начнет критиковать профессора, то, скорее всего, без работы останется именно первый, а все остальные коллеги профессора это поддержат⁵³. Более того, словам более авторитетного и зрелого человека людям свойственно придавать больше смысла, а потому опять сработает когнитивное искажение, которое помешает победить когнитивные искажения в науке. Может случиться такое, что научный коллектив выступит против того или иного когнитивного искажения, но, как ни странно, главной движущей силой против него станет какое-нибудь другое когнитивное искажение.

Впрочем, следует отметить, что я сам отношусь когнитивным искажениям с большим скепсисом, потому что многие из них выведены из логики, которая всё ещё не доказала свою способность к познанию истины. То есть что при использовании логики, что при использовании когнитивного искажения мы можем в случайном

⁵³ Я немало времени провел в нескольких ВУЗах и прекрасно осознаю, как складываются взаимоотношения между коллегами. У меня было немало историй, да и немаленькое количество историй я мог наблюдать со стороны. Коллективность не добавляет рациональности даже профессорам, а наоборот подкрепляет их чувство вседозволенности.

порядке получить как истинный результат, так и ложный⁵⁴. В дедуктивной логике случайность результата определяется сомнительностью посылок, а в индуктивной – повсеместной для науки и философии неполнотой индукции. В общем, выводы из двух основных логических подходов в целом сопоставимы с абсолютной случайностью, свойственной когнитивным искажениям. Более того, когнитивные искажения кажутся естественными. Как минимуму, люди без логического образования и дополнительных занятий логикой (даже математики) используют те или иные когнитивные искажения в качестве основные мыслительных приемов. Вот и получается, что логика не только настолько же эффективна, как и когнитивные искажения, она ещё и требует основательного изучения, так как является абсолютно противоестественной.

В психологической группе аргументов можно было бы попробовать также развить идеи о разных свойствах психики, которые мешают научному познанию, но мы частично коснемся всего этого в рамках разбора когнитивных искажений, а многие аргументы, связанные со свойствами и способностями человека, уже были в предыдущей группе аргументов. Нет ничего плохого в том, что потенциальные аргументы порой могут входить сразу в несколько групп. Эти группы для меня представляются не какими-то онтологическими единицами, а именно помощниками для читателей, чтобы им было удобнее ориентироваться в безграничном

⁵⁴ Как известно, проблема нелогичных выводов заключается в том, что, используя их, мы можем получить абсолютно любой результат и ничто нам не гарантирует истинного. Если мы выйдем за границы определения логической истины, то мы оказываемся в той же ситуации. Логика может гарантировать истинный результат далеко не всегда, а тогда, когда может, мы должны быть уверены в наших посылах. Но мы в принципе не знаем, можно ли составить истинные посылы относительно реальности.

пространстве данного текста, так как простых и сложных аргументов в этой книге немало.

Аргумент I: Аргумент к когнитивным искажениям

P1. Когнитивные искажения мешают достигнуть истины по тому или иному вопросу.

P2. Если что-то в том или ином направлении мысли мешает достигнуть истины, то результаты его деятельности приводят в основном к ложным результатам (припомним Аристотеля: маленькая ошибка в начале рассуждения окажется большой ошибкой в конце).

P3. В науке есть когнитивные искажения.

C. Наука приходит в основном к ложным результатам.

Думаю, с первой посылкой у фанатиков критического мышления проблем не будет, так как они согласны с ней на все сто процентов, а вот вторую посылку надо прояснить. Помехи в достижении истины и невозможность (или отсутствие попыток) их преодоления систематически приводят к ошибкам. Каждая небольшая ошибка в нашем рассуждении может привести к большой ошибке в итоговых выводах, что делает почти каждую ошибку катастрофической.

Если в науке систематически допускаются когнитивные искажения (что будет показано в последующих аргументах), то и результаты её деятельности не могут быть истинными, потому что каждый неосознанный вероятностный вывод, принятый за абсолютный, приводит нас к ошибке с тем или иным шансом. Притом, когда речь идёт о науке, шанс довольно высок, потому что мы не обладаем и одним процентом всего потенциального индуктивного опыта, чтобы приблизиться к полной индукции. Любая теория, принятая на основании индуктивного опыта, вероятна с шансом 1 к ∞ . Только вот когнитивные искажения, наша психология и предрасположенность соглашаться с коллективом заставляют нас рассматривать вероятность 1 к ∞ как нечто более эффективное или даже верить в то, что мы достигли истину по данному вопросу, когда реальная вероятность нашего достижения истины бесстыдно стремится к нулю.

Я думаю, всем нам следует признать, что:

1. Ученые – это обычные люди.
2. Большинство ученых не сможет даже по памяти воспроизвести весь список наименований когнитивных искажений, не то чтобы использовать весь этот список в качестве руководства.
3. Следовательно, большинство ученых не может осознанно избегать многих когнитивных искажений, потому что они вполне свойственны человеку, а без знания когнитивных искажений зачастую невозможно их все предотвратить.
4. Даже те сциентисты, ученые и фанатики критического мышления, которые знают наизусть весь список когнитивных искажений, по каким-то причинам не могут в большинстве своем не допускать самые простые ошибки.

Мне видится, что война против когнитивных искажений проиграна, потому что обитель критического мышления, то есть наука, почти полностью игнорирует данную проблему в лице подавляющего большинства специалистов, а те, кто не игнорируют данную проблему, сами не могут не допускать простые логические ошибки по типу «пугала» и не поддаваться когнитивным искажениям. То есть пропорция такая: большинство ученых не ознакомлены с темой когнитивных искажений даже на базовом уровне; большинство из тех, кто ознакомлены, ознакомились с темой недостаточно хорошо, чтобы применять все это в науке и жизни; те же, кто ознакомились и являются передовыми фанатами критического мышления и борцами с когнитивными искажениями, сами в большинстве своем фонтанируют когнитивными искажениями и их действия хорошо описываются пословицей: «в чужом глазу соломинку видеть, в своём — бревна не замечать».

А ведь в этом и заключается главный парадокс: обычно все эти когнитивные искажения усматриваются у идейного оппонента. Именно тогда и начинается раздолье, когда мы расчехляем весь список когнитивных искажений и начинаем примерять их буквально к каждому высказыванию нашего соперника. Тут работает когнитивное искажение, которое мешает нам применять этот же список к самим себе и своей группе, а ведь это самое главное. То же самое я замечаю и в вопросах логики и логических ошибках. Большинство людей, освоивших логику, очень щепетильно применяют её к другим, а вот в своих рассуждениях оказываются крайне некритичны. Видимо, все это очень прочно сидит в человеческой психике, а именно поэтому война против когнитивных искажений на данный момент может считаться проигранной. И трудно понять, можно ли её вообще выиграть, потому что всё это кажется борьбой с человеческой «природой». Да и вообще крайне

странной видится мне картина мира, в которой методы преодоления нашей «природы» были найдены почти в самом начале нашего познавательного пути. Мы еще в античности открыли доказательную математику, логику и даже в отрыве от этого начали спекулировать эмпирическим опытом, так и хочется допустить, что все эти решения сами по себе являются частью нашей природной проблемы, потому что они слишком простые и ничего не гарантируют.

Допустим, всё же, существует человек, который запомнил весь список когнитивных искажений и регулярно его применяет не только по отношению к другим, но и к себе. Его нельзя рассматривать как правило, потому что это будет «ошибка выжившего». Более того, один этот человек без авторитета и влияния никаким образом не сможет воздействовать на научное сообщество. И даже если таких людей сотни, то научное сообщество состоит из миллионов, которые никогда не услышат эти жалкие сотни.

Кто-то также может сказать, что в рамках науки коллективно устраняются когнитивные искажения, мол, один человек не может учесть все когнитивные искажения, а вот профессиональный коллектив благодаря взаимной критике может это сделать. Это ложь. Точнее, в одних ситуациях коллектив действительно помогает избавиться теорию от некоторых когнитивных искажений, но в других – когнитивные искажения просто закрепляются как стандартная стратегия и даже научная практика. Например, «эволюция – это факт» — повторяют без остановки ученые и щеголяют в качестве доказательств неполной индукцией. «Это факт!» кричат они, «ни у кого из биологов нет сомнения в том, что это факт», — продолжают они. Только проблема заключается в том, что эволюция чисто формально не может быть фактом, потому что она построена по

образцу теории, которая многократно фальсифицируется. Попытки фальсифицировать эволюцию не доказывают её истинность. А весь эмпирический материал, который мы имеем, как бы велик он не был, соотносится с потенциальным индуктивным опытом в пропорции 1 к ∞ . Чтобы как-то сопротивляться сказанному, большинство ученых сразу же будет вынуждено апеллировать к разного рода когнитивным искажениям. Например, будет заявлено, что я ничего не понимаю в эволюции или не являюсь биологом. То есть вместо того, чтобы рассматривать аргумент и его возможные ошибки, ученые начнут обвинять меня. Либо они могут начать оправдывать эволюцию, смягчая изначальный тезис, а после снова, если у них получится защитить мягкую версию, вернуться в более радикальной. Это стандартное поведения для большинства людей, включая ученых.

Какие когнитивные искажения мы можем обнаружить у всего сообщества биологов? Эффект самоуверенности, иллюзия контроля, эффект Даннинга-Крюгера (потому что глупые биологи судят об истинности эволюции, даже не разбираясь в том, что такое истинность и как она доказывается, то есть они имеют низкий уровень квалификации в вопросах логики и теории познания, но не могут осознать своей ничтожности из-за отсутствия квалификации) и это далеко не вся совокупность когнитивных искажений, которые обуславливают уверенность учёных.

И это мы только взяли за вершину айсберга! Ниже ведь намного хуже. Мы абсолютно не контролируем биологическое сообщество, а они там в науку играют, делают какие-то выводы, принимают решения об истинности или ложности тех или иных положений, хотя недостаточно компетентны для работы с категорией истинности. И уже у самой поверхности, то есть самом ядре современного биологического сообщества, мы замечаем

полноценный серпентарий из когнитивных ошибок. И вам начнут кричать: «а вот мушки», «а вот горох», «а вот бактерия изменилась во многих поколениях». Глупые ученые! Делать вывод из неполной индукции, как бы много её у нас не было, это крайне нелепо, потому что мы всегда можем оказаться неправы. Именно поэтому никаких доказательств теории эволюции нет и быть не может. Слишком много (даже бесконечно много) потенциального индуктивного опыта она требует для полного доказательства собственной истинности.

Какие ещё когнитивные ошибки мы можем приписать биологам, с их верой в теорию эволюции? Очевидно, они переоценивают значимость своего мнения, что подразумевает: эффект знакомства с объектом, иррациональная эскалация, слепое пятно предубеждения, предвзятость подтверждения, селективное восприятие (ведь большая часть моей аргументации просто пройдет мимо биологов, даже если они её прочитают). Вы можете прочитать, в чем заключаются эти когнитивные искажения и попробовать применить их к современным учёным и у вас это получится без каких-либо проблем, если вы, конечно, не фанатичный сциентист, который души не чает в научном сообществе и для которого святых ученых критиковать нельзя.

Я не знаю, насколько большим открытием для сциентистов, научных атеистов и научных скептиков станет данная новость, но им также свойственны когнитивные искажения, как бы они не пытались казаться лучше и выше своих оппонентов. Более того, их высокомерие также вполне объяснимо когнитивными искажениями.

Ответ объективистам: Для объективистов это безусловно самая плохая новость, потому что наука, пронизанная когнитивными искажениями, — это ошибающаяся наука. И если это так, то невозможно себе представить, что наука систематически открывает некоторые объективные истины.

Ответ фальсификационистам: В целом, фальсификационисты тоже могут напрячься, потому что проблема в таком случае может заключаться даже в том, что ученые не смогут объективно оценить сам процесс фальсификации. Научное сообщество пронизано когнитивными ошибками. Оно в этом плане крайне интерсубъективно. И отсюда могут возникнуть проблемы в оценке фальсифицирующего эксперимента. Если эксперимент будет проведен неправильно или оценки ученых будут неверными, то мы потенциально можем опровергнуть истинную теорию.

Ответ инструменталистам: В целом, когнитивные искажения также могут мешать оценивать практичность тех или иных представлений и технологий, что в свою очередь может приводить не только к пользе науки, но и к вреду от неё.

Ответ социальным сциентистам: Им отвечать здесь не стоит вообще, потому что по социальному критерию наукой может стать всё, даже клубок методологий, сотканных из когнитивных искажений.

Теперь перейдем к рассмотрению частных искажений, которые будет применять то к сциентистам, то к самим ученым. Важно помнить, что подавляющее большинство ученых являются несомненными сциентистами.

Аргумент II: Излишнее беспокойство за успех науки

P1. Излишнее беспокойство за успех того или иного учения приводит нас к неправильной оценке этого учения.

P2. Сциентисты излишне беспокоятся за успех науки.

C. Сциентисты неправильно оценивают науку.

Излишнее беспокойство за успех науки приводит к тому, что сциентисты пытаются подобрать как можно быстрее (ошибка Ускорение) аргумент *ad hoc*, лишь бы защитить свою святыню. Это очень легко заметить в аргументации сциентистов. Как только озвучивается новый для них аргумент, они сразу начинают менять свою позицию внутри философии науки (например, из объективистов превращаются в инструменталистов) и рассуждать какими-то оценочными понятиями, в которых святая наука опять права, но проблема в этом и заключается.

Наука для большинства ученых и сциентистов – это ценность. Сама она, чем бы не представлялась, не подвергается сомнению. Сомнение возможно только внутри науки по тем правилам, которые назначила научная догматика. Наука создает для сциентистов полноценную картину мира, которая тоже крайне важна. Дело в том, что на этой картине мира держатся все политические, этические и прочие аргументы и взгляды на мир. Уничтожение этого основания

заставит их ленивый мозг слишком много работать, чтобы хоть как-то ориентироваться в мире вокруг себя.

Потеря научного мировоззрения для многих людей на эмоциональном уровне неприемлема, а потому любой аргумент, который критикует науку, требует быстрого ответа, даже если этот ответ нелеп и ставить отвечающего в неприятное положение (например, заставляет подменять свой изначальный тезис или воспринимать аргумент соперника в виде «пугала»). Важно также понимать, что научность создает у человека иллюзию собственного превосходства над остальными (теми самыми дураками с магическим и религиозным мышлением), а потому, если вдруг сциентист не нашёл ответ в споре сразу, то это произведет у него довольно сильные негативные эмоции. Как же он, сверхмозг и сторонник самого верного мировоззрения в мире, не смог ответить какому-то веруну или абсолютному скептику?

Всё это произрастает из беспокойства за успех науки. Люди начинают вести себя иррационально, когда речь заходит о сомнительности науки. Они начинают озвучивать субъективные и иррациональные аргументы в духе: а что лучше науки? Ты им отвечаешь, что оценить лучшую методологию не представляется возможным, потому что масштабы науки и количественное ничтожество других существующих направлений делают их несопоставимыми. И вместо того, чтобы вместе начать искать способы сравнения и оценки эффективности тех или иных методов, сциентист в среднем иррационально удовлетворяется данным ответом и не хочет ничего менять. Это свойственно представителям любых доминирующих множеств, включая религию.

И из-за этой группы когнитивных ошибок с большинством сциентистов спорить просто невозможно, потому что в самый ответственный момент, когда мы доходим до основания их предрассудков, до глубинных убеждений, то они начинают включать иррациональную защиту. Да, так делают и верующие, но религия в целом может позволить себе быть иррациональной, что подчеркивается понятием веры. Наука же полностью паразитирует на понятии знания, а также базируется на тотальном рационализме. Если для верующего иррациональность не является противоречием, то для сциентиста и ученого иррациональные методы защиты делают его крайне уязвимым. И эта уязвимость была бы заметна, если бы большинство людей в мире не были сциентистами, а наука не пользовалась таким безоговорочным и тотальным авторитетом. Просто люди, слушая аргументы против науки, в большинстве своем будут реагировать иррационально, но одинаково, что позволяет им сгладить эффект этой иррациональности и не замечать его в рамках одного сообщества.

Если данная книга станет достоянием общественности, то, я уверен, найдутся ученый и сциентисты, которые просто голословно будут обвинять меня в непонимании того, что такое наука (хотя я в отличие от них занимаюсь философией науки уже больше десяти лет, то есть я буквально занимаюсь проблемами определения науки, научности и научной методологии, а сами эти ученые при честной оценке по данному предмету не должны были бы и тройки получить), в демагогии (хотя, опять же, специалистами по логике они не являются), в шарлатанстве (хотя, я общаюсь с вами абсолютно искренне и искренне подвергаю науку критике) и мракобесии. Все это иррациональные реакции, произрастающие из беспокойства за успех

науки, что и приводит к поспешным ответам и ярким эмоциональным всплескам и негодованиям ученых и сциентистов.

Аргумент III: Переоценка значимости частных случаев в науке

P1. Переоценка частных случаев делает познание недостоверным.

P2. В науке имеется переоценка частных случаев.

C. Научное познание недостоверно.

С первой посылкой, скорее всего, многие согласятся. Доказательству подлежит именно вторая посылка, а потому мы приступим к её раскрытию.

При оценке деятельности науки и ряда доминирующих научных теорий преобладает ошибка «отклонение в сторону результата» или «победителей не судят». Наука или та или иная теория оказываются истинны, эффективны, хороши, потому что, благодаря им мы получили определенные результаты. Притом далеко не всегда эти результаты напрямую проистекают из науки. Я лично полагаю, что развитие математики, фактологии и техники – это процессы, которые развивались сами собой, а не по причине развития научной школы мысли. Скорее, наоборот, научная школа мысли укреплялась за счет развития математики, фактологии и технологий. Но так как научное

мировоззрение в итоге победило в интеллектуальной битве, научная секта получила возможность продвинуть убеждение в образовании, что именно наука первична по отношению к математике, фактологии и технологиям. Это очевидное шарлатанство обычно упускается людьми, потому что «победителей не судят». То же самое и с научными теориями. Открытие той или иной практики объясняется именно теорией и утверждается, что без данной теории невозможно было бы открыть ту или иную практику. Все это необходимо для укрепления значимости науки в глазах несведущих обывателей и таких же несведущих ученых.

Многие сциентисты пытаются сказать нам, мол, а если не наука, то что? Какие у нас есть альтернативы? Конечно, никаких альтернатив у нас нет, потому что все возможные альтернативы научная монополия либо уничтожила, либо объявила вне закона (объявила шарлатанством, магическим или религиозным мышлением или философской ересью). Альтернатив много. Их просто безумно много. Но почти все они находятся на начальном уровне развития без большого количества сподвижников и адептов, без сложной системы организации и так далее. Даже философия в целом, которая состоит из сотен и тысяч учений, имеет менее сложную структуру и меньше людей в подчинении, чем современная научная догматическая машина. Мы не просто живем в мире, где одно из мировоззрений обогнало все остальные. Мы живем в мире, где суммарное множество всех альтернатив уступает по финансированию, организованности и количеству людей монополии. И у этой монополии множество нелепых защитников, которые с удовольствием пользуются многозначностью слова «наука» и пытаются подобрать абстрактные критерии, чтобы изобразить науку прекрасной и неуязвимой для критики, потому что она замечательная, эффективна и хороша по

определению. На самом же деле, она так хороша и эффективна, потому что «победителей не судят». Потому что любая критика в адрес науки большинством людей будет восприниматься негативно. Можно нести абсолютно любой детский лепет в поддержку науки, подтасовывать термины, нарушать законы дискуссии – люди тебя поддержат, потому что они верят в науку даже больше, чем в религию. Религия в современном мире достойна именно веры, а вот фанатики науки имеют куда более глубокую форму убежденности. Они думают, что знают.

Эффект фокусировки, как мне видится, может быть вполне свойственен любому ученому при исследованиях. Ученым свойственно уделять внимание тем или иным аспектам в своих исследованиях. Если не существует программ, которые по тому же вопросу обращают внимание на другие факторы, ученому свойственно делать далеко идущие выводы и давать неправильные оценки. Например, современный биолог будет рассматривать многие общественные процессы с точки зрения своих представлений о популяциях и при этом часто встречается такое, что он игнорирует фактологию социальных наук, которые потратили больше столетия на изучение общества. При этом люди считают подобную экспансию легальной, потому что биолог-то настоящий ученый, а социолог, по мнению многих, не вполне. Так и может получиться, что человек с меньшей компетенцией в вопросе может озвучить более авторитетное мнение, которое основано на эффекте фокусировки.

Мне видится, что эффект фокусировки свойственен всем отдельным ученым, потому что почти все они – это очень узкие специалисты в одной или двух специальностях. Они уделяют внимание только тем аспектам, которые можно оценить в рамках

методологии их науки, часто закрывая глаза на другие аспекты из других дисциплин, либо на потенциальные скрытые аспекты. Иногда этот эффект в науке нивелируется некоторым множеством авторитетных мнений по вопросу, а иногда – нет.

Аргумент IV: Переоценка возможностей науки и учёных

P1. Переоценка возможностей ведёт к формированию когнитивной гордыни, которая в свою очередь мешает познанию.

P2. Ученый переоценивает свои возможности.

C. У ученых есть фактор, который мешает познанию.

Учёным и сциентистам свойственен полный набор когнитивных искажений, связанный с переоценкой своих собственных возможностей. Во-первых, они переоценивают свои собственные способности, потому что инженеры и прочие практики в этой игре им подыгрывают. Ученый вполне может думать, что вся практика в мире существует из-за науки, самолёты летают, ракеты бороздят космический простор именно из-за науки, а не из-за развития институтов практики, многие из которых берут начало в христианском обществе.

Вообще, человечество в целом переоценивает значимость, важность и необходимость науки, а отсюда и растёт сверхуверенность

ученого в своих силах. Он думает, что он познает, потому что он ученый. Биолог, например, думает, что он может быть уверен в истинности теории эволюции, потому что он биолог и специалист в данной области, а другие биологи его в этом поддерживают. При этом он обычный некомпетентный дурачок, на котором работает эффект Даннинга-Крюгера, потому что вопрос истинности теории эволюции не замыкается только на биологии. Тут как минимум необходимо привлекать теорию познания (где все очень неоднозначно) и логику (в рамках которой теория эволюции, конечно же, не имеет достаточных доказательств из-за неполной индукции).

И вот оно, научное высокомерие: «я биолог! Я точно знаю, что эволюция есть! Эволюция – это абсолютно доказанный факт! В нем нет и не может быть сомнений! Все, кто думают иначе, сумасшедшие и шарлатаны! А я тут один в белом пальто стою на стороне истины!» И этим тотальным высокомерием пронизана вся наука. Это высокомерие ослепляет ученых. Они видят себя особенными людьми, которые могут пренебрегать философией и философскими исследованиями. Им наука ниспосылает истину прямо в мозг. Они слишком умны и компетентны для того, чтобы делать какие-то далеко идущие выводы о доказанности чего-то, хотя ни одна научная дисциплина не посвящена теории доказательства (математика и логика не науки в классическом смысле).

Так ученым свойственна *иллюзия контроля*, потому что они думают, что с помощью из законов и теорий можно многое предсказать. Очень часто оказывалось, что благодаря законам предсказывается далеко не всё. На многих ступенях исследования оказывалось, что наши теоретические представления нуждаются в корректировке. И это нормально. Иллюзия контроля ученых также

строится на том, что ученые не видят в мире никаких оппонентов, которые могли бы сравнительно точно делать некоторые предсказания. А таких оппонентов нет, потому что ни одно философское или религиозное течение не создали сравнительные по масштабам исследовательские сообщества. По сути, наука конкурирует сама с собой и борется против возникновения любой внешней угрозы.

Важно также помнить, что на ученых вполне работает эффект Даннинга-Крюгера, так как наука вынуждает высказываться ученых на философские темы. И даже признание теории эволюции истинной или фактом – это вопрос не столько биологии, сколько одновременно с ней и философии (и даже философии в большей степени). Потому что именно философ определяет, что есть истина, факт, феномен и так далее. Самоуверенные ученые, имеющие низкий уровень квалификации в философии (Докинз, Панчин, Дробышевский, Марков, Хоккинг, Краус и так далее), делают очень резкие суждения в области философии и выдают за абсолютные доказательства следствия из неполной индукции. При этом они не способны осознать глубину собственной некомпетентности, потому что в целом не занимались вопросами философии, теории познания, логики и так далее. Они абсолютно уверены в собственной правоте, потому что за их спиной стоит большое научное сообщество, настолько же некомпетентных в данном вопросе людей. Научная некомпетентность преумножается, потому что это уже не глупость одного человека, а глупость целого сообщества, которая поощряется в той или иной образовательной структуре поколениями. И не просто поощряется: поощряется зарплатой, грантами и высоким социальным статусом. Ученые, как собака Павлова, привыкли к позитивным стимулам

подкрепления своих ошибок. Они несут чепуху, которая нравится толпе, а за это их награждают.

Например, очередной ученый или сциентист судит о науке вообще. Мы отлично понимаем, что этот человек не имеет ничего общего со специальностью, которая позволяет ему судить о науке⁵⁵. Единственные исследователи науки в академическом сообществе – это философы науки и социологи знания. Притом обе дисциплины генеалогически связаны. Остальные судят о науке и научности, исходя из своего личного опыта и не используя для этого каких-то специальных методологий. Чаще всего такой подход оправдывается тем, что «он же ученый, а, значит, в науке понимает больше, чем какие-то там философы». Это аналогично высказыванию: «он же медведь, а потому лучше разбирается в физиологии медведей, чем биологи».

Проблема нередко заключается в том, что некомпетентные в общих вопросах науки и многих смежных с философией вещей, оказываются большими авторитетами, чем реальные специалисты. Например, вопросы познания и истины – это вопросы, которые решает философия, а не наука. Научная методология приняла теорию познания 17-18 веков и после радикально её не меняла. Даже фальсифицируемость, о которой начали говорить в двадцатом веке, существовала в науке минимум с Галилея. Теория познания в философии продвинулась очень далеко со времен 17-18 веков. Ученые этими вопросами вообще не занимаются. Кажется, они даже не усвоили Юма с его проблемой неполной индукции. И весь

⁵⁵ Иногда, конечно, можно высказывать здравые вещи о предмете, не являясь большим специалистом, но для этого все равно необходимо не ограничиваться праздными рассуждениями, основывающимися на личном опыте.

парадокс заключается в том, что наука буквально переполнена жертвами эффекта Даннинга-Крюгера, которые делают авторитетные суждения там, где им следовало бы воздержаться от громких выводов.

Аргумент V: Переоценка значимости мнения собственной группы, то есть группы учёных и сциентистов

P1. Если группа переоценивает значимость собственного мнения, то её мнение не только крайне сомнительно, но и одновременно с этим оказывается недискуссионным.

P2. Группы ученых и сциентистов переоценивают значимость своих собственных мнений.

C. Мнения ученых и сциентистов являются не только крайне сомнительными, но и не подлежат обсуждению.

Трудно говорить с людьми или группой людей, которые считают свое мнение особенным, избранным, светоносным, самым эффективным или самым правильным. Ученые и сциентисты – это именно такая группа людей. Обсуждать что-то с ними невозможно, потому что они всегда и во всем видят себя правыми и придумывают всевозможные уничижительные термины для обозначения своих глупых и наивных соперников. Они навешивают на них ярлыки

мракобесов, носителей заведомо не такого магического мышления и всячески обесценивают их позицию в спорах и за его пределами.

Давайте разбирать ошибки ученых в переоценке значимости мнения собственной группы. Безусловно, ученым и сциентистам свойственно искажение в восприятии сделанного выбора. Они слишком упорны и привязаны к собственному выбору и готовы до самого конца защищать этот выбор. Например, физикам свойственно говорить, что теория Ньютона не была опровергнута теорией Эйнштейна, а вторая является дополнением к первой. Дело в том, что в представлениях Ньютона пространство и время были абсолютны, а в представлениях Эйнштейна – относительны. Более того, Ньютон представлял пространство и время как две несвязанные сущности, а вот Эйнштейн описал пространственно-временной континуум. Обе теории противоречат друг другу с абсолютной очевидностью, но глупые ученые делают подтасовку терминов, чтобы не признавать краха научной теории Ньютона, то есть начинают понимать под теорией Ньютона тот набор моделей и формул, которые мы до сих пор используем в рамках механики. Почему они совершают такую яркую логическую ошибку, которая буквально находится на поверхности, и не замечают этого? Потому что им свойственно восприятие сделанного выбора. Они выбрали науку. Наука не может ошибаться, особенно так долго. Ладно там теории флогистона, водорода и прочие, которые вошли в научный обиход и очень быстро из него вышли. Они не настолько значимые, чтобы защищать их подобным образом. Теория же Ньютона имеет большое символическое значение для всей науки, а потому, если ты выбрал науку в качестве основного мировоззрения, нужно каким-то образом оправдать и самые большие научные провалы. Например, простейшими иррациональными операциями подменить теорию

Ньютона моделью и защищать теорию через модель, которая до сих пор используется для расчетов.

Ученому и сциентисту всегда приходится защищать собственный выбор, даже в тех случаях, когда все потеряно. Любая моя дискуссия с сциентистами обычно заканчивается тем, что они уходят в чисто иррациональную защиту и выдумывают абсолютно беспомощные *ad hoc* аргументы, которые нужны только для того, чтобы хоть что-то сказать в ответ на сильное опровержение или критику. Например, на критику эволюции через неполноту индуктивного опыта. Сразу же начинаются ответы в духе: «наука не доказала этого, но что у нас есть лучшее?»; «а вы прочитайте Маркова»; «опять философы со своей демагогией»; «а вы разве специалист в биологии?». И так далее.

Также важно понимать, что люди испытывают симпатию к науке и научным теориям, потому что здесь имеет место *эффект знакомства с объектом*. Со школы и университетов у людей формируется необоснованная и иррациональная привязанность к науке и научным представлениям. Под обоснованием, мы, конечно, не понимаем голословные утверждения о практичности науки, её эффективности, совершенстве и истинности. Если это итоговые категории, к которым вы сводите ваше «обоснование» веры в науку, то ваши представления о науке можно считать иррациональными. И вы защищаете науку такими псевдообъяснениями в том числе из-за эффекта знакомства с объектом.

Будем честны, в школы мы настолько пропитываемся наукой и научностью, что на этом фоне блекнут все религии. Школьник (даже троечник) получает количественно больше информации о науке, чем усердно изучающий религию верующий человек. Большинство

верующих так вообще Символ Веры назвать не могут. А вы попробуйте перечислить значимых для христианства отцов церкви? Не каждый христианин знает отцов церкви, но каждый школьник знает Галилея, Кеплера, Коперника, Ньютона, Эйнштейна, Дарвина и многих других ученых. Нелепо было бы предполагать, что эффект знакомства с объектом не работает при оценке значимости науки и её эффективности.

Также все сциентистам и учёным свойственна *иррациональная эскалация*, то есть они помнят свой выбор внутри науки более правильным, чем он был на самом деле. И даже в спорах о науке они будут вспоминать, как эффектно победи того самого мракобеса, хотя, вероятно, они проиграли. Хорошими примерами таких поражений могут служить выступления Докинза, Панчина или Дробышевского против религиозных деятелей, когда эти учёные и сциентисты буквально игнорировали позицию оппонентов, делали из неё «пугало» и эмоционально воздействовали на мнение толпы, апеллируя к пустому авторитету науки в тех вопросах, где этот авторитет ничего по существу не решал. Я уверен, что эти сциентисты до сих пор считают себя победителями в тех сражениях. Более того, их считают победителями целые толпы сциентистов и атеистов, неготовые признать очевидное поражение своих научных кумиров.

Самый большой грех сциентистов и ученых – это *слепое пятно предубеждения*, то есть вера в то, что предвзятость более свойственна другим людям, а не самому себе и не ученым. При этом эти люди являются научными фанатиками, которые именно предвзяты. Эта предвзятость мешает им понимать позиции соперников, а также уважать этих соперников. Сциентисты в подавляющем большинстве случаев вещают сверху вниз и оправдываются целями святого

просвещения, ведь они сражаются против мрака обскурантизма, используя истинную науку и правильные мыслительные операции (жалко, что большинство ученых и сциентистов всё ещё не изучило логику, чтобы приумножить степень своего догматизма и уверенности, ведь тогда бы это была реально ядерная смесь).

Аргумент VI: Эффект авторитета

P1. Аргументация к авторитету не может быть достоверным источником знания.

P2. Ученые часто аргументируют к авторитету.

C. В эти моменты суждения ученых точно не могут быть достоверным источником знания.

Наука пронизана авторитетом. Иначе и быть не может, потому что она занимается чуть ли не фабричным производством «знаний». Освоить все материалы даже в рамках одной дисциплины не представляется возможным. Слишком много книг и статей выходит по тем или иным вопросам, чтобы овладеть ими. Более того, доверять книгам и статьям также не следует, особенно если учитывать, что многие статьи и материалы содержат в себе заведомо подогнанные результаты, которые нельзя считать достоверными. Некоторые из них искажаются намеренно, некоторые из-за ошибок самих

исследователей. И, что самое главное, значительная часть данных в рамках науки в принципе не перепроверяется. Ввиду этого, конечно, для полного знания хотелось бы самому проводить опыты и эксперименты, а это ввиду количества разных исследований просто невозможно для одного человека, а потому приходится постоянно ссылаться на авторитет.

Более того, как бы ученые не пытались это скрыть, среди них есть более авторитетные персонажи, а есть менее авторитетные. Например, мнение профессора куда более важное, чем мнение доцента, потому что профессор имеет больше заслуг. Также есть такие звезды науки, чей авторитет затмевает свет практически любой критики. Его мнение является куда более важным, чем позиции других специалистов. И здесь важно обратить внимание на то, что нас интересует не проблема того, что профессора и нобелевские лауреаты делают высказывание за пределами своих специальностей. Нет. Как мне видится, куда страшнее и тотальнее их авторитет именно в их собственных специальностях.

Часто в академической науке я сталкивался с несправедливостью, которая буквально завязана на авторитетности тех или иных персонажей. Например, если между профессором и студентом случился конфликт, в котором виноват профессор, то из ВУЗа вылетит, скорее всего, студент. Коллегиально профессора защищают друг друга, даже если не разбираются в той теме, по которой пытаются завалить студента (у меня на вступительном экзамене была проблема во время апелляции четверки, когда я отвечал на вопрос по своей магистерской специальности, а в зале сидели профессора, которые об этом читали только в учебниках, и они пытались угрожать мне даже понижением оценки, лишь бы

защитить честь того, кто поставил мне четверку). Также в рамках научного дискурса я видел, как работает научное рецензирование на практике, ведь при приёме научных статей в условиях анонимности всегда можно шепнуть редактору, что ты профессор, если у тебя есть такое звание, а всем друзьям-специалистам намекнуть, что ты отправил статью в журнал. Это тоже влияние авторитета.

Также авторитет влияет на сциентистов и ученых по любым вопросам, с которыми они взаимодействуют. Можно, конечно, сказать, что есть просто авторитет, а есть эпистемический авторитет, то есть авторитет специалиста, но не до конца понятно, почему мы должны отдавать предпочтение тому, кто по факту считается специалистом, потому что у нас нет гарантии его правоты. Как мне видится, на специалисте наоборот лежит большая ответственность за доказательство своей позиции. Почему-то люди думают, что специальность снимает с них необходимость аргументировать перед теми, кто этой специальностью не овладели или овладели в недостаточной степени. Мол, «я историк, а потому прав по вопросам истории», «я биолог, а потому прав по вопросам биологии», «я математик, а потому прав по вопросам математики». Как мне видится, на специалисте лежит куда большая ответственность за аргументацию, потому что, если он реально хороший специалист, то он в принципе может объяснить, отправить человека к нужным источникам и просветить оппонента в области фактов. При этом, может оказаться так, что соперник, вооружившись озвученными фактами, опровергнет специалиста. Такой подход видится мне продуктивным в теоретических дисциплинах, а вот в практических работают несколько другие законы, а потому без веских доказательств эффективности той или иной практики от неё лучше всего воздержаться.

Аргумент VII: Профессиональная деформация

P1. Люди с профессиональной деформацией подчинены методам и алгоритмам своей профессии, даже если они не верны.

P2. Большинство ученых профессионально деформированы.

C. Большинство ученых подчиняются методам и алгоритмам своей профессии, даже если они не верны.

Профессиональная деформация, как мне видится, имеет довольно важные последствия для мировоззрения ученых. Во-первых, человеку кажутся очевидными те вещи, которые принимаются в науке в целом. Из этого и произрастает вера в естественную установку. Во-вторых, ученый начинает думать не самостоятельно, а с отсылкой на коллектив, что мешает ему здраво оценить ряд тех ошибок (логических и когнитивных), которые преобладают в его сообществе.

Аргумент VIII: Потребность в завершении

P1. Потребность в завершении торопит нас, что приводит к ошибкам.

P2. Ученым свойственно стремиться к завершению.

C. Ученые периодически ошибаются.

Потребность в завершении – это потребность достигнуть завершения в важных вопросах, чтобы получить ответ и избежать чувства сомнений и неуверенности. Напоминаю, что большинство ученых – это антискептики. Даже те люди, которые называют себя научными скептиками, по типу Шермера, панически боятся абсолютного сомнения как такового. У Шермера есть материалы, согласно которым абсолютное сомнение является неприемлемым и его следует избегать. То есть научное сообщество даже в самых своих «скептических» проявлениях стремится к некоторому завершению, чтобы убедиться в наличии некоего знания.

Концепция знания в рамках науки устарела на несколько веков, а потому им довольно нетрудно торопиться в этих вопросах. Проблема заключается в том, что ученые часто не являются специалистами в области теории познания, но все равно настаивают на истинности тех или иных взглядов. Это проявляется их поспешность. Они используют простые индуктивные доказательства и часто пугают фальсифицируемость эксперимента (опровержение) с подтверждением, что представляется мне крайне забавным. Ученые очень сильно торопятся, когда речь заходит о защите их священных представлений.

Аргумент IX: Отклонение в сторону статуса кво

P1. Если от чего-то зависит качество жизни человека, то, скорее всего, он будет выступать за это по причинам личной выгоды.

P2. Ученые заинтересованы в том, что наука доминировала, потому что от этого зависит и качество их жизни.

C. Ученые заинтересованы в доминации науки не только по рациональным причинам.

Аргумент X: Эффект повального увлечения, конформизм

P1. Люди боятся выделяться из толпы.

P2. Критика науки – это одна из форм, при которых человек выделяется из толпы.

C. Люди боятся критиковать науку в том числе потому, что тогда они будут выделяться из толпы.

Групповое мышление заставляет людей верить в науку и сциентизм, а также поклоняться ученым. Более того, именно групповое мышление заставляет людей испытывать неприятные эмоции и критиковать антисциентистов, которые выделяются из толпы своей не свойственной массам позицией. Эффект повального увлечения прекрасно применим к науке, потому что так или иначе почти каждый человек увлечен наукой и научностью еще со школы. Даже если человек получает гуманитарное образование, то крайне

велик шанс, что он преклоняется перед великими естествоиспытателями, а разные гуманитарные дисциплины не уважает вовсе (очень много встречал таких людей на разных гуманитарных и общественных факультетах).

Все же в глазах подавляющего большинства людей наука – это преимущественно естественная наука, которая прямо переходит на уровень технологий. История, психология, социология – нередко объекты высмеивания со стороны людей, которые ничего в них не понимают, но иногда и самих историков, психологов и социологов.

Естественно научный конформизм – это очень важное свойство нашего современного общества, в котором люди крайне негативно настроены против всех критиков науки, даже если последние излагают достаточно хорошие аргументы. Я постоянно сталкиваюсь с оскорблениями в свой адрес от людей, которые даже не могут повторить мою аргументацию. Почему им так важно меня оскорбить? Я часто сталкиваюсь с попытками защитить науку с помощью какой-то простой риторики. Почему науку нужно защищать, особенно если ты в ней ничего не понимаешь? Один из ответов: конформизм.

ВЫВОД ПО РАЗДЕЛУ

Как мне кажется, многие могут сказать, что я привел не самые удачные примеры того, как когнитивные искажения пронизывают науку. Может быть, это правда, но, самое главное, что было бы крайне странно обнаруживать когнитивные искажения буквально

езде, кроме науки. Если представители всех сообществ имеют эти искажения, то и ученые, вероятно, тоже ими обладают.

Поиск когнитивных искажений в науке, как мне видится, плодотворная почва для процветания антисциентизма. Также важно помнить, что большинство ученых об этих искажениях, в лучшем случае, просто слышали. От некоторых искажений их спасает сама научная методология, но в своем истоке эта методология, как мы выяснили ранее, является сомнительной. И защита этой сомнительной методологии чаще всего происходит с помощью тех или иных когнитивных искажений.

Важно понимать, что всевозможные исследуемые психологические объекты, скорее всего, свойственны и ученым. Например, то же «магическое мышление». Просто нужны исследователи, которые начнут исследовать данную проблему и направят свои силы против науки, её догматичности и когнитивной искаженности. Пока что это делается в недостаточной степени, так как авторитет науки велик и нарушать этот статус «кво» считается плохим тоном.

Мы ведь сражаемся за достижение некой истины, а для этого надо преодолеть предрассудки. В том числе, предрассудки науки, коих существует очень много. Именно поэтому все неестественные дисциплины должны объединиться и сокрушить монополию естественнонаучного знания, которая ведет к тотальной экспансии всего академического дискурса и изживанию всех альтернатив и точек зрения, кроме тех, что легальны в натуралистическом дискурсе.

Наука как колоссальный клубок из когнитивных ошибок – разве не верное и правильное представление о том, чем занимаются

ученые? Или кто-то действительно думает, что ученые 17, 18, 19 и 20 веков, когда еще не было когнитивных наук, каким-то образом учли все эти потенциальные ошибки и создали идеальное сообщество и идеальную методологию? Очень сказочное представление, которое граничит с магическим мышлением.

Научный миф должен быть ниспровергнут, а вместе с ним и научная монополия. Мы должны научиться смотреть на науку здраво и взвешено, без выше перечисленных когнитивных искажений. Наука – это только один из множества философских дискурсов. Такой же сомнительный и такой же проблемный. Не стоит верить в её универсальность и всемогущества, а также в её сверхэффективность. На всё это стоит посмотреть со стороны, потому что именно этого взгляда нам обычно и не хватает. И я стараюсь его реализовать, чтобы организовать новую волну научной критики, которой сейчас в мире категорически не хватает.

Новое Средневековье не за горами. Возможно, оно необратимо. Наука слишком сильна и монополистична. Когнитивные искажения работают против критиков науки. Даже так называемое критическое мышление присягает науке в верности. Я же надеюсь, что у меня получится призвать к сомнению тех, кто не так глубоко нырнул в научный догматизм и не так сильно поддался научному мифу.

Группа аргументов VII: Этическая

Прояснение

Важно относиться к этой группе аргументов как к некоторому дополнению, а не самостоятельным способам опровержения. Дело в том, что сам по себе «моральный» аргумент ничего не значит, если, допустим, наука действительно познает мир или создает практику, а также если нет в мире никакой альтернативе науке во всем этом. Основную силу этические аргументы набирают в контексте того, что научная методология и картина мира крайне сомнительны. Без аргументов, показывающих сомнительность научной картины мира, все последующие рассуждения были бы бессмысленны.

Так вот, если учесть сомнительность науки, то становятся явными её аморальные черты, которые мы краткими очерками разберем в этом разделе.

Важно помнить, что малоумные критики-сциентисты, скорее всего, захотят выделить именно слабые аргументы из общего списка и проигнорируют сильные, потому что так работает психологическая защита глупых людей. Они не захотят выделять главное и существенное от менее существенно и будут отмечать именно те аргументы, которые являются наиболее уязвимыми. Так что предвижу, что многие мои соперники будут обращать внимание именно на аргументы из этого далеко не самого важного раздела.

Аргумент I: Аморальность науки

P1. Всё, что аморально, то является плохим и незаслуживающим существования.

P2. Наука аморальная (что будет показано дальше)

C. Наука плоха и не заслуживает права на существование.

И первая, и вторая посылки сомнительны, но, возможно, среди наших читателей найдутся моралисты, которые согласятся с первой посылкой. Вторая сомнительная посылка будет подтверждаться в последующих параграфах.

Аргумент II: Научная гордыня испытания природы

P1. Гордыня – это плохо, а все люди с гордыней – плохие люди.

P2. Ученым свойственная познавательная гордыня.

C. Ученые плохие люди.

Ученым свойственная познавательная гордыня, притом на нескольких уровнях. Первый уровень гордыни заключается в том, что

они думают, будто «пыткой» или испытанием природы могут добыть реальное знание о вещах и законах. Судя по всему, это совсем не так. Во-вторых, они гордятся тем, что на несколько голов превосходят все прочие познающие группы, что не удивительно ввиду сложного и дорогого устройства науки, включенности её в образовательный процесс, финансирования и т.д.. Также не удивительно, что основной интеллектуальный вклад в Средние Века на территории Европы внесли именно христиане, а не, скажем, какая-то редкая группа еретиков. Гордиться здесь не чем.

Ученые являются представителями современного интеллектуального мейнстрима. Для того, чтобы быть ученым, абсолютно не обязательно быть человеком умным и продуктивным. Достаточно освоить методологию, которая позволит исследовать те или иные объекты. То есть учёный не просто гордец, но и одновременно с этим его гордыня не оправдана, что, как мне видится, является самым главным.

Гордыня может быть оправдана и нет. В первом случае, как мне видится, нет никакого смысла осуждать человека (хотя, христиане скажут иначе), так как у него просто правильная и здоровая оценка своей деятельности. Как мне видится, уникальный поэт должен осознавать себя уникальным поэтом, как и уникальный интеллектуал должен осознавать себя уникальным интеллектуалом. Проблема заключается в том, что ученые не являются уникальными интеллектуалами. В общей массе это обычные люди, которые были погужены в интеллектуальный мейнстрим своего времени.

Аргумент III: Опасность техники, которая, как заявляют учёные, есть их изобретение

P1. То, что может уничтожить человечество, — это очевидное зло.

P2. То, что производит уничтожающие объекты или участвует в этом производстве, — тоже зло.

P3. Технологии могут уничтожить человечество.

P4. Наука участвует в производстве технологий.

C. Наука – зло.

Впрочем, я бы переформулировал последнюю посылку иначе: некоторые ученые принимают участие в производстве опасных технологий. Тогда и вывод изменится: эти ученые – зло.

Предположим, что наука действительно необходима для создания техники (я в этом не уверен). Техника крайне опасна и несёт ряд рисков, что очевидно. Возможно, эти риски даже перекрывают те плюсы, которая она нам даёт. Например, на одной чаше весов у нас здравоохранение, которое позволяет людям жить дольше и лучше, а также домашние технологии, которые также повышают качество жизни, а на другой – тотальное уничтожение каждого человеческого существа. Если это действительно так, то никакие здравоохранение и временная польза не смогут перевесить потенциальный вред от науки.

Если наука производит технологии, то сколько угроз она создала? Искусственный интеллект, ядерное оружие, просто оружие, химические и биологическое оружие и многое другое. Сейчас мы еще не до конца можем предвидеть, сколько реальных угроз было произведено. Возможно, через сто лет люди будут жить в мире постапокалипсиса, а весь научно-технический прогресс окажется уделом лишь жителей короткой эпохи.

Важно помнить, что фанатики науки хотят переложить моральную ответственность с плеч учёных на плечи политиков, которые принимают те или иные решения. Но если наука реально влияет на практику, а практика производит опаснейшие устройства, ИИ и прочее, то как можно снять с ученых ответственность?

Давайте по порядку: ученый понимает себя частью цепи в производстве практики. Неважно, насколько это истинно. Важно, что он видит себя необходимым звеном в создании тех или иных технологий. Технологии бывают опасными и полезными. И часто предсказать опасность и военное использование вполне можно. Например, нужно быть полным идиотом, чтобы не понимать, как будет использоваться ядерное оружие. Очевидно, что его будут применять в военных целях. Также очевидно, что ученый, который необходим в производстве этого оружия, мог бы просто отказаться от участия в тех или иных программах, чтобы не наносить человечеству потенциальный вред.

Как по мне, ученые практически всегда понимают, как будет использоваться его представление и в какую сторону он работает, а потому в том числе и на нём лежит ответственность за весь вред, который приносит итоговое изобретение.

Тенденция снимать с ученых ответственность обусловлена большим их авторитетом в глазах общественности. И это касается прежде всего, ученых, потому, например, теоретики нацизма и коммунизма не вызывают у нас такого же почтения, а их теории мы не оправдываем словами «во всем виноваты политики». В такой ситуации мы рассуждаем здраво и оцениваем вклад всех сторон. Более того, часто теоретиков мы клеймим больше, чем практиков, например, когда дело касается марксизма. В случае же с учеными мы просто пытаемся снять ответственность с интеллектуальной элиты, чтобы святые ученые и дальше могли продолжать свою священную работу.

Странно, конечно, наблюдать за двойными стандартами, которые свойственны сциентистам, претендующим на некоторую интеллектуальную честность. Но какой честности вообще ждать от поклонников очередной монополистической группировки? Мейнстрим на то и мейнстрим, что его главари получают к себе крайне особое отношение, а их преступления против человечества аннулируются, потому что люди-то хорошие.

Также понятно, что не каждый ученый в такой картине мира виноват в производстве опасных технологий, но разве не следует ловить и судить тех, кто реально виноваты? Особенно если результат был буквально очевиден. Например, нам заранее неизвестно, что случится с ИИ. Станет ли ИИ причиной уничтожения человечества или приведет к процветанию? Хороший вопрос. Но ведь, например, производство ядерного оружия прямо очевидно ведёт к его применению. Почему мы должны делать вид, что ученые здесь невиновны?

Если вы хотите верить в то, что ваши теоретические открытия обязательны для создания практических достижений, то вы должны нести ответственность за эти практические достижения, если тот или иной формат их использования был вполне предсказуем.

Аргумент IV: Наука и оружие

P1. Люди, принимающие участие в создании опасного оружия массового поражения, — плохие люди.

P2. Ученые принимали и принимают участие в создании оружия массового поражения.

C. Эти ученые плохие.

Нет ни одного настолько очевидного вредоносного последствия технологий и практики, как оружие массового поражения. Можно сколько угодно говорить о том, что сильное оружие позволяет сдерживать врагов, а также, если наши ученые не создадут это оружие, то его создадут ученые из других стран – всё это, конечно, мило, но как это оправдывает согласившихся ученых? Никак. Да, скорее всего, отыщется аморальный ублюдок, который захочет изобрести оружие массового поражения для ваших врагов. И даже на вашей стороне можно будет найти такого-же злодея. Это никак не снимает ответственность с ученых, которые, напоминая, убеждают нас в своей теснейшей причастности к практике.

В Хиросиме и Нагасаки погибло больше двухсот тысяч человек. И это не считая прочие применения ядерного оружия в разных целях (например, операция «Снежок», по итогу которой радиоактивному облучению подверглись 45 000 военных и 10 000 местных жителей). Сотни тысяч человек пострадали от ядерного оружия, но из ученых мало кто понёс даже репутационные потери. Как по мне, в таких случаях необходимо проводить большие процессы по типу Нюрнбергского, потому из-за деятельности некоторого количества ученых погибло очень много людей. Я бы даже поставил этих ученых в один ряд с нацистами и тоталитарными коммунистами.

Здесь бы я хотел озвучить список врагов человечества, которые оказались повинны в смертях сотен тысяч людей, а также в страхе миллиардов: Рудольф Пайерлс, Отто Фриш, Эдвард Теллер, Энрико Ферми, Нильс Бор, Клаус Фукс, Лео Силард, Джон фон Нейман, Ричард Фейнман, Джозеф Ротблат, Исидор Раби, Станислав Улам, Роберт Уилсон, Виктор Вайскопф, Герберт Йорк, Сэмюэл Аллисон, Эдвин Макмиллан, Роберт Оппенгеймер, Георгий Кистяковский, Эрнест Лоуренс, Ханс Бете, Ганс фон Хальбан, Франц Ойген Симон, Юджин Вигнер, Филипп Хауге Абельсон, Джон Кокрофт, Эрнест Уолтон, Роберт Сербер, Джон Кемени, Альберт Бартлетт, Ник Метрополис, Джеймс Франк, Миртл Бачелдер, Эмилио Сегре, Феликс Блох, Георг Плачек, Ву Цзяньсюн, Бруно Росси, Мария Гёпперт-Майер, Уильям Альфред Хигинботам, Норман Хилберри, Уолтер Зинн, Торфин Хогнесс, Джордж Монк – эти имена должны идти в одном ряду с Адольфом Гитлером, Геббельсом, Сталиным, доктором Менгеле, но многих людей из списка мы боготворим до сих пор. Почему мы не считаем их преступниками мирового масштаба? Почему не осуждаем? Потому что наука священна. Учёным могут простить даже соучастие в убийстве сотен тысяч людей. До сих пор

американскому правительству припоминают Хиросиму и Нагасаки, а ученые как будто ничего не делали.

Это очень удобная позиция для ученых и инженеров. Вот если «наука» принесла что-то полезное, то тут политики, как будто бы, оказываются за бортом, хотя их деятельность в распространении полезных изобретений тоже важна. Тут большую часть лавров забирают себе учёные! Но если было создано оружие, то ученые не несут за это даже моральной ответственности. Вот такая вот магия науки.

Конечно, сторонники науки будут настаивать на той пользе, которую производят учёные, а также попытаются сказать, что итоговое решение производили именно политики, но разве не очевидно, что изобретение большой бомбы приведет к взрыву большой бомбы и смерти сотен тысяч людей? То есть «умнейшие» люди своей эпохи не смогли предсказать простейшего последствия от их деятельности? А если могли, то, получается, они поддержали убийство сотен тысяч людей? То есть, получается, что ученые были либо невероятно глупы и наивны, либо достаточно умны и аморальны.

Допустим, что я не прав, и наука действительно необходима для создания сложных технологий. Тогда безусловно необходимо призывать учёных к ответственности за свою деятельность, чтобы они не осознавали свою непогрешимость, а готовились принять наказание за аморальный выбор, который в итоге привел к смерти множества людей. Да, ученых в таком случае будут покрывать правительства, потому что правительствам важно иметь на службе аморальных и беспринципных ублюдков, которые будут производить им

смертельное оружие, но это совершенно не значит, что мы должны одобрять все это.

Аргумент V: Научная картина мира и экзистенциальный кризис

P1. Картина мира, вызывающая экзистенциальный кризис, хуже картины мира, которая при прочих равных не вызывает экзистенциальный кризис.

P2. Есть довольно большое количество альтернативных науке взглядов, которые при такой же степени доказанности и вероятности, не вызывают экзистенциальный кризис.

C. Существуют такие мировоззрения, которые лучше науки или наука хуже некоторых мировоззрений.

Думаю, многие не согласятся со второй посылкой. Очевидно, что научное мировоззрение приводит огромное количество людей к экзистенциальному кризису, потому что данная картина мира не обеспечивает никакого посмертия, а потому человек сталкивается с ограниченностью собственного существования. Также в рамках научной картины мира нет средств для преодоления страха смерти, как это было, скажем, у эпикурейцев, а потому человек, подверженный научному мировоззрению, оказывается ничтожной и абсолютно незначимой песчинкой в космосе, которая совсем скоро умрёт.

Аргумент к экзистенциальному кризису приводят многочисленные философы, и с ним трудно не согласиться, потому что ни одно другое популярное мировоззрение так сильно не предрасполагает к чувству тотальной беспомощности. Есть попытки в рамках околонучного дискурса вообразить себе бессмертного человека (например, как в трансгуманизме), но проблема заключается в том, что бессмертие даже близко пока что не достигнуто. Все подобные проекты являются лишь фантазиями людей. Более того, не факт, что в принципе будет можно оживить человека после смерти, а, скорее всего, на наш век никакое бессмертие изобретено не будет.

Так вот, научная картина мира – одна из самых холодных, жестоких и безразличных из всех, которые когда-либо становились популярными. Пока что даже нет света в конце туннеля в виде реализации хотя бы части планов трансгуманистов. Думаю, многим после этого станет понятна первая часть второй посылки, но основную проблему для многих составить именно вторая часть.

Насколько научная картина мира истинна и вероятна? Если бы данный аргумент был озвучен вне контекста всей этой книги, то звучал бы он безусловно слабо, но, как мы убедились, истинность научной картины мира сомнительна, а вероятность истинности её теорий неопределима. В этом плане научная картина мира сравнима с христианской, исламской и прочими.

Многие могут обратить внимание на то, что первой посылке я использовал словосочетание «при прочих равных», а во второй «при такой же степени доказанности и вероятности» как аналог. Многим может показаться, что это подмена понятия, но в целом два этих параметра я считаю крайне важными для сравнения. Конечно, наука не равна религии, потому что научная картина мира на много

порядков лучше проработана. Важно понять основную причину этой проработки: количество людей, которые занимаются ей. В Средние века в Европе самой проработанной была христианская картина мира, что обеспечивалось теми же самыми причинами. Именно поэтому параметр проработанности не кажется мне хоть сколь-нибудь важным, потому что это дело наживное.

Также вы можете сказать, в что в науке больше аргументов. Хорошо, их больше, но основной их массив строится на неполной индукции, что не подразумевает возможности окончательного доказательства. Правящие теории чисто формально всё ещё не фальсифицированы. И всё это делает науку не очень убедительной даже при всем объеме аргументов, которые она использует. Количество аргументов, опять же, обеспечивается большим количеством специалистов, которые занимаются разными темами.

Если мы заполним христианство, ислам или любую философию таким количеством заинтересованных интеллектуальных субъектов, то в итоге получим такую же проработанную и аргументированную картину мира. А если подобных субъектов будет больше, то таким образом можно и превзойти науку по уровню проработки и аргументированности. Да, это допущение, но, как мне видится, допущение крайне вероятное и следующее из истории философии.

Многие говорят о практичности науки, но, как я уже описывал в других своих работах, наука практична не по причине того, что она наука (то есть научная методология), а по причине того, что она включила в себя ряд не сугубо научных, но используемых на практике элементов. Эмпирический опыт полезен на практике, но он не используется только в науке. С эмпирическим опытом работали философы-эмпирики, которых всё ещё нельзя называть учёными.

Математические модели сами по себе тоже полезны на практике, и они также не являются сугубо научной собственностью или достаточным основанием для того, чтобы называть что-то наукой. Математические модели есть в астрологии, мистике и алхимии. Также полезной для практики является большая и сложная форма организации, которая позволяет объединять специалистов, занимающихся тем или иным ремеслом. Но это тоже не достижение науки. В нашей культуре что-то подобное возникло благодаря христианским университетам. И тут, куда мы не посмотрим, влияние науки оказывается минимальным. Да, теории включают в себя математические модели, но это не исключает того факта, что математические модели могут существовать без теорий. Да, для научной деятельности исследователи собирают большую фактологию, но это не значит, что её можно собирать только для научных целей. Заслуги науки (как метода создания естественных фальсифицируемых теорий) в создании практики кажутся мне крайне сомнительными и случайными.

Надеюсь, у меня получилось объяснить, почему многие ненаучные мировоззрения вполне сопоставимы с научным, и научное проигрывает большинству из них по критерию предрасположенности к экзистенциальному кризису.

Аргумент VI: Научная картина мира и ужас

P1. Картина мира, которая вызывает ужас, плоха.

P2. Научная картина мира вызывает ужас.

С. Научная картина мира плоха.

Мы повторяем тот же самый аргумент, что и в прошлый раз, но на этот раз усиливаем итоговый результат, потому что у многих людей научная картина мира именно вызывает ужас. К вопросу о равенстве разных картин мира по разным критериям можно обратиться к предыдущему аргументу. Здесь же мы остановимся на ужасе. Если вам интересны разные аспекты ужаса, то рекомендую обратить внимание на работы Юджина Такера. В своем трехтомнике «Ужас философии» Такер разбирает в том числе и тот ужас, который производит научное мировоззрение.

Я бы обратил внимание на то, что есть наиболее чувствительные люди, для которых такое мировоззрение действительно окажется ужасным и бесперспективным. Так вот, если при прочих равных выбирать мировоззрение, то, наверное, лучше выбрать такое, которое не вызывает ужас.

Аргумент VII: Жадность науки и учёных

P1. Жадные люди хотят получать больше денег, чем все остальные.

P2. Ученые в среднем дорого оценивают свой труд и считают, что должны получать больше всех.

С. Ученые жадные.

О финансовых бонусах, которые получают учёные, мы поговорим несколько позже. Пока что просто остановимся на том, что учёные требуют больших зарплат и хотят делить наши с вами налоги, несмотря на то, что польза от большинства из них минимальна.

Аргумент VIII: Жертвоприношение животных

P1. Убийство животных в любых целях является аморальным.

P2. Некоторые ученые убивают животных.

C. Некоторые ученые совершают аморальные поступки.

Этот аргумент относится к биологам и медикам, а вторые часто считают себя учеными, а также в представлении многих людей ими являются. Так вот, если мы будем смотреть на науку с такого ракурса, то во благо человечества в жертву приносится огромное количество животных, многие из которых вхолостую погибают, не принося никаких позитивных плодов. Многие погибают во время бесперспективных экспериментов, а многих просто мучают и калечат.

Меня всегда удивляло, насколько большое внимание борцы за другие живые виды уделяют зоопаркам, океанариумам и другим подобным местам, где о животных заботятся, где их кормят и часто даже любят. В этих местах животные живут лучше и дольше, чем их собратья на воле. При этом борцы за всю живность так мало говорят

о бесчисленных животных, которых погубила наука. Ученые и медики буквально издеваются над животными и проводят над ними такие опыты, что и представить себе ничего более ужасного в отношении этих зверей нельзя.

Аргумент IX: Презрение к ненатуралистическим дискурсам

P1. Презрение к другим направлениям мысли является следствием догматизма и высокомерия.

P2. Многие ученые презирают ненатуралистические мировоззрения.

C. Многие ученые догматичны и высокомерны.

Аргумент X: Стремление к доминации среди прочих направлений мысли и религий

P1. Стремление к доминации произрастает из чувства собственно превосходства.

P2. Ученые стремятся к доминации.

C. Ученые ощущают превосходство над другими направлениями мысли и религиями.

Аргумент XI: Безоговорочная вера в науку и стремление к непониманию

P1. Стремление к непониманию – одна из главных причин для большинства конфликтов.

P2. Люди, безоговорочно верящие в науку, стремятся к непониманию.

C. Люди, безоговорочно верящие в науку, способствуют развитию ряда конфликтов.

Как мне видится, почти любое мировоззрение, особенно если оно воспринимается фанатично (как наука воспринимается сциентистами), устремляет нас к непониманию. Мы не хотим понимать, почему те или иные люди придерживаются своих убеждений. Более того, нам даже плевать на это. Мы не хотим узнавать хоть что-то об их бесполезной ереси.

Непонимание – одна из важнейших причин многих конфликтов. Если бы люди стремились к пониманию, то многих столкновений проще было бы избежать, а также проще договориться. Наука выступает против всех мировоззрений, кроме своего собственного, а потому она занимает здесь позицию непонимания, что способствует дальнейшему разделению человечества

Аргумент XII: Преследование инакомыслящих

P1. Преследовать инакомыслящих во всех смыслах аморально.

P2. Сциентисты и ученые преследуют инакомыслящих в эмоционально-этическом, интеллектуальном, творческом, финансовом и психологическом аспектах.

C. Сциентисты и ученые аморальны.

Сразу следует заметить, что не каждый ученый и сциентист лично преследует инакомыслящих, но большинство из них поддерживает преследование.

О подобных вещах я рассказываю в своих статьях («Современная инквизиция») и книге («Условная цензура»). Там я повествую о современных формах интеллектуальной цензуры или «современной инквизиции». Прежде всего, необходимо провести различие типов инквизиции. Понятно, что в современности не принято жестоко убивать инакомыслящих, но на них налагаются другие репрессивные меры. Распишем их от меньшего к большему:

1. Эмоционально-этическая инквизиция;
2. Интеллектуальная инквизиция;
3. Творческая инквизиция;

4. Финансовая инквизиция;
5. Психологическая инквизиция;
6. Уголовная инквизиция.

Важно понимать, что современные сциентисты, разве что, не прибегают лишь к последней. Они оказывают эмоциональное, психологические, финансовое, интеллектуальное и творческое давление на всех своих оппонентов и стараются добиться цензурирования их работ, а также распространяют сплетни о том, что их противники мошенники и шарлатаны.

Аргумент XIII: Промывка мозгов детям и подросткам

P1. Промывать мозги детям и подросткам недостоверной информацией аморально.

P2. Ученые и сциентисты промывают мозги детям и подросткам в рамках школьного и университетского образования.

P3. Научная информация не является достоверной (смотреть подтверждения выше).

C. Ученые и сциентисты поступают аморально.

Многое здесь будет зависеть от того, как вы относитесь к первой посылке. Допустим, вы не против того, чтобы допустить промывку мозгов недостоверной информацией, тогда данный аргумент для вас не работает. Но если вы считаете, что промывать мозги – это плохо, то придётся согласиться и с тем, что ученые и сциентисты, занимающиеся промывкой, тоже аморальны.

Школьное и университетское образование – это вообще-то одна из важнейших причин доминанции научного дискурса над другими. За всю историю человечества мы не видели такого прецедента, чтобы хоть какая-то картина мира распространялась так массово и систематично. Именно это и обуславливает единодушие в позитивных оценках науки. И это при условии конформизма большинства людей. Науке как мировоззрению повезло прославиться в то время и быть на пике тогда, когда развилось и всеобщее образование, которое сейчас объединяет большую часть мира. И наука этим грязно и бескомпромиссно пользуется.

Аргумент XIV: Использование достижений практиков для поддержания собственного авторитета

P1. Аморально использовать чужие достижения для того, чтобы придать себе большую значимость.

P2. Ученые используют достижения практиков для того, чтобы поддерживать собственную значимость.

C. Ученые аморальны.

Этот аргумент я разъясняю в книге «Философия практики». Дело в том, что практики, как мне видится, сами по себе являются самодостаточными и могут производить практику без учёных (то есть теоретиков). Наука и ученые не являются необходимыми во всем это процессе, и, что самое главное, обычно не теория предшествует практике, а именно практика предшествует теории. Для сбора новых фактов и фальсификации уже имеющихся теорий требуются новые технологии. Именно поэтому практика всегда идёт впереди теории. Теория объясняет практику и эмпирические факты. Нельзя объяснить то, чего ещё не существует. Именно поэтому практика всегда впереди всякого теоретического объяснения.

Иногда бывают случаи, когда теория позволяет практику догадаться о том или ином потенциальном изобретении. Это такая своеобразная функция «музы». Но дело в том, что даже без теории, вероятно, этот человек сделал бы то же самое или кто-то другой несколько позже смог бы прийти к подобной идее. Более того, если разрезать теорию и оставить там чистую науку, то есть натуралистическое абстрактное представление о законах и их физике, то у нас получится изъять из науки математические модели, эмпирический опыт и многие другие вещи, необходимые для практики. Самое же теоретическое натуралистическое представление, которое и производят ученые, не несёт какой-то реальной ценности для практика, а оно является самым главным в деятельности учёного, что, собственно, и отличает его от простого создателя моделей или эмпирика, который проводить опыты ради самих опытов вне контекста той или иной теории.

Таким образом, получается, что учёные похищают славу практиков, которые создают те или иные изобретения, что мне видится большим научным мошенничеством.

Группа аргументов VIII: Социальная

Прояснение

Многие обращают внимание прежде всего на плюсы коллективного познания, но также имеются и многочисленные минусы, избежать которые в рамках науки невозможно. Важно учитывать конформность подавляющего большинства людей. А ведь среди учёных таких тоже большинство. На каждого Эйнштейна приходится сотни тысяч обычных офисных работников, которые просто занимаются своим научным ремеслом и получают за это деньги. Это и есть большая часть научного сообщества, о котором постоянно с придыханием говорят сциентисты.

Важно понимать, что любое такое конформное сообщество содержит в себе ряд недостатков, которые не только могут помогать познанию, но и не менее сильно ему мешать, создавая неоправданные традиции, ритуалы и заставляя своих членов двигаться в рамках некоторого стихийного потока, управление которым оказывается невозможно. Коллектив заставляет людей идти на компромиссы. Допустим, у нас есть гениальный ученый, который сформулировал более простую и понятную теорию гравитации, чем это сделал Эйнштейн. Что нужно сделать по-хорошему? Объективно оценить эту теорию и заменить ей теорию Эйнштейна. Что произойдет на самом деле? Явно не что-то подобное. ОТО и СТО стали настолько важными

частями мирового образования, а Эйнштейн научным культом, что для замены его представлений нужны более веские аргументы, чем просто большая лаконичность.

Да, в науке есть некоторые методологические процедуры, которые, как мы выяснили раньше, являются крайне сомнительными, но из-за коллективности данной деятельности даже они не работают так, как задумано. Именно поэтому в методологии мы обсуждали науку такой, какая она должна быть в идеале, но теперь мы обратим внимание на то, какая наука есть на самом деле. Да, даже в идеале она была сомнительна, но из-за социальных практик мы вообще можем задаться вопросом о том, насколько хорошо работают описанные нами выше процедуры. Святая наука не такая уж и святая.

Аргумент I: Коллективное мышление

P1. Затмевающие факторы негативно влияют на познание.

P2. Коллективное мышление затмевает познавательные способности отдельных индивидов.

C. Коллективное мышление негативно влияет на познание.

Коллективное мышление – это очень большой недостаток науки, которые мешает отдельным индивидам критиковать научную догматику. Более того, проблема даже чаще не в догматике, а в том,

что сообщество позволяет не понимать или игнорировать многие процедуры, которые считаются важными.

Например, считается, что в науке работает «Бритва Оккама» и учёные должны соотносить имеющиеся теории с принципом наибольшей простоты. В теории это могло бы работать, но на практике к разным теориям целые коллективы оказываются категорически равнодушными, а потому, если при прочих равных будет найдена более простая теория, — это совершенно не значит, что ученые в тот же момент её заменят, хотя согласно процедуре должны. Здесь будет играть роль мнение коллектива или так называемого научного сообщества, которое на поверку оказывается крайне конформным, как и любое сообщество.

Роль индивида в современной научной деятельности всё больше и больше уменьшается. И, самое главное, что оценивают те или иные теории не отдельные люди, а целые сообщества, чьи позиции могут оказаться стихийными. Очень многое будет зависеть от привычек учёных, их доминирующих мнений, предрасположенности к тем или иным ответам, научной парадигмы и многих других абсолютно неважных для истины факторов.

Коллективное мышление – это мышление с отсылкой на коллектив, когда каждый думает, что о нем подумает другой человек в коллективе. Это ведёт к умалчиванию многих важных идей и критические положений. «А что же скажут ученые? Что же скажут мои коллеги? Мне эта идея не кажется истинной, но если я скажу это, то многим коллегам не понравится». И так во всем! И тут важно не забывать, что существуют более и менее авторитетные ученые, учителя других учёных и так далее. Слишком много сторонних социальных факторов влияет на коллективное мышление.

Мои оппоненты могут сказать, что все эти факторы ведут только лишь к лучшему. Как по мне, это было бы слишком идеально, потому что многочисленные и разнородные социальные факторы, если выразаться образно, имеют стихийную природу, то есть это вещи крайне спонтанные, которые могут выдавать относительно неожиданный результат.

Аргумент II: Стихийность коллективного

P1. Стихийность создает проблемы в познании.

P2. Наука стихийна.

C. Наука имеет проблемы в познании.

Под стихийностью здесь понимается высокая степень случайности, которая возникает из-за большого количества разных социальных факторов, размывающих наши представления об идеальной науке, которую мы обсуждали до этого. Если бы никакой случайности в науке не было, то мы могли бы остановиться на критике метода, но трудно говорить о том, насколько отдельные коллективы вообще понимают, что такое научный метод. Все это разбавляется многочисленными социальными факторами и верой в авторитет разных коллективов, о которых мы не так уж много знаем.

В науке слишком много случайных факторов, которые влияют непосредственно на исследование и, тем более, на оценку его

результатов. И это довольно случайные вещи. Например, в рамках научного сообщества может разлететься какая-нибудь нелепая мода, которая закрепится в виде научной традиции на многие века. И это норма для сообществ.

Конечно, научные идеалисты попытаются сказать, что в науке всё идеально и такие вещи практически не происходят, но почему мы должны им верить? Почему мы должны верить в идеальную науку, если, крайне вероятно, что она далеко не такая идеальная и даже наоборот – совсем неидеальная.

У человека со стороны должно быть больше причин не верить науке, нежели верить, потому что всевозможные факты говорят против неё. Как минимум, довольно странно, что среди всех ущербных и бездарных познавательных сообществ вдруг появилась именно наука, которая стала по каким-то причинам непогрешима, а её успехи настолько велики, что сравниться с ней никто не может. Настолько совершенная и прекрасная она появилась практически из ниоткуда и всех победила. И описанная стихийность – это один из научных грехов, которые приводит ко многим негативным последствиям в познании.

Аргумент III: Научная традиция

P1. Традиции ненадежны, когда речь идет о познании.

P2. В науке очень много традиций.

C. Наука ненадежна, когда речь касается познания.

Традиция – это то, что перешло от одного поколения к последующим. Ради справедливости можно заметить, что возможны позитивные познавательные традиции, но есть один нюанс. Нам, людям, если мы находимся в коллективе, трудно отличить полезную и хорошую традицию от плохой (если мы вообще можем так разделить традиции). Вообще само наличие этих традиций вносит некоторое затруднение в познание, потому что традиции трудно оценивать изнутри.

Вот, например, в науке нам полностью очевидно, что фальсифицируемость является не способом подтверждения теории, а лишь способом её опровержения. Практически во всех науках опровержимость путают с подтверждением, что вводит ученых в заблуждение. Чисто формально они попытались опровергнуть теорию, но у них не получилось, но, важно понимать, что отсутствие опровержения не означает подтверждения. Так вот, сложилась такая нелепая традиция, в рамках которой отсутствие опровержения означает подтверждение. И теперь ученые, как дурачки, бегают со своими «подтвержденными» теориями, многие из которых просто неопровергнутые. И, что самое главное, они не видят в этом никакого подвоха, потому что в их сообществе все будут говорить о том, что та или иная теория подтверждена, даже если это формально неправильно.

Изнутри традиции оценить все это крайне трудно, потому что человек постоянно получает эмоциональную и психологическую поддержку из-за того, что прислушивается к «правильному» мнению, то есть к позиции традиции, коих в науке очень много. Если вдруг он начнет говорить, например, что теория Ньютона опровергнута, что

является бесспорным фактом, то его проклянут внутри сообщества физиков, которые предпочитают выбирать более обтекаемые формулировки и говорить, что «теория» Ньютона все ещё работает на определенных масштабах. Только вот они (вероятно неосознанно) подменяют понятие теории понятием модели и говорят о том, что формулы Ньютона до сих пор могут использоваться, но теория Ньютона – это совокупность представлений Ньютона об устройстве нашего мира, которая сама по себе претендует на истинность со всеми своими важнейшими сегментами. Например, абсолютным временем и пространством. Сказать, что теория Ньютона поддерживается хоть кем-то в научном сообществе – это то же самое, что утверждать, будто кто-то из современных ученых вслед за Галилеем верит в то, что Солнце находится в центре Вселенной, но ученые относительно Ньютона обыкновенно крайне обтекаемы, что закреплено в научной традиции.

Важно понимать, что коллектив поощряет ученого за допущение той ошибки, которая является общей для всего научного сообщества или целого сегмента научного сообщества. Не всегда поощрение финансовое. Иногда оно моральное, психологическое. Более того, в случае отрицания традиции ученого ожидает немедленная кара. Да, тоже в виде психологического давления, а иногда и увольнения. Мы всё ещё не совсем в Средних веках, но всё же такие вещи очень хорошо манипулируют людьми. Традицию потому и очень трудно оценить изнутри, что она даёт позитивное подкрепление за «правильные» поведение и высказывание, а за «неправильные» карает, насколько бы первое не было идиотским, а второе – справедливым и разумным.

Обычно мы говорим о традициях, которые лежат за пределом научного дискурса: это религиозная традиция или даже философская. Про научную традицию разговоров куда меньше, потому что во времена эпохи Просвещения у предков современной науки выработался сильнейший ресентимент к религии и возникла стойкая традиция избегать любых потенциальных отождествлений науки и религии. Если в религии вера, то в науке только знание. Если в религии традиция, то в науке – свободомыслие. Это тоже своеобразная традиция, которая воспринимается как нечто должное. Так вот, в рамках науки ввиду этого ресентимента стало категорически сложно обнаружить саму традицию, потому что у ученых наблюдается панический страх признания собственной догматичности, веры и традиционности.

В этом заключается огромная проблема науки. В науке очень много веры⁵⁶, но это не принято признавать. В науке очень много традиций, но это тоже принято игнорировать. Наука – это такой набор традиций, которые отрицает догматическую рефлексию, чего не лишены, например, христиане, которые осознают, что они верят, и что они догматичны.

Катастрофические последствия отсутствия такой рефлексии очень легко видны со стороны, но изнутри они мастерски замаскированы самоотрицающей свою традиционность догматичной и радикальной традицией. В каком-то смысле, наука основана на

⁵⁶ Сциентисты даже предпочитают говорить о доверии, а не о вере, хотя и то и другое в общем смысле обозначает убежденность. Если же говорить о вере чисто в христианском ключе, то христианской веры нет в большинстве других религий. Понятное дело, что ученым не приписывают христианскую веру или её прямое подобие, но даже в случае более общего понимания слова «вера» и связывания его с наукой у многих сциентистов возникает ресентимент.

глубочайшем коллективном обмане, который мешает оценивать это явление здраво. Людям, поклоняющимся науке, свойственны многие черты верующих, но в рамках научной традиции запрещена рефлексия над этим. Если ты задумался над содержанием собственных научных убеждений и, допустим, подверг их радикальному сомнению, то в научном сообществе тебе буквально конец. Более того, само твое сомнение признают результатом некой религиозности или глупости, потому что «абсолютное сомнение», как скажут научные скептики, догматично и нелепо, ведь куда лучше научное.

Я абсолютно уверен, что у религиоведения есть весь доступный инструментарий для того, чтобы исследовать науку с точки зрения религиозности. Наука многое взяла у христианства. В ней есть священное, есть ритуалы, есть традиции. Если бы у некоторых религиоведов хватило смелости! Да традиция не позволит.

Так вот, традиция мешает не только оценивать собственную правдоподобность, но и затрудняет оценку себя самой, а потому человек, который попал внутрь традиции, то есть учёный в нашем случае, имеет довольно маленькие шансы, чтобы выбраться оттуда. Более того, отрицание подобия науки, философии и религии, как мне видится, приводит к некоторому парадоксу, согласно которому у нас из воздуха появилось истинное и самое лучшее учение, познающее истину или в лучшем виде пытающееся её достичь. При этом в глазах многих наука такая независимая, свободомыслящая и прекрасная, в то время, как все религиозные мышления ничтожны и безумны в своем основании и наука, как будто бы, генеалогически ничего у них не унаследовала. Как мне кажется, это глубоко сказочное представление, которое закрепилось в околонуучной традиции. В нём нет и толики

правдоподобности, а только лишь обыкновенный религиозный фанатизм.

Аргумент IV: Научные ритуалы (действия)

P1. Ритуалы затмевают познание.

P2. В науке есть ритуалы.

C. Научное познание затемнено.

Я бы без особых проблем предпочел трактовать в качестве ритуалов почти все научные методы и правила вывода, потому что ничего большего я в них не вижу. Это все чистейшие ритуалы, которые не ведут к итоговой цели, то есть к познанию. Мышление ученого очень ограничено, а потому ему трудно оценивать результаты собственной деятельности вне традиции и ритуала. Ему сказали, что такая совокупность действий ведёт к познанию, а он уверовал в эту догму и проводит священный ритуал, который нельзя подвергать сомнению.

Да, в науке всё это не называется ритуалами, потому что у науки получилось сформировать относительно себя представление как об антирелигии, несмотря на колоссальное количество общих с религией черт. Общие черты у науки и религии, как мы выяснили и ещё выясним, довольно много. Ритуалистика – это одна из этих вещей.

Что не так с научным ритуалом? Дело в том, что этот ритуал заставляет уверовать в некоторое познание, хотя этого познания чисто формально может не произойти. Как я уже описывал выше, в рамках научной традиции ритуал фальсифицируемости стал воспринимать многими как ритуал подтвердимости, что просто нелепо.

Обратим внимание на ритуал эксперимента. Очевидно, что эксперимент сам по себе не может дать уверенности ни в опровержении той или иной позиции, ни в её подтверждении, потому что многое зависит от тех правил, которые мы избрали для осмысления этого эксперимента. Постоянно нужно помнить, что именно мы, люди, решаем, что произошла фальсификация или подтверждение той или иной позиции по итогу эксперимента. То есть эксперимент не позволяет нам отдалиться от нашей главной человеческой проблемы: субъективности. Он лишь на одну ступень отдаляет ту область, в которой мы принимаем субъективное решение.

Поясняю. Допустим, у нас есть фальсифицирующий эксперимент, которые при исходе А опровергает теорию, а при исходе В – её либо подтверждает (что, как я уже выше сказал, нелепо), либо оставляет в непровергнутом состоянии (что чисто формально и происходит). Так вот, мы сами составили такие правила, при которых при исходе А теория будет считаться опровергнутой. Насколько мы вообще можем доверять самим себе в принятии такого важного решения? Сложно сказать. Более того, а можем ли мы отвергнуть истинную теорию? Вполне, если чего-то не учли при фальсифицируемости.

Мне видится, что в этом ритуале весь обман заключается в том, что мы проявляем свою мнительность не в создании и веровании в конкретное убеждение, а в создании и веровании способа его

подтверждения и опровержения. Наука в рамках своего методологического подхода буквально на одну ступень отодвигает проблему догматичности, при этом ученые отказываются видеть себя догматиками и говорят, что всего этого достаточно для познания.

Аргумент V: Социальный конструктивизм

P1. Если что-то является социальным конструктом, то он с большой вероятностью не является истинным.

P2. Научные представления и теории – это социальные конструкты.

C. Научные представления и теории с большой вероятностью не являются истинными.

Социальный конструкт или социальный концепт — это порождение конкретной культуры или общества, существующее исключительно в силу того, что люди согласны действовать так, будто оно существует, или согласны следовать определённым условным правилам. К очевидным социальным конструктам относятся игра, религия, язык, титулы, образование, правительство, корпорация и другие социальные институты. К этому списку мы добавим науку и научные теории.

Дело в том, что наука возникает именно в конкретной культуре, если понимать под ней определенную методологию, а не какую-то

всеобщую и абстрактную мировую практику. В разных регионах и местах, скорее всего, были аналоги науки, но именно тот метод, о котором мы сейчас говорим, зародился именно в Европе и со всеми нюансами не был свойственен никому в мире. То, что наука в итоге распространилась по всему миру, не говорит нам о всеобщем характере этого феномена.

Важно обратить внимание на то, что основной тезис не говорит нам о том, что всё есть социальный конструкт. Мы обращаем внимание именно на то, что научные теории и представления – это социальные конструкты, а потому данный аргумент нельзя уличить во внутренней противоречивости, мол, всё есть социальный конструкт и, следовательно, представления о социальных конструктах – это социальный конструкт.

С такой позиции, как мне видится, мы довольно легко можем описать то, что происходит в науке и у нас не возникает никаких больших проблем. Социальный конструктивизм даёт нам неплохие представления о том, что происходит в научном дискурсе и, что самое главное, не нуждается в постулировании сказочных представлений о великой познающей и всемогущей науке.

У социального конструктивизма очень много критиков, но ни одна работа, на мой взгляд, окончательно не опровергла его. Тем более, когда речь идет об описании науки – все здесь работает довольно неплохо, впрочем, существуют и другие легальные способы опровержения науки и её рассмотрения, а потому социальный конструктивизм мы здесь лишь упомянули.

Аргумент VI: Конвенционализм Пуанкаре

P1. Конвенция не может быть истинной.

P2. Наука конвенциональна.

C. Наука не может быть истинной.

Трудно себе вообразить, чтобы конвенция оказалась истинной в чистом виде. Все же мы, люди прибегаем к довольно странным языковым, логическим и математическим костылям для того, чтобы описать мир. Например, мы используем общие понятия, которых в реальности, скорее всего, нет. Тем более, наши теории строятся на общих понятиях, которые, в сущности, не отражают какой-то конкретный объект и лишь туманно указывают на группу объектов. Платон и Аристотеля по-своему решали проблему этих обобщений, но современную науку такие объяснения не устраивают, а потому, как мне видится, важным было бы задать вопрос о том, а насколько мы можем положиться на язык в описании мира, если он не соответствует реальности? Как в языке может быть отражена реальность, которой язык не соответствует? Вероятно, никак.

Так вот, если все наши теории – это только лишь договорённости между учеными, то наивно было бы полагать, что они в принципе могут оказаться истинными. Прошу заметить словосочетание «только лишь», потому что оно в прошлом предложении ключевое, потому что любая теория – это в том числе и

конвенция. Просто все прочие качества теории могут быть легко подвержены сомнению.

Аргумент VII: Отсутствие коллективной ответственности за общие ошибки

P1. Безданность порождает произвол.

P2. Коллектив редко несет ответственность за свои ошибки.

C. Коллективам свойственна некоторая степень произвола.

Также важно заметить, что коллектив редко несет ответственность за свои идеи и поступки. В крайнем случае в коллективе всегда найдут одного виноватого, но до поры до времени люди будут прикрывать друг друга, пока это возможно. В этом большая проблема научных коллективов. В итоге это просто обычные коллективы, которым свойственно то же, что и другим. Та же стадность и стайность. Та же глубинная иррациональность. Более того, коллективу часто прощаются всевозможные проступки. Мне кажется, что коллективы, особенно крайне авторитетные, крайне опасны для познания, особенно если не учитывать многочисленные их свойства и не бороться с негативными проявлениями коллективной деятельности. В этом плане, кстати, мне кажется, что вполне разумно во многих странах наука находится всё же под политикой, потому что, если бы ученые работали абсолютно произвольно, то выглядело бы все это намного хуже.

Аргумент VIII: Коллективные компромиссы

P1. Случайный компромисс с большой вероятностью отдаляет от истины.

P2. Научные коллективы заставляют приходиться к случайным компромиссам.

C. Научные коллективы с большой вероятностью отдаляются от истины.

Компромисс в человеческих отношениях – это дело неплохое, потому что позволяет нам найти некоторое соприкосновение и работать вместе. Именно поэтому людям свойственно приходиться к такого рода случайным компромиссам, когда речь касается не только сферы отношений, но и сферы познания. В «Феноменологии духа» Гегеля, как мне кажется, как раз и описывается процесс, в котором разные учения приходили к компромиссу друг с другом, потому что были вынуждены это делать из-за коллективности и конформности (конкретно про коллективность и конформность Гегель, конечно, не пишет).

Компромисс далеко не всегда ведёт нас к истине, но он нам крайне свойственен по нашей «природе» или из-за устройства общества. Причина не важна. Важно то, что нам свойственно искать компромиссы. Большинство компромиссов в познании, с высочайшей вероятностью будут ложны. Если мы из-за компромисса в науке с

чем-то согласились, то мы можем на много поколений отбросить наше развитие назад, так как этот компромисс сохранится в научной традиции и будет портить исследования многим ученым будущего.

Как ни странно, в философии тоже много компромиссов. И иногда кажется, что не доказательства решают, какие убеждения окажутся более живучими, а именно компромиссы.

Аргумент IX: Случайные мнение в рамках коллектива

P1. Случайные мнение не гарантируют знания.

P2. В научных коллективах возникают случайные мнения.

C. Научные коллективы не гарантируют знание.

Случайные мнения, которые возникают в коллективах, — это довольно опасная вещь для познания. Их обыкновенно довольно много, а конформистская толпа учёных легко их впитывает и потребляет. Стоит какому-то авторитетному дураку (например, Докинзу) сказать какую-нибудь глупость, его мнение может быстро распространиться по разным научным коллективам. И дело здесь не только в исследовательских вопросах. Важно понимать, что случайные мнения очень глубоко проникают в научную структуру и иррационализируют научное сообщество.

ВЫВОД

Социология знания куда лучше может продемонстрировать те подходы, с которых можно критиковать научный объективизм и фальсификационизм, но я решил остановиться на тех моментах, которые мне больше всего понятны и близки. Не стоит верить в научные сказки о великой познающей мощи науки, потому что, судя по всему, в науке нет никакого знания, а лишь коллективное мнение большого количества специалистов, подверженный огромному количеству социальных недугов.

Группа аргументов IX: Политическая

Прояснение

Данная группа аргументов посвящена проблеме взаимодействия науки и разных политических институтов, что делает науку в организационном и экономическом смысле зависимой от политики. Важно отметить, что мы не пытаемся рассмотреть науку как абсолютно зависимую от политики, мол, государства покупают у ученых те или иные исследования, а те вынуждены в рамках теории заговора им соответствовать. Аргумент к теории заговора здесь озвучен не будет, так как его можно считать слишком слабым и неподтверждённым. Явного заговора внутри науки, очевидно, нет. Это я могу сказать, как человек, которые проучился в нескольких ВУЗах и познакомился с большим количеством академических специалистов. Как минимум, когда речь касается научного фундамента, эти люди и сами наивно верят в то, что исповедуют.

Безусловно, есть отдельные индивиды, которые продают свои исследования хоть государству, хоть другим заинтересованным источникам, но это не видится мне каким-то единым и систематическим процессом, который чрезмерно влияет на науку. Да, просто мы с большим трудом можем доверять частным научным исследованиям, у которых нет дополнительной проверки от других ученых, даже если речь идет о практических исследованиях. И сами ученые все это отлично понимают и оказывают максимальное неуважение исследователям, которые так или иначе подгоняют результаты своей деятельности под некоторый внешний запрос.

Я же хочу показать, что связь с политикой неосознанно, на уровне психологии, влияет на учёных и преобразует их мыслительный процесс и, конечно, повышает уровень профессиональной самооценки и оценки науки в целом. Политика поддерживает науку и делает эту философскую школу монополией, благодаря всей современной созданной в образовании системе. Именно благодаря политике наука так сильна, а сциентисты и ученые так уверены в себе. Именно поэтому наука безальтернативна в современном мире, ведь люди с самого детства, даже если они самые типичные двоечники, лучше разбираются в науке, чем большинство даже далеко не глупых верующих разбирается, скажем, в религии. Это невероятная мощь, которая позволяет с самого детства промывать неокрепшим детям мозги и формировать у них представление о том, что наука – это всё хорошее и светлое, что есть у нас в мире. И о науке, конечно, не следует думать в плохом ключе. По сути, это и есть чистая политика, которая и сформировала тотальную научную доминацию.

Аргумент I: Власть и знание (Фуко)

P1. Учения, сражающиеся за власть, с меньшей искренностью могут претендовать на истинность.

P2. Наука сражается за власть в познавательной сфере.

C. Наука с меньшей искренностью может претендовать на истинность.

Дело в том, что в такой системе, которая базируется на преумножении собственной власти, с веками атрофируется механизм самокритики, что уменьшает вероятность достижения знания, а также атрофируется способность принимать критику извне. Напоминаю, что знание – это доказанная истина. Случайно властная философия может прийти к истине, но эта истина не будет знанием, потому что будет отсутствовать достаточное доказательство.

То же произошло и с наукой, и даже более того. Наука стала категорически некритична. Она полностью игнорирует всякую критику извне научного сообщества. Например, философскую критику в целом. Уже Платон достаточно достоверно показал, что наивное эмпирическое познание не может гарантировать нам надежного и бесспорного знания, а результаты Платона в этой области укрепили скептики, сформулировав ряд тропов, большая часть из которых направлена против эмпиризма. Для подавляющего числа философов, включая даже философов сциентического толка, очевидно, что эмпирическое познание не является таким уж простым и бесспорно надежным. При этом большая часть философских направлений постулировала несостоятельность эмпирического познания. Проблема "глупых" философов заключается не в том, что у них не было научных данных и экспериментов, а в том, что они задолго до появления науки признали эмпирический путь познания тупиковым и довольно убедительно аргументировали это (не скажу, что безоговорочно доказали, но аргументы там вполне весомые). Современный же глупый и малообразованный сциентист, погруженный в научный миф, в принципе не понимает, как можно сомневаться в своих верованиях. Сциентист не готов посмотреть на

проблему шире и, в каком-то смысле, он своим примитивным мышлением ещё находится в доплатоновскую эпоху, когда проблема эмпирического познания не была очевидна для достаточно широкого круга интеллектуалов.

Ученые игнорируют критику даже Платона, который, во многом, является важнейшей фигурой в становлении нашей цивилизации. Учёные и сциентисты отбиваются от серьезных и сильных аргументов нелепыми ad hoc, потому что обладают властью. Потому что в глазах населения наука главная. Она выше других способов познания. Ученые в их глазах заслуживают доверия. Вот перед вами философ распинается с пятнадцатью тропами Эниседема и Агриппы, каждый из которых легко используется против науки, а ученый отвечает «самолёты летают, сучки», и толпа рукоплещет. Если вы на это повелись, можно согласиться в том, что вы «сучки». Удивительно, насколько неубедительными кажутся ответы ученых и сциентистов со стороны и при этом насколько убедительными их видит толпа, которая глубоко убеждена в неоспоримой практичности научного «знания».

Наука владеет умами, потому что она владеет образованием с самого раннего возраста в жизни человека и до самого почтенного, когда он учится в университете (а учиться можно и в пожилом возрасте). С некоторого разрешения сциентистов в образование входят те области, которые они считают безобидными. Например, та же философия. Дело не в том, что философия настолько могущественна, что она есть в образовании. Она есть в образовании с негласного разрешения сциентистов, которые при определенном непослушании с большим удовольствием лишат её академического

статуса, а потому академические философы должны быть осторожны и не критиковать науку лишний раз.

Также важно помнить, что ненаучные академические дисциплины (те, у которых метод отличается от научного), а это история, социальные науки, философия, культурология, религиоведение и так далее, часто подвергаются беспрецедентному принижению и обесцениванию со стороны представителей более правильных наук. И чем часто на эти принижения отвечают представители социальных и гуманитарных дисциплин? Обычно преклонением перед специалистами в «реальных науках». И разве это не власть? Все альтернативные дискурсы внутри академической (и глубоко политической) структуры подчинены научной монополии и научной картине мира. На Западе даже философия пропиталась научностью и почти полностью трансформировалась в аналитическую, наукоподобную и в большинстве своем перенимающую научную картину мира. Мне видится, кстати, что этим и обусловлен успех аналитической философии. Она по большей части сциентична, а всевозможные антисциентические течения внутри неё – это скорее исключение из правил, ошибка выжившего. В континентальной философии ситуация, как мне видится, обратная, потому что здесь огромное влияние имеет постмодернизм, который в своём корне антинаучен. То есть мы имеем такое положение дел, в котором более близкая к науке философия доминирует, что не случайно из-за тотальной пропаганды науки в школах, университетах и СМИ.

Рассматривать науку с позиции и власти и того, как власть затмевает рациональность и мышление, довольно удобно, потому что примеров предостаточно. Ученый в корне своем избалованный

познающий субъект, которому предоставляются деньги, технические блага, право преподавать и образовывать людей официально. В среднем он думает, что ему все должны. Как только той или иной науке сокращают финансирование, ученый начинает причитать и жаловаться. Он получает гранты. Но ему всего этого мало, потому что в его глазах учёные заслуживают ещё большего.

За всю историю человечестве не было такого, чтобы где-то сформировалась такая большая группа избалованных познающих субъектов, играющих по определенным правилам. Я бы даже сказал, что ученые – это отдельный общественный класс, который даже в Советском Союзе пользовался большим уважением, чем прочие классы. Это некая аристократия в среде интеллектуалов. Разве у них нет большей власти, чем у прочих познающих людей? Разве ученые не решают, достоин ли ты заниматься той или иной сферой в университетах? Разве они не могут авторитетно опорочить тебя, назвав шарлатаном (как нередко происходит с Фейерабендом, постмодернистами и многими другими интеллектуалами)?

У науки не просто есть власть. Ученые эту власть используют постоянно. И эта власть искажает картинку мира ученого. Она заставляет его думать о том, что он лучше всех прочих познающих, даже если у него недостаточно оснований для того, чтобы так считать. Именно поэтому для ученого нормально пренебрежительно относиться к философам. Степень того, насколько философы должны знать науку для её обсуждения и степень того насколько авторитетно высказывающиеся о философии учёные знакомы с предметом критики – разнится колоссально. Ученые обычно ничего не знают о философии и критикуют Гегеля по вырванным из контекста цитатам. Средний же философ, высказывающийся о науке (даже не всегда

критично), обязан для хоть какой-то степени собственной авторитетности годами начитывать научные книги, статьи и порой даже изнутри знакомиться с научной «кухней». Требования, как легко обнаружить, абсолютно неравные. И каждая ошибка философа в «фактах» будет восприниматься крайне агрессивно, на что обычно ученые и сциентисты реагируют мгновенно. В то же время вырванные из контекста цитаты Гегеля в научной среде считаются достаточной критикой в адрес этого мыслителя. Для того, чтобы легально критиковать учёных, получается, желательно самому быть ученым, а для критики Гегеля не обязательно даже один раз полностью прочитать его книгу.

Только слепой не обратит внимание на то, что здесь дело не в честной конкуренции, а в буквальном злоупотреблении доверием и властью над умами людей. Наука этим легко пользуется, а ученые чаще всего не замечают за собой всего этого, потому что они привыкли быть местной интеллектуальной аристократией, которую со всех сторон спонсируют и носят на руках, а любая критика вне науки воспринимается ими как шум, произносимый недостойными и не разбирающимися людьми.

Аргумент II: Политика сформировала научную монополию

R1. Познавательные монополии негативно влияют на познание.

R2. Политика позволила науке стать познавательной монополией.

С. Политика негативно повлияла на познание.

Если в случае с компаниями государства часто стремятся к тому, чтобы ограничивать их стремление к монополизации, вследствие чего принимаются антимонопольные законы, то в случае с наукой государства способствуют этой монополизации, спонсируя науку и помогая ученым в трудные моменты. Это, как мне видится, тоже вполне очевидно. Мы в интеллектуальных областях сражаемся друг с другом не за деньги (хотя и за них тоже), но, прежде всего, за умы людей. Наука обладает прямым доступом к детскому и юношескому уму благодаря политике.

Теперь перейдем к первой посылке, которая заключается в том, что «познавательные монополии негативно влияют на познание». Сейчас мы начнем с несколько спорного определения ума или интеллекта. Я бы определил человеческий интеллект как способность оперировать некоторым количеством дискурсов или систем представления. Чем большее количество разнородных систем может потенциально освоить человек, тем он умнее. Почему? Потому что тем сложнее заставить человека слепо уверовать в одну из систем. Глупый человек согласно такому представлению, то есть более манипулируемый, управляемый, подверженный догматичному и безоговорочному подчинению одной из систем, является носителем наименьшего количества дискурсов. Даже если все его ресурсы довольно способного мозга ушли на освоение одного дискурса (допустим, научного или, чтобы ученым было не так обидно, марксистского), то это не делает его умным человеком и, более того, такая узкая специализация затрудняет возможность ведения дискуссий с представителями других направлений.

Чем большим количеством призм (дискурсов, точек зрения) владеет человек, тем с большего количества сторон он может взглянуть на то или иное явление и тем больше для него открыто дискуссионное поле с представителями других мировоззрений. И я не говорю о том, что он должен буквально верить во всё. Речь идёт именно о предрасположенности к пониманию и возможности перенять ту или иную призму с максимальной точностью, что можно использовать хоть для критики, хоть для анализа. Притом я говорю об аутентичном понимании, а не о понимании других учений через призму своего собственного, как, например, поступают марксисты, выдумавшие ряд «обзывательств» по типу «субъективный идеалист» и навешивающие этот ярлык на все нелицеприятные направления, которые критикуют их учение. Это путь довольно глупый и непродуктивный, а также порождающий ещё больше непониманий.

Монополия в познавательной деятельности ведёт к оглуплению, потому что значимость всех прочих дискурсов практически аннулируется в глазах образованных людей. Все образование и интеллектуальная жизнь концентрируются вокруг одного дискурса, что упрощает мыслительную деятельность. В рамках одного дискурса практически невозможно думать самостоятельно. Речь человека постепенно превращается в воспроизведение речевых алгоритмов из прочитанных книг, методичек и услышанных от других таких же пронизанных одним дискурсом людей. По сути память начинает преобладать над процессом мышления. Человеку становится сложнее выводить какие-то значительные новые идеи и обсуждать их.

Более того, человек испытывает затруднение в общении с несогласными людьми, потому что такие в его окружении редкость, если речь идет о несогласии с основными положениями того или

иного учения, включая науку. В общем, монополия приводит к тотальному отуплению людей, имеющих предрасположенность к овладению несколькими дискурсами. Это негативно влияет на интеллектуальную жизнь, потому что уменьшает количество сомнений и вопросов, возникающих в тех или иных областях. В рамках одного дискурса нам проще согласиться друг с другом и перестать искать какие-то важные вещи, которые мы по договоренности можем признать истинными.

Я не считаю вслед за Фейерабендом, что научный анархизм увеличит прогресс технологий. Я, скорее, склоняюсь к тому, что практика функционирует на основании своих собственных закономерностей, которые не связаны с наукой и построением теорий. Любые связи практики и науки я вижу акциденциальными, то есть случайными. Какой-то практик вдохновился научной теорией и сотворил то или иное изобретение, и оно сработало – не более того. Притом важно понимать, что практик в «научной теории» опирается не столько на собственно теорию, сколько на эмпирический опыт, который лежит в её начале, и некоторую математическую модель, которую можно использовать для упрощения практики. Эмпиризм и создание математических моделей я не считаю наукой. Чтобы существовала наука, необходимо суммировать эмпирический опыт, составить математическую модель, сделать колоссальное натуралистическое обобщение, которое выходит далеко за пределы изученных феноменов (то есть создать теорию), а потом начать эту теорию фальсифицировать, то есть пытаться её опровергнуть. Для практики наибольшую роль играют лишь отдельные составляющие науки, которые сами по себе наукой не являются. Сами практики могли бы проводить те же опыты и составлять те же математические

модели без всяких обобщений, что нередко и наблюдалось в практических областях до возникновения науки.

В общем, я здесь выступаю за радикальное разделение теории и практики. Практика не может служить сильным аргументом в пользу истинности теории. Допустим, мы создали теорию великого Перуна, которые по известным нам из аэродинамики формулами перемещает самолёты в небе. Данная теория так же практична, как и научные представления. Только вот теория вездесущего Перуна, носящего на своих руках самолеты по аэродинамическим формулам, не является из-за своей практичности доказанной. При этом всё она может давать такую практическую и прогностическую ценность. Может быть, при определенном везении, с помощью теории Перуна получится объяснить будущие факты, которые мы откроем в ближайшее время.

Мне кажется, что практика будет эффективно развиваться хоть без теорий, хоть под главенством практически любого типа теорий, кроме тех, которые заведомо пытаются задавить технический прогресс. Практика самодостаточна, потому что феномены коррелируют друг с другом. И для использования тех или иных корреляций мира нам совсем не нужны теории, абсолютные вселенские законы и прочие странные вещи, которыми спекулирует наука. В познании нас интересует не практика, а истина. И подменять предмет познания нет никакого смысла, но сциентисты это делают для того, чтобы больше размыть сущность науки и больше привязать её к практике, потому что это крайне выгодный обман. Так вот, наука – это именно методология создания натуралистических фальсифицируемых теорий. Теория всегда про истину (хотя бы в потенциальном смысле). Этим теория и отличается от модели.

Модель как раз не нуждается в том, чтобы теоретические представления, на которых она основана, были истинными. Важно, чтобы модель описывала взаимодействия между феноменами. И, важно отметить, что моделями могут пользоваться не только научные теории, но и ненаучные тоже. То есть мы вполне можем себе представить сложный мистический дискурс, в котором существует сложный эмпирический опыт и математическое моделирование, соответствующее практике. Этот мистический дискурс, если судить по логике учёных и сциентистов, истинен или эффективен, потому что практичен. Я бы так не говорил, потому что эффективным в данном случае является не столько теоретическое содержание, сколько вещи, лежащие за его пределами.

Думаю, в некоторой степени разделение практики и теории было обосновано в абзацах выше. За более подробными разъяснениями рекомендую обратиться к работе «Философия практики».

Так вот, практика и теория работают по разным законам. Практику имеет смысл отбирать по степени эффективности, а потому более эффективные методы побеждают традиционные. Практичность можно измерить и оценить. Истину – нельзя. Ну или пока что нельзя. Нет никакого прибора, измеряющего истинность наших положений. Нет никакого источника, который говорит нам о том, что наши современные положения ближе к истине, чем положения прошлого. А наука – это не про практику и предсказания, а именно про истинность или приближенность к истине. С практикой и предсказаниями работают совершенно другие методы.

Так вот, монополия науки позволяет ученым и сциентистам буквально игнорировать всю критику в адрес науки, включая

хорошие её образцы. Всё настолько плохо, что игнорируется критика даже известнейших мировых мыслителей по типу Платона или античных скептиков. Учёные свысока смотрят на философию и религию и абсолютно игнорируют фундаментальные проблемы, которые требуют разрешения. При этом учёные смело говорят о том, что они производят знания, хотя этот термин в науке используется крайне халатно. Напоминаю, знание – это доказанная истина, где истина есть соответствие наших представлений реальности. Доказанность научных теорий разбивает о проблему неполной индукции. Ни одна научная теория не может быть доказана по формальным критериям, потому что каждая такая теория имеет дело с потенциально бесконечным количеством необходимого для доказательства опыта. Да и об истине говорить часто не приходится, потому что мы просто имеем дело с представлениями ученых, которые на протяжении истории часто оказывались принципиально ложными. Но даже тогда, когда они были ложными, эти представления назывались знаниями.

Философская критика позволяет взглянуть на науку со стороны, чего лишены догматичные ученые и сциентисты, живущие в своем монополистическом и мифологическом мире, в котором их картина мира самая лучшая, эффективная и истинная. Они очевидное незнание называют знанием, а сомнительные положение – истиной или фактами. Для них это не проблема, потому что они монополизируют интеллектуальный рынок и легко проникают в головы своих последователей. Им не нужно ничего доказывать. Авторитет науки выше любых доказательств. Даже если ученый выступил на дебатах значительно хуже, то он считается победителем в глазах фанатиков науки. В этом и заключается суть: играя на психике людей, привычке и конформности – наука отупляет сама себя

в тотальном моническом догматизме, отрицающем понимание между разными мировоззрениями, что ведет к качественному ухудшению интеллектуальной атмосферы. Конечно, количественно интеллектуальная сфера продолжает расти и пополняться, но качество новых адептов науки становится всё хуже и хуже, потому что монизм и догматизм приводят к оглушению.

Ещё век назад передовые физики легко рассуждали на философские темы и делали величайшие открытия. Это были достаточно умные люди, которые могли учитывать разные позиции и разбирать их. Да, таких, скорее всего, было не большинство, но тогда монополия науки была слабее, чем сейчас. В наши дни среди передовых ученых вообще трудно найти человека, который хоть бы в философии науки разбирался. И это не говоря уже о разных философских учениях. Интеллектуальные сферы из-за монополии науки качественно обеднели. И это важная проблема, которая погружает нас в новые Средние века, где не будет никакого плюрализма, а лишь оголтелый научный догматизм.

Исторический опыт подсказывает, что интеллектуальные сферы лучше всего развиваются в состоянии плюрализма, ведь это позволяет взаимодействовать принципиально разным учениям, течениям и подходам, что приводит к их взаимному улучшению, укреплению и росту. Античный мир, древняя Индия, древний Китай, эпоха Возрождения – всё это примеры революционного развития интеллектуальной сферы на базе увеличения степени плюрализма. Средние века и коммунизм – это примеры того, как одно мировоззрение догматически давило другие и при этом уничтожало основания для собственного развития, что привело к закреплению всей системы.

Именно поэтому монополии плохо влияют на познание, что мы видим на примерах истории, а также из анализа самого явления интеллектуальной монополии. Также монополия вынуждает любой ценой защищать свою веру, даже если эта защита бессмысленна. Нередко у адептов довольно странные и смешанные взгляды о том, чем является их монополия, ведь здесь задача часто состоит не в том, что монополию понять, а в том, чтобы её защитить.

Аргумент III: Наука и школьное образование

P1. Зомбирование детей одной картиной мира приводит их к отуплению.

P2. Наука зомбирует детей одной картиной мира.

C. Наука приводит к отуплению.

Важно отметить, что отупление здесь подразумевается не относительно нулевого уровня, а относительного потенциального, который мог бы быть достигнут, если бы образование было более плюралистичным, а людям давался выбор мировоззрения. Школа не дает никакого выбора – только одна наука достойна ознакомления. Как было показано ранее, научная картина мира не является очевидно истинной или очевидно самой лучшей из возможных. Мы лишаем детей широкого взгляда на мир, потому что имеем предрассудки об истинности и эффективности науки.

А широкий взгляд нужен даже догматикам, потому что он позволяет не только самостоятельно выбирать собственное мировоззрение, используя для этого разные средства, но лучше понимать позиции людей, с тобой не согласных. Плюрализм приближает нас к пониманию, отсутствие которого приводит к многочисленным конфликтам в мире. И это жертва ради науки, которая даже не является наверняка истинной и лучшей.

Будем честны, науке очень сильно повезло оказаться в расцвете и на достаточно высоком уровне популярности, когда начало возникать полноценное всеобщее образование⁵⁷. Такое образование представляется чем-то уникальным и небывалым. Ни разу за всю историю не было такого, чтобы почти весь мир начал посещать специальные учебные учреждения, где центральным окажется изучение научных дисциплин по типу физики, химии, биологии и так далее⁵⁸. Как я ранее и говорил, сциентистом является тот, кто отстаивает необходимость того, чтобы физикой занимались современные научные физики, а не, например, натурфилософы; химией занимались только научные химики, а не, например, алхимики и так далее. Это чистейший научный догматизм. И он пронизывает школу до самого основания.

⁵⁷ Мне могли бы ответить, что оно возникло благодаря науке, но это ведь неправда. Например, в России всеобщее образование возникло благодаря во многом антинаучным коммунистам. Да и разные учебные учреждения и до этого оформлялись в виде христианских университетов и церковно-приходских школ, т. е. нельзя сказать, что здесь влияние оказала только наука и ничто другое не могло повлиять на возникновение всеобщего образования.

⁵⁸ В тех местах, где всеобщее образование существовало, оно все равно имело региональный характер. Именно во время расцвета научной догматики образование стало всемирным.

Можно, конечно, сказать, что в школе дети не проходят основы научного метода и довольно поверхностно изучают разные науки, а также в школе присутствуют дисциплины, которые науками не называю (например, история, литература, труды, обществознание, искусства, физическая культура и т.д.). Ответим на эту претензию последовательно. Основы научного метода дети, действительно, не проходят, что является большим упущением для школы, потому что школьники, по сути, не понимают, что им пытаются внушить. Благодаря тому, что большинство людей и большинство сциентистов (и я бы даже сказал, что большинство учёных со степенями, среди которых всевозможные технари, медики и другие нетеоретики) ничего не знают про научный метод, у них не получается проанализировать способы получения тех или иных «знаний». В итоге, отсутствие знания методологического ядра науки играет ей только на руку, потому что все остальные данные воспринимаются как бесспорные знания, которые должен иметь каждый. Если бы люди сразу узнавали основы научного метода, то, скорее всего, у них быстрее бы вызревала критика, а так они получают ту или иную информацию в виде абсолютных и бесспорных знаний, которым не могут ничего противопоставить.

Поверхностное изучение разных дисциплин в школе не отнимает того факта, что, например, философия или основы религии там вообще не проходятся, а если и проходятся, то ещё более поверхностно. Выходя из школы и даже закончив её на тройки и двойки, ученик знает о науке больше, чем достаточно заинтересованный верующий знает в христианстве. И это потому что мало кто сдает экзамены по христианству. То есть ученым и сциентистам порой недостаточного того колоссального уровня

знаний, который выдаётся в школе. Нужно ещё больше и ещё глубже подчинить ум молодого школьника.

Да, в школе существуют дисциплины, которые не являются научными, то есть не подчиняются научному методу, заключающемуся в формировании натуралистически фальсифицируемых теорий. Среди них есть история, обществознание, география, литература и т.д.. Только проблема заключается в том, что это мировоззренчески нейтральные предметы. Физика, химия и биология вполне формируют натуралистическое мировоззрение, и никаких альтернатив им в школе нет, потому что никакая литература не серьезно противоречит науке и её всегда можно воспринимать как творчество людей, а не исследовательскую деятельность. Для ребенка весь физический мир объят этими науками. История никак не конфликтует с физикой, как и любой из вышеперечисленных предметов, кроме, наверное, литературы, которая остаточным следом имеет в себе частицы философии. Эти частицы непросто обнаружить без серьезной подготовки, да и иерархия предметов наблюдается уже в школьное время. Очевидно, что литература, обществознание и история находятся на дне образовательной иерархии, побеждая только физкультуру и ОБЖ, что мы в итоге увидим по финансированию филологов, историков и прочих общественников и гуманитариев.

Повальное количество сциентистов обусловлено тем, что сциентизм завоевал школы. Люди, которые не понимают, что такое наука, бросаются на её защиту, потому что для нашего догматического общества наука является общим местом. Даже очевидные противники науки, такие, как христиане, вынуждены признавать, что научная картина мира во многом верна, за

некоторыми исключениями. Эти исключения современным христианам нужны для того, чтобы во всей этой гигантской и сомнительной научной картине отыскать место для своей религии. Даже христианство сдало свои позиции под напором всеобщего образования, потому что это тотальная и сметающая всё догматизирующая сила. Любое мировоззрение, таким же образом захватившее образование, будет доминировать в мире без особых проблем.

И основная проблема заключается в том, что людям бесполезно доказывать сомнительность науки и рассказывать о том, что это далеко не единственное мировоззрение, потому что их рабская натура, конформность и в целом непродуктивность (лень) мышления заставят их отбивать от вас самыми нелепыми *ad hoc*. Кто-то придумает свое определение науки; кто-то перемешает уже имеющиеся и будет нарушать закон тождества, подменяя понятия; кто-то будет озвучивать свои эмоции без доказательств, мол, наука самая лучшая и объективная в мире, потому что мне так кажется. Когда речь заходит о сущности и содержании науки, даже самые умные ученые становятся идиотами и начинают рассуждать на уровне детей, потому что они усвоили свою пристрастность к науке именно в детском возрасте. По сути и получается, что во время спора о науке они возвращаются на свой школьный уровень и пытаются защитить её, не имея никаких средств сопротивления, но пронизывающий детство догматизм не даст им отказаться от священной и всемогущей идеологии, которая дарит, как им кажется, людям технологии и практики, а также исцеляет людей и делает мир лучше. Сциентисты даже не понимают, как вообще можно критиковать великую науку. Она же великая! Вот великие авторитеты собираются в великих лабораториях и проводят великие эксперименты, получая при этом

знание. В этой картине мира всё довольно просто и нет каких-то серьезных познавательных проблем, кроме тех, которые озвучивают сами учёные. А эти ученые сначала говорят о проблемах, а через десятки лет воображают себе, что их решили, потому любая проблема оказывается в конечном итоге подвластна науке.

Школьный научный догматизм – это ужасное следствие длительной образовательной политики, которая привела к распространению научной догматики и постепенному отуплению интеллигенции. Чаще всего человек умный и начитанный оказывается сциентистическим догматиком, который находится под влиянием научного мифа. Впрочем, неначитанный тоже.

При этом есть явная альтернатива: плюралистичная школа. В её рамках необходимо изучать не только научные дисциплины, но и философию, а также разные религии. Это поможет научить ребенка именно выбирать себе мировоззрение, а не воспринимать готовые образцы, которые подготовлены для них государством. Работа с собственным мировоззрением, как мне видится, — это куда более важная способность, чем владение математикой или оперирование физическими и химическими формулами (хотя я не ратую за то, чтобы убрать математику, физику и химию из школьной программы). Большинство людей, пройдя через обычную школу, являются рабами чужих мнений, которые им даже не пришлось выбирать и отстаивать. Они не понимают всего разнообразия человеческих позиций и не могут понять представителей разных мировоззрений. Мы делаем из детей послушных интеллектуальных инвалидов, поклоняющихся науке, потому что и сами во многом такими являемся. Хотелось бы верить, что это рано или поздно прекратится, и что мы не заменим научную догму на какую-то другую, потому что, как мне видится,

образование не должно быть способом промывки мозгов населению, а сейчас оно таковым и является.

Возможно, без прочих аргументов, изложенных в данной книге, данный параграф не выглядел бы сколь-нибудь убедительно, но важно не забывать, что мы уже указали на сомнительность научного метода и научной картины мира, а также очень большим количеством способов пояснили причины, по которым наука доминирует. Глупые сказочники, которые верят в справедливую доминацию науки, произошедшую благодаря честной конкуренции мировоззрений, — всего-то жертвы школьного образования, не думающие, что они говорят. Вообще, среди сциентистов очень много людей, которые верят в научную сказку, где все рассматривает через призму науки, а мир делится на научный и протонаучный. Сумасшедший фанатизм.

Аргумент IV: Наука и университетское образование

P1. Высшее образование деградирует, если оно подчинено одному мировоззрению.

P2. Высшее образование подчиненно одному мировоззрению (научному)

C. Высшее образование деградирует.

Сразу у многих может возникнуть сомнение в том, что высшее образование подчинено одному мировоззрению, потому что тут-то у нас есть и философия, и социология (включая социологию знания) и многие другие дисциплины, которые сложно назвать научными с точки зрения метода. Проблема заключается в иерархии наук. Например, те же философские факультеты одни из самых неоплачиваемых из всех. После философского факультета почти невозможно найти работу по специальности, только если не идти преподавать философию, а на самих факультетах имеется лишь ограниченное количество мест, то есть даже среди всех выпускаемых аспирантов лишь малая часть из них сможет найти себе рабочее место по специальности в университете. Мир явно даёт понять, что философы не нужны, но пока что остаются в структуре образования, потому что так было принято в рамках классического образования, то есть по традиции.

Ту роль, которую играет философия в университете, можно охарактеризовать ролью шута, над которым в течение полугодия-года смеются представители настоящих наук. Да и место в отечественном образовании для философии выбрано одно из самых неудобных. После школы, в которой не было философии, студент посещает полугодовой курс. Этот курс, скорее всего, ведёт какой-нибудь шизик, поехавший на той или иной философской теме, а потому, почти наверняка, хорошего философского курса они не получают, а будут слушать про великого Маркса, Камю, Ницше или Рассела – тут уже на выбор шизика. Полноценные представления о философии невозможно получить за полгода-год, когда занятия идут один раз в неделю. Даже если в качестве преподавателя будет выступать очень хороший и думающий специалист, коих мало, он ничего толком не успеет. За это время невозможно получить даже самые общие

исторические представления о развитии философских идей, не говоря уже об аргументации.

В общем, представления о философии в университетах недостаточны, если человек не идет на философский факультет, а если идет, то с большой вероятностью его ждёт судьба неудачника, даже если ему очень сильно повезёт стать преподавателем по философии, чья зарплата в нашей стране оставляет желать намного лучшего.

На фоне доминанции технических и естественных наук, многие гуманитарии и общественники сами становятся радикальными сциентистами и унижают свои собственные специальности, сравнивая их с всемогущей наукой. Гуманитарии и общественники удивляются, насколько их дисциплины ничтожны по сравнению с великой наукой. Проблема заключается в том, что многие гуманитарные науки намного лучше справляются с познанием того предмета, который ими избран, чем естественные, потому что гуманитарии исследуют тексты, написанные людьми, а физики изучают невидимые и неведомые структуры и силы, которые необходимо интерпретировать. В этом плане гуманитарные дисциплины куда точнее естественных⁵⁹.

Университетское образование глубоко пронизано сциентизмом и в основном под него заточено. Есть небольшие островки антисциентизма в этом бесконечном догматичном море, но они настолько малы и незначительны, что говорить о них не приходится.

⁵⁹ Потому что гуманитарии выбрали более простой и доступные для изучения объект. Объект изучения естественных наук – это реальность сама по себе. Объект изучения гуманитарных – текст, порожденный человеком. Конечно, у нас куда больше предрасположенности для изучения именно текста, а не реальности.

Мало кому в академических структурах хватает смелости критиковать науку.

Из важной функции университетов: здесь решается, может ли человек работать по той или иной специальности. Допустим, человек является инженером, который отлично владеет своим ремеслом, но при этом завалил, допустим, ядерную физику. Его могут исключить из ВУЗа и не допустить к работе. В итоге получается, что для работы инженером будущие практики проходят своеобразный тест на сциентизм. Если тебе не нравятся те или иные научные теории и представления, то тебя могут лишиться потенциальной работы, если ты не захотел засорять ими свой ум.

Ко всему этому привела именно сциентическая политика. Университетское образование превратилось в глубоко сциентическое. Университеты больше не являются полноценными центрами для сбора лучших мыслителей и деятелей своего времени. Они концентрируют внутри себя сциентистов, сциентически настроенных философов, историков философии и кого вообще угодно, но не оригинальных мыслителей. Сама академическая философия, можно сказать, объявляет войну оригинальной мысли и способствует доминации науки.

Если посмотреть на это со стороны любого альтернативного науке мировоззрения, то мы получаем катастрофическую картину промывания мозгов даже в тех ситуациях, где это не является необходимым. Все настолько плохо, что словосочетание «альтернативные науке мировоззрения» воспринимаются большинством с юмором. Как же у науки может быть альтернатива? Именно так себя ведут люди, отученные от плюрализма и уверовавшие в одно догматическое учение.

Аргумент V: Наука и работа

P1. Влияние идеологии на работу следует оценивать негативно.

P2. Идеология науки влияет на работу людей.

C. Мы оцениваем это негативно.

Во-первых, я не вижу никаких проблем в том, чтобы считать науку не только религией, но и идеологией, особенно если мы рассматриваем её в политическом ключе, как делается в этом разделе. Научная идеология не имеет достойных доказательств и базируется исключительно на риторических спекуляциях и школьной пропаганде. Более того, в рамках этой догматической системы наука смогла обеспечить себе место под солнцем в образовании. Не менее важным фактором является влияние науки на то, будет ли человек работать по той или иной специальности или нет.

Заведомо считается, что для освоения той или иной специальности необходимо овладеть достаточно большим списком наук, которые являются смежными. Все альтернативные подходы к подготовке не рассматриваются. Важно также подчеркнуть, что мы не особо экспериментировали над тем, какое образование будет более эффективным (с изучением наук или без него), а потому говорить о том, что это необходимо, как мне видится, рано. Более того, мы не тестируем бесконечное множество альтернативных подходов к образованию, чтобы быть уверенными в правоте нашего.

Я лишь хочу сказать, что при достаточно высокой степени антисциентизма и непринятия науки, особенно если это проявляется в вашей речи, вы можете быть признаны негодным для выполнения той или иной работы либо уже в университете, то есть вы не получите образование, либо после него.

Как мы с вами уже выяснили, наука и практика, скорее всего, не являются нерушимой комбинацией, без которой сложные технологии невозможны. Как минимум, без науки (то есть до 17 века) были созданы типографский станок, термоскоп, микроскоп, зернистый порох, карманные часы, телескоп, мушкет, военные корабли, огромное количество разных архитектурных строений и так далее. Притом значительную часть изобретений 17-го века пока ещё рано объяснять непосредственно наукой, потому что научная методология только начала развиваться, а практика не стояла на месте.

Для меня важно подчеркнуть, что наука и практика – это разные вещи, которые не так уж глубоко связаны между собой, если проанализировать и науку, и практику. Мы можем найти в науке наблюдения, эксперименты и моделирование, необходимые для практики, но сами по себе эти вещи сложно назвать собственно наукой, ведь наблюдениями и моделированием человечество занималось с незапамятных времён и проводило некоторые действия, которые можно назвать экспериментами. И это до возникновения научной методологии.

Для подавляющего большинства работ научная картина мира не является необходимой – и это абсолютно точно. Большинство технарей может обойтись без теоретической физики, которую можно заменить математикой и моделированием. Они все равно бесспорно

смогут выполнять свою работу, потому что им важно понимать, что именно нужно делать, а не то, как это нужно объяснять.

Получается, что научная идеология заставляет людей учить теорию без необходимости это делать, а иначе беднякам просто откажут в работе. А, я напомним, что многие достаточно высокооплачиваемые работы требуют высшего образования.

Аргумент VI: Научная идеология

P1. Идеологии вредят человечеству.

P2. Наука – одна из идеологий.

C. Наука вредит человечеству.

Идеология (греч. *ιδεολογία*; от *ιδέα* «прообраз, идея» + *λόγος* «слово, смысл, разум, учение») — система концептуально оформленных идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики — классов, наций, общества, политических партий, общественных движений — и выступает формой санкционирования существующего в обществе господства и власти (консервативные идеологии) или радикального их преобразования (идеологии «левых» и «правых» движений); идеология и форма общественного сознания — составные части культуры, духовного производства.

Первая посылка, как мне видится, очевидна, потому что идеологии, прежде всего, бьют по свободе мыслить и сражаются за власть. Именно поэтому они вредят населению. Конечно, они занимаются не только вредом, но и приносят пользу. Например, нацистская идеология подняла многие предприятия, усилила Германию и во многих областях сделала лучше, но, как мы знаем, были и те минусы, с которыми мириться просто невозможно. То есть первая посылка не подразумевает, что идеология только лишь вредит и её единственная задача вредить. Эта посылка подразумевает, что идеология помимо пользы неизменно приносит и вред.

Теперь нужно показать, что науку можно рассматривать как идеологию. В принципе, мы легко описываем науку как некую новую натуралистическую религию. Что нам может помешать описать науку как идеологию? Да, это понимание будет противоречить определению науки через методологию, но наши противники легко меняют определения науки, когда им это выгодно. Мы этого в данном случае не скрываем. И мне бы хотелось показать именно на то, что социальную общность ученых можно.

Давайте разберем определение по пунктам. Является ли наука системой идей? Является. Среди этих идей есть идеи, которые выражают определенное мировоззрение, интересы и идеалы конкретного класса людей, то есть ученых. Научная идеология требует, чтобы ученый жил в достатке и занимался только лишь научной деятельностью, чтобы он был уважаем в обществе, а науку и только преподавали в школах и университетах. Как только любое интеллектуальное и познавательное сообщество начинает набирать обороты, идеологические промытые наукой люди выступают против.

Хотят ли ученые господства и власти? Да, хотят. Как минимум, в сфере познания. Хочет ли наука радикального преобразования общества, где она будет во главе как минимум образования и интеллектуальной сферы? В лице своих сподвижников – хочет. Вот у нас и получается, что науку довольно легко рассматривать как идеологию, если смотреть на неё со стороны социального определения и не обращать внимания на методологию. Впрочем, даже методологические высказывания можно принимать как идеологические, ведь наука настаивает на своей ложной объективности и истинности, которые слишком легко подвергнуть сомнению.

Аргумент VII: Политики сциентисты

P1. Плохо, если большинство политиков придерживается одной из идеологий.

P2. Подавляющее большинство политиков придерживаются идеологии сциентизма.

C. Это плохо.

Очевидно, что политики воспитывались в школах, а некоторые получали высшее образование, что привело к тотальной их сциентификации. Именно поэтому из всех мировоззрений, они отдают предпочтение исключительно научному и выплачивают ученым невероятно большие деньги, которые представители других

интеллектуальных сообществ никогда в жизни не увидят. Политики, верящие в сциентизм, дают науке тотальное преимущество над другими мировоззрениями, а потому ученые и сциентисты говорят, что наука работает и приносит пользу, а больше никто этого сделать не может.

Политики с промытыми мозгами создают тотальный перевес на стороне ученых и делают науку тотальной интеллектуальной монополией. Все альтернативы существуют в основном в подполье или вынуждены присягнуть науке в верности. Мы живем в мире, в котором это является нормой. И если задаваться вопросами познания, то это совсем не очевидно. Лидерство науки не бесспорно. Сам научный метод очевидно сомнителен. У него есть тотальные проблемы. Но множество разных факторов, включая помощь политиков, делают науку особенной в этом вопросе. И тут как науку не воспринимай: хоть как религию, хоть как идеологию, хоть как методологию – она имеет тотальные политические преимущества перед другими направлениями, что ведёт нас к неизбежным последствиям, то есть монополии науки. В таких условиях говорить о том, что наука добилась своих успехов честно – просто невозможно. К успеху науки привело несколько удачных совпадений: она оказалась на пике своей популярности в момент создания всеобщего образования и попала в поле зрения политиков, которые впоследствии тоже стали получать научное образование.

Группа аргументов X: Эстетическая

Прояснение

Эстетическая группа аргументов, как мне видится, будет небольшой, но здесь я попытаюсь показать, что в основании науки лежит ряд чисто эстетических принципов. Более того, эти принципы находятся в обосновании самой науки и избираются они из эмоциональных и эстетических причин, потому что других серьезных обоснований у них нет.

Здесь мне хотелось бы обратить внимание, что под эстетикой я понимаю ощущение эстетической удовлетворённости. Это эстетическое чувство абсолютно субъективно, но при этом оно лежит в основании наук.

Вообще любая философия довольно спонтанно отбирает свои аксиоматические положения. Во многом, этот отбор строится на эстетических предпочтениях. Данная глава призвана показать, что наука не является каким-то исключением среди философских методологий и учений. У нас складывается впечатление о науке, как об объективном способе добывать истину, как ученые её нередко позиционируют. Мы думаем, что наука обоснована и несомненна, а там, где она сомнительна, там ученые не делают резких утверждений. Это тоже какая-то эстетическая составляющая, потому что очевидно, что наука, скорее, не объективна, а интересубъективна.

Давайте попробуем нырнуть в эстетические элементы науки и научного, которые вызывают у ученых наслаждение и трепет и

заставляют чувствовать себя более значительными, объективными и правыми, чем они есть на самом деле.

Аргумент I: Бритва Оккама

P1. Мы не можем доверять эстетическим принципам в познании.

P2. Бритва Оккама прежде всего эстетический принцип.

C. Мы не можем доверять Бритве Оккама, которая используется в науке.

Начнем с того, что во всех последующих аргументах будет одна и та же первая посылка, которую мы разберем здесь, а потом повторять разбор не будет никакого смысла. Эстетические принципы недостоверны, потому что не дают нам никаких гарантий на познание. Есть отдельные философские подходы, которые пытаются обосновывать что-то онтологическое через эстетику, но к ним трудно относиться серьезно и рассматривать их в качестве передовых претендентов на роль теории познания.

Я как абсолютный скептик в целом не вижу никакого критерия истины, а потому и остаюсь скептиком по определению, но конкретно к эстетическим критериям можно предъявить, что соотношение истинного и красивого или вызывающего некую эстетическую реакцию не является хоть сколь-нибудь убедительным. Возможно, истина ужасна в своем основании. Возможно, она не имеет красивой

и понятной классификации. Возможно, истина ближе к хаосу, чем к порядку, в который мы пытаемся её вписать. Эстетический критерий кажется слишком спонтанным и сопоставимым с любым другим плохим критерием. Например, было бы неплохо, если бы истина была приятна для людей или давала жизни смысл.

Даже практика как критерий истины хоть и категорически сомнительный и даже ложный критерий (ибо практичной может быть ложная теория, что мы достоверно знаем), но хотя бы имеет привязку к некоторой реальности напрямую, пусть и наблюдаемой реальности. Здесь ставка делается на то, что наши восприятия нас не обманывают, а наши познавательные способности достаточны для описания реальности. Тоже довольно смело, но практика хотя бы не так косвенно касается реальности, как эстетика. Мы можем придумать бесконечное множество невероятно красивых теорий, но от этого они не станут истинными. Мы можем придумать бесконечное множество красивых принципов, но от этого они истинными или более вероятными не станут.

Думаю, многие согласятся с тем, что эстетический критерий является необоснованным. Также многие сциентисты даже не думают о том, что в науке существует некий эстетизм, потому, как мне видится, спор будет вестись о том, является ли тот или иной принцип, который я озвучиваю, полностью или преимущественно эстетическим. Сразу хочу заметить, что за как минимум частичную эстетичность каждого из приведенных принципов я готов ручаться и продолжать аргументацию даже сверх того, что будет написано в этом разделе.

Бритва Оккама звучит так в классическом виде: не множь сущности без необходимости. В современном научном дискурсе его

следует понимать таким образом, что при прочих равных нам следует выбирать более простую теорию, которая постулирует меньше законов и аксиом.

Почему следует? Кто нас заставляет это делать? Можно придумать *ad hoc* объяснение, мол, так удобнее классифицировать теории и разбирать их от простой к сложной. В каком-то смысле это верно, но мы заранее не знаем, где находится истина. Может быть, истина на том конце, где как раз располагаются сложные теории. Может быть, если множить сущности, то быстрее получится приблизиться к истине?

Как мне видится, Бритва Оккама чисто эстетический критерий, который позволяет по чисто эстетическому признаку, лаконичности, отбирать теории. Никакими другими причинами он не обусловлен. В рамках науки рассматриваются самые простые теории, а сложные обычно игнорируются, пока до них не дойдёт очередь. И чтобы очередь до них дошла, необходимо, чтобы простая теория так или иначе фальсифицировалась. Это очень медленный и последовательный процесс, который отдаляет нас от потенциальной истины на неизвестное количество ступеней. Конечно, мы из наших эстетических побуждений хотим надеяться, что истина максимально проста, но каждое новое опровержение доминирующей научной теории говорит об обратном.

В общем, нет никаких серьезных доказательств, которые могли бы убедить здорового человека в том, что Бритва Оккама является критерием истины. Это просто правило, которое организует человеческую познавательную деятельность. Есть очень высокий шанс, что эта организации только лишь вредит познанию. И основана

она на чистой эстетике, которая после уже рационализируется и аргументируется с помощью ad hoc предположений.

Аргумент II: Эстетика натурализма

P1. Мы не можем доверять эстетическим принципам в познании.

P2. Натурализм в науке – во многом эстетический принцип.

C. Мы не можем доверять натурализму в науке.

Почему ученые рассматривают мир с позиции тотального натурализма? Какие у них доказательства? По факту, никаких. Все это строится на чистой вере, которая обуславливается рядом эстетических предпосылок. По сути, ученые испытывают эстетическое удовольствие, когда у них получается описать то или иное явление, особенно если раньше оно объяснялось духовно, с помощью естественных терминов. Это определенная мода, которая появилась в начале Нового времени. Мол, было бы неплохо описать весь мир естественно. А что значит «естественно»? Словарь даёт такие определения: относящийся к природе или совершающийся по законам природы. Что такое природа? Это абстрактный термин, который обобщает всё естественное (вселенную, органический и неорганический мир и так далее). То есть природа определяется через естественность, а естественное через природу. Также можно попробовать определить естественное через некоторое отличие от сверхъестественного, но как это сделать, честно говоря, непонятно,

потому что любой феномен может быть описан в терминах как естественной философии, так и сверхъестественной. Условно можно сказать, что в рамках естественной философии не существует разумных духов и богов. А почему не существует? Потому что не доказано, что они существуют. Сразу видно нелепость.

Значительная часть натуралистического дискурса, как мне видится, держится на эстетическом вызове, который формируется благодаря попыткам объяснить мир без применения метафизических категорий. Зачем это делать? Тут нет серьезной рациональной причины. Во-первых, вызов довольно серьезный и требует немало работы и интеллектуальных усилий. Во-вторых, те нереальные усилия, которые прилагаются, при успешной (не опровергнутой) теории окупаются большой радостью, которая имеет достаточно большую эстетическую компоненту.

Я не хочу сказать, что натурализм сугубо эстетичен. Но он во многом эстетичен. Эстетизм пронизывает его и дополняет. Без эстетизма не было бы мотивации проводить натуралистические исследования с самого начала, когда они не давали таких серьезных результатов. Многие ученые прямо заявляют о красоте тех или иных теорий и иногда сожалеют, что очередная красивая теория не оправдалась.

Я еще раз замечу, что метафизика позволяет объяснить многие наблюдаемые и ненаблюдаемые вещи более простыми и лаконичными способами, но наука избирается путь антиметафизики. При этом натурализм и метафизика – не доказаны. Ни то, ни другое не является достоверным знанием, на которое можно бесспорно опираться. Метафизические теории настолько же правдоподобны, как и физические. Но здесь многое начинает решать особого рода

эстетика и вкус, заставляющие нас предпочитать одно другому. И от эстетики во многом будет зависеть то, какие подходы к решению наших задач мы выберем: физические или метафизические.

Аргумент III: Эстетика антиметафизики

P1. Мы не можем доверять эстетическим принципам в познании.

P2. Антиметафизика в науке преимущественно эстетический принцип.

C. Мы не можем доверять антиметафизике.

Антиметафизика – одна из отличительных черт современной науки. Оправдывается она нередко через искаженную в обратную сторону Бритву Оккама, которая в науке как раз и срезает всю метафизику. Бритва Оккама, как мы выяснили, преимущественно эстетическое убеждение. И из этой эстетики постфактум следует некоторое оправдание, которое так или иначе заставляет нас думать, что это не только эстетика.

Сейчас мы снова обратимся к психологии: Рационализация (лат. *rationalis* — разумный, лат. *ratio* — разум) — механизм психологической защиты, при котором в мышлении используется только та часть воспринимаемой информации, и делаются только те выводы, благодаря которым собственное поведение предстаёт как хорошо контролируемое и не противоречащее объективным

обстоятельствам. Иначе говоря, подбор (поиск) рационального объяснения для поведения или решений, имеющих иные, неосознаваемые причины.

Мне видится, что многие базовые положения науки изначально так и аргументируются. Сначала выбирается некоторый принцип чисто на эмоциональных и эстетических основаниях, а потом постфактум оправдывается то другими похожими принципами (по типу Бритвы Оккама), то еще какими-то высказываниями, которые нужны чисто для того, чтобы все согласились.

Например, антиметафизика в науке. Это буквально делает науку наукой. Никаких метафизические объяснений допускать нельзя. Но почему? Потому что метафизики нет в мире? Мы заведомо не знаем. Может быть, и есть. Но наука – это такой подход, который избрал антиметафизическое объяснение. Серьезных обоснований этому нет. Есть всякие нелепые чайники Рассела, которые можно называть рационализацией, и не более того.

Аргумент IV: Эстетика разоблачения мифов

P1. Мы не можем доверять эстетическим принципам в познании.

P2. Разоблачение мифов имеет четкий эстетический контекст.

C. Мы не можем доверять разоблачению мифов.

Как же ученые любят говорить от лица разоблачителей мифов, как будто они знают абсолютную истину. Притом в понятие мифа они помещают довольно разные представления, многие из которых являются просто заблуждениями людей. Впрочем, мифы – это не просто заблуждения, а целостные картины мира, можно сказать, призмы для рассмотрения окружающей действительности. Сциентисты называют мифами все картины мира и заблуждения, которые не являются научными. Сама же наука выгодно находится в стороне, потому апеллирует, видимо, к абсолютной известной только ей истине.

Когда речь идет о заблуждениях, то мы можем справиться с их опровержением и без науки. Например, с помощью простейших наблюдений и опытов, которые сами по себе наукой не являются. К сожалению, мошенники-сциентисты хотят применить такую же логику к реальным мифологическим системам, мол, те опровергаются также легко. Например, существование или несуществование Зевса можно проверить, просто поднявшись на Олимп. Гении! И это несмотря на то, что уже у Платона боги изображались бестелесными.

Эстетика разоблачения мифов строится на основании доминанции борца с ложью и мракобесием против сил глупости и неосведомленности. Это своеобразная переинтерпретация героических мифов, в которых герой побеждал чудовищ. И вот он, великий разоблачитель, выходит на бой с очередным мракобесием и доказывает всем, что мракобесие не стоит и выеденного яйца.

Проблема заключается в том, что такой подход хорошо работает против единичных заблуждений, которые касаются мира феноменов. Допустим, человек уверен, что невозможно утонуть в луже. И вот мы топим у него на глазах какого-то человека в луже. Миф развеян!

Разрушители мифов снова на коне! Только это практически не работает против целостных мировоззрений, которые невозможно отвергнуть одним подобным опровержением. И тут начинается всевозможная рационализация в виде перебрасывания бремени доказательства, обвинений в обмане или глупости, а также придумывании разных типов мышления, по типу магического. Иногда даже целые дисциплины могут погрязнуть в рационализации.

Все разрушение мифов, которое выходит за пределы наблюдаемых феноменов, — это нередко проявление чистого эстетизма. Зачем бороться с тем, что ты не можешь победить? Но сражаются же! Против метафизики, религии и многих других вещей, часто даже не зная, что конкретно опровергается. Например, проверка сциентистами работоспособности молитвы — это вообще отдельный разговор, потому что сциентистам кажется, что молитва — это джин, который должен исполнять желания. При этом христианам так не кажется. Именно ввиду этого часто случается такое, что человек пытается опровергнуть концепт или практику, которую он толком не понимает. Для опровержения он тратит ресурсы, проводит исследование и деньги налогоплательщиков, а потом оказывается, что все его усилия потрачены впустую, потому что учёный просто неправильно понял то, что он опровергает. Обычное дело для науки.

Только вот в глазах сциентистов всё правильно. Они продолжают настаивать на том, что правильно всё поняли и использовать неудачное исследование в качестве аргумента в пользу того, что очередной миф был развенчан. И ведь мало кого в этих вопросах интересует именно суть дела. Мало кто реально пытается понять сам миф, адекватно его осмыслить и на основании понимания попробовать проверить.

А так, получается, что большая часть мифоборчества – это чистый перформанс, представление для своих адептов, которое всё глубже убеждает их в истинности науки и научного взгляда на мир. Это шоу для своей аудитории. Эстетическая компонента здесь очевидна и бесспорна.

Аргумент V: Эстетика просвещения

P1. Мы не можем доверять эстетическим принципам в познании.

P2. Принципы эпохи Просвещения преимущественно эстетические принципы.

C. Мы не можем доверять принципам эпохи Просвещения.

Эпоха Просвещения заложила множество стереотипов в головы современных сциентистов, но, важно понимать, что большая часть из этих стереотипов не имеет никакой серьезной аргументации. Во-первых, эпоха Просвещения заложила стереотип веры в человеческий разум. Очевидно, что разум человека – это не то, чему мы можем доверять, потому что он подвержен ошибкам, а сами принципы работы разума не гарантируют нам познания. Крайне сомнительно, что тот образец разума, который мы в себе воспитали, является хоть сколь-нибудь значимым для познания. Упор на естественность мы уже обсудили ранее. Тоже во многом эстетическая предпосылка. Более того, просвещенческий задор в опровержении мифов также имеет в себе подобные эстетические основания.

Аргумент VI: Эстетика скептицизма и свободомыслия

P1. Мы не можем доверять эстетическим принципам в познании.

P2. Скептицизм и свободомыслие в науке – это лишь эстетические принципы, которые во многом даже не соблюдаются.

C. Мы не можем доверять скептицизму и свободомыслию науки.

Сразу отмечу, что ученый не является скептиком и свободомыслящим человеком. Более того, нет такой группы людей, которая бы являлась более догматической и шаблонно мыслящей. Дело в том, что ученый в рамках научного метода действует по заданному алгоритму. Он заучил в университете правила доказательства и правила работы внутри своей специальности. Сам он ничего толком к этим правилам не прибавил и прибавить не может. Он должен догматически следовать за тем алгоритмом, который ему навязали. Постфактум он аргументирует все это для себя, то есть рационализирует, но в данной ситуации это для нас не имеет никакого значения.

Важно лишь отметить, что учёные – это рабы, которые притворяются хозяевами. Их сознание полностью догматичное. Их мышление работает по заведомо заданным в образовании стандартам. Это противоречит свободомыслию и скептицизму. В этом меньше

свободомыслия и скептицизма, чем у того же христианина, который размышляет над своей верой и сомневается в ней. Есть даже такой термин «кризис веры», который переживают многие христиане⁶⁰. А вот никакого кризиса науки в среднем нет, потому что догматичные ученые с промытыми мозгами не могут осмыслить сомнительность того предприятия, которым занимаются. В этом плане обычный христианин во много раз более сомневающийся человек, чем типичный ученый, который верит в свои знания и верит в свою методологию.

Ученый – это антискептик во многих своих проявлениях. Вы можете сказать, что это не так, потому что ученые пересматривают теории и отказываются от них, если находят противоречия или несоответствие с фактами. Проблема такой аргументации заключается в *cherry picking*⁶¹, поскольку, когда вы рассматриваете

⁶⁰ Кризис веры - это период сомнений и неуверенности в своих религиозных убеждениях. Он может быть вызван различными факторами, такими как: личные переживания, такие как смерть близкого человека, болезнь или травма; контакт с другими религиозными традициями или философиями; критическое изучение религиозных текстов или вероучений; события в мире, которые противоречат религиозным представлениям. Кризис веры может быть очень болезненным и трудным периодом. Он может привести к потере смысла жизни, одиночеству и изоляции. Однако он также может стать возможностью для духовного роста и развития.

⁶¹ *Cherry picking* (дословно "выбор вишни") - это логическая ошибка, которая заключается в указании на отдельные случаи либо данные, подтверждающие определённое положение, при игнорировании значительной части связанных случаев или данных, которые могут противоречить этому положению. *Cherry picking* может быть как умышленным, так и неумышленным. Умышленный *cherry picking* используется для того, чтобы создать ложное впечатление о том, что какое-

мировоззрение ученого, то обращает внимание на те моменты, где он не догматичен, а когда рассматривает верующего, то рассматривает те моменты, когда он догматичен. Но давайте посмотрим правде в глаза: ученый может пересматривать теории не потому что он реально сомневающийся человек, а потому что прописано в догматическом алгоритме действий, который ему внушили под видом научной и правильной методологии. Если же мы сравним степень убежденности ученого в методологии и христианина в Боге, то окажется, что верующий не так сильно уверен и вполне подвержен сомнениям и кризисам даже в самых важных религиозных вопросах. В самых важных научных вопросах (вопросах методологии) ученый оказывает абсолютным догматиком, у которого часто не бывает сомнений в том, что он делает. При более подробном сравнении ученый оказывается большим догматиком, чем верующий.

Так вот, почему же ученых называют скептиками и свободомыслящими? Мне видится, что это чисто эстетический прием. В контексте борьбы с теизмом и церковью был придуман новый образ скептика, который отличается тем от догматика, что у него нет веры (притом именно религиозной). Отсутствие веры в конкретную религию (или набор религий) стали некоторым маркером для обозначения сомневающихся и свободомыслящих. И, возможно, это имело хоть какой-то смысл в эпоху, когда Европа всё ещё находилась под сильнейшим монополистическим влиянием христианства. Но сейчас, когда наука – это обыкновенный мировоззренческий мейнстрим, говорить о скептичности ученых и их свободомыслии –

либо положение является истинным. Неумышленный cherry picking может быть вызван невнимательностью или предвзятостью.

это просто нелепо. Ученые тех времен далеко не всегда были университетскими специалистами. Они часто шли против мейнстрима в познании. Они именно потому и были свободомыслящими, что проявляли свободу в выборе средств, методов и теорий, чего себе не может позволить современный ученый, скованный методологией, научным мировоззрением и научным коллективом, а также заработной платой, друзьями и сильнейшим конформизмом. В итоге они не догматики, а скептики, только потому что им чисто эстетически не нравится это слово, потому со временем эпохи Просвещения догматизм воспринимается крайне негативно в интеллектуальных сообществах. Именно это и привело к тому, что люди стали куда примитивнее рефлексировать над собственными догмами и убеждениями, ведь каждый теперь хочет скрыть от себя свой собственный догматизм.

Скептицизм и свободомыслие – это красивые образы, которые примеряются на учёных, потому что в истории получилось так, что эти слова заслужили свое признание. При этом самая признанная группа познающих индивидов просто должна была заслужить этот комплимент, даже если она его заслуживает в меньшей степени, чем какая-нибудь другая группа.

Аргумент VII: Эстетика эксперимента

P1. Мы не можем доверять эстетическим принципам в познании.

P2. Доказательная сила эксперимента держится на чистой эстетике.

С. Мы не можем доверять доказательству с помощью эксперимента.

В лучшем случае, эксперимент может опровергнуть ту или иную теорию. Это буквально его формальная функция. Мы составляем теорию таким образом, чтобы можно было проверять разные её части. Теория составляется достаточно логично и последовательно, чтобы мы могли сделать ряд выводов, ведущему нас к тому или иному предполагаемому факту, который мы сможем обнаружить в эксперименте. Если, проводя эксперимент, мы не находим этот факт, то теория в той интерпретации, которую мы предоставили, объявляется опровергнутой. Конечно, мы можем предоставить бесконечное множество интерпретаций теории, а потому фальсифицируемость не так уж и эффективна, но не об этом речь.

Если же вдруг мы обнаружили нужный факт, то это не доказывает нашу теорию. К сожалению, многие ученые и сциентисты заводят людей в заблуждение, когда говорят, что существуют эксперименты, подтверждающие те или иные теории. Эксперимент в таком случае лишь не опровергает теорию, а не подтверждает её. Любой эксперимент акцентируется на обличении того или иного единичного факта или крайне ограниченной группы фактов. Чисто индуктивно наличие нового факта не сильно должно менять наше мнение о теории. Допустим, у нас есть некая теория, которая утверждает, что все живые существа менялись на протяжении миллиардов лет. У нас есть ряд фактов, благодаря которым эта теория и была составлена. Все они индуктивные и доказательство с их помощью не носит окончательного характера. И тут мы в рамках эксперимента, допустим, заставили измениться неких мушек или

горох. Доказывает ли это, что все виды меняли на протяжении миллиардов лет? Нет. Да, это небольшой фактик в копилку нашей теории, но он ничего толком не меняет в степени доказанности.

Мне видится, что многие люди из эмоциональных и эстетических предпосылок, придают эксперименту куда большую значимость, чем он имеет на самом деле. Притом людям свойственно смешивать два типа методологий, в которых два формально разных процесса называются экспериментами, ведь мы также называем экспериментом проверку эффективности разных практических методов и технологий. А это очень часто можно проверить с большой степенью вероятности. Напоминаю, что степень всех наших имеющихся фактов относительно тех, которые необходимы, чтобы доказать теорию индуктивно, равняются 1 к бесконечности. Когда дело касается подтверждения чего-то очевидного и простого, например, работоспособности лекарств, то мы там тоже проводим «эксперименты», но не проверки теории. Как мне видится, это принципиально разные методы.

Не стоит подкупаться на красивое слово «эксперимент», особенно когда речь идет о его доказательной силе. Не стоит думать, что существуют такие эксперименты, которые могут доказать ту или иную теорию. Это чисто формально невозможно.

Аргумент VIII: Эстетика рационализма и логики

P1. Мы не можем доверять эстетическим принципам в познании.

P2. Рационализм и логика пронизаны эстетикой.

C. Мы не можем доверять логике и рационализму.

Мне видится, что логика и рационализм позволяют нам создавать иллюзию порядка в наших рассуждениях и мыслях, а этот порядок нам свойственно трактовать как нечто правдивое. К большому сожалению, у нас нет достоверных свидетельств, которые могли бы убедить нас в том, что логика и, как следствие, рациональность, действительно работают для достижения познания. Нас подкупает красота (систематичность) получающихся выводов, но это не значит, что это правильные выводы. Нам нравится использовать формальные системы, и они хорошо ложатся на наш язык, но кто сказал, что язык позволяет хоть что-то познать?

Красивые логические построения приятны нашему уму, но разве это хоть как-то их оправдывает? Мы создали целый мир на базе формальных систем, но не представляется ли этот мир вам иллюзорным? Относительно критики логики и рационализма можете почитать мои многочисленные статьи и работы. С этим я тоже работал.

Аргумент IX: Эстетика математики и всеобщей исчислимости

P1. Мы не можем доверять эстетическим принципам в познании.

P2. Математика и всеобщая исчислимость во многом эстетичны.

С. Мы не можем доверять математике и всеобщей исчислимости.

Математика, безусловно, красива. Не напрасно многие математики восхищались её красотой. Впрочем, никакого достоверного познания она, судя по всему, принести не может. Как минимум, доказать обратное будет довольно сложно. Дело в том, что человечество долгое время разрабатывало математику в контексте разных мистических учений по типу пифагореизма и платонизма. Там аргумент к красоте и гармонии считался довольно значимым. После этого генеалогически человечество зацепилось за математику и стало оправдывать её познавательную силу. Именно оправдывать.

Тем более, оказалось, что многие вещи можно исчислить (возможно, не все), а из математики получать полезные математические модели. Впрочем, от полезности математики все равно довольно долгий путь к истине, ибо практика не является критерием истины, что вполне очевидно и не требует доказательств для умственно полноценных людей. Доказательства этого были приведены ранее.

Аргумент X: Эстетика связанного едиными и нерушимыми законами мира

P1. Мы не можем доверять эстетическим принципам в познании.

P2. Вера в единые и нерушимые законы природы эстетичны.

C. Мы не можем доверять единым и нерушимым законам природы.

Закон природы – это та закономерность, которая работает в любой части природы и в любое время. Проверить закон природы индуктивно невозможно, потому что нельзя наблюдать за всем миром и во все времена одновременно. Закон природы – это просто красивое представление, в которое ученые веруют не столько благодаря доказательствам (ибо все доказательства здесь вероятностны), а потому что это представление красиво, лаконично и позволяет гармонично структурировать опыт. Как мне видится, эстетизма здесь довольно много, тем более, что-то же закрывает глаза многочисленным исследователям и сциентистам. Вполне очевидно, что ни один закон природы не может быть подтверждён формально. Для подтверждения любого закона природы необходимо бесконечное множество фактов. Их наука добыть не сможет. Вместо того, чтобы говорить, что мы наблюдаем те или иные закономерности в тех или иных локациях, ученые распространяют эти закономерности на всю вселенную на всех этапах её становления (может быть, с редкими исключениями вроде первых мгновений её рождения).

Аргумент XI: Эстетика тотальной измеримости

P1. Мы не можем доверять эстетическим принципам в познании.

P2. Тотальная измеримость – это эстетическая вера.

C. Мы не можем доверять тотальной измеримости.

Аргумент XII: Эстетика фальсифицируемости

P1. Мы не можем доверять эстетическим принципам в познании.

P2. Фальсифицируемость – эстетический принцип.

C. Мы не можем доверять фальсифицируемости.

Проблема фальсифицируемости, на мой взгляд, заключается в том, что она ничего толком не решает. Например, вот у нас есть теория. Мы её фальсифицируем. Если её получилось опровергнуть, то она отправляется на доработку. И так до бесконечности. Если не получилось опровергнуть, то мы пытаемся опровергать её дальше. Возможно, тоже до бесконечности. Чисто формально процесс фальсифицируемости не носит никакой доказательной силы и, скорее всего, не приближает нас к истине. Мы всё равно продолжаем обитать в бесконечном количестве потенциальных теорий, каждая из которых может иметь неограниченное число вариаций.

И тогда какой толк фальсифицировать? Почему наука лучше, скажем, религии? Тем, что наука фальсифицирует – скажут многие. Но какой в этом толк? Какой толк в фальсификации теорий, если все равно вариаций этих теорий слишком много? Мне думается, дело в том, что фальсифицируемость существует именно для красоты. Это

такое украшение научного познания, которого ничего толком не решает и не значит, но зато выглядит довольно красиво и позволяет различать науку и, скажем, религию или философию. Для многих ученых наличие отличительных признаков оказывается принципиально важным. Только вот какой толк в таких отличительных признаках?

Аргумент XIII: Эстетика объективности

P1. Мы не можем доверять эстетическим принципам в познании.

P2. Объективность – это во многом эстетический принцип.

C. Мы не можем доверять объективности.

Объективность во многом эстетический принцип, потому что обычно под ней понимают не соответствие объекту, так как это еще надо доказать, а несубъективность. Субъективность – это влияние нашего желания на результаты исследования в данном случае. Впрочем, в научных исследованиях существует большой процент субъективности или, лучше сказать, интересубъективности.

Почему истина должна быть объективна? Это просто принимается на веру, опять же, как мне видится, из принципа красоты. А сможем ли мы поставить такой опыт, чтобы свести субъективные факторы к минимуму? А сможем ли мы составить

такой алгоритм действия, в котором наша человечность будет проявлена меньше всего? В этом есть большая компонента эстетики.

Относительно объективности можно говорить много, но, из важного, невозможно доказать, что объективность как независимость от субъекта хоть каким-то образом приближает нас к познанию. Мы можем представить себе множество «объективных», то есть независимых от субъекта, систем, которые не имеют никакого отношения к познанию. С чего это научная система имеет?

Группа аргументов XI: Религиозная

Прояснение

Эта группа аргументов строится на том, что наука – это религия. Религии имеют ряд недостатков, которые мешают познанию и которые мы обсудим в этой главе. Наука также имеет эти недостатки. Для многих людей определение науки как религии уже является недопустимым, но я здесь пользуюсь тем, что слово религия не является строго определенным. Имеется колоссальное множество определений религии, что дает нам возможность и самим предложить своё определение религии.

Как мне видится, основная проблема в определении религии заключается в том, что главная неосознанная задача этих определений – оградить науку от того, чтобы быть определенной в качестве религии. Вот у нас есть ряд подобных по многим параметрам объектов, но среди них наука должна быть отделена, чтобы точно не попасть в число того, что мы называем религией. Именно в этом заключается сциентизм религиоведов, потому что они заведомо хотят определить науку как нечто отличающее от религии и определить религию так, чтобы она отличалась от священной науки.

Главным свойством, которое обычно выдвигают религиоведы, чтобы отличить науку от религии является некая вера в сверхъестественное. Проблема заключается в том, что разделение на сверхъестественное (метафизическое) и естественное (физическое) – это некоторое свойство европейской культуры, которое хорошо

ложится под описание христианства, в котором ярко выражено различие между физическим (материальным) и метафизическим (духовным). Во многих религиях такое различие принципиально отсутствует. Можно сказать, что в подавляющем большинстве религий физическое одновременно с этим является и метафизическим. Например, как в рамках индийских учений, где мир представляется в образе иллюзии майи. В нем нет ничего по сути естественного, но есть феноменальный мир, который наблюдается нами.

Как я уже показал ранее, существует некая проблемность разграничения между естественным и сверхъестественным. Например, попытка описать весь мир через непонятно откуда возникшие законы видится принципиально странной и вполне так себе религиозной в том плане, что дискурс законов природы является лишь трансформацией дискурса о законах божьих. Единственное, что из этих законов убрано личное начало. Теперь представим себе ситуацию, что миром правят невидимые для нас, но при этом «естественно» возникшие всемогущие инопланетяне, которые задают законы природы. Такое представление является религиозным? Или метафизическим? Такое представление, как мне видится, неотличимо от религиозного, хотя чисто по содержанию может представляться физическим.

Т.е. если мы переформулируем некий набор представлений таким образом, что «боги» окажутся, допустим, вполне физическими инопланетянами, которые требуют поклонения, то перед нами уже, согласно выше обозначенному подходу будет не религия, а нечто другое, хотя остальные атрибуты мы сохраним.

В общем, я вижу категорию сверхъестественного (как и естественного) принципиально проблемной, а потому исключаю её из рассмотрения. Для меня ярлыки «естественная» и «сверхъестественная» мало что означают, потому что имеются учения, в рамках которых сама материя и природа воспринимаются как Бог, но при этом не наделены сознательностью. Вариантов, на самом деле, масса. И почти все эти взгляды будут называться религиозными, если за ними будет находиться достаточно массивная группа организованных последователей. Например, то же конфуцианство, которое прежде всего является этико-политическим мировоззрением, часто религиоведами называется религией.

Такие черты, как иррациональность, необоснованность и догматизм мы в принципе не рассматриваем, потому что первые две черты – это просто глупость, которые озвучивают люди, незнакомые с христианской, исламской и буддийской философией. Если эти люди являются религиоведами, то их надо выгонять с факультетов за профнепригодность, потому что они ненавидят религии. Очевидно, что каждая религия, особенно, каждая большая религия, занимается обоснованием собственного миропонимания. И то же христианством в исполнении томистов называть иррациональным может лишь человек, который принципиально не разбирается в философии и не знаком с термином «рационализм».

Мне кажется, что все согласятся с тем, что религия должна иметь как минимум два фундаментальных свойства: целостное мировоззрение (включающее в себя онтологию, этику, эстетику, аксиологию и так далее) и некоторую социальную организацию для того, чтобы это целостное мировоззрение распространять. Например,

почему анархизм не является религией? У анархизма нет целостного мировоззрения. Он говорит преимущественно про политику.

Целостное мировоззрение без социальной организации будет чистой философией. Социальная организация без целостного мировоззрения будет уже не религией, а чем-то другим. Например, политическим течением. Либо клубом по интересам. Религия сложится только тогда, когда два этих параметра заработают вместе, притом, они оба должны быть на некотором достаточно высоком уровне. Мировоззрение в религии должно быть целостным и при этом разрастающимся, что обеспечит работа большого числа сторонников. Социальная структура же должна обеспечивать воспроизводимость учения через те или иные образовательные институты, организовывать места сбора (поклонения) и совершение тех или иных ритуалов (которые в науке, как мы уже выяснили выше, тоже есть). Также допустимы храмы и прочие строения, которые так или иначе структурируют жизнь адептов этой религии. Формы структурирования могут быть абсолютно разными.

Если ограничить религию именно этими обязательными свойствами, то получится, что наука является религией. Существует целостное научное мировоззрение со своей догматичной методологией, которая берется на чистую веру (при этом адепты повторяют, что она работает и познает мир). Это научное мировоззрение считает абсолютно истинными некоторые теории, которые в принципе невозможно доказать (например, теорию эволюции). Основные методологические положения науки и естественная наука в принципе не подвергаются сомнению. Из научной онтологии (естественной установки) и методологии следуют научная этика (которая частично переходит и в обыденную этику),

научная эстетика, аксиология науки и так далее. Также наука имеет довольно сложную социальную организацию, которая обеспечивает её воспроизведение. Школы, университеты, многочисленные каналы в интернете, академии наук и прочее-прочее.

Как мне видится, науку вполне можно назвать религией, а если и нельзя, то у неё есть очень много общих черт с религией, на основании которых мы и будем строить наши аргументы против. Важно заметить, что мне не особо хочется раскрывать каждый из аргументов, так как для невооруженного взгляда и так очевидно, что они небезосновательны. Впрочем, за каждый аргумент в данном разделе я отвечаю и готов дискутировать на ту или иную тему.

Аргумент I: Конформность религий.

P1. Религиозная конформность мешает в познании, потому что заставляет людей принимать решения под давлением социума.

P2. Науке свойственна религиозная конформность.

C. В науке существуют помехи познанию, которые заставляют людей принимать решения под давлением социума

Аргумент II: Четкая призматичность религии

P1. Религиозная призма затрудняет оценивание разных объектов, а также уменьшает герменевтические способности того или иного течения.

P2. Науке свойственно смотреть на мир через религиозную призму.

C. Науке свойственно иметь затруднения в оценивании разных объектов, а также иметь проблемы с герменевтическими способностями.

Под призмой понимает особый взгляд на вещи и учения, который характерен для того или иного религиозного течения. Думаю, мало кто будет спорить с тем, что у науки имеется особый натуралистический взгляд на вещи. Проблема подобной призматичности заключается в том, что она пронизывает трактовку всех феноменов, которые только можно вообразить.

Аргумент III: Поиск истины сменяется защитой своего мировоззрения

P1. Религиям свойственно заниматься защитой своего мировоззрения любой ценой, что мешает поиску истины.

P2. Наука как религия также защищает свое мировоззрение любой ценой.

C. В науке есть факторы, которые мешают поиску истины.

Аргумент IV: Искажение других картин мира

P1. Религиям свойственно искажать другие картины мира.

P2. Наука – религия.

C. Науке свойственно искажать другие картины мира.

Люди, отстаивающие науку, чаще всего очень плохо разбираются в других мировоззрениях или трактуют их очень предвзято. Даже самым передовым спорщикам порой свойственны банальнейшие ошибки и, что самое главное, ученый практически не слышит оппонента, потому что думает, что полностью прав. Хорошими примерами могут послужить Докинз, Панчин и Дробышевский, которым трудно запомнить и правильно воспроизвести позицию тех же христиан и не только. Эти сциентисты с научными степенями регулярно подменяют учение оппонента. Они без особого уважения относятся к своим соперникам, потому что не считают их равными.

Это отдаляет нас от понимания других позиций, что в итоге ведёт к чувству безальтернативности. Когда человек догматически верит в тот или иной набор идей, ему свойственно игнорировать значимость других идей. Именно в этом и погрязли многие ученые. Особенно те, что занимаются пропагандой сциентизма.

Аргумент V: Отсутствие альтернативности

P1. У представителей разных религий легко складывается впечатление об отсутствии альтернативности своего мировоззрения.

P2. Наука – это религия.

C. У сциентистов и ученых легко складывается представление об отсутствии альтернативности своего мировоззрения.

Аргумент VI: Стремление к тотальному завоеванию

P1. Религиям свойственно (возможно, за редким исключением) стремиться к мировому господству, то есть распространению среди всех людей.

P2. Наука – это религия.

C. Науке свойственно стремиться к мировому господству.

Христианство, ислам и буддизм как мировые религии точно стремятся к мировому господству, что прописано в важнейших источниках в рамках самих этих религий. Нет сомнений, что и наука стремится к тому же. Более того, наука ближе всех прочих претендентов к этой цели.

Аргумент VII: Обесценивание других религий и воззрений

P1. Религиям свойственно обесценивать другие религии и воззрения.

P2. Наука – это религия.

C. Науке свойственно обесценивать другие религии и воззрения.

Из этого напрямую следуют многочисленные конфликты. И хорошо, если это конфликты дискуссионные. На такие ещё имеет смысл идти. Проблема же заключается в том, что людям в целом свойственной переносить дискуссионные конфликты в плоскость физического. Вероятно, если бы мы жили несколько веков назад, но при этом наука полностью заменила христианство, то мы бы имели дело с казнями и сроками за несогласие с наукой. Науке, опять же, повезло стать тотально популярной лишь в тот момент, когда общество стало намного добрее. В наши дни даже христиане отменили всякую инквизицию, кроме психологической и эмоциональной.

Но это все не отменяет большого количества конфликтов, которые уже существуют между научными атеистами (чистейшими сциентистами) и верующими разных мастей. Иногда эти конфликты переходят дискуссионную границу. И нередко провокаторами являются сами научные атеисты, которые не хотят понимать своих

религиозных соседей. Все это позволяет распространяться взаимной ненависти разных мировоззрений.

Аргумент VIII: Иллюзорная уверенность в своей жизни и действиях

P1. Религия создает иллюзию уверенности в своей жизни и действиях.

P2. Наука – это религия.

C. Наука создает иллюзию уверенности в своей жизни и действиях.

Эта иллюзия далеко не всегда бывает полезной.

Аргумент IX: Жажда общности с другими

P1. Религия порождает жажду общности с другими, что вынуждает нас отказываться от истины или сомнения ради этой общности.

P2. Наука – это религия.

C. Наука порождает жажду общности с другими, что вынуждает нас отказываться от истины или сомнения ради этой общности.

Проблема заключается в том, что научное мировоззрение заставляет нас воздерживаться от смелых суждений там, где они могут оказаться истинными, и запрещает сомневаться там, где что-то считается научным сообществом несомненным. Люди держатся не столько за сами убеждения, сколько за общность с другими. Коллеги-ученые для других ученых являются друзьями. Сциентисты, скорее всего, имеют немало друзей и знакомых сциентистов, которые перестанут с ними общаться, если те озвучат неправильное мнение и будут на нем настаивать.

Аргумент X: Религии тормозят интеллектуальное развитие

P1. Плюрализм является наиболее эффективным подходом к развитию интеллекта, так как позволяет разным мировоззрениям критиковать и дополнять друг друга в процессе честной конкуренции.

P2. Религии монистичны (антиплюралистичны).

P3. Наука – религия.

P4. То, что не является самым эффективным, тормозит развитие чего-либо.

C. Наука тормозит интеллектуальное развитие человечества.

Религии со всеми перечисленными мной свойствами выше, включая науку, являются большим тормозом в интеллектуальном развитии человечества, потому что им свойственно противиться плюрализму. Религии, включая науку, организуют свои собственные пространства, которые представляются максимально огражденными от всего остального интеллектуального мира, а также создают всевозможные преграды для взаимного понимания разных мировоззрений.

Аргумент XI: Религии делают людей управляемыми

P1. Религии делают людей управляемыми.

P2. Наука – религия.

C. Наука делает людей управляемыми.

Аргумент XII: Отчуждение людей друг от друга по мировоззренческому признаку

P1. Религии ведут к отчуждению людей друг от друга по мировоззренческому признаку.

P2. Наука – религия.

С. Наука ведет к отчуждению людей друг от друга по мировоззренческому признаку.

ВЫВОД

Мне видится крайне странным, что люди стараются не замечать многочисленные грехи науки и оправдывают её даже в тех вопросах, где она ведёт себя идентично религии, выступая при этом против религиозности. Многие стратегии науки и учёных мало отличаются от тех, что присутствуют в разных религиях, что довольно очевидно. Не нужно быть гением или особо внимательным, чтобы заподозрить науку в этих религиозных играх. Те вещи, которые совершаются учеными и сциентистами, вполне аналогичны тем вещам, которые совершают верующие, если смотреть на это в общих чертах.

Да, конечно, сциентисты пока не забивают людей камнями и не устраивают показательные казни, но в наши дни это редкость и у религиозных людей. Важно понимать, что сциентисты и ученые совершают разные негативные действия, руководствуясь похожими или даже идентичными причинами с верующими. Вероятно, здесь работает одна и та же психология, а наука опознается подавляющим большинством как аналог религии, за которую нужно бороться и в которой можно обрести некоторую общность. Не думаю, что многие будут отрицать, что наука во многих направлениях действительно аналогична религии и производит на людей аналогичный эффект.

Заранее хочу сказать, что отрицательный эффект религий обусловлен не столько тем, что религиозные учения чем-то плохи.

Скорее всего, это обуславливается сложностью в контроле над большими интеллектуальными образованиями, которыми может завладеть любой человек, способный навязать любую политику. Также важную роль здесь играет психология масс и психология глубоко убежденных людей, коими являются и сциентисты, и христиане, и мусульмане. Даже если мы сформулируем религию понимания, то, скорее всего, ей будут свойственны похожие черты. Впрочем, можно попробовать создать такую религию, которая будет учитывать опасности, обозначенные в этом разделе. Наука их точно не учитывает и обойти в принципе не может, потому что иначе, видимо, просто перестанет быть наукой.

Группа аргументов XII: Аксиологическая

Прояснение

Наука — не просто религия, но и ценность человечества, которая стала так важна для людей, что они потеряли способность критического отношения к ней. Науку явно переоценивают, обожествляют, что приводит к её интеллектуальной деградации. Наука и без того в течении многих веков игнорировала не только аргументы философов-современников, но и тропы античных мыслителей, которые, как будто бы предвидя возникновение эмпирического догматизма, указали на его несостоятельность (Платон, тропы античных скептиков). Современная наука выступает в роли некой абсолютной ценности, критика которой считается плохим тоном, а к критикам общество нередко испытывает презрение. Такое отношение к науке лишает её необходимости спорить с антисциентично настроенными интеллектуалами, чем ученые нередко пользуются. Наличие у науки особого статуса — это не достоинство, а, скорее, недостаток, притупляющий внимание обывателя и заставляющий молчать несогласных. Критику науки как ценности можно отнести к данной группе причин.

То, что наука стала некоторой всеобщей ценностью, которую мы вслепую принимаем и оправдываем, закрывает нам глаза на богатство мировоззрений и альтернатив, созданных человечеством за долгие годы существования. К большому сожалению, мы, современные догматики-сциентисты, не умеем критично оценивать

науку. И пока наука является ценностью для огромного количества людей, мы не сможем переступить через этот порог.

Важно помнить, что ценности субъективны. Не бывает объективных ценностей, если мы не пытаемся применить идеалистические категории и использовать в качестве обоснования телеологию⁶². Все же, как мне видится, большинство сциентистов согласятся с тем, что ценности – это вещь крайне субъективная и не существует никакого мира идей, форм или каких-то богов, которые содержат в себе объективную ценность чего-либо и являются объективной целью, к которой движется человечество.

Как вы заметили, значительная часть аргументов в данной книге опирается на те позиции, которые сциентистам довольно трудно не признавать. Здесь мы будем также последовательны в попытке самоподрыва сциентического мировоззрения. Приблизительно то же самое мы проделали, когда начали разбирать науку и научность с позиции когнитивных искажений, которые безусловно свойственны всем (или подавляющему большинству) ученым и сциентистам особенно в вопросах научной философии, в которой они обыкновенно не разбираются. Здесь мы рассматриваем науку как ценность, то есть с позиции аксиологии, очередной философской дисциплины, в которой ученые и сциентисты некомпетентны, но при этом имеют те или иные мнения. На этих философских мнениях и стоит фундамент наук.

Аргумент I: Субъективность ценностей

⁶² А сциентисты это сделать не могут, потому что обозначенные подходы противоречат натурализму и научной картине мира.

P1. Ценности субъективны.

P2. Наука частично является ценностью.

C. Наука содержит в себе субъективные компоненты.

Нам свойственно представлять науку как нечто сугубо объективное: таков научный миф, но сам по себе научный процесс переполнен субъективными нюансами, особенно когда речь идёт об отношении к науке. Наука как ценность – это очевидный аспект, который имеет смысл разбирать, когда мы говорим о научном догматизме и сциентизме. Притом важно заметить, что людям меньше интересна более абстрактная ценность познания. Куда интереснее именно ценность науки. Наука монополизировала сферу познавательных ценностей. Мы, люди, даже определяем значимость тех или иных познавательных сфер по ярлыку «наука». Одна и та же дисциплина со статусом «наука» и без него воспринимается по-разному.

Именно поэтому идут войны за этот безумный и абсолютно бессмысленный ярлык. Является ли история, психология, социология науками? Это вопрос статуса, а не истины. Тут дело не в правильном определении науки и сравнении критериев демаркации с теми методами, которые в дисциплине используются. Тут дело состоит в статусе, потому что ученый-историк занимается делом, а вот если историк-не-ученый, пусть он и занимается тем же самым, то людям сразу кажется, что он шарлатан, который переписывает историю.

В современном мире вопрос демаркации является не столько проблемой определения науки и поиска тех критериев, которые позволят нам непротиворечиво и достаточно точно её описать, а вопрос статуса тех или иных дисциплин. А этот статус произрастает прежде всего из раздутой ценности наук. Именно поэтому большинство недалеких людей озвучивают разрушительную критику в адрес философии и говорят: «философия не наука». Да, и что с того? Конечно, при определенном желании мы сможем подобрать такое определение науки, согласно которому философия всё же будет считаться наукой, но такие определения мне кажутся наименее удачными, и они требуют размытия понятия науки. К такому размытию часто прибегают историки и социологи, когда хотят оправдать свою научность. Но зачем? Разве от этого зависит что-то в методологии? Разве это хоть как-то меняет формат исследования?

Нет, люди просто сражаются за статус науки, потому что наука до нелепого уровня авторитетна и ценна. Это часть иррационального мифа современности. Здесь нет никакого анализа и разбора. Более того, способность анализировать и думать о науке отключается даже у высококвалифицированных специалистов и докторов наук, когда они начинают отстаивать ценность своей дисциплины, а для этого им нужно отстоять её научность. Проблема ценности пробуждает сильнейший поток иррационального. Люди начинают подбивать определение науки под свою дисциплину, не замечая, как этот процесс постепенно ухудшает значение слова и размывает его границы.

И наука окружена подобными субъективными компонентами. Она слишком психологична. Она касается слишком близких для людей струн их фантазии и эмоций. Люди сами не замечают, как

научный миф пронизывает их эмоциональную сферу и становится ценностью всех ценностей, что в итоге приводит к тотальному догматизму.

Аргумент II: Переоценка значимости ценных вещей

P1. Те вещи, которые считаются ценными, всегда переоценены.

P2. Наука считается ценной.

C. Наука переоценена.

Думаю, ни у кого не возникнет проблем со второй посылкой и выводом. Основная проблема заключается в первой посылке, которую можно назвать сомнительной. Дать ей дедуктивное доказательство я не смогу, но попробовать аргументировать её посредством индукции вполне возможно (с учетом, что индукция вероятностна).

Я не знаю ни одной такой ситуации, при которой ценные вещи можно не считать переоценёнными. Допустим, мы ценим классиков литературы. Да, это неплохие писатели, но в мире было куда больше замечательных и заслуживающих внимания авторов. Пока миллиарды в мире читают Достоевского, чуть менее талантливый писатель не получает никакого внимания вообще. Не может быть тот или иной автор настолько ценнее другого, даже самого худшего. Так и Достоевский не может быть настолько ценнее, ибо он не пишет

настолько лучше и изящнее всех. Может быть, чуть-чуть лучше, но не в миллиарды раз.

Да, сфера искусства переполнена такими примерами, в рамках которых одни арт-объекты оказываются переоценены, а другие, даже сравнимые по уровню техники и креативности, абсолютно не оценены. Многие могут сказать, что это исключительная сфера, и только здесь работает правило «переоценки», потому что искусство субъективно, как и его оценка, а также в рамках искусства довольно трудно потреблять всех творцов и авторов, а потому люди уделяют время тому, что кажется им лучшим. Верно, но нам все равно свойственно переоценивать то, что мы по тем или иным субъективным причинам считаем лучшим, что мешает нам проводить здравый анализ.

Коснёмся сферы технологий. Смартфоны в наши дни являются незаменимыми приборами, которые есть почти у всех людей. О переоцененности этого гаджета можно говорить много, но мы обратим внимание на то, какие компании лучше всего справляются с продажей телефонов. В 2023 году (год написания книги) топ четыре продаваемых по всему миру телефонов состоит из продукции корпорации Apple. iPhone 14 Pro Max — 26,5 миллиона единиц. Далее по списку расположились iPhone 14 Pro (21 миллион), iPhone 14 (16,5 миллиона) и iPhone 13 (15,5 миллиона) и лишь на пятом месте с большим отрывом мы видим телефон от Samsung, Galaxy A14 (12,4 миллиона). И то последний здесь из-за своей минимальной цены. На шестом месте находится Samsung Galaxy S23 Ultra (9,6 миллионов). Samsung Galaxy S23 Ultra по функционалу легко может конкурировать с передовыми iPhone, а также имеет лучшую камеру и микрофон для записи видео, но по количеству продаж проигрывает

своему конкуренту в несколько раз, и это с учетом, что самый последний iPhone в этом году стоил несколько дороже, чем обозначенный нами Samsung. И это я не говорю про другие достойные телефоны, которые представлены на рынке.

Популярность iPhone объясняется прежде всего аксиологически. iPhone стал ценностью для многих людей, которые раз в два года берут кредиты на покупку новой модели. Реклама и повсеместное использование именно этой марки телефона привели к тому, что их продажи велики вне зависимости от качества продукции, цены и уровня продукции конкурентов. Я не хочу сказать, что iPhone – плохие телефоны. Я хочу сказать, что их выбирают далеко не из-за качества, а из-за брэнда. И поэтому многим свойственно переоценивать iPhone, особенно когда на рынке есть более дешёвые и в чем-то даже лучшие телефоны.

Всё ценное всегда переоценивается. В процессе переоценки оно обретает новые выдуманые качества, которые служат оправданием своего высочайшего статуса. Достоевский, например, становится великим мыслителем и психологом, хотя сам был посредственным философом и скорее психом, чем психологом. iPhone обретает свойство быть статусным, несмотря на то, что существуют не менее дорогие и функциональные телефоны.

Наука же в свою очередь становится интеллектуальной монополией, и для неё не существует никаких альтернатив, так как она самая познающая и эффективная, но нет никакого механизма отбора самых эффективных методов. То есть методы не проходят какого-то объективного конкурса на свою эффективность, ведь главный критерий эффективности метода — это согласие с ним научного сообщества. И я говорю сейчас не только про естественные

науки, но и про все остальные. Те методы, которые исторически спонтанно сложились, трудно считать самыми эффективными даже среди существующих, потому что, честно говоря, мы даже не понимаем, чем они конкретно лучше всех остальных. Никогда за всю историю науки не было такого события, при котором собирались бы все методологи мира (и религиозные, и философские, и научные), а после по каким-то объективным критериям сравнивали методы друг друга. В науке методология низшего порядка устанавливается довольно спонтанно, что вполне очевидно. Представьте себе, что группа каких-то бородатых сектантов утверждает, будто их метод является самым надежным и лучшим в мире, потому что именно они так решили... Собственно, так и устанавливается эффективность научных методов.

Эта переоценка ценного сродни идолопоклонничеству, которое сбивает нас в наших мыслях о том, что на самом деле эффективно в познании и насколько же в данном случае необходима именно наука.

Аргумент III: Познание и ценность

P1. То, что ценно, довольно трудно анализировать и разбирать адекватно.

P2. Затруднения анализа и разбора приводят к затруднениям в познании.

P3. Наука ценна.

C. Наука приводит к затруднениям в познании.

К науке все, включая ученых, и за редчайшими исключениями относятся крайне иррационально, потому что вера в науку закладывалась в нас с самого детства и её укрепление завершается лишь в глубокой старости. Освоение научной догматики приходится на самый уязвимый возраст, когда человек не имеет достаточного количества ресурсов для сопротивления и самостоятельного мышления. Для сциентистов такой расклад видится единственно возможным, потому что мы все отлично понимаем: если образование будет устроено иначе, то о монополии науки можно позабыть. Если развивать в людях именно сомнение и свободное мышление, то наука окажется в невыгодном положении.

Ценность науки в разных формах прививается с самого детства, что бесспорно. Но именно формирование этой ценности мешает людям здраво рассуждать о науке и науках, а также думать своей головой. Также важно понимать, что человек, имеющий свободное мышление, может рассматривать мир с позиции неограниченного количества разных призм, включая научную. Но современные сциентисты и учёные видят мир со стороны лишь одной призмы. Это сильно ограничивает и отупляет, а также делает учёных и сциентистов практически беспомощными в дискуссиях и спорах. Они настолько уверовали в научную божественность, что в целом разучились обсуждать науку.

О каком познании может идти речь, если альтернативные подходы и методы в науке рассматриваются с большим трудом? О каком доказательстве может идти речь, если ученые и сциентисты не способны воспринимать критику, так как совсем зазнались в величии собственного дискурса? О каком познании может идти речь, если все

больше и больше падает ценность реального свободного мышления и сомнения, а вместо них нам подсовывают суррогат: кастрированное критическое научное мышление, которое является лишь слугой научной догматики и способом одурманить недалёких сциентических адептов?

Мы верим в науку и ценим её, а потому отдаем ей бразды правления в области познания. Мы даже фиксируем за ней тотальную и безоговорочную практичность, которая преобразует мир вокруг нас. Также рассуждают и христиане, когда рассказывают нам про средневековые университеты. И, мне кажется, что аналогия здесь максимально уместна, потому что работают те же самые психологические механизмы, которые заставляют нас искать пользу в нашей картине мира и всеми возможными способами набивать ей цену. Наука здесь не становится исключением. И наука именно набивает цену посредством практики. Наука добилась того, наука добилась сего – я уже давно с большим подозрением отношусь к подобным заявлениям, потому что они обычно ничего толком не значат. Ученые и защитники науки крайне голословны. Они любят придумывать всё новые и новые достижения науки, игнорируя многочисленные влияния разных социальных институтов и людей, которые к науке не имеют никакого отношения. Их очень легко уличить в обмане.

Аргумент IV: Ценность определенного вида познания

P1. Переоценивание одного вида познания ведет к деградации системы познания.

P2. Наука (один из видов познания) переоценивается.

C. Система познания деградирует.

Многие сциентисты скажут, что система познания не деградирует, а развивается, что является абсолютно очевидным, но я бы сказал, что она развивается количественно, а вот качественно – деградирует. Количественно она развивается, потому что в рамках науки и всевозможных академий и университетов становится всё больше и больше людей, а на науку выделяются большие средства, а также ей предоставляются всё лучшие технологии. Не исключено, что средневековые монахи, занимающиеся исследованиями, тоже смогли бы похвастаться невероятным развитием, если бы им предоставили всё то же, что дают сейчас современным ученым.

Качественное падение заключается в том, что упал уровень плюралистичности. Научная система раздулась и стала больше, но в процентном соотношении стало меньше свободы мысли и выражения. Методы все больше формализуются, философия все больше презирается, естественные науки проводят экспансию в области всех прочих. Наивные сциентисты радуются, что академический дискурс становится все более научным и показывают, что это на пользу всем нам. Вот сколько всего интересного породила экспансия естественных наук в общественные и гуманитарные! Надо усиливать эту экспансию. Все современное образование и академическая деятельность стремятся к уничтожению той жалкой доли плюрализма,

которая все это время оставалась в рамках академического сообщества. Социология должна превратиться в раздел биологии по исследованию человеческих популяций, психология должна отказаться от исследования психики и разделить свой предмет исследования между нейронауками и эволюционной биологией, которая пояснит истинные истоки того или иного человеческого поведения.

Эта экспансия, конечно, необходима для естественных наук, потому что социология, психология, история и прочие дисциплины с уникальными и оригинальными методами рано или поздно могут начать критиковать саму священную науку. И в них уже есть зачатки психологической критики науки, социология знания, принцип историцизма – если быстро не подавить всё это через тотальную экспансию, то через некоторое время наука не будет такой уж безальтернативной.

Но мы пока что наблюдаем именно процессы экспансии, которые выдаются сциентистами за «обогащение» других дискурсов материалами естественных наук и воистину научной методологией. Экспансия в данном случае подразумевает, что особым почетом будут пользоваться именно наиболее онаученные области социальных и гуманитарных наук. И, как следствие, именно они будут финансироваться. К финансирующимся областям будем примыкать все больше исследователей, потому что людям, в целом, плевать на истину, когда существуют куда более значимые ценности: наука и деньги. Наука авторитетна и гарантирует высокий социальный статус, а деньги, понятно, улучшают качество жизни человека. И, как вы легко можете заметить, не нужно никакой инквизиции: просто правильная постановка собственных интересов, позиционирование и

финансирование. Этого достаточно для сокрушительной цензуры в адрес оппонентов.

Так вот, качество интеллектуальной жизни падает, потому что все альтернативные дискурсы либо вообще вынесены за пределы образования, либо в рамках системы образование неуважаемы без естественнонаучного дополнения. В этом мире абсолютно очевидна истинная сторона. Понятно, кто на стороне света, а кто на стороне тьмы. Соперники называются обскурантами или мракобесами. Кстати, это напоминает нам о когнитивном искажении, которое называется «черно-белое мышление», когда человек буквально мыслит крайностями.

Аргумент V: Ценности заставляют совершать в том числе и негативные социальные действия

P1. Ценности заставляют совершать в том числе и негативные социальные действия.

P2. Наука – ценность.

C. Наука заставляет совершать в том числе и негативные социальные действия.

Аргумент VI: Ценность одного практически всегда означает обесценивание противоположного

P1. Ценность одного практически всегда означает обесценивание противоположного

P2. Наука ценна в области познания.

C. Вероятно, что наука вызывает обесценивание других подходов к познанию.

И это действительно так. Наука способствует распространению неуважения и даже презрения в адрес всех ненаучных дискурсов, начиная от магических и заканчивая философскими. Да что там философскими? Социальные и гуманитарные дисциплины подвергаются постоянным нападкам сциентистов. Они недостаточно хороши и достоверны, в них слишком мало математики или эмпирики. В них нет эксперимента! Или, если есть, то его недостаточно. Многим сциентистам сложно держать рот на замке, когда они видят какие-то отличия от доминирующего дискурса в мире.

Как мне видится, обесценивание всех возможных подходов к познанию на фоне науки крайне неперспективное дело, потому что:

1. Возможно, один из существующих подходов потенциально мог бы стать лучше науки или уже в некоторых вопросах показывает себя лучше, но из-за презрения и неуважения мы этого не замечаем.

2. Возможно, рано или поздно появится дискурс, чья методология будет на несколько порядков эффективнее научной.

3. Мы понижаем критическое отношение к науке, что делает нас уязвимыми перед ней.

Более того, такое неуважение по факту обедняет дискурс. Соперники становятся слабее, да и сами ученые ленятся. Современные сциентисты и ученые почти не способны защитить науку от оппонентов, потому что не привыкли к внешней критике. Они только и могут, что спекулировать на уровне академиков, разбрасываться оценками и *ad hominem*, а также жаловаться на непонимание в адрес великой и священной науки, как будто каждый должен её понимать. Но больше всего этот этого непонимания и презрения, конечно, страдают другие дискурсы. Сама наука легко переживёт собственную лень и отупление. Слишком уж большая система – эта наука. Качество кадров подменится количеством и увеличением финансирования. Другие же ослабляющиеся дискурсы вообще не имеют никакого финансирования. Люди нередко занимаются ими по своему глубокому убеждению, а социальное неодобрение нередко заставляет их прекратить.

Группа аргументов XIII: Лингвистическая

Прояснение

«Язык в принципе не может адекватно описать реальность, ибо все языковые формы неадекватны реальности. Неадекватно ей и философское мышление, оперирующее понятиями и категориями. Логическое мышление не в силах постичь реальность как она есть, а язык — описать её. Следовательно, никакая онтология, никакая «наука о бытии» невозможна, ибо она всегда будет связана не с реальностью, а с нашими представлениями о ней или даже с некоей псевдореальностью, сконструированной нашими мыслительными навыками и ложными представлениями. Всё реальное — неописываемо, всё описываемое — нереально»⁶³.

— Е. А. Торчинов «Религии мира»

Вся наука опирается в язык, который она использует. Даже математику можно воспринимать здесь именно как язык, точнее одну из его форм. Вполне возможно, язык и, как следствие, логика не имеют никакого отношения к познанию мира вокруг нас. Не удивительно, если окажется, что мир не может быть познан языком, потому что язык создавался не для познания. Язык хорош для

⁶³ Так описывается подход известного буддийского мыслителя Нагарджуны, который лег в основание буддийской школы мадхьямики.

общения и для некоторого взаимодействия с феноменами. Честно говоря, существуют большие сомнения по поводу связи феноменов и реальности, которые в истории философии никто на достаточном уровне так и не разрешил.

Есть методы, альтернативные языковым. Например, медитации. Но ничего подобного в принципе не рассматривает в рамках науки, потому что она базируется на европейской культуре, что почти обеспечивает низкий уровень феноменологии как таковой. Качественная феноменология является необходимой для большинства индийских учений, а в Европе что-то похожее появилось только в двадцатом веке (если не учитывать феноменологию скептиков, которая все равно исчезла в античности). Большинство философских течений в принципе не освоили феноменологию, а потому для них единственной формой взаимодействия с познаваемым является именно язык. Да, можно сказать, что многие европейские феноменологи (например, Хайдеггер) уделяли большое внимание языку, но существуют альтернативные феноменологические системы, например, буддизм мадхьямики, в рамках которого язык оказывается крайне вторичен.

Западная философия в итоге погрузилась в языковые игры и утонула в терминах. Аналитическая и континентальные философские тенденции оказались едины как минимум в одном: они подчеркивают величайший вклад языка в познание. Но это крайне сомнительно, что мы и попробуем продемонстрировать в данной главе. Да, с помощью языка. И это будет в том числе касаться науки, потому что наука без языка невозможна. Наука, как мне видится, оказалась заложницей западных философских тенденций. И без них невозможно представить науку как таковую. Она сама по себе и есть набор

западных заблуждений в области познания. И в центре этих заблуждений находится языковая проблема.

Аргумент I: Язык и мир

P1. Если язык и реальность не связаны, то познание с помощью языка невозможно.

P2. Язык и реальность не связаны.

C. Познание с помощью языка невозможно.

Здесь обе посылки требуют небольшого разбора. Во-первых, почему, если язык и реальность не связаны, то познание невозможно? Важно понимать, что мы исходим из номиналистической, а не реалистической или идеалистической картины мира, задавая этот аргумент и многие другие. В науке нам доступен только натурализм и смежный с ним номинализм, а потому у нас нет возможности прибегнуть к платоновским объяснениям или каким-нибудь подобным. Каким образом в рамках научного мировоззрения можно оправдать для познания отсутствие связи между языком и миром? Собственно, никаким. Либо эта связь есть, а тогда познание становится возможным. Если же язык в принципе не может описать реальность, потому не связан с ней, то наука оказывается в заведомо проигрышном положении. Натуралистический дискурс не дает возможности обойти эту неприятность, потому что он не позволяет

вообразить сверхъестественного решения данной проблемы. А другого решения в рамках натурализма быть не может.

Можно, конечно, сказать, что существуют инопланетяне, которые овладели языком мира, но это тоже выглядит не очень научно. Да и наивно было бы полагать, что эти инопланетяне нам все объяснят. Более того, мы даже представить себе не можем, что это за «язык мира» и как он вообще может существовать в рамках натуралистического дискурса.

В общем, выхода для научного мировоззрения здесь нет. Либо они сделали правильную ставку на то, что они могут с помощью языка выражать фрагменты реальности, которые находят в опыте, ну, либо нет и тогда у науки нет никакого пути к реальному познанию вещей. Только отказ от натурализма, что превратит науку в нечто совершенно иное по своей сути.

Вторая посылка говорит, что язык и мир не связаны. Это, конечно, просто допущение, как и то, что они связаны. Мы знаем десятки картин мира, в которых разрывается связь языка и реальности, но все они являются нефальфицируемыми. Я лишь хочу подчеркнуть, что научная картина мира – это одна из возможных картин, в которых язык может отражать реальность. Против науки мы выставляем неограниченное множество теорий, где происходит разрыв реальности и языка. Что это за картины мира? Например, всевозможные теории симуляции, но не только они.

Будем честны, ученые вслед за философами Нового времени взяли наиболее выгодное для познания допущение, согласно которому язык может выразить реальность. Оно настолько же не

доказано и нефальсифицируемо, как и допущение о том, что мы не можем выразить реальность в рамках нашего языка.

Таким образом из-за нефальсифицируемости исходных философских установок о способностях языка мы приходим к тому, что научная вера в познание с его помощью является сомнительной.

Ответ объективистам: Больше всего данный аргумент бьет по объективистам, потому что они верят в научное познание больше других. Для них наука уже что-то знает. Но если у нас есть хоть малейшие сомнения в знании (знание=истина+доказательство), то нельзя сказать, что наука что-то познает и познает объективно.

Ответ фальсификационистам: Фальсификационисты также страдают от данного аргумента, потому что фальсификационизм строится на концепции постоянного приближения к истине, что может оказаться невозможным из-за того, что мы используем в познании и для составления наших гипотез и теорий язык.

Ответ инструменталистам: Для инструменталистов в целом это не важный аргумент, потому что им важно, чтобы язык работал не с реальностью, а именно с феноменами. Даже если теории не могут описать реальность с помощью языка, самое главное, чтобы язык мог взаимодействовать с видимой действительностью и помогать нам производить практику. В том, что инструменталисты называют наукой, – это вполне наблюдаемо.

Аргумент II: Истоки языка

P1. То, что появилось для описания феноменов, с крайне большой вероятностью не может описать реальность.

P2. Язык появился для описания феноменов.

C. Язык не может описать реальность.

Язык никогда не создавался как инструмент для постижения реальности. Он изначально был нужен для описания феноменов. Феномены и реальность, вероятно, оторваны друг от друга. Даже если мы не допускаем теорию симуляций и опираемся исключительно на научные данные, то уже там мы находим большой разрыв между феноменом и реальностью. Наука постулирует невидимые абстрактные законы природы, которые работают по всей вселенной. Явно, это не та реальность, которая дана нам непосредственно в опыте. Это именно реальность, которую мы выводим из опыта. В целом наука подчеркивает отсутствие тотальной связанности языка и мира, но все равно базируется на языке.

Важно понимать, что одно дело – это феномен, а другое – теория, то есть некоторое обобщающее представление, призванное выразить знание в абстрактной форме и указывающее на более тонкие уровни, объясняющие видимые феномены. Есть подозрения, что даже в таком случае язык не может адекватно описывать реальность. Например, реальность микромира.

Какова вообще вероятность, что мы можем «правильно» описать микромир и мир законов природы, если они существуют в отрыве от

нашего мира повседневных феноменов, в рамках которых наш язык не только возник и по большей части развивался? Я бы оценил эту вероятность как крайне низкую.

Аргумент III: Язык и мифология

P1. Пронизанный мифологией метод не может познавать.

P2. Язык пронизан мифологией.

C. Язык не может познавать.

Как язык пронизан мифологией? Дело, прежде всего, в том, что в языке нам свойственная антропологизация и даже олицетворение. Очень часто мы говорим «эволюция сделала», «природа создала», «естественный отбор отобрал». Под этими словами мы обычно подразумеваем сложные и емкие процессы, но слова сами напрашиваются. Притом такие слова, которые делают те или иные абстрактные сущности действующими лицами. Язык пронизан такими мифологическими нюансами, которые искажают то, что мы хотим выразить. Это также распространяется и на научную речь. Из этого напрямую следует проблема: в языке нам свойственно упрощать даже наши собственные представления о тех или иных событиях и теориях, что создает множество проблем в донесении тех или иных смыслов, а также не усложняет передачу информации от одного человека к другому. То же словосочетание «природа создала»

- по сути не значит ничего в рамках научного дискурса, но очень часто употребляется.

Аргумент IV: Язык и рациональность

P1. Если язык не способен познавать, то рационализм ложен.

P2. Язык не может познавать (смотрим Аргумент I: Язык и мир)

C. Рационализм ложен.

Чтобы доказать первую посылку, также составим силлогизм.

P1. Если язык не способен познавать, то логика не может познавать. Т.е. логика не работает. (Смотрим следующий аргумент)

P2. Если не работает логика, то рационализм ложен.

P3. Язык не способен познавать (смотрим Аргумент I: Язык и мир)

C1. Логика не работает.

C2. Рационализм ложен.

Аргумент V: Язык и логика

P1. Логика высказываний нуждается в истинных высказываниях, чтобы давать истинные результаты.

P2. Допустим, что из-за самой структуры языка истинные высказывания (относительно реальности, а не каких-то формальных и воображаемых систем) невозможны.

C. Мы не можем получить истинные результаты с помощью логики.

Вторая посылка мне кажется крайне вероятной, но я специально добавил слово «допустим», потому что есть некоторая вероятность формулирования истинных положения относительно реальности на языке. Что означает «истинные положения относительно реальности, а не формальных структур»? Прежде всего это означает, что мы не знаем, можно ли выразить реальность на языке. Мы можем манипулировать в языке разного рода представлениями о феноменах, определениями и нашими воображаемыми отношениями между предметами, которые мы сами придумали. Например, Вася студент. Мы сами придумали звание студента. Маша дочь Василия Петровича. Мы в данном случае закрепили сложнейшее отношение между двумя организмами простой категорией родства. Её сложно назвать истинной в философском смысле.

Я не спорю с тем, что логика легко может манипулировать простыми отношениями, все из которых являются нашими личными выдумками. Проблема заключается в том, что мы не имеем прямого доступа к отношениям в разрезе реальности, а потому может

оказаться, что ни язык, ни логика не могут справиться с описанием реальности. Тогда в принципе нет никакого смысла использовать их в фундаментальной науке (без которых она невозможна) и философии, которую можно вообразить без языка.

Аргумент VI: Язык и математика

P1. Если язык не может постичь истину, то и математика не может, поскольку математика – это такой же язык, который вполне можно перевести на любой из имеющихся языков.

P2. Язык не может постичь истину.

C. Математика не может постичь истину.

Аргумент VII: Язык и искажение реальности

P1. Только то, что не искажает реальность и феномены, может их познать.

P2. Язык искажает реальность и феномены.

C. Язык не может познать реальность и феномены.

Покажем искажение на примере феноменов. Языку всегда свойственно упрощать и обобщать. Он никогда не отражает мир полностью. Даже если мы идеально опишем ту или иную чашку, то мы никогда не выхватим все её свойства. Мы можем сказать «красная чашка», но это абстракция, которая не имеет отношения к конкретному предмету. Если кто-то захочет получить конкретную красную чашку на заводе красных чашек, то у него возникнут проблемы с описанием желаемого предмета, потому что «красная чашка» это абстракция и искажение реальности. Она не отражает мир таким, какой он есть.

Более того, язык даже не делает слепок с мира. Он сам по себе представляет странную формальную структуру, которая сама по себе без восприятий и образов толком ничего не значит. Создавая образы с помощью языка, мы никогда не сможем получить нужный предмет, если рассматривать его до атомов.

Аргумент VIII: Язык и общие понятия

P1. Нельзя достигнуть истины, если наши методы не соответствуют реальности (по определению истины).

P2. Общие понятия не соответствуют реальности.

S1. Мы не можем достичь истину с помощью общих понятий.

P3. Язык строится на общих понятиях.

S2. Мы не можем постичь истину с помощью языка.

Важно понимать, что в рамках научного и натуралистического дискурсов очевидно, что общие понятия не имеют никакого онтологического статуса. Как следствие, они не подобны исследуемой реальности феноменов.

Истина – соответствие наших представлений реальности. Как язык, который не подобен реальности и искажает её, может быть носителем истины? Как в рамках языка вообще можно сформулировать истинные представления? Сам по себе язык здесь явно безоружен. Более того, важно понимать, что благодаря общим понятиям он вынуждает нас создавать такие представления, которые противоречат номиналистической натуралистической традиции.

Вполне возможно, что языковая ловушка в познании загнала почти всю западную цивилизацию в тупик, в котором сейчас правят рационализм и аналитическая философия. Нет никаких серьезных аргументов в пользу того, что аргументирование хоть что-то решает в познании. В том числе всё это касается и познания научного.

Группа аргументов XIV: Экономическая

Прояснение

Экономическая группа аргументов подчеркивает разницу между учеными и их потенциальными соперниками в экономическом плане, потому что ученый может себе позволить получать заработную плату (при том довольно большую в некоторых странах), техническое оснащение, гранты и так далее. Если же мы говорим про философию, которая финансируется государством, то поймем, что финансированию подлежит по большей части история философии, а не сама продуктивная мысль. И то философы получают на порядок меньше своих коллег по университетам.

Таким образом ученых не просто больше количественно. У них есть денежная мотивация заниматься тем, что они делают, а также они получают техническое оснащение, гранты на исследования и издание книг. Забавно, что кто-то вообще пытается противопоставить философа и учёного и говорит, мол, а почему философы пользы не производят? Когда ученых было столько же, сколько и философов, как подсказывает нам история, тогда ещё философы могли посоревноваться с учеными по количеству производимых технологических благ. Например, медик Авиценна или создатель рассеивающей линзы для очков Николай Кузанский.

Сейчас же есть мотивированная и жирующая на деньгах государства интеллектуальная группа людей, которая зовёт себя учёными. Они могут полностью посвятить себя науке и

исследованию. Они за счет граждан той или иной страны или спонсоров могут позволить себе самую дорогую аппаратуру для наблюдений и экспериментов. Интересно, почему же философы, маги, астрологи и прочие не делают новых открытий? И почему эти эмпирические открытия нельзя использовать на практике? Здесь всё объясняется довольно просто: без достаточного финансирования ни одна из исследовательских сред никогда не сравняется с наукой.

Аргумент I: Зарплаты

P1. Те, кто получают зарплаты за свою интеллектуальную деятельность, имеют больше шансов на достижение тех или иных результатов.

P2. Ученые получают зарплаты за свою интеллектуальную деятельность.

C. Ученые имеют больше шансов на достижение тех или иных результатов, потому что получают зарплату.

Учёным не нужно думать о своей жизни. В развитых странах так вообще они обеспечены всеми благами и получают очень высокие зарплаты. Даже Аристотель считал, что философия в Греции появилась благодаря рабскому труду. Таким образом целая группа людей смогла освободиться от трудовых обязанностей. Им не нужно было кормить себя, а это способствовало тому, что некоторые из освободившихся уделяли время мышлению.

В отличие от большинства философствующих людей, ученые имеют подобную привилегию в наши дни, что не может не улучшать результаты их деятельности. Также не следует забывать, что учёные получают деньги массово, а вот философы либо голодают, либо работают на низкооплачиваемой работе, которая вытягивает из них все силы. Есть, конечно, и исключения, но я обрисовал общие случаи. Конечно, отдельные философы не могут конкурировать с учёными, которых в миллионы раз больше и денег каждый из них получает больше. И не за какую-то работу, а за интеллектуальную деятельность.

Вы можете сказать, что в университетах существует философия и там философы получают заработные платы. Я бы сказал, что академическая философия давно уже мертва. Она занимается историей философии, то есть исторической наукой, либо аналитическим трепом, в рамках которого очень редко бывают хоть какие-то проблески оригинальной мысли. Люди по правилам логики балуются с парадоксами и пытаются доказать излюбленную ими позицию. Да и то им платят значительно меньше, чем тем же ученым. И если бы им платили достаточно, то ученых всё равно на несколько порядков больше, что все равно гарантирует им доминацию.

Люди обыкновенно недооценивают экономический фактор, который во многом может и обуславливать те или иные успехи. У людей, получающих за свое дело зарплату, больше возможностей подогнать свои представления под наблюдения, больше в целом наблюдений и больше возможных опытов, которые они могут провести. Более того, если та или иная методология хорошо оплачивается, то это формирует вокруг тебя больше

единомышленников, которые объединяются не только по личным и идейным, но и финансовым причинам.

Аргумент II: Выделение денег на исследования

P1. Без выделения денег на исследования, их эффективность резко упадёт.

P2. Ученые получают деньги за исследования.

C. Если прекратить финансирование, то эффективность научных исследований резко упадёт.

В этом и заключается фундаментальная проблема. Представители других направлений в основном лишены финансирования собственных исследований. Философия на моей памяти может похвастаться хорошими грантами по разным историческим и околоисторическим работам, посвященным великим мыслителям. Вероятно, есть некоторая прослойка исследовательских грантов или запросов, которые финансируются в рамках философии, но их количество оставляет желать лучшего по сравнению с наукой и научными исследованиями. Если количество страдает, то страдает и качество, так как у философов вообще-то далеко не самый большой опыт в проведении всевозможных исследований.

Более того, наука настолько монополизировала естественные области, что туда философы уже почти не суются. О какой

конкуренции может идти речь, если у одной стороны буквально есть всё, а у другой – почти ничего? О этом и речь.

Аргумент III: Гранты

P1. Гранты стимулируют развитие тех или иных областей.

P2. В науке больше грантов, чем в философии. Более того, оригинальная философская мысль не стимулируется грантами вовсе.

C. Наука в большей степени стимулируется грантами, чем философия.

Аргумент IV: Деньги на технологии

P1. Те, кто получают новые технологии, могут проводить передовые исследования.

P2. Ученые получают новые технологии.

C1. Ученые могут проводить передовые исследования.

P3. Те, кто не получает новых технологий, не могут проводить передовые исследования.

P4. Философы, теологи, маги, астрологи, тарологи и все остальные не получают новые технологии.

С2. Все вышеперечисленные группы не могут проводить передовые исследования.

И это, вроде как, очевидно. На философских и теологических факультетах нет мощных электронных микроскопов и нет доступа к сильнейшим телескопам. Опыт, который получают ученые, все остальные могут воспринимать только из вторых рук и лишь благодаря трактовкам учёных. Напоминаю, что факт, изложенный в научной книге, — это лишь одна из множества интерпретаций феномена. Мы, сторонние наблюдатели, сразу получаем их интерпретацию. Если бы философы, теологи и прочие специалисты получили доступ к тем же технологиям (и тому же финансированию), тогда мы могли бы заговорить о возрождении натурфилософии и натуральной теологии, которая, например, смогла бы похвастаться логичной и непротиворечивой креационистической теорией, а она при большом количестве разрабатывающих специалистов смогла бы показать высокую степень предсказательной силы (это лишь догадка, но всё же).

Сейчас всю недееспособность ненаучных альтернатив легко объяснить тем, что ими серьезно занимаются единицы, а доступа к передовым технологиям ни у кого, кроме учёных, нет. Более того, у многих нет доступа даже к простейшим технологиям, которые ученым были доступны еще в девятнадцатом веке. Не каждый сейчас может себе позволить полноценный телескоп или даже достаточно хороший микроскоп. Большинство оппонентов науки в лучшем случае по уровню оснащения находится в 19 веке, а многие философы так вообще до сих пор существуют в исследовательских условиях до нашей эры. И это не проблема самих философов. Это именно

экономическая проблема финансирования, которая поставила одну философскую секту над всеми прочими.

Аргумент V: Выделение денег на печать книг

P1. Книги – это основной источник передачи информации в современности, который пока что не потерял свой авторитет в глазах образованного человека.

P2. Ученые с легкостью печатают свои книги.

C. Авторитет ученых повышается в глазах образованного человека.

Конечно, книга не на сто процентов гарантирует успех в глазах образованной аудитории, но без книги этого успеха точно не будет. Наличие большого количества печатных изданий и высокие продажи гарантируют некоторую степень авторитета. Ученые очень авторитетны в том числе по этой причине.

В области философии тоже бывает такое, что людей печатают, но, как мне видится, это происходит значительно реже. Только избранные легко могут напечатать свою работу не за свой счёт. Тут должна быть либо крайне интригующая книга, либо известный автор, либо и то и другое. Ученые печатают свои работы намного чаще.

ВЫВОД

Многие могли бы ответить на аргументы выше, мол, наука заслужила такое экономическое лидерство над прочими направлениями и течениями. Наука действительно пробилась к подлинному познанию вещей и приносит пользу человечеству. Впрочем, по всей совокупности аргументов в данной работе мы можем сказать, что это было не совсем так радужно. Экономические аргументы лишь подчеркивают, что наука является монополией, чье лидерство поддерживается в том числе экономическими факторами. Исключить экономику в данном случае не представляется возможным, потому что она в том числе объясняет причину научного превосходства.

В других главах достаточно подробно описывается и аргументируется тот факт, что наука не так уж и совершенна. И, более того, на фоне других философских течений она не выглядит настолько выгодно, насколько её пытаются представить учёные и сциентисты. Да, аргументы к экономике вне контекста всей остальной аргументации, изложенной в книге, могут показаться очень слабыми, но их нужно воспринимать именно в контексте, чтобы осознать относительный характер науки, её сомнительность, недостоверность и мифологичность, а уже после оценить те преимущества, которые достались ей исторически.

Группа аргументов XV: Педагогическая

Прояснение

И вот мы возвращаемся к педагогическим вопросам. Почему же наука так сильна? Дело, конечно же, в система образования. Без системы образования наука была бы ничтожна. Во-первых, не было бы пропаганды науки среди неподготовленных детей. Во-вторых, школа и университет специализируют людей. В итоге наука прямо или косвенно начинает пронизывать не только мировоззрение обывателей, но и их профессиональную деятельность. Это позволяет сформировать целостные представления о мире, то есть мифологию мира, которая буквально определяет всю жизнь большинства современных людей. Образование в руках науки, как мне видится, очень опасная вещь, которая позволяет ученым защищать свою монополию на познание.

Как и в прошлой группе аргументов, эту следует рассматривать в контексте со всеми прочими и с пониманием сомнительности и относительности науки. Проблема заключается не в том, что лучшая, самая эффективная и правдивая методология преобладает в современном образовании, а в том, что одна из сомнительных философских методологий захватила образование на всех его уровнях.

Аргумент I: Школа

P1. Какому мировоззрению принадлежит школьное образование, то мировоззрение и правит миром.

P2. Научному мировоззрению принадлежит школьное образование.

C. Научное мировоззрение правит миром.

Это мне видится более чем очевидным. Никакой антисциентизм во всей своей суммарной силе не сравнится с мощью школьного образования. Очень сложно перевернуть картину мира человека, которую по кирпичикам складывали с самого детства.

Аргумент II: Университеты

P1. Какому мировоззрению принадлежит университетское образование, то мировоззрение правит в умах интеллектуалов.

P2. Научному мировоззрению принадлежит университетское образование.

C. Научное мировоззрение правит умами интеллектуалов.

Аргумент III: Работа

P1. Какому мировоззрению принадлежат учреждения, готовящие людей к работе, то мировоззрение правит умами рабочих.

P2. Научному мировоззрению принадлежат учреждения, готовящие людей рабочих.

C. Научное мировоззрение правит умами рабочих.

Аргумент IV: Интернет

P1. Какому мировоззрению принадлежат образовательные интернет каналы, то мировоззрение правит умами молодежи.

P2. Научному мировоззрению принадлежат образовательные интернет каналы.

C. Научное мировоззрение правит умами молодежи.

Аргумент V: Образовательная литература

P1. Какому мировоззрению принадлежит образовательная литература, то мировоззрение правит умами читающих.

Р2. Научному мировоззрению принадлежит образовательная литература.

С. Научное мировоззрение правит умами читающих.

Здесь я добавляю, что не стоит понимать под «читающими» вообще всех читающих, потому что, очевидно, существуют исключения. Подразумевается большинство или, возможно, даже тотальное большинство.

Группа аргументов XVI: Философская

Прояснение

Ученые крайне слабы в философии. Подавляющее большинство из них имеет поверхностное представление не только об общей философии, но и о философии науки, что не может не удивлять. Незнание философии и неспособность к философским рассуждениям приводит к тому, что научное сообщество представляет собой не группу мыслителей, органически ищущих истину, а собрание офисных работников, механически выполняющих свои обязанности. Если механизм науки поврежден, то ни один из ученых не сможет его поправить. К слову, за поправками ученые обращаются к философам (Поппер, Кун и т.д.). Также, как было замечено ранее, большая часть проблем научного познания кроется уже в философии этого определенно религиозного учения. Все причины, тесно связанные с сомнительностью научной философии, можно отнести к данной группе.

Аргумент I: Незнание философии

P1. Отсутствие знаний в области философии приводит к деградации той или иной области или сферы, если судить о ней по уровню мысли.

P2. Ученые плохо знают философию.

С. В науке очень низкий мыслительный уровень.

Проще говоря, ученые намеренно отупляют себя, отказываясь от философии. Именно поэтому ученые почти не могут адекватно спорить за пределами научных мероприятий и довольно часто проигрывают христианам и мусульманам, некоторые из которых неплохо подкованы с точки зрения философии. Ученый в принципе не понимает, что такое философия, а философские аргументы и позиции не прочитываются им в принципе. Именно поэтому ученые выглядят дурачками, когда перестают говорить о своей специальности и переходят на более общие вопросы. Это просто повсеместное явление, когда мнение и ораторские способности ученого спускаются до уровня обывателя, который за свою жизнь прочитал от силы пару книг.

Это потому что большинство учёных пренебрегает философией, а потому им трудно вести свободные размышления, открыто аргументировать и противостоять философским аргументам из разных школ мысли. Многие из ученых вообще не понимают, что существуют разные школы мысли и разные альтернативные позиции, имеющие под собой не менее серьезную аргументацию, чем наука. Именно поэтому ученый выходит на такие дискуссии, подходя к соперникам свысока, хотя сам показывает тотальное невежество и глупость.

Знание философии любому здоровому догматику нужно для того, чтобы более целостно представлять свою позицию и сопротивляться конкурирующим идеям, ведь философия чисто технически при изучении подаётся как набор очень разных, но при

этом конкурирующих идей. Человек, лишаящий себя опыта ознакомления с философией, не имеет достаточно широкого представления о том, какие взгляды оппонируют его собственному. Это абсолютно антиинтеллектуально и антирационально. Более того, не имея представления о других философских течениях очень сложно соответствовать критериям рациональности, потому что они требуют от вас честного выбора собственной позиции на основании оценки аргументов разных сторон. Если вы трусливо или по незнанию избегаете основных конкурентов, то о какой рациональности может идти речь? В таком случае просто нельзя прятаться в научном бункере, потому что это будет противоречить основам рациональности, а наука разделяет идеалы рационализма по очень многим вопросам.

Аргумент II: Незнание философии науки

P1. Отсутствие знаний в области философии науки приводит к тому, что люди не понимают научную специфику и имеют мифологические представления о науке.

P2. Многие ученые очень плохо знают философию науки, несмотря на сдачу кандидатского экзамена.

C. Многие учёные не понимают научную специфику и имеют мифологические представления о науке.

И это колоссально странное явление, когда мне приходится рассказывать ученым, что такое опыт, факт, эксперимент, теория, гипотеза, потому что многие из них используют эти слова в обывательском смысле. Гипотезой оказывается у них буквально любое предположение. Многие плохо разбираются в фальсификации. Что уж там говорить о работах Куна, Лакатоса и Фейерабенда. Да, они проводят эксперименты и выдвигают гипотезы, но часто не понимают, что конкретное делают и для каких целей. Как будто бы эксперимент – это неосознанный научный ритуал.

Средний ученый думает, что его личного опыта достаточно для того, чтобы определить сущность и специфику науки, а потому он может не ориентироваться на мнение разумных философов, которые работают с ней на профессиональном уровне, пытаясь выявить непротиворечивые представления о том, что такое наука, которые бы при этом не противоречили научной практике и не допускали на уровне определений скрещения науки с магией или религией. Именно поэтому представления о науке катастрофически разнятся у разных групп академических специалистов. Во-первых, они априори думают, что их деятельность является типичной наукой. Во-вторых, они определяют это через личный опыт, что, конечно же, абсолютно недостоверно и поверхностно. Историк рисует одну картину науки, технарь – другую, естествоиспытатель – третью, гуманитарий – четвертую, математик – пятую. Без философской систематизации все эти «подходы» не имеют никакого смысла.

На данный момент есть лишь две специальности, которые профессионально ставят вопрос о том, что такое наука. Речь идет о философии и социологии. Притом социология здесь оказывается зависима от философии, а потому мы имеем в качестве точки отсчета

именно философию науки, о которой ученые благополучно забывают после завершения аспирантуры. Отсюда и произрастает засилье объективистов в науке и сциентизме. Отсюда и произрастает мешанина в головах сциентистов и ученых по поводу сущности науки, её целей и её значения.

Человек, который мифологически воспринял науку, не способен адекватно дискутировать по поводу разных научных аспектов, включая оценку истинности тех или иных опытов. Отсюда и рождается пресловутое и ироничное «наука доказала», на которое без смеха порой не взглянешь, ведь большая часть «доказательств» в науке носит характер неполной индукции.

Ученые не только не могут дискутировать с оппонентами и побеждать их в спорах, потому что не знают позиций своих оппонентов. Они не могут дискутировать о науке, потому что имеют о ней довольно смутные и субъективные представления, словно малообразованные хаотичные христиане, которые не ходят в храм и не читают Библию (в противоположность, конечно, образованным и начитанным христианам, которые знакомы с трудами святых отцов и изучающих разных христианские дисциплины).

Практически нет таких учёных, которые являются специалистами в науке вообще. Поспрашиваешь их о том, что такое наука, они на ходу начнут выдумывать наиболее приятное для них сейчас определение. При этом грамотных представителей разных религий и философских течений значительно больше в процентном соотношении, чем сциентистов, понимающих, что такое наука. Даже среди ученых процент людей, способных адекватно об этом рассуждать, критически мал. Да, я говорю об этом по своему личному опыту взаимодействия с учеными, которые базируются на

столкновении с десятками и сотнями индивидов, среди которых есть популярные сциентисты с научными степенями. Может быть, эти люди хорошо справляются со своей «наукой», но часто у них довольно смазанные представления о том, что такое наука вообще.

Аргумент III: Отсутствие грамотности в вопросах философской аргументации

P1. Отсутствие грамотности в вопросах философской аргументации делает направление дискуSSIONно безоружным по отношению к другим направлениям.

P2. У ученых низкий уровень грамотности в вопросах философской аргументации.

C. Ученые дискуSSIONно безоружны по отношению к другим направлениям.

Вы спросите: если наука дискуSSIONно безоружна, то как у нее получается поддерживать такой тотальный авторитет? Всё довольно просто: наука делает это не посредством дискуссии. Дискуссии возможны только внутри науки. За пределами научного сообщества начинается дешевая риторика (со всеми когнитивными искажениями и логическими ошибками) и стремление к цензуре оппонентов посредством обвинения их в шарлатанстве, обесценивания их работ в глазах собственных поклонников и создания всевозможных организаций, преследующих несогласных.

Аргумент IV: Отсутствие возможности самостоятельно править и прояснять механизм науки

P1. Только те, кто понимают собственную философию, могут с ней работать, править и прояснять её.

P2. Ученые плохо понимают собственную философию.

C. Учёные не могут работать, править и прояснять собственную философию, а, следовательно, и базовую методологию.

Оторванность ученых от философии говорит нам о спонтанном характере формирования научной методологии. Научная методология существует сама по себе и формируется по каким-то своим законам, которые не до конца подвластны людям. Наука часто обращалась к философии за прояснением и правкой своих методологических подходов, но сами ученые в фундаментальном смысле с большим трудом могли обсуждать такие серьезные проблемы (хотя, в 20 веке многие ученые были как раз теми философами, которые это обсуждали. Впрочем, за основание все равно были взяты труды более чистых философов, а не самих философствующих ученых).

На данный момент наука, как мне видится, не может обойтись без философии, хотя многие ученые игнорируют философию, а многие вообще её презирают. Если в таком состоянии наука останется

совсем одна, то в итоге она станет совершенно неуправляемой стихией.

Аргумент V: Естественная установка как философский базис науки

P1. Если у направления есть уязвимый для критики базис, то оно является сомнительным.

P2. У науки таким базисом служит естественная установка.

C. Наука сомнительна.

Аргумент VI: Сумма аргументов

P1. Если против направления имеется довольно большое количество аргументов, то его можно считать сомнительным.

P2. Против науки набралось очень большое количество аргументов.

C. Наука сомнительна.

Следует помнить, что большая часть аргументов, которые были продемонстрированы в данной книге, являются философскими. И,

конечно, сумма этих аргументов имеет некоторый значительный вес. Рассматривая науку, я старался подходить к ней с разных сторон, а потому меня трудно упрекнуть в том, что я опровергал какое-то своё представление о науке. Я сразу критиковал несколько плоскостей, в которых воспринимается данный термин. Надеюсь, что вся сумма аргументов, предложенных здесь, переубедит некоторых не самых убежденных в сциентизме людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НАУКА – ЭТО ЛУЧШЕЕ, ЧТО У НАС ЕСТЬ?

Вот мы и закончили с разбором аргументов, коих здесь было немало, но предположительно может быть во много раз больше. В заключении я акцентирую внимание на те вещи, которые, как мне кажется, являются наиболее важными, хотя контраргументация уже была представлена выше. Во-первых, меня интересует проблема «эффективности» науки и её совершенства по сравнению с другими направлениями. Во-вторых, мы очень мало внимания уделили инструментализму и социальным подходам к определению науки, о чем тоже нужно поговорить отдельно. В-третьих, хотелось бы вспомнить философов, без которых этой книги точно бы не было и дополнительно прояснить некоторые позиционные отличия моей работы от трудов известных философов науки и антисциентистов.

Определение научных методов посредством тех, которые считаются на данный момент лучшими, нелепо, потому что методы, считающиеся лучшими, могут не быть таковыми не только потенциально, но и актуально. Условно получается, что научная методологии — это всё "хорошее" против всего "плохо", где хорошее и плохое определяет мнением научного сообщества. Сегодня лучшими методами читаются одни, завтра — другие, послезавтра ученые будут пользоваться таро и астрологией, потому что они так решили. И так далее. Мне кажется куда более удобным конкретное определение научной методологии посредством апелляции к тем или

иным неизменным принципам и способам познания, которые и позволят нам совершить демаркацию.

В науке "самые эффективные методы", но, важно понимать, что нет никакого механизма отбора этих методов. То есть методы не проходят какого-то объективного конкурса на свою эффективность, ведь главный критерий эффективности метода — это согласие с ним научного сообщества. И я говорю сейчас не только про естественные науки, но и про все остальные. Те методы, которые исторически спонтанно сложились, трудно считать самыми эффективными даже среди существующих, потому что, честно говоря, мы даже не понимаем, чем они конкретно лучше всех остальных. Никогда за всю историю науки не было такого события, при котором собирались бы все методологи мира (и религиозные, и философские, и научные), а после по каким-то объективным критериям сравнивали методы друг друга. В науке методология низшего порядка устанавливается довольно спонтанно, что вполне очевидно. Представьте себе, что группа каких-то бородатых сектантов утверждает, что их метод является самым надежным и лучшим в мире, потому что именно они так решили... Собственно, так и устанавливается эффективность научных методов.

Да, безусловно, в рамках этой группы сектантов озвучиваются какие-то критерии отбора; какие-то аргументы в пользу данного метода. Но поражает именно то, что эти аргументы озвучиваются именно по случаю рассмотрения этого конкретного метода и именно этот конкретный метод рассматривается по тем или иным критериям, выдуманным учеными. То есть не берутся все методы, которые так или иначе могут конкурировать друг с другом на звание лучшего и эффективного в данной области, а берётся один метод, который

рассматривается по той или иной шкале. Таким образом точно не отыскать самый эффективный и самый лучший метод даже среди уже существующих. Как мне видится, при таком положении дел даже никто не пытается это сделать.

Давайте вообразим себе ситуацию, при которой в спорте лучший спортсмен будет отбираться не путем многочисленных конкурсов и сравнений результатов. Давайте представим себе систему, где лучшие спортсмены не взращиваются годами. Давайте представим себе систему, в которой «лучшие» спортсмены отбираются лишь среди своих, например, американцев из определенного небольшого городка. Именно так и происходит с наукой. В науке отвратительно организована соревновательная компонента, которая бы позволяла оценить те или иные методы по заданным критериям. Если бы все это было реализовано хорошо, все равно можно было бы задать вопрос к критериям, но сейчас этого не требуется. Научная система отбора методов максимально субъективна, хаотична и привязана к местам, конкретным большим университетам. Говорить о том, что современные методы – это лучшие из имеющихся, может только слепой фанатик, который не пытался анализировать эту тему честно, либо же очень глупый человек, которого основательно обманули.

Мы с уверенностью можем сказать, что наука маловероятно является лучшим из того, что у нас могло бы быть. Сопоставление жалкой и беспомощной науки и бесконечности потенциальных методов не оставляет первой никаких шансов. Впрочем, нет смысла утверждать, что наука лучшее из того, что мы сейчас имеем, потому что мы не проводили достаточно глубокого и основательного

сравнения по объективным критериям с созывом всех претендентов из всех сторон света.

Глупый сциентист скажет: если есть что-то лучше науки, то покажи это! Дурачок забывает, на ком по его же собственному мнению лежит бремя доказательства. Напоминаю, бремя доказательства лежит на утверждающем, а утверждение заявляется сциентистами невероятное. Оказывается, у нас есть истинный или самый эффективный метод в мире, который позволяет нам либо узнать истину, либо приблизиться к ней и, что самое главное, лучше метода либо быть не может, либо на данный момент не существует. Экстраординарные утверждения требуют экстраординарных доказательств. Или все-таки «это другое»? Или науку вообще не надо доказывать? Достаточно просто придумывать все больше и больше недоказуемых тезисов в её оправдание? Сциентисты и атеисты являются большими любители перебрасывать бремя доказательства на утверждающего. Впрочем, во многих случаях это бремя можно перенести на отрицающего. Есть один нюанс: я являюсь именно сомневающимся. На сомневающимся не может лежать бремя доказательства при любом рассмотрении данного вопроса, потому что сомневаемому нечего доказывать.

Вообще, сциентисты не любят что-либо доказывать по общим вопросам науки, потому что они заранее видят себя правыми. И, что самое главное, в большинстве случаев они не могут себе представить никакой альтернативы науке. Стоит уничтожить их аргументацию об объективности научного знания, они переходят на более слабый тезис об эффективности, а если не получилось уничтожить тезис об эффективности, то возвращаются к вере в научную объективность.

Сциентизм крайне иррациональное учение, хотя пытается маскироваться за рациональностью.

Инструментализм – это лучшее определение науки?

Инструментализм в данной работе подвергся недостаточной критике, но мне хотелось бы сказать, что инструментальной может быть не только наука. Определять же науку через инструментальность или практичность – довольно странный подход, потому что он не соответствует изначальному духу науки. Наука начала развиваться из дискурса физиков-естествоиспытателей, которые формировали теории, претендующие на описание реальности. Основной задачей науки всегда была истина. Цель науки – это объяснение, а не практика или инструментальное использование. Как минимум, так заявлялось большую часть времени существования науки как таковой.

Всякие практические дисциплины, называемые науками, стали появляться уже позже. И мне кажется, что это было одной из важнейших ошибок человечества в обозначении того, чем наука по сути является.

Многие могут сказать, что вполне нормально, когда слово меняет свое значение с веками. Впрочем, довольно дурно, когда эти перемены варьируются от крайности к крайности, от противоположности к противоположности. Теория и практика – противоположности, как белое и черное. Было бы странно показывать

на один цвет и сначала говорить, что он белый, а потом уже настаивать, что он же является черным. То же и с наукой: у нас есть хорошее определение через натуралистические фальсифицируемые теории. Практика – это уже некая вещь, противоположная теории и по назначению, и по методу достижения. Более того, у нас уже есть множество синонимов практики. Например, технология. У нас нет абсолютно никакой нужды называть науку практикой, потому что с обозначением практики легко справляются другие слова; да и канонично наука никогда не была практикой в чистом виде (хотя, отдельные ученые могли заниматься практикой и даже что-то изобретать).

Если мы попробуем сконцентрироваться на инструментальных сегментах науки и сказать, что наука создает теории, которые будут нами использоваться на практике, то мы, как мне видится, допуская большую ошибку, потому что многие подлинно научные теории изначально не использовались на практике, а значительная часть из них не может быть использована до сих пор. Получается, эти представления ненаучные?

Вообще, я нахожу себя противником любых попыток объединения науки и практики как в контексте их тотального отождествления, так и в контексте выведения практики напрямую из теории. На мой взгляд, последнее нам именно что кажется, но и кажется оно нам не во всех случаях. Научная теория не обязана быть практичной. Самое главное, чтобы она объясняла тот объем вопросов, за которые берётся.

Современное «научное» сообщество перемешало в себе всё и вся. Здесь у нас есть и фундаментальные научные исследования, и прикладные, и научно-исследовательский разработки. Также

производится деление на общественные, гуманитарные, естественные, технические, точные и прочие науки, что, конечно, подчеркивает проблему неопределимости науки в современном обществе, в котором в это слово помещают почти любую исследовательскую и практическую легальную интенцию. В таком случае «наука» становится мусорным понятием, которое просто включает в себя очень много всего, но конкретное определение дать невозможно. Мне видится, что практические и инструменталистские определения смогли выделиться только после формирования подобных мусорных представлений о сущности науки (точнее, об отсутствии этой сущности).

Еще раз подведем итоги. Почему инструменталистский или практический подходы к определению науки мне видятся нелепыми:

1. У нас уже есть хорошее методологическое определение науки, которое наверняка позволяет отличить науку от ненауки. Да, оно очень узкое, но от того и лучше, так как строгие критерии лучше, чем их отсутствие.

2. Это определение является каноничным и восходит к самим истокам науки.

3. Для обозначения практики у нас есть синонимы, а потому мы не нуждаемся в засорении этого пласта смыслов новыми терминами, особенно если для этого нужно позабыть старый смысл, не имеющий достойных синонимов.

4. Для обозначения «создания натуралистических фальсифицируемых теорий» у нас нет обозначения, а слово наука всегда хорошо с ним справлялось.

5. Мне видится, что большинство крупных сциентических ораторов по типу Докинза, Пинкера, Панчина или Дробышевского

определяют науки именно через фальсифицируемость. То есть в самом научном сообществе такой подход крайне распространён.

б. И в целом, мне видится, что у большинства людей наука ассоциируется прежде всего с базовыми научными теориями, которые обыватель, конечно, считает абсолютной истиной, из которой напрямую следует создание технологии по типу телевизоров и компьютеров. Но всё же даже в размытых обывательских представлениях наука предстаёт чем-то изначально теоретическим.

Социальный подход к определению науки

Мне видится, что этот подход – одно сплошное недоразумение. Я могу понять, что социологам нужно что-то исследовать и их исследования проводятся через призму социального, но переопределение науки в этом случае не является необходимым ходом. Все попытки определить науку социально мне кажутся изначально провальными и, возможно, только лишь сподручными для некоторых разновидностей социальных исследований. Но мы не можем руководствоваться сподручностью и удобством социологии, когда определяем науку.

Важно заметить, что не все подходы, которые я называю «социальными», действительно озвучиваются социологами. Просто критерием для того или иного определения оказывается тот или иной социальный параметр. Например, принадлежность к социальному институту «науки», критерием для которой может стать включение дисциплины в реестр академических специальностей. В таком случае

теология уже является наукой, с чем не согласится подавляющее большинство людей, имеющих отношение к науке, а также потенциально можно внести в этот реестр всё, что угодно от тарологии до практической магии.

Можно руководствоваться в социальном определении теми или иными социальными действиями. Например, защитой диссертации, написанием статей в «научные» журналы, участием в конференциях. Проблема здесь все та же: те социальные действия, которые производят современные ученые, могут производить буквально все от теологов до тарологов. Практикующий маг вполне может написать диссертацию и защитить её перед советом других магов. При этом он может проводить эксперименты, оцениваемые по тем критериям, которые в его совете будут признаны объективными.

Из социальных подходов определения науки ни один не может претендовать на звание хорошего определения, которое действительно могут оценить широкие массы и, что самое главное, сами ученые. Социальные подходы к определению науки одни из самых неканоничных и проблематичных из тех, что я знаю.

Если мы понимаем под наукой всю совокупность академических дисциплин, то несложно обнаружить всевозможные противоречия между ними. Если все они объективны или даже истинны, то мы приходим к ряду противоречий, которые невозможно разрешить при таком подходе. Например, психология и социология легко и достаточно сокрушительно позволяют атаковать естественные науки. И я уже не говорю о философии. Те же методы религиоведения в правильных руках опишут поведение ученых и позволят анализировать его с позиции веры и мифа. Если обезоружить естественные науки и лишить их тотального общественного пиетета,

развязав при этом руки другим академическим специалистам, то так называемая "наука" в целом самоуничтожится в бесконечных противоречиях и внутренних опровержениях. Именно поэтому естественным наукам выгодно проводить экспансию в других дисциплины и именовать их недонауками, понижая их статус. И именно поэтому в рамках социального определения очень сложно представить единство наук, так как разные академические дисциплины происходят из разных генеалогических источников.

ИТОГ

Один из необходимых признаков философа (но не достаточный) — это сопротивление научному догматизму и критика научного догматического познания. Сциентист — адепта науки, враг продуктивного мышления и враг философии. Битва философов и сциентистов — это битва творцов мысли и глубоко уверовавших сторонников философской системы прошлого. Единственное исключение, при котором сциентист является философом, — это создатели научной методологии в самых общих её чертах.

Я описал, с помощью каких стратегий можно атаковать современную науку. Я признаю, что многие аргументы требуют развития и доработки, но почти каждый из них является хорошим инструментом в руках профессионального спорщика, которые должны отыскаться и среди противников науки. Каждый аргумент можно продолжить дальше, так как на многие из озвученных позиций мы услышим в ответ созревшие на скорую руку ad hoc предложения,

которые послужат временными заплатами на дырявом судне научного познания.

Всё же я вижу, что современные сциентисты на данный момент слабы в диспутах на философские темы, включая тему философии науки. Им очень трудно аргументировать, потому что большая часть их ответов представляют беспомощные и неубедительные *ad hoc* догадки, которые поддерживаются другими сциентистами исключительно по иррациональным причинам. Как мне видится, очень мало сильных аргументов в пользу научной доминации, и все сильнейшие из них были низведены до простых догадок в этой книге. Хотелось бы, чтобы философия и религия начали дискурсивное контрнаступление на науку, вооружившись моими (и не только) антисциентистскими находками.

Наука заслуживает достойной конкуренции, которую она сама себе обеспечить не может. Избалованные и обласканные миром и правительством научные интеллектуалы должны покинуть зону комфорта, чтобы начать по-настоящему развиваться. Для них это тоже полезно. Но и нам, всем остальным, тоже необходимо сражаться за свое место под солнцем.

Многие аргументы в данной работе вдохновлены творчеством многочисленных философов: Парменида, Платона, Пиррона, Аристотеля, Секста Эмпирика, Будды, Шопенгауэра, Ницше, Штирнера, Юма, Канта, Беркли, Ортега-и-Гассета, Нагарджуны, Пуанкаре, Поппера, Куна, Лакатоса и наконец Фейерабенда (конечно, это неполный список). Последний автор сформулировал многие из тех аргументов, которые я развивал в этой работе, но если вы прочитаете мою раннюю книгу «Критика научного познания», которая написана не так обстоятельно и аргументировано, а также

имеет ряд слабостей и недостатков, то обнаружите, что ещё до ознакомления с творчеством Фейерабенда я уже самостоятельно сформулировал ряд схожих критических положений. Как мне видится, многие аргументы, которые появились в этой работе из творчества Фейерабенда, были значительно улучшены, а также дополнены другими обстоятельными положениями. Думаю, прочитав данную книгу, многие смогут понять, что существует большая разница между научным анархизмом Фейерабенда и тем плюрализмом, который предлагаю я. Несмотря на схожесть многих аргументов, мы с Фейерабендом по-разному оцениваем науку. Он хочет создать анархическую науку, а я в принципе сомневаюсь, что такого рода «наука» будет наукой, но не отрицаю важности плюрализма в познании. У нас с Фейерабендом достаточно разное отношение к практике, и мы по-разному описываем взаимоотношение практического и теоретического.

Догматизм, глупость, лицемерие, монополизм, жажда тотального захвата человеческого разума наукой, безальтернативность — вот кредо сциентиста. Поставьте на место науки здесь любое другое философское учение, чтобы понять, насколько это всё отвратительно, ведь сейчас даже религии не могут открыто заявлять о подобных устремлениях. Наука тоже не заявляет, но делает уверенные шаги по догматизации населения; их обману с помощью суррогатного "критического мышления", которое есть лишь замаскированное догматичное научное мышление, критикующее всё, кроме науки. Наука заставляет людей обманывать самих себя, игнорировать сильные аргументы против науки и принимать за сильные аргументы ту ad hoc дрянь, которую несут сциентисты.

Чем больше я погружаюсь в исследование науки и её критику, тем больше осознаю катастрофичность ситуации. Ум человека никогда не был в такой большой беде, потому что никогда так сильно человек не погружался в самообман. Наука пестует когнитивные ошибки, когда они идут на пользу общей системе, но каждую щепку когнитивных искажений в чужом глазу сциентист замечает довольно стремительно. И, несмотря на всю чудовищность науки, я не жажду её уничтожения. Я лишь хочу, чтобы голос других направлений мысли был услышан во всем этом догматичном хоре огромной сциентической религии. Я лишь хочу, чтобы для них тоже было место в образовательной среде. И хотелось бы, чтобы это место было не таким ничтожным, как сейчас.

После окончания данной книги, я не имею большого желания возвращаться к теме антисциентизма в таком же продуктивном ключе. Мне кажется, что этой работы при достаточно внимательном прочтении хватит на много десятилетий вперёд, чтобы стимулировать антисциентизм. Впрочем, я и не представляю сейчас, как мои взгляды на науку могли бы резко измениться, чтобы я мог написать что-то совершенно новое. Возможно, на протяжении последующих нескольких десятилетий я буду лишь дополнять данный труд по антисциентизму, если у меня будут появляться новые идеи, но мне хотелось бы сосредоточиться на куда более глубокой философии. То есть на моей доксологии, которая в том числе помогла сформулировать многие аргументы в этой книге.

Антисциентизм не является моим центральным философским интересом и находится, скорее, на периферии моей философской системы. Надеюсь, что данной работой я поставил если не точку, то

точку с запятой во многих грядущих спорах по вопросам науки, и её беспрекословного лидерства и авторитета.

Ничто без внешней конкуренции не может эффективно развиваться в интеллектуальном мире. Разные учения дополняют и достраивают друг друга, создавая многочисленные точки, относительно которых ведётся работа, которая заключается в аргументации, критике, дополнении представлений и так далее. Наука здесь не является исключением. Именно поэтому желание сциентистов сделать науку особенной, не критикуемой со стороны неученых — это заведомо проигрышная стратегия, которая произрастает из глубокого фанатизма. Сциентисты говорят, что наука и так неплохо себя критикует. Мы можем так сказать про любую религию и философскую систему, имеющую хотя бы несколько десятков сподвижников — везде был механизм самокритики. Готовы ли вы сказать, что не стоило создавать разные философские учения в эпоху Возрождения, потому что у христианства был механизм самокритики? А он реально был! Внутренней критики всегда недостаточно, потому что она ловко избегает самых важных моментов и старается не критиковать ядро той или иной парадигмы. И эти слова сегодня наиболее актуальны для науки.